Ассоциация исследователей российского общества (АИРО-XXI)

СЕРИЯ «АИРО — МОНОГРАФИЯ»

Международный совет издательских программ и научных проектов АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Андрей МАКАРОВ	генеральный директор
Сергей ЩЕРБИНА	арт-директор
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Дмитрий АНДРЕЕВ	МГУ им. М.В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Бернд БОНВЕЧ	Рурский университет в Бохуме
Ричард БУРГЕР	INTAS, Брюссель
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Людмила ГАТАГОВА	Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА	Центр «Восток-Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Центр развития информационного общества (РИО-Центр)
Ричард ДЭВИС	Бирмингемский университет
Стивен КОЭН	Принстонский, Нью-йоркский университеты
Алан КАСАЕВ	РИА «Новости»
Джон МОРИСОН	Лидский университет
Василий МОЛОДЯКОВ	Университет Такусёку, Токио
Игорь НАРСКИЙ	Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины на Чапел Хилл
Борис СОКОЛОВ	Российский государственный социальный университет
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Татьяна ФИЛИППОВА	Российский исторический журнал «Родина»
Ютта ШЕРРЕР	Высшая школа по социальным наукам, Париж

Н. А. ЧЕТЫРИНА

СЕРГИЕВСКИЙ ПОСАД В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

Посад как тип городского поселения

Москва
2006

СЕРИЯ «АИРО — МОНОГРАФИЯ»
ОСНОВАНА В 1993 ГОДУ

Рецензенты:
д.и.н. М.В. Бабич,
к.и.н., доц. Л.Н. Вдовина

Дизайн и вёрстка: Сергей Щербина

Четырина Н.А. **Сергиевский посад в конце XVIII века (Посад как тип городского поселения).** Серия «АИРО — монография». — М.: АИРО-XXI; Спб.: Дмитрий Буланин, 2006. — 325 с.

5-91022-040-3

Монография посвящена изучению особого типа городских поселений — посадов. Основной объект исследования — подмосковный Сергиевский посад — поселение, сформировавшееся около прославленного Троице-Сергиева монастыря и ставшее посадом в 1782 г. На его примере прослежены изменения, происходившие в новоучрежденных городах и посадах, выявлены специфические городские формы жизни. Сделанные наблюдения и выводы дополняют существующие представления о типологии городских поселений XVIII в. Сергиевский посад показан как живой функционирующий организм со всеми присущими ему особенностями. Его специфика заключается в универсальном влиянии крупнейшего в стране монастыря буквально на все стороны жизни поселения — структуру населения, состав органов управления, особую ориентированность торговли и, конечно же, доминирующее положение архитектурного ансамбля Лавры во внешнем облике посада.

Книга рассчитана на специалистов и всех интересующихся историей России.

5-91022-040-3

© Четырина Н.А., 2006
© АИРО-XXI, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА 7

ВВЕДЕНИЕ 8

Глава 1
ПОСАД КАК ТИП ГОРОДСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ В XVIII ВЕКЕ
В ИСТОРИОГРАФИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ
Историография 25
Законодательство 41

Глава 2
НАСЕЛЕНИЕ СЕРГИЕВСКОГО ПОСАДА
Формирование городских сословий 51
Городские сословия (купечество, мещанство, цеховые) 60
Крестьяне 70
Штатные служители монастыря 73

Глава 3
ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ СЕРГИЕВСКОГО ПОСАДА
Органы самоуправления 80
Богородская нижняя расправа 138
Учрежденный собор Лавры 149

Глава 4
ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ СЕРГИЕВСКОГО ПОСАДА
Торговля 172
Ремесло и мелкотоварное производство 208

Глава 5
УКЛАД ЖИЗНИ СЕРГИЕВСКОГО ПОСАДА
Городское пространство 242
Школа 262
Домашний быт 280

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 312

ПРИЛОЖЕНИЯ 319

ОТ АВТОРА

Автор считает своим первоочередным долгом выразить глубокую благодарность своему научному руководителю, профессору МГУ им. М.В. Ломоносова Наталии Вадимовне Козловой за многолетнее внимание, поддержку и ценные советы. Незабвенную память храню о своем первом университетском учителе — профессоре Михаиле Тимофеевиче Белявском, который помог поверить в собственные силы и возможность одоления трудного исследовательского пути.

Приношу глубокую признательность М.В. Бабич, Л.Н. Вдовиной, Э.Г. Истоминой, Е.П. Корякиной, Д.Н. Шанскому за интересные замечания, высказанные ими при обсуждении рукописи.

Успех работы обеспечивался заинтересованным и доброжелательным отношением руководства и членов кафедры истории ИППК МГУ им. М.В. Ломоносова А.И. Токарева, А.И. Уткина, О.И. Митяевой, Н.Н. Разуваевой, З.С. Бочаровой и др. Особая благодарность М.П. Кирсановой за оказанную техническую помощь в процессе подготовки текста.

С теплотой вспоминаю далекие годы работы в Загорском музее-заповеднике, где с легкой руки Л.М. Спириной и Т.Н. Манушиной Сергиевский посад определился в качестве объекта моего исследования.

Автор дорожит научным и человеческим общением с Н.В. Середой, М.Н. Ворожбитовой, О.В. Фоминой, А.Л. Ястребицкой, А.Л. Хорошкевич, М.С. Черкасовой, Л.А. Шитовой, О.И. Зарицкой.

Наконец, продуктивная работа была бы невозможна без постоянной моральной и материальной поддержки членов семьи — дорогой мамы, ныне покойного папы, мужа и сына.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы

Одной из традиционных проблем в отечественной историографии является история русского города. Российские города XVIII века отличались по числу и составу населения, по уровню и характеру хозяйственной жизни, по масштабу взаимодействия с округой и интенсивности торговых связей, по укладу жизни, размеру территории, внешнему виду, по преобладающим функциям. В зависимости от места и роли в системе управления страны города делились на столичные, губернские, уездные и безуездные. Сложность и разнообразие проявлений городской жизни дополнялись наличием своеобразных городских поселений — посадов.

Термин «посад» имеет длительную историю и значение его менялось во времени. В древнерусских городах, по мнению М. Н. Тихомирова, «посад — поселение ремесленников и купцов под стенами укрепленных пунктов». Причем «не всякий древнерусский город имел посад. Лишь большие города состояли из двух частей: кремля или детинца и предградия или посада» (1). Сам термин «посад» встречается в документах XIII в. и, по мнению П. П. Смирнова, «означает вначале подгородные поселки» (2).

Позднее, в XVII в., термин «посад» начинают употреблять и применительно к отдельным поселениям городского типа (3). Их состав постоянно менялся. К концу XVIII в. таких отдельных поселений-посадов насчитывалось не менее 18 (См. Приложение 1). Некоторые из них сделались посадами в незапамятные времена и точных сведений о времени их возникновения нет. Таковы, например, посады Архангельской губернии — Ненокский, Лудский, Унский, Верховажский; посады Норская слобода Ярославской и Погорелое городище Тверской губернии (4).

В начале XVIII в. учрежден Лальский посад Устюжской провинции (1726) (5). Напротив, поселение Соль Большая Костромской губернии в 1693 г. утратило статус посада, правда, затем, в 1761 г. вновь вернуло его (6).

Некоторые посады возникли на Украине как места поселения раскольников (например, посад Добрянка Черниговской губернии), другие образовались из потерявших свое значение маленьких крепостиц-шанцев (в их числе посады Новоархангельск и Новоукраинка Черниговской губернии) (7). Точное время приобретения этими поселениями статуса посадов не известно.

И наконец, ряд селений сделались посадами в последней четверти XVIII в. в ходе проведения административно-территориальной реформы. Среди них: Крохинской посад Новгородской губернии (1777), посад Сольцы Псковской губернии (1781), Сергиевский Московской (1782) и Сеитовский Оренбургской (1784), посад Дубовка Саратовской губернии (1785), Гавриловский Владимирской (1789) и Пучежский Костромской губернии (1793) (8).

В это же время, и именно в связи с проводимой областной реформой, некоторые посады были преобразованы в уездные города, и, соответственно, статус посадов утратили. Это Тихвин Новгородской губернии (1773), Молога Ярославского и Холм Псковского наместничества (1777), Лальск Вологодской и Вельск Архангельской (1784), Новомиргород и Крылов Херсонской губернии (1784 и 1795). Кроме того, по другим причинам постепенно утратили статус посадов и перешли в разряд сельских поселений Турчасов и Чаронда Белозерской провинции (9).

В XIX в. происходит увеличение числа посадов. К 1825 г. их насчитывается уже 24, а к середине XIX в. — 50 (10). Конечно, эти цифры несопоставимы с общим количеством губернских, уездных и заштатных городов (более 600 в первой четверти XIX в.), но они показывают, что существование посадов не было явлением исключительным.

Цель работы состоит в установлении характерных черт посада как типа поселения. Ее достижение предполагает рассмотрение следующего круга вопросов:

- законодательство о посаде как типе поселения;
- формирование и структура населения посада;

- особенности местного управления в посаде;
- хозяйственная жизнь;
- социокультурный облик посада как городского поселения.

Основным объектом исследования является подмосковный Сергиевский посад — поселение, ставшее посадом только в конце XVIII в. Его пример дает возможность проследить изменения, происходившие в новоучрежденных городах и посадах, выявить различия между сельскими и городскими поселениями, между посадом и уездным городом. Исследование общих и особенных черт городов, их состава и положения в административной структуре, перестройки органов власти и управления, изменение их социокультурного облика является весьма существенной задачей изучения ряда узловых проблем социально-экономического развития страны. Сергиевский посад — это подмонастырское поселение с самобытной историей, тесно связанной с крупнейшим и богатейшим Троице-Сергиевым монастырем. Это наложило совершенно особый отпечаток на все стороны жизни поселения, в том числе и в период после секуляризации церковных имений, конца XVIII в. Сергиевский посад — это городское поселение сочетавшее в себе особенности и подмонастырского поселения и посада.

Велика литература по истории Троице-Сергиева монастыря и его роли в событиях XVI–XVII и начала XVIII в. Обильны архивные и печатные источники по этому периоду. Значительными материалами располагают исследователи и по истории Лавры и города по XIX в. В то же время период, на который приходится преобразование поселения в посад, его формирование, становление и состояние в первые десятилетия жизни является белым пятном. Между тем без исследования этого начального периода в истории посада невозможно понять и объяснить и его последующее развитие, его направленность и особенности.

Хронологические рамки исследования охватывают период XVIII — начала XIX в. и соотнесены с задачей осмысления посада как типа поселения. Такие широкие границы дают возможность выявить типические черты, общее и особенное посадов как типа поселения, их отличия от уездных городов. Применительно к Сергиевскому посаду хронологические рамки значительно уже — последняя четверть XVIII в. Начальная дата — год учреждения Сергиев-

ского посада — 1782 г. Вторая хронологическая грань более размытая — рубеж XVIII — XIX вв. Это связано с прошедшими в это время административными преобразованиями Павла I и Александра I. Выбранные хронологические рамки позволяют проследить процесс изменения поселения с момента приобретения им статуса посада за сравнительно короткий отрезок времени, а также сопоставить их с аналогичными процессами, происходившими в других посадах на протяжении длительного периода.

Глубокое и подробное изучение сравнительно короткого хронологического отрезка истории маленького поселения позволяет увидеть те детали, которые обычно проходят мимо исследователей. Однако эти детали, накапливаясь, дают материал для новых обобщений другого уровня.

Обзор источников

В основу исследования положен комплексный анализ архивных источников и опубликованных материалов, содержащих сведения о посадах XVIII в.

К опубликованным источникам относятся законодательные акты, вошедшие в «Полное собрание законов Российской империи». Их анализ будет дан в 1-й главе настоящей работы.

Основную источниковую базу работы составляют материалы, извлеченные из нескольких архивов: Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ) и Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА).

Среди использованных источников наиболее важными для данной работы являются документы текущего делопроизводства учреждений различного уровня. Это делопроизводственная документация ратуши Сергиевского посада (ЦИАМ. Ф.73), Учрежденного собора Лавры (РГАДА. Ф.1204), Богородской нижней расправы (ЦИАМ. Ф.69) и Канцелярии Московского генерал-губернатора (ЦИАМ. Ф.16), а также ратуш Лальского, Холмского, Норского и Тихвинского посадов (РГАДА. Ф.681, 743, 783, 1428).

Среди них сохранившиеся полностью комплекты журналов и протоколов заседаний присутствия ратуши Сергиевского посада за все годы начиная с 1782 — главные разновидности делопроизводственной документации коллегиальных учреждений. Журналы заседаний — обязательный делопроизводственный документ, в котором фиксировались все проведенные заседания по определенному формуляру. Журналы заседаний учреждений различного уровня неоднократно изучались исследователями (11). Существуют различные точки зрения на журналы как делопроизводственную документацию. Одна из них отождествляет журналы с протоколами заседаний. Несколько иной взгляд на этот вопрос у Н. В. Середа, для которой журналы магистратов городов Тверской провинции стали объектом специального источниковедческого изучения. Она пришла к выводу, что в делопроизводственной лексике магистратов в этот период термином «журнал» обозначался отдельный рассмотренный в ходе присутствия документ или вопрос. «Протоколом» же исследовательница называет запись или описание всего дневного заседания присутствия (12). Таким образом, хотя Н. В. Середа и не отождествляет журналы с протоколами, но активно использует оба термина для обозначения одного вида документа. Это приводит к известной путанице, которая усугубляется тем, что в XVIII веке существовали годовые подшивки обоснованных решений, которые назывались именно «протоколами».

Н. В. Середа выделяет три обязательных части формуляра описания хода заседания. «Вводная часть содержит сведения о дате проведения заседания, перечисляет присутствующих и указывает время их прибытия для заседания; основная — отражает характер заседания; заключительная указывает на время когда члены магистрата “покинули присутствие” и объясняет причины, по которым некоторые из них не были на заседании или не поставили подписи под рассматриваемыми документами». Это дает основание сделать вывод о том, что порядок ведения журналов центральных органов власти, предписанный законодательством Петра I, отличался от выявленного порядка ведения журналов магистратов уездных городов. Обращая внимание на большое количество чистых листов в годовых подшивках и наличие разных почерков и чернил в описании одного дня заседания, Н. В. Середа выдвигает гипотезу о своеобраз-

ном порядке заполнения — «конструировании» — журналов, которое предполагает заполнение вводной части заранее, до начала заседания, с более поздней припиской остальных частей обязательного формуляра. Это положение было особенно заметно в магистратах с большим документооборотом. Сравнивая делопроизводство магистратов уездных городов Тверской губернии, исследовательница обращает внимание, что в старинных развитых городах документооборот магистратов был выше, чем в магистратах новых и недостаточно развитых городов. Это, в свою очередь, позволяет оценить делопроизводственную культуру как один из параметров процесса урбанизации (13).

Журналы заседаний ратуши Сергиевского посада имели все обязательные параметры этого вида документации. Обязательно указывались дата, поименный состав присутствующих, время начала заседания. Далее излагалось содержание всех поступивших и рассмотренных в ходе заседания документов в порядке важности — поступивших указов, сообщений, доношений и т. д. Эта запись обычно сопровождалась текстом справок по обсуждаемому вопросу, принятым решением и указанием адресатов, которым сообщалась информация по данному вопросу. Во время разбирательства судебно-следственных дел сохранялся тот же порядок: заслушивались поступившие вновь документы, приводились справки, проводились и обсуждались допросы, выносилось решение. По окончанию заседания присутствующие удостоверяли сделанные записи своими подписями или именными печатями.

Записи, как правило, делались рукой одного приказнослужителя в течение продолжительного времени, описание разбирательства одного пункта повестки дня идет следом за другим. Большие интервалы, тем более чистые листы внутри описания одного дня заседания отсутствуют. Приписки другими чернилами и другим почерком существуют, но они носят скорее исключительный характер. Подобное ведение документации сближает порядок в Сергиевской ратуше с аналогичным положением в новых городах Тверской губернии.

Общее количество записей за год, а тем более за несколько лет в совокупности является массовым источником. В каком-то смысле это поденная записка всего происходившего в ратуше в течение всего года. В результате в журналах оказалась зафиксированной

самая разнообразная информация как о функционировании самой ратуши, включая поименные сведения о ее личном составе, так и о жизни всего поселения и его отдельных жителей. Изучение журналов позволяет определить положение ратуши в системе местного управления и ее функции, рассмотреть модели взаимодействия различных административных структур в ходе решения разнообразных проблем, попытаться выяснить степень эффективности ее работы как органа управления. Кроме этого, сведения, зафиксированные в журналах, позволяют восстановить деятельность других городских учреждений, фонды которых не сохранились.

Протоколы содержат суммарное изложение вопроса, хода его обсуждения, обоснованное решение, вынесенное по нему. Информация, содержащаяся в протоколах, в большой степени повторяет сведения журналов. При этом иногда в протоколах прописываются такие частности, которые не были зафиксированы журналами. По сравнению с журналами, общее количество записей в книге протоколов значительно меньше, чем в журналах, так как обоснованные решение принимались не каждый день и не по каждому обсуждаемому вопросу. В целом сведения журналов и протоколов дополняют и уточняют друг друга.

Использование делопроизводственных материалов ратуши позволяет восстановить многие стороны жизни посада, показать действие и специфику органов местного управления, изменение численности городских сословий, специфику отношений между различными учреждениями посада.

Следующим крупным массивом делопроизводственных материалов по интересующей теме являются журналы заседаний, ежемесячные ведомости, книги входящих и исходящих дел, приходо-расходные книги и тематические дела Учрежденного собора Лавры, управлявшего этой обителью после секуляризации 1764 г. (РГАДА. Ф.1204). Эти материалы иллюстрируют не только жизнь монастыря, но и его отношения с различными учреждениями, должностными и частными лицами, в том числе с учреждениями и жителями Сергиевского посада.

Журналы заседаний Учрежденного собора сохранились за 1771, 1773 и 1774 гг. Из них только один — за 1773 г. содержит записи за все 12 месяцев, остальные только за период с января по август-

сентябрь. Журналы заседаний за 80–90-е гг. XVIII в. и протоколы вовсе отсутствуют. Компенсировать отсутствующие документы могут сохранившиеся ежемесячные ведомости, реестры и другие документы.

Ежемесячные ведомости о заседаниях Учрежденного собора составлялись по прямому указанию митрополита Платона и были адресованы ему лично. Они давали возможность митрополиту контролировать работу подчиненного учреждения и быть в курсе всех разбираемых там дел. В них фиксировались состав заседающих должностных лиц, периодичность и длительность заседаний, рассмотренные вопросы и принятые по ним решения. Они заверялись подписями присутствующих. Другими словами, ведомости содержат краткие сведения о порядке и характере работы данного учреждения и отчасти заменяют отсутствующие журналы и протоколы.

Дополняют информацию ведомостей сохранившиеся книги входящих дел. В них излагается краткое содержание самого документа и в отдельной графе приводятся определения собора, резолюции митрополита Платона, а иногда краткие справки по данному вопросу.

Большой интерес представляют сохранившиеся списки штатных служителей с перечислением выполняемых ими работ. Отдельные дела дают информацию о приказных служителях — их численности, выполняемых обязанностях, продвижении по служебной лестнице и получаемых вознаграждениях. Их изучение позволяет дополнить наблюдения о формировании и положении низового звена бюрократического аппарата учреждений разного подчинения.

Наиболее подробные сведения обо всех этапах рассмотрения того или иного вопроса содержат тематические дела. В их состав входил первичный документ — прошение или доношение частного или подчиненного Лавре должностного лица, или сообщение из учреждения одного с Учрежденным собором ранга. На нем обязательно имелась помета с датой получения и резолюцией членов Собора «записав сообщить к делу». Далее следуют листы с изложением наведенных справок, запросов или переписка по этим вопросам. На документах, адресованных митрополиту могли иметься его собственноручные резолюции, которые потом повторялись в формулировках решений собора. Тематические дела позволяют раскрыть

механизм принятия решений и реальное соотношение значимости должностных лиц и учреждений. Они охватывают самые разнообразные аспекты жизни конкретных лиц и подчиненных монастырю групп населения. Особенную ценность представляют тематические дела, раскрывающие механизм взаимоотношений Лавры и учреждений посада. Они имеют значение для выяснения мотивов и обстоятельств выработки конкретных мероприятий, направленных на упрочение положения Лавры, как доминирующего субъекта поселения. Иногда они помогают восстановить ход некоторых важных для всего посада событий — церемонии открытия посада как городского поселения и его учреждений. Кроме этого, тематические дела позволяют представить деятельность Богородской нижней расправы, фонд которой практически отсутствует.

К работе привлечены рапорты, ведомости и отчеты Богородской нижней расправы, находившейся в Сергиевском посаде. Они сохранились в фонде Московской верхней расправы (ЦИАМ. Ф.69). Эти документы позволяют выявить персональный состав заседателей учреждения, круг обязанностей, количество поступивших, решенных и нерешенных дел. Но они лишь частично освещают деятельность Богородской нижней расправы в Сергиевском посаде. Значительно дополняют их сведения тематических дел фонда Троице-Сергиевой Лавры и записи журналов и протоколов ратуши. Именно они дают возможность восстановить те особенные функции, которые были делегированы этой конкретной расправе и ее роль в структуре местного управления Сергиевского посада.

Несколько донесений на высочайшее имя московских губернаторов за 1780–1790-е годы, содержание которых касается происходивших в Сергиевском посаде событий, были обнаружены в фонде Внутреннего управления (РГАДА. Ф.16). Одно из них (от 11 мая 1782 г.) сообщает о действиях московских властей по реализации указа об учреждении Сергиевского посада и содержит ведомость о жителях, записавшихся в купечество и мещанство. Другое информирует о различных происшествиях, в том числе о пожаре 1783 г. в Сергиевском посаде и нанесенном им ущербе. Третье доношение содержит результаты обозрения губернатором в 1785 г. новоучрежденных городов Московской губернии с изложением личных наблюдений и жалоб местных жителей. Четвертое, написанное осе-

нью 1791 г., свидетельствует о хлопотах по переводу Сергиевского посада в разряд уездных городов.

Ведомость ратуши Сергиевского посада о количестве купечества и мещанства, собираемых с них сборах, а также о промыслах, ремеслах и мастерствах жителей за 1785 г. была обнаружена в фонде Московского губернского магистрата (ЦИАМ. Ф.45).

Личные и коллективные жалобы жителей Сергиевского посада, отложившиеся в фонде Канцелярии московского генерал-губернатора (ЦИАМ. Ф.16) и возникшие по этим поводам разбирательство и переписка касаются некоторых вопросов организации управления, особенностей взимания налогов с вновь записавшихся в городское гражданство жителей. Комплексное рассмотрение этих разных по характеру источников раскрывает сферы и характер взаимоотношений местной власти и сергиевопосадского общества.

Важными источниками, позволяющими судить о характере и масштабах предпринимательской деятельности жителей Сергиевского посада, являются сохранившиеся маклерские книги, регистрировавшие различного рода частно-правовые документы. В Сергиевском посаде существовали две разновидности таких книг — книги записи векселей и книги записи крепостных актов. Они содержат информацию, как правило, за один год, имеют скрепы по листам, прошнурованы и скреплены сургучной печатью ратуши, которая на многих экземплярах хорошо сохранилась. Делопроизводственный порядок ведения этих книг требовал обязательного воспроизведения текста подлинного документа, а также существующих на нем помет, надписей. Маклерские книги городов изучались исследователями (14), но приведенные документы ратуши Сергиевского посада вводятся в научный оборот впервые.

В Сергиевском посаде с момента учреждения ратуши в 1782 г. существовали отдельные книги записей векселей. Письменные долговые обязательства были хорошо известны в России XVIII в. и их использование неоднократно регламентировалось законодательством. Наиболее важным было принятие в 1729 г. Вексельного устава (ПСЗ. Т. VIII. № 5410). Вексельные книги информируют о персональном составе кредиторов и должников, размерах, месте выдачи кредита и сроке возврата долга. Иногда имеются приписки о форме кредита — денежном или товарном. В целом они дают представле-

ние о кредитных операциях как виде предпринимательской деятельности и степени его распространения в поселении. Лаконичность записей ограничивает возможность анализа этих документов, но позволяет уточнить персональный и социальный состав участников хозяйственной жизни, среди которых были жители посада и иногородние.

Книги записи крепостных актов в ратуше Сергиевского посада сохранились с 1790 г. и предоставляют более насыщенную и разнообразную информацию позволяющую восстановить многие параметры хозяйственной жизни. В среднем, каждая книга воспроизводит от 14 до 30 документов. Там полностью воспроизводятся тексты верющих писем, условий аренды или продажи недвижимости, договоров о найме на работу или о подрядах на выполнение различных работ, контракты на поставку товаров, на обучение ремеслам. Во всех контрактах, условиях и подрядах указываются имена и сословная принадлежность участников сделки. Документы о сделках с недвижимостью, как правило, содержат подробные сведения о месте нахождения объекта, его размера, цене. В договорах об аренде указывался срок, возможное использование объекта и дополнительные условия. В некоторых случаях под одним номером переписаны тексты нескольких документов, в том числе за более раннее время, воспроизводивших очередность смены владельцев данного объекта и подтверждающих права на недвижимость. Договоры о подрядах информируют, как правило, об ассортименте, цене и объеме товаров, указываются дополнительные условия, штрафные санкции. В некоторых случаях, материал, содержащийся в этих книгах, уникален и существенно уточняет ранее известные сведения. В целом, анализ этих книг позволяет выяснить соотношение развития различных отраслей хозяйственной жизни посада в изучаемое время.

Дополнительный материал об экономике посада в сфере ее соприкосновения с хозяйственной деятельностью Троице-Сергиева монастыря содержится в приходо-расходных книгах Лавры. По мнению В. И. Иванова, в монастырских приходо-расходных книгах «наиболее полно отражено реальное движение денег, натуральных запасов и товаров». Они вполне «соответствуют критериям, выдвинутым Б. Г. Литваком для определения массовой документации, — составление их не связано с экстраординарными обстоятельствами.

Содержание имеет все признаки повторяемости и довольно устойчивую форму» (15).

Были использованы книги, полученные Лаврой из различных вышестоящих инстанций — Московской казенной палаты, Коллегии экономии. В них фиксировались ежегодные расходы выданных этими учреждениями штатных сумм. Это книги небольшого объема, в них отсутствует деление по рубрикам. В статьях расходов в качестве получателей значатся монастырские должностные лица или персоналии торговцев и других лиц, предоставлявших свои услуги. Записи охватывают не весь календарный год, т. к. выделенные деньги расходовались раньше окончания года. В конце книги дается общий итог расходов, который соответствует выделенной сумме (16).

Были приходо-расходные книги специального целевого назначения. Среди них книги выдачи жалованья штатным служителям (1793–1801 гг.), «книга прихода и расхода сумм, отпущенных для перестройки гостиного двора» (1777–1778 гг.), «… строевой суммы» (1788 г.), «…на устроение на колокольне часов» (1781–1785 гг.) и другие. Записи в этих книгах охватывали от одного года до нескольких лет. В конце имеются общие итоговые цифры расхода (17).

Особую группу составили книги, выданные из Учрежденного собора Лавры казначею «на записку прихода и расхода штатной и заштатной лаврской суммы» (18). Они сохранились почти за все время начиная с 1786 г. Это книги большого объема, в которых фиксировались все денежные поступления и расходы в течение всего календарного года. Сведения о приходе и расходе денег записаны по различным статьям, общее количество которых постоянно возрастало. Среди них: на жалованье, на братскую провизию и конюшню, дворовая и свечная суммы, собранные в кошельки, с лавок, за мельницу, за отданные в наем огороды, проруби и т. д., всего от 22 до 30 и более статей. При записях внутри статей соблюдался следующий порядок. Сначала указывались доходы — сколько по данной статье осталось от предыдущего года, сколько вступило вновь и сколько получилось в итоге. Далее с новой страницы шли записи расходов в календарном порядке с указаниям числа и месяца. В конце подводился подсчет общей суммы расхода по данной статье и высчитывался остаток, переходивший на следующий год. В случае необходимости некоторые суммы из одной статьи могли переводиться для

использования по другим статьям. В этом случае они дважды фиксировались в качестве поступивших и израсходованных. Итоговые цифры по всей книге в целом отсутствуют (19).

В некоторые годы в Лавре велись одновременно все типы приходо-расходных книг. Причем записи в разных типах книг за один и тот же год в одних случаях совпадают, в других — дополняют друг друга.

Остается добавить, что приходо-расходные книги неоднократно привлекались исследователями как важный источник, позволяющий уточнить или восстановить то или иное событие, происходившее в монастыре (20). Сохранившийся комплекс приходо-расходных книг Троице-Сергевой лавры позволяет осветить хозяйственные аспекты взаимодействия монастыря, как оптового потребителя товаров и услуг, и посада, способного их предоставить. Они демонстрируют ассортимент, объемы и цены закупаемых монастырем товаров и персональный состав контрагентов, другими словами уровень и динамику развития торговли между местными торговцами и монастырем. Важность этих сведений усиливается тем, что другие источники лишь эпизодически освещают развитие оптовой и розничной торговли.

Помимо документов, относящихся к Сергиевскому посаду, были просмотрены материалы сохранившихся фондов ратуш других посадов, в том числе: Лальской (РГАДА. Ф.743–1 ед. хр.), Холмской (РГАДА. Ф.681–16 ед. хр.), Норской (РГАДА. Ф.1428–5 ед. хр.); Тихвинской (РГАДА. Ф.783–37 ед. хр.). Хронологически они охватывают период с 1732 по 1777 гг. Разные годы обеспечены документами неравномерно. При этом некоторые годы не представлены вообще, а на другие приходится разное количество экземпляров. Из 59 единиц хранения абсолютное большинство (36) приходится на 1740 и 1741 гг. Это дела Тихвинской ратуши, которые из-за ветхости не доступны исследователям. Другой особенностью этих фондов является отсутствие комплектов таких материалов как журналы и протоколы заседаний ратуши. Исключением является один сохранившийся экземпляр журнала заседаний ратуши Норского посада за 1777 год. Все остальные делопроизводственные материалы этих фондов представляют собой подшивки указов вышестоящих учреждений в учреждения посадов, ответных рапортов, промеморий,

доношений и челобитных частных и должностных лиц, ведомостей прихода и расхода поступаемых казенных сумм, списков выборных лиц на различные должности и отъезжие службы, доверенностей на ведение коммерческих операций и тому подобных документов. Все они в той или иной мере освещают экономическое состояние посадов, содержат данные о численности населения, налогообложении и других аспектах жизни поселений.

Материалы привлеченных к работе фондов местных учреждений, локальны по своему характеру, не всегда дают возможность для сравнений, сопоставлений и обобщений. Но они обладают важным преимуществом — это первичные источники, в которых содержится огромное количество фактов и деталей, позволяющих лучше увидеть давно прошедшую действительность, воссоздать достаточно подробно реальную картину жизни посада как особого типа городского поселения. Делопроизводственные материалы фондов местных учреждений (в данном случае ратуш нескольких посадов) дают возможность не только восстановить структуру, подчиненность, работу самих учреждений, численность и сословный состав жителей, их обязательства перед государством и посадским обществом, но и некоторые аспекты культурной жизни и быта, изменения внешнего облика как поселения в целом, так и его жителей.

Еще одним типом источников, использованных в диссертации, являются хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве топографические описания различных наместничеств и губерний. Описания многих посадов, сохранившиеся в аналогичных источниках по разным губерниям, носят краткий, обзорный характер. Наиболее информативными оказались описания Московской губернии 1800 г., содержащие описания Сергиевского посада. Одно из них «Всеобщее и полное топографическое описание Московской губернии», сочиненное под руководством Аршеневского (РГВИА. Ф.ВУА. Д.18861), помимо сведений о численности строений и населения, приводит уникальные данные о функционировании промышленных заведений. Эти сведения содержат информацию о принадлежности и профиле каждого заведения, количестве и стоимости выпускаемой ими продукции, а также месте ее реализации. В составе этого описания имеются графические и изобразительные источники: план Сергиевского посада и вид Троице-

Сергиевой Лавры и посада 1800 г. Другое описание, сочиненное в Межевой канцелярии (РГВИА. Ф. ВУА. Д.18862), содержит подробное перечисление церквей посада со всеми приделами, а также информацию о числе жителей, строений и ярмарках.

Комплекс опубликованных и архивных документов, составляющих в совокупности источниковую базу исследования, дает возможность получить ранее не известные сведения, отражающие жизнь посада во всем ее многообразии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. — М., 1956. С.43–44.

2. *Смирнов П.П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. — М.–Л., 1947. Т.1. С.102.

3. В XVI в. происходит оформление понятия «посад» в значении посадской общины, сообщества тяглого городского населения. Это значение термина существовало самостоятельно и к посаду как типу поселения отношения не имело.

4. Городские поселения в Российской Империи. — СПб., 1860. Т.1. С.49–51; — СПб., 1865. Т.5. Ч.2. С.497.

5. Полное Собрание Законов Российской Империи (далее — ПСЗ). Собрание 1. — СПб., 1830. Т.VП. №4861.

6. Там же. Т.XV. №11288.

7. Городские поселения в Российской Империи. Т.5. Ч.2. С.224–226, 375.

8. ПСЗ. Т.XX. №14677; Т.XXI. №15131,15371; Т.XXШ. №17137; Городские поселения в Российской Империи. — СПб., 1863. Т.3. С.492; — СПб., 1861. Т.4. С.459.

9. ПСЗ. Т.XIX. №1396; Т.XXII. №16054; Т.XXIII. №17361; *Волков М.Я.* Города Верхнего Поволжья и Северо-Западной России. Первая четверть XVIII в. — М., 1994. С.29

10. *Штер М.П.* Статистическое изображение городов и посадов Российской Империи по 1825 год. — СПб., 1829; *Шахор-Троцкая Л.А.* Алфавитный указатель населенных пунктов, описанных в изданиях: «Городские поселения в Российской Империи», «Военно-статистическое обозрение Российской Империи» и «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба» //Источники по истории населенных пунктов дореволюционной России. — СПб., 1996. Вып.1.

11. *Козлова Н.В.* Российский Абсолютизм и купечество в XVIII веке. — М., 1999; *Хохолев Д.Е.* Екатеринбургский городовой магистрат в системе управления Пермского наместничества (1781–1796 гг.) //Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI–XX вв. Материалы четвертой региональной научной конференции. — Новосибирск, 1999.

12. *Середа Н.В.* К характеристике журналов магистратов. По материалам Государственного архива Тверской области //Проблемы социально-политической истории России. — Тверь. 1999. С.126.

13. *Середа Н.В.* Указы в делопроизводстве магистратов по материалам журнала Новоторжского магистрата за 1778 год //Столичные и периферийные города Руси и России в

средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.). Доклады Второй научной конференции (Москва, 7–8 декабря 1999 г.). — М., 2001. С.247; *Она же.* К характеристике журналов магистратов. По материалам Государственного архива Тверской области. С.125, 135–136; *Она же.* Журналы заседаний магистратов и методика их изучения //Города Европейской России конца XV — первой половины XIX века. Материалы международной научно-практической конференции 25–28 апреля 2002 года. Тверь-Кашин-Калязин. — Тверь, 2002. С.127, 129.

14. *Сметанин С.И.* Маклерские и обывательские книги городов как источник по социально-экономической истории России (на материалах городов Урала. 1800–1861 гг.) //Археографический ежегодник за 1967 г. — М., 1969. С.149–177; *Разгон В.Н.* Сибирское купечество в XVIII — первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. — Барнаул, 1999. С.221–226.

15. *Иванов В.И.* Бухгалтерский учет в России XVI–XVII вв.: Историко-источниковедческое исследование монастырских приходо-расходных книг. — СПб., 2005. С.14, 45.

16. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.19275, 19318, 19296, 19297.

17. Там же. Д.19282, 19286, 19292.

18. Там же. Д.19303, 19309, 19398 и т. д.

19. Там же. Д.19303, 19309, 19398.

20. *Зарицкая О.И.* «Жемчужная ризница» 1767–1771 г. из Троице-Сергиевой Лавры //Сергиево-Посадский музей-заповедник. Сообщения. 2000. — М., 2000; *Филимонов К.А.* Черниговский скит: формирование архитектурного ансамбля //Сергиево-Посадский музей-заповедник. Сообщения. 1995. — М., 1995; *Черкасова М.С.* Приходо-расходные книги Троице-Сергиева монастыря XVI — начала XVIII в. //Массовые источники Отечественной истории. Материалы X-й Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI — XX вв. Проблемы изучения и издания». — Архангельск, 1999; *Шитова Л.А.* Троицкая эмальерная школа XVIII — начала XX в. //Сергиево-Посадский музей-заповедник. Сообщения. 1995. — М.,1995; *Ее же.* Экономическое положение Троице-Сергиева монастыря во второй половине XVIII в. //Труды по истории Троице-Сергиевой Лавры. Сергиев Посад. 1998 и др.

ГЛАВА 1

ПОСАД КАК ТИП ГОРОДСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ В XVIII ВЕКЕ В ИСТОРИОГРАФИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

Историография

Приступая к обзору историографии посадов отметим ее малочисленность. Она особенно заметна на фоне состояния изученности города, литература по которому исчисляется сотнями, а то и тысячами наименований (1). Другой особенностью является то, что относительно посада трудно провести грань между источниками и историографическими работами XVIII–XIX вв. Это убедительно доказал С. С. Илизаров, впервые рассмотревший различного рода топографические описания, традиционно использовавшиеся в качестве источника, с точки зрения историографического факта. Он обратил внимание на структуру содержащихся в них сведений, формуляр анкет, на основании которых они собирались и прочее (2). Применительно к посаду важно присмотреться к тому контексту, в котором давалось его описание в подобных изданиях. Наконец, если по истории города имеется не один историографический обзор, то обобщение имеющихся начиная с XVIII в. упоминаний о посадах в целях выяснения смысла, вкладываемого разными авторами в термин «посад», как и представление общей картины истории изучения посада предпринимается впервые. Эти соображения побуждают выделить данные вопросы в отдельную главу.

Начало изучения посадов приходится на XVIII век. В это время появляются работы, в которых встречаются упоминания о посадах. К числу первых относится объемный труд И. Кирилова «Цветущее состояние Всероссийского государства…» (3), в котором имеются

краткие сведения о посадах Чаронда, Погорелое Городище, Тихвинском, Лальском и Парфентьеве. Все они имели магистраты с бургомистрами и ратманами и население, причисленое к купечеству. Говоря о Чаронде и Погорелом Городище, И. Кирилов называет эти поселения «городами». Кроме этого для обозначения Чаронды, Лальского и Тихвинского посадов им используется термин «слобода». Вполне возможно, что в это время, т. е. в первой трети XVIII века, точное понимание термина посад еще не оформилось или не применялось по отношению к данным поселениям. Именно поэтому для характеристики посадов используются термины «пригород» и «слобода».

Во второй половине XVIII в. стали выходить географические словари, топографические описания, лексиконы, в которых давались описания различных селений — губернских и уездных городов, посадов, слобод, значительных сел и т. д. В основе этих изданий лежат ответы на те или иные анкеты, краткие описания губерний, провинций, уездов. К сожалению, они страдают неполнотой, ограниченностью статистических данных и повторяемостью сведений.

В одном из первых, труде Л. И. Бакмейстера (4), составленном на основании ответов на анкеты Академии Наук и Сухопутного Шляхетского корпуса, имеются сведения о 65 городах, в том числе и о посадах Соли Большой и Моложском. Обращает на себя внимание то, как назван последний: «Моложская слобода или посад Молога» и далее в тексте чередуются оба термина. Видимо, либо для Л. И. Бакмейстера это термины одного порядка, синонимы, либо он зафиксировал одновременное употребление разных терминов по отношению к одному населенному пункту. Сведения, приведенные Л. И. Бакмейстрером о посаде Молога, включают в себя информацию о территориальном расположении, административном подчинении и местном управлении. Указывается численность податного населения, краткий обзор его занятий, количество культовых построек, сведения о проходящих в Мологе ярмарках и недельных торгах. Информация о посаде Соль Большая сокращена до минимума и содержит данные о числе рыбных ловель и ярмарке. Такая существенная разница в описании двух поселений одного и того же статуса может объясняться только различной степенью подробности поступивших на анкеты ответов непосредственно с мест.

Это положение повторяется и в первом законченном издании географического словаря верейского воеводы Ф. А. Полунина (5). Здесь имеются описания Тихвинского, Моложского, Лальского, Холмского и Верховажского посадов. При этом статьи о Тихвинском, Холмском и Верховажском посадах ограничиваются только указанием на территориальное расположение и административное подчинение этих населенных пунктов. Большие сведения — об общем числе посадского населения, культовых построек и дворов, существующих ярмарках, содержатся в статье о посаде Молога. Наиболее информативна статья о Лальском посаде. Она содержит сведения о территориальном расположении, административном подчинении, местном управлении, о торговых занятиях и числе местных жителей, количестве культовых и дворовых построек. Но и здесь сведения самые краткие и общие, что обусловлено самим характером издания.

Любопытно присмотреться к трактовке словарем статуса указанных поселений. Моложский посад назван только слободой Молога, Верховажский — и посадом и большой слободой. Но самым интересным образом назван Холм: «Холмский посад, пригород с уездом». Здесь обращают на себя внимание два факта: существование параллельно действующих терминов «посад-слобода» и «посад-пригород», и наличие посада со своим уездом. Это факт уникальный. Нигде в словарях ни до ни после этого мы не встретим упоминания о посаде с уездом. Уезд всегда был приписан к городу, а не посаду.

В вышедшем через 3 года описании Российской империи Х. А. Чеботарева (6) значится: «Холм, или Холмский посад, пригород…» без дальнейшего указания на существование уезда. Кроме этого имеются статьи о Тихвинском и Верховажском посадах. Причем Верховажский посад характеризуется по-прежнему и как большая слобода. Сведения об этих населенных пунктах ограничиваются только указанием на территориальное расположение и административное подчинение поселений. Хотя в предисловии автор указывает, что пользовался сведениями «из лучших и достоверных писателей», в том числе и работой Ф. А. Полунина, но в его книге отсутствуют названные у последнего статьи о Моложском и Лальском посадах, а также упомянутый в работе Л. И. Бакмейстера посад Соли Большой.

В дальнейших изданиях того же типа (7), появившихся уже после проведения в жизнь административно-территориальной реформы, если посады и упоминаются, то только в рубрике «Безуездные селения», никаких других сведений кроме собственно упоминаний нет. По-прежнему иногда используется неполное, усеченное название посада, например Сергиевск по отношению к Сергиевскому посаду Московской губернии.

В 1787 г. выходит описание городов Московской губернии Х. А. Чеботарева (8). В этой работе впервые приводятся краткие данные о Сергиевском посаде: числе домов, культовых построек, местном органе управления (ратуше), числе купцов, мещан и цеховых, местных промыслах, количестве и типах ярмарок.

Другим изданием этого времени является «Лексикон» Л. М. Максимовича (9). Ко времени его издания некоторые посады — Молога, Тихвин, Холм, Лальский — получили статус уездных городов. О них дается разнообразная информация без искажения нынешнего статуса и с указанием на прежний. Не упоминаются вовсе получившие к этому времени статус посадов Сольцы, Крохинской. Минимальная информация — только упоминание — о посадах Верховажском, Соли Большой и Чаронде. Наибольший объем информации дается по Сергиевскому посаду, практически полностью повторяющий соответствующую статью из описания Московской губернии Х. А. Чеботарева. При этом, он значится либо как слобода, либо как селение около Лавры, либо как Сергиевск, и ни разу как посад. Заметим, что у Чеботарева статус указан правильно, тем более что он был получен еще в 1782 г. Верховажский посад, как и раньше назван одновременно и посадом и слободой. Таким образом, и здесь налицо разночтения в терминологии.

Кроме этого имеется любопытная информация о бывшем уездном городе Кадоме Тамбовского наместничества. В приведенной статье содержится пояснение, что с 31 декабря 1787 г. он «по именному указу переименован посадом».

В начале XIX в. выходит многотомный фундаментальный «Словарь географический государства Российского» Афанасия Щекатова (10). Он синтезирует многочисленные описания и является сводом сведений о состоянии российских городов конца XVIII —

начала XIX вв. Многое почти дословно воспроизведено по словарям Ф. А. Полунина и Л. М. Максимовича.

Наиболее информативной среди описаний посадов является статья о посаде Погорелое Городище Тверской губернии. Кроме обычных указаний на территориальное расположение и административную принадлежность, имеется подробное описание построек как культовых, так и гражданских разного назначения — питейных домов, торговых амбаров, кузниц, мельниц, обывательских домов. Имеются данные о численности и сословном составе жителей, причем не только податных сословий, ремеслах и разнообразных торгах, торговом обороте, ярмарках. Сведения о Верховажском посаде сообщают о наличии ратуши, разнообразных промышленных заведениях и имеющихся торгах. При этом отсутствуют данные о численности населения, количестве культовых, жилых и иных постройках, объеме торговых оборотов.

Статья о Сергиевском посаде повторяет сведения, опубликованные ранее в словаре Максимовича и описании Московской губернии Чеботарева. Минимальная информация дается о Норском и Гавриловском посадах. Практически одного лишь упоминания удостоены посады Крохинской, Пучежский, Соль Большая и Сольцы. Таким образом, имеющая в этом издании информация о посадах варьируется в большом диапазоне от самых подробных описаний до простых упоминаний, что не позволяет провести сравнительный анализ социально-экономического положения этих поселений.

При этом нередки искажения и описки. Так, посады Гавриловский, Пучежский, Крохинской и Соль Большая указаны с устаревшим статусом. Относительно Сергиевского посада читаем: «Сергиевская слобода, Московской губернии. Зри Сергиевский посад». Появляются сведения о бывшем уездном городе Кадые Костромской губернии, переименованном посадом. Причем, ни указанный у Л. М. Максимовича Кадом Тамбовского наместничества, ни указанный здесь Кадый Костромской губернии нигде посадами не называются и числятся как безуездные города. Откуда взялись такие сведения, неизвестно.

Обобщая характер приведенных в изданиях этого типа сведений, можно сказать, что в них имеются следы редакторской правки.

В одних случаях в толкование посада как слободы в существовавшие ранее статьи вносились уточнения, в других — нет.

В середине XIX в. в Журнале министерства внутренних дел публикуется ряд небольших по объему работ, посвященных истории губерний и конкретных населенных пунктов. Среди них статья А. К. Гирса о Добрянском посаде (11). В ней приводится краткая историческая справка, сведения о численности и занятиях населения, числе построек и т. д. Наиболее полные сведения приводятся по XIX веку. Статья о Мариинском посаде Казанской губернии (12) полностью содержит информацию середины XIX в., что объясняется тем, что статус посада это поселение получило только в 1856 г. В некоторых случаях сведения о посадах различного объема и характера содержатся в описаниях губерний. Приводимые в них сведения — о числе жителей вообще и купцов по гильдиям в частности, числе обывательских каменных и деревянных домов — соответствуют положению на момент публикации, информация о предшествующем периоде встречается эпизодически. В описании Тверской губернии, приводится историческая справка о посаде Погорелое городище (13). В ней отмечены изменения административного положения поселения, создание местного органа управления, подробное перечисление построек, числа жителей на определенные годы XVIII в. Имеются данные и по XIX в. Все эти факты свидетельствуют о наличии интереса современников к изучению не только городов, но и посадов, об определенной эволюции знаний.

В это же время в обобщающих работах справочного характера обращалось внимание на отсутствие полного списка городских поселений, а в некоторых случаях и сложности идентификации типа поселения. Авторы-составители коллективного труда «Городские поселения в Российской Империи» (14) относят к их числу не только города, но и пригороды и посады, из которых последние прошли путь развития от прилегавших к городам населенных мест до самостоятельных городских поселений. Их отличие от городов заключалось в специфике управления и социального состава жителей.

Особую ценность имеют опубликованные в этом издании исторические справки и ссылки на самые ранние документы, в которых поселение именуется посадом. Особую ценность эти сведения приобретают при отсутствии постановлений об учреждении тех или

иных посадов, так как позволяют реконструировать число посадов на определенную дату. В других изданиях аналогичного характера — «Военно-статистическом обозрении Российской Империи» и «Материалах для географии и статистики России…» приведенные сведения освещают развитие городских поселений только на современный изданиям момент, т. е. на середину XIX в.

Богатая различными событиями история некоторых посадов привлекала внимание наиболее образованных местных жителей и явилась стимулом для написания работ краеведческого характера. Примером такого сочинения является написанное в 1847 г. священником Евгением Лаговским «Описание посада Большие Соли» (15), опубликованное в сборнике «Костромская старина» в 1901 г. Оно охватывает большой хронологический период с момента основания посада. Это описание является ярким примером сочетания любви к малой родине, умения интересно изложить ее историю с отсутствием точной датировки событий, не всегда четко проведенной гранью между догадкой и историческим фактом. Судьба посада, перешедшего в 1693 г. в число вотчин Горицкого монастыря, перемены связанные с этим переходом, активная позиция жителей, сумевших, действуя в полном соответствии с законами, добиться возвращения поселению прежнего статуса, выборы в ратушу и ее персональный состав — вот основные моменты истории Соли Большой XVIII в., отраженные в работе священника Лаговского. Особую ценность работе придают использованные автором и не сохранившиеся к настоящему моменту документы Большесольской ратуши.

Другой, не менее интересной публикацией, явилась книга К. Д. Головщикова о Мологе (16). Автор использовал имевшиеся в его распоряжении архивные документы и сведения, опубликованные в различных изданиях, начиная с географических словарей XVIII в. и кончая местной прессой середины XIX в. Часть книги посвящена изложению истории Мологи XVII — XVIII вв., т. е. того периода, когда поселение было посадом. Автор описывает расположение отдельных частей посада относительно друг друга, место размещения ратуши, место и размер торговой площади, имевшиеся на ней учреждения и лавки, нахождение других построек. Он приводит ассортимент и цены на продаваемые в посаде XVIII в. изделия, а

также сведения о численности купечества и мещанства накануне преобразования посада в уездный город в 1777 г.

В начале XX в. публикуются рукописные топографические описания различных губерний XVIII столетия. Среди них имеется описание, содержащее сведения о торговле в посаде Добрянка (17). К сожалению, автор не привел каких либо цифровых показателей — ни числа торгующих, ни числа лавок, ни размера торгового оборота и т. д.

В «Топографическом описании Владимирской губернии, составленном в 1784 году» (18) имеются сведения о Гавриловой слободе, ставшей через несколько лет посадом. Среди них указание на административное расположение поселения и ведомственную подчиненность его населения, данные о количестве, профиле и выпускаемой продукции многочисленных обывательских мелких промышленных заведений. Они как нельзя лучше демонстрируют уровень развития экономики поселения, более представительный, чем у некоторых уездных городов этого же времени.

Важным этапом в историографии города стала монография А. А. Кизеветтера (19), посвященная изучению посадской общины в России XVIII в. В монографии на огромном фактическом материале рассматриваются вопросы правового положения, численности и социального состава посадского населения городов, посадских служб и повинностей и роли посадского самоуправления в лице посадского схода. Характерно, что А. А. Кизеветтер, изучая историю городской общины, организации общинного тягла и городского самоуправления за первые три четверти XVIII столетия, объектом своего кропотливого исследования сделал не только общины губернских и уездных городов, но и посадов. При этом все они значатся как «посадские общины» или «посады» без каких-либо различий между ними. Перевод сельских торгово-промышленных поселений в разряд отдельных поселений — посадов, А. А. Кизеветтер объясняет необходимостью согласования их юридического статуса с социальной характеристикой. Основной вывод автора состоит в констатации подчиненности посадского самоуправления фискальным потребностям государства (20).

Самой значительной работой о посаде, написанной в советский период, является монография К. Н. Сербиной по истории Тихвинско-

го посада XVI–XVIII вв (21). Для ее создания использовались такие важные массовые источники как писцовые, переписные, таможенные книги и другие архивные документы. Большая часть книги посвящена изучению истории поселения, структуры населения, его повинностей, промышленности и торговли, борьбы посадского населения против Тихвинского монастыря в XVII в. История поселения в XVIII в. подается только в одном аспекте — в плане борьбы за освобождение из-под власти монастыря. При этом архивный материал позволил отметить некоторые особенности структуры населения посада, его управления, взаимоотношений местных органов управления в это время. Хозяйственная жизнь посада этого периода затрагивается только вскользь. Особая глава посвящена истории преобразования посада в уездный город и роли в этом процессе новгородского губернатора Я. Е. Сиверса. Сам факт перевода посада в разряд уездных городов расценивается автором как финал борьбы посадского населения за свои права и несомненная его победа.

При этом К. Н. Сербина вообще не видит принципиальной разницы между городами, посадами и некоторыми сельскими торгово-промышленными поселениями, но формально Тихвинский посад до преобразования его в 1773 г. в уездный центр городом не считает. Таким образом, для К. Н. Сербиной, посад являлся торгово-промышленным центром, как и некоторые села и погосты, которые относились ею к населенным пунктам городского типа.

Собственно Тихвинский посад характеризуется ею как частновладельческий вотчинный город. Особенность такого статуса, т. е. «частновладельческого города», автор видит в двойственном положении жителей, которые считались крепостными крестьянами владельца и одновременно облагались некоторыми городскими налогами. По этой причине, по мнению К. Н. Сербиной, население Тихвинского посада можно назвать «посадскими людьми» лишь условно, так как занятия торгами и ремеслами не отменяли юридическую зависимость от монастыря. Тот же факт, что многие жители посада уже начиная с первой ревизии были записаны в отдельную «магистратскую команду» и имели собственный магистрат с выборными бургомистром и ратманами, автор объясняет «успехами классовой борьбы населения против монастыря».

В сложившейся ситуации при почти полном отсутствии специальных исследований о посадах, заслуживают внимания работы исследователей, которые касаются разнообразных аспектов истории русских городов. В этом ряду в первую очередь необходимо отметить книгу Я. Е. Водарского «Население России конца XVII — начала XVIII в.». Исследуя заявленную в монографии проблему, автор обращается к осмыслению процесса городообразования. По его мнению, процесс был длительным и завершался юридическим оформлением городского статуса поселения. На промежуточном этапе этого процесса существовали торгово-промышленные поселения, являвшиеся экономическими центрами округи, но не имевшие городских общин. Это были поселения городского типа, но их нельзя признать городами. Кроме того, термин «посад» (и «посадские люди») мог иногда употребляться в значении «жители посада», а они могли быть и крестьянами, как были крестьянами жители Тихвинского посада и посада Чаронда. По этой причине, Я. Е. Водарский ставит под сомнение существование в них посадских общин. Попутно заметим, что в этом пункте Я. Е. Водарский противоречит сам себе. В опубликованном им реестре городов Главного магистрата 1723 г. упоминаются несколько посадов, в том числе Чаронда и Тихвин. Причем он сам высказывает мнение, что критерием для Главного магистрата служило именно наличие посадской общины. Кроме приведенных выше доводов, дополнительным соображением в пользу признания торгово-промышленных поселений промежуточным этапом городообразования Я. Е. Водарский считает тот факт, «что население таких селений стремилось к переходу в сословие посадских людей» (22). Таким образом, по мнению Водарского, посад можно отнести к числу торгово-промышленных поселений, находящихся на промежуточном этапе процесса городообразования.

С этим мнением солидарны П. Г. Рындзюнский, который считает посад — поселением полугородского типа, и В. В. Карлов, полагавший, что «посад» — тип неукрепленных частновладельческих поселений, которые быстро развивались по городскому пути (23).

С ними в своей последней работе «Города Верхневолжья и Северо-Запада России. Первая четверть XVIII в.» полемизировал М. Я. Волков, утверждавший, что в «XVII — начале XVIII в. для обозначения городов использовали обычно пять названий — город,

крепость, пригород, посад и острог». В подтверждение своего мнения он привел тот факт, что в список городов Главного магистрата 1723 г. входили города, пригороды, посады и слободы с посадскими общинами. По его мнению, к разряду городов можно отнести поселение, с посадскими людьми или при наличии укрепления и гарнизона из «государевых» служилых людей или административно-судебной власти с ее аппаратом. Поэтому среди городов перечисляются не только уездные и заштатные города, но и посады — Моложский, Тихвинский, Чаронда, Холм и Турчасов.

Среди городских поселений, упомянутых в источниках конца XVII — первой четверти XVIII в. М. Я. Волков не находит частновладельческих поселений. Это он объяснял тем, что передача городов и посадов в частное владение сопровождалась превращением посадских людей в крестьян, исчезновением посадской общины и изменением названия, типа поселения.

Внимательно рассмотрев историю Тихвинского посада, М. Я. Волков, вопреки мнению К. Н. Сербиной, пришел к выводу, что земля, на территории которой расположился Тихвинский посад, никогда не была пожалована в вотчину Тихвинского Успенского монастыря. В XVII в. после шведской интервенции жители посада нуждались в поддержке монастыря и в результате попали в зависимость, сходную с крепостной. Поэтому жители Тихвина являлись и феодально-зависимыми крестьянами, и «государевыми посадскими людьми». В 1704 г. основная часть населения Тихвина была изъята из-под власти монастыря и передана воеводе, что означало переход самого поселения в число «государевых посадов». Другими словами, ведомственная подчиненность управления была определяющим признаком статуса поселения. Именно поэтому, считает М. Я. Волков, Тихвинский посад и попал в число городов, внесенных в список Главного магистрата 1723 г. (24)

Таким образом, для этого автора посад несомненно является городским поселением. По этой причине, анализируя экономическое развитие региона, вместе с городами он рассматривает и посады. Каждому посаду, как и городу, посвящен отдельный небольшой очерк — справка с обзором местного производства и торговли, размера товарооборота, с указаниями на причины и закономерности этих процессов. При этом ряд вопросов остается вне поля интересов

исследователя. Среди них история местного управления. В результате М. Я. Волков констатирует, что все экономические процессы зависят не от статуса поселения, а от состояния внутреннего рынка, от возможности производства на широкий рынок — межобластной и внешнеторговый. Среди городов, обладавших такой возможностью, М. Я. Волков называет Тихвинский посад.

С мнением М. Я. Волкова совпадает взгляд на эту проблему Б. Н. Миронова. В книге «Русский город в 1740–1860-е годы. Демографическое, социальное и экономическое развитие» он относит к городским поселениям «официально учрежденные города и посады, к городскому населению — все проживавшие там на определенную дату население». Исследователь отмечает устойчивый рост численности городов и посадов и складывание иерархической системы городов. В это время «малые города становятся средними, средние большими». Аналогично происходило и развитие посадов. В 1811 г. насчитывалось 22 посада и все они принадлежали к малым городам. В 1856 г. из 28 выявленных посадов, 6 относились к средним и 22 — к малым городам.

Таким образом, Б. Н. Миронов не только относит посад к городским поселениям, но и доказывает наличие общих тенденций их развития. По его мнению, в дореволюционный период «более развитый город от менее развитого отличался скорее размерами, масштабами, чем эффективностью использования своих ресурсов, производительностью труда или благосостоянием своих жителей». Они «представляли собой единый социально-экономический тип города, сочетавший в себе пережиточные феодально-крепостнические и новые буржуазно-капиталистические элементы» (25).

Любопытный сюжет о неосуществившемся переводе подмонастырского поселения в посад приводит А.И.Комиссаренко в книге «Русский абсолютизм и духовенство в XVIII веке (Очерки истории секуляризационной реформы 1764 г.)». Инициаторами выступили жители слободы Кирило-Белозерского монастыря, которые просили дозволения записаться в купечество и цехи, а селение «в подобие Тихвинского именовать посадом». Дело разбиралось в Сенате и в Комиссии о церковных имениях в декабре 1763 г., но положительное решение не было принято (26).

Недавно была опубликована книга А. Н. Зорина «Города и посады дореволюционного Поволжья». Автор во введении определяет понятие город как «любое поселение, которое таковым считали современники». При этом он объединяет в одну категорию городских поселений уездные города и посады, отмечает их малую исследованность в исторической литературе и в иерархии городских поселений отводит им «ступень соответствующую современному понятию “малый город”». В регионе, выбранном для исследования, посады появляются только в XIX в.: в 1830 г. Троицкий посад и в 1856 г. Мариинский посад. Видимо, по этой причине, у автора сложилось впечатление, что посады в России появляются вновь «после указа 8 октября 1797 г.». Этим термином «стали именовать городские поселения “без правительственных областных учреждений” (уездов)». А. Н. Зорин формулирует особенную черту посадов: «В отличие от категории заштатных городов, посады Казанского края никогда, даже в прошлом, не являлись центрами областной администрации» (27). Таким образом, посады признаются городскими поселениями. Их отличие от уездных городов заключается в отсутствии административных функций. По остальным параметрам посады имели общие черты с остальными городскими поселениями.

Кроме приведенных работ современных историков, необходимо указать издание обобщающего труда справочного характера — энциклопедии «Города России» (28). В ней представлена информация о городских поселениях разного статуса, в том числе и о посадах. Таким образом, составители безоговорочно включили посады в систему российских городов. В кратких статьях, снабженных библиографией, содержатся сведения об истории поселения с указанием дат важнейших событий и другой информацией.

Изучение истории конкретных посадов пока еще не привлекло должного внимания исследователей. В некоторых исключительных случаях в публикации таких работ встречаются неожиданные трудности. В декабре 1999 года в программе второй научной конференции «Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.)» среди участников был заявлен доклад М. Ф. Прохорова «Мологский посад в середине XVIII в.». Автор не смог принять участие в работе конференции, и как следствие, доклад не был опубликован. Появляющиеся публика-

ции популярного или, в лучшем случае, научно-популярного характера, хронологически охватывая весь период существования поселения, информативно, как правило, повторяют более старые издания, давно ставшие библиографической редкостью (29).

Среди них наиболее интересной является книга И. П. Антонова и В. В. Очкова о Гавриловском посаде. Авторы очень внимательно и достаточно подробно освещают историю посада в XVIII веке. Одним из самых интересных моментов начала века было учреждение Петром I в поселении, которое в тот момент было слободой, земской съезжей избы с земским бургомистром. Этот факт, по мнению авторов, свидетельствует о наличии у поселения некоторых городских прав. Не менее важным для понимания развивавшихся в поселении процессов были многочисленные ходатайства местных жителей о преобразовании слободы в посад. Авторы приводят информацию о происшедших после переименования в посад изменениях — функционировании учреждений местного управления, развитии местной промышленности, численности и сословном составе жителей, функционировании школы.

В.В.Кузнецов в статье о Дубовском посаде подробно рассматривает экономические сюжеты истории поселения и его значимость для развития региона Поволжья на протяжении значительного хронологического отрезка – XVIII-XIX вв. В сферу интереса автора не попали вопросы о статусе посада как типе поселения, особенности его управления и другие. Факт публикации статьи в одном из ведущих исторических журналов страны свидетельствует о появлении интереса к посадам в целом ([30]).

История Сергиевского посада не является исключением. Отдельные стороны его жизни весьма бегло освещены в работах общего характера, связанных в основном с историей Троице-Сергиева монастыря. Непосредственно историю Сергиевского посада начал изучать историк церкви иеромонах Арсений (31). Серия его статей, опубликованных во второй половине XIX века, на основании изучения фактического материала с привлечением различных источников знакомит с историей различных частей города, выросших из древних сел и слобод. Хронологически работы Арсения охватывают период с конца XIV — до сер. XIX в. Особенно внимательно описывает историк такие крупные части города, как село Клементьево, Служние и

Стрелецкие слободы. Автор пытается объяснить происхождение названий некоторых сел, причины их возвышения или упадка. Большое внимание Арсений уделяет описанию таких крупных архитектурных сооружений, какими являются посадские церкви. Благодаря этому удается представить внешний вид не только сохранившихся, но и исчезнувших к нашему времени архитектурных памятников.

Арсений приводит ряд данных, позволяющих судить о численном составе городских сословий, количестве дворов в слободах и селах, вошедших в состав города и т. д. Тем не менее, в своей совокупности приведенные сведения не создают общей картины развития города. Такие вопросы, как развитие экономики, социальные отношения, устройство городского управления и деятельность городских властей прошли мимо внимания автора. Являясь историком церкви, Арсений закономерно сосредоточил свое внимание на роли монастыря в истории поселения.

Истории Сергиевского посада посвятил свои книги архитектор В. И. Балдин (32). В них излагается история формирования и развития архитектурного облика города на протяжении всего периода существования с момента появления первых поселений. Внимание автора привлекает вторая половина XVIII века. Сопоставление планов подмонастырских поселений 1775 и 1777 гг. позволило составить схему расположения сел и слобод около монастыря во второй половине XVIII в. Приводится проект генеральной перепланировки города 1792 г., составленный через 10 лет после учреждения посада. Проект решал сложную задачу приведения в единую систему многовековой стихийной застройки, исторически сложившейся вокруг монастыря. Тщательное его изучение приводит автора к выводу, что “решительность планировочных мероприятий сочеталась с самым бережным отношением к особенностям исторического формирования города и его художественному наследию”. Подчеркивается неблаговидная роль монастырской администрации, сопротивлявшейся проведению генерального плана в жизнь. При этом автор не забывает отметить другие важные моменты жизни посада этого периода — сам факт переименования поселения в посад, наличие ратуши, данные о численности и сословном составе населения на 1799 г.

Своеобразным этапом изучения истории Сергиевского посада стала книга К. А. Филимонова «Сергиев Посад. Страницы истории. XIV — начало XX века» (33). Автор отмечает слабую изученность истории посада по сравнению с историей Троице-Сергиевой Лавры. Обобщая опыт предшествующих исследователей, К. А. Филимонов пытается рассматривать Сергиевский посад как город со своими, во многом независимыми от монастыря этапами развития, особенностями и интересами. Не претендуя на полное и всестороннее освещение истории поселения, автор привлек малоизвестную мемуарную литературу, архивные источники и в целом значительно дополнил общую картину жизни Сергиевского посада в больших хронологических границах. Правда, в силу последнего обстоятельства, период конца XVIII века (времени приобретения поселением статуса посада) занимает достаточно скромное место. Он акцентирует внимание на некоторых предпосылках учреждения посада, его управлении, численности и структуре населения, социально-экономическом развитии. Книга снабжена большим количеством иллюстративного материала, в том числе схемами расселения жителей. К сожалению, автор не избежал досадных искажений и погрешностей при изложении материала о структуре управления в конце XVIII-начала XIX вв.

Интересной работой, раскрывающей особенности развития местных промыслов в Сергиевском посаде на протяжении большого хронологического периода, является диссертация Н. Н. Мамонтовой (34). Анализируя старинную легенду об изготовлении первой куклы в посаде, автор убедительно доказывает ее историчность. Она отметила первостепенную важность для возникновения и развития кукольного промысла самого факта преобразования поселения в посад. Промысел представлял более широкие возможности для личного, сравнительно независимого предпринимательства, так важного для городских жителей, и со временем стал визитной карточкой поселения.

Подведем итоги. Анализ историографии по интересующей теме показывает, что накоплен некоторый описательный материал о посадах XVIII века, сделаны попытки классифицировать посад как тип поселения. Историографией практически не исследованы проблемы особенностей управления этого типа поселений. Требуется более

глубокое и комплексное изучение хозяйственной и социокультурной сторон жизни. Другими словами, не исследованными остаются специфические городские черты жизни посада как типа поселения. По этой причине представляется необходимым и возможным изучить эти процессы комплексно на примере Сергиевского посада с привлечением материалов и по другим посадам XVIII в.

Законодательство

Итак, в историографии существуют два мнения о посаде как типе поселения. Одни историки считают эти поселения городскими, другие — поселениями полугородского, переходного типа. К числу первых относятся А. А. Кизеветтер, М. Я. Волков, Б. Н. Миронов. Другого мнения придерживаются К. Н. Сербина, Я. Е. Водарский, П. Г. Рындзюнский. В. В. Карлов. Все историки согласны в том, что посады являются торгово — ремесленными поселениями. Разногласия вызывают следующие моменты — принадлежность земель, на которых находятся поселения, сословная принадлежность жителей и наличие посадской общины со своей организацией.

И все это, в свою очередь, ставит вопрос о том, что, собственно говоря, имели в виду современники и государственная власть, употребляя термин «посад» для обозначения отдельных поселений, чем эти поселения отличались от других, в том числе и от городов?

Юридическое, правовое положение посада как типа поселения раскрывают законодательные акты, опубликованные в «Полном собрании законов Российской Империи». Здесь мы находим ряд указов, в которых упоминаются как существовавшие ранее, так и учреждаемые вновь посады (35). Указы об учреждении конкретных посадов, содержат сведения о принадлежности земель до момента получения этими поселениями статуса посада. Посад Сольцы — артиллерийского ведомства, Сергиевский посад — ведомства Коллегии экономии, Гавриловский посад находился в ведомстве дворцовой Конюшенной канцелярии, Пучежский посад — дворцового ведомства. В указе о Лальском посаде имеются следующие строки: «…которые по торгам приписаны к тому посаду с черносошными не

числить». Следовательно, жители до этого числились с черносошными, а это, в свою очередь, указывает на статус земель как казенных. Что же касается Крохинского посада, то хотя прямого указания на принадлежность земель нет, это скорее всего говорит, что они принадлежали государству, в противном случае особо оговаривались бы обязанности жителей по отношению к владельцу земель. Можно вспомнить еще и учрежденный в 1784 г. Сеитовский посад Оренбургской губернии, находившийся в ведомстве государственных имуществ, и посад Дубовку Саратовской губернии, бывший до 1785 г. казачьим городком (36).

Таким образом, почти все новоустроенные посады XVIII в. учреждались на землях, которые находились в ведении тех или иных государственных учреждений. Исключение в данном случае представляет лишь указ о Соли Большой. Этому поселению возвращается статус посада, хотя земли, на которых он расположен, принадлежат Горицкому монастырю, Но это исключение скорее подтверждает правило, чем наоборот. Ведь Соль Большая только в 1693 г. стала вотчиной монастыря, а до этого была посадом, а жители — посадскими людьми. Для законодателя нашлось несколько причин для изменения статуса этого поселения: «посад Соли Большой наперед сего числился пригородом», жители были «посадскими людьми, а не во крестьянстве», «пашенной земли, лесных угодий и сенных покосов не значится», жители «имеют капитала на 33500 р.», основные их занятия — торги и мастерство. Чтобы не ущемлялись финансовые интересы Горицкого монастыря, жители обязаны были кроме обычных посадских платежей «платить… в монастырь непременно» (37).

Кстати заметим, что этот указ вышел в 1761 г., а через 3 года произошло важное событие — секуляризация церковных имений, в результате которой земельные владения церкви перешли в ведение государственной Коллегии экономии. Сама идея секуляризации, как известно, высказывалась давно, а следовательно, в 1761 году вполне могла учитываться возможная перспектива церковных вотчин, что соответствует и общему принципу принадлежности земель поселений, получавших статус посада.

При присвоении поселению статуса посада провозглашалось право жителей переходить в купечество или мещанство, т. е. в го-

родские сословия, или, как сказано в одном из указов: «жалуя жителей оныя правом гражданским». Как правило, одновременно с этим происходило и учреждение ратуши. Правда, жители Крохинского посада с момента учреждения и до 1792 г. были объединены в одно общество с городом Белозерском. Это не единственный подобный случай. В Архангельской губернии три посада — Ненокский, Лудский и Унский — находились под управлением одной ратуши — Ненокской (38).

Большинство жителей обретали права городского гражданства, минуя обременительные двойные платежи. Исключение составляют только жители Гавриловского посада, которые «сверх окладов взносимых в казну по новому их состоянию, платили и по прежнему крестьянскому подушныя деньги до будущей ревизии». Жители Сумского посада после переименования своего поселения в посад были обложены двойными податями — по крестьянству и по городскому состоянию. Отмена двойных платежей произошла позднее Сенатским указом после дополнительных прошений самих жителей. Можно еще указать на двойные платежи жителей посада Соль Большая, связанные с принадлежностью земель Горицкому монастырю (39). Таким образом, население посадов составляло посадскую общину со своей посадской организацией.

Кроме перечисленных данных некоторые указы содержат информацию о том, по чьей инициативе и как именно принимались эти решения. Так Лальский посад получил этот статус в 1726 г. благодаря доношению в Сенат Главного магистрата. Возвращение Соли Большой этого статуса произошло после рассмотрения в Сенате челобитья от «мира выборного Михаила Сорокина». Именной указ об учреждении в 1782 г. Сергиевского посада последовал после подачи представления Московским губернатором Н. П. Архаровым и поддержке его Московским главнокомандующим графом З. Г. Чернышевым. В 1806 г. об учреждении Сумского посада Архангельской губернии хлопотал перед Сенатом Архангельский военный губернатор. Он приложил к своему рапорту прошение, подписанное волостным старостой и крестьянами. Перевод Гавриловской слободы в посад произошел после многочисленных прошений местных жителей. К одной из челобитных была приложена ведомость о капиталах 50 жителей, изъявивших готовность записаться в купече-

ство (40). Таким образом, инициатива учреждения новых посадов могла исходить от различных должностных лиц и учреждений, и даже от самих жителей.

Но наибольший интерес для понимания сути посада как поселения представляет закон 1775 г., специально посвященный местному управлению — «Учреждения для управления губерний» (41). Согласно этому закону город структурно выделяется из состава уезда. Следовательно, посад, по-прежнему, оставался составной частью уезда наравне с другими селениями. Никаких специальных отдельных должностей и учреждений для осуществления административных, полицейских и иных функций в посаде, в отличие от города, не создавалось. По этой причине полицейский надзор в посаде возлагался на земского исправника (или капитана) — чиновника, избираемого дворянством уезда на определенный срок. Для осуществления своих функций он выезжал в подведомственные селения по мере надобности (ст. 223–254).

В то же время, в посадах, как и в городах, продолжали функционировать органы самоуправления. Не случайно их характеристика давалась в главе XX «О городах». Причем в нескольких статьях разбирая особенности работы городских учреждений, законодатель не делает различий между функциями посадской ратуши и городового магистрата (ст. 283–289). Между собой посады различаются только по количественному признаку — малые посады с числом душ менее 500 и большие посады. Причем, в больших посадах состав ратуши идентичен составу городового магистрата (ст. 278). Единственное различие между ратушей и магистратом состоит в том, что выборные в посадах считаются одним рангом чинов, почитаемых «за уряд, пока в должности пребывает» ниже, чем аналогичные выборные в городах (ст. 56–57). При этом сохраняется единообразный порядок выборов и в городах и в посадах (ст. 71, 278). В законе 1775 г. место посадов в административно-территориальной структуре противоречиво и, во всяком случае, отлично от городов. Самое главное отличие — не распространение на посады данного городам нового административного принципа, вероятно, по причине отсутствия при них уездов. Они сами наряду с прочими селениями входили в структуру, организуемую городом.

Городовое Положение 1785 г. (42), подробно описывая структуру органов самоуправления, права и обязанности горожан, не делает различий между городами различного административного подчинения. По этой причине в каждом городе должны были действовать магистрат, общая и шестигласная думы, сиротский и словесный суды, цеховая ремесленная управа. Города должны строиться по утвержденному плану, иметь собственный герб, вести обывательские книги, заводить школы и т. д. Ремесленное положение, являющееся частью Городового Положения, трактует ратуши как аналоги магистратов. Отсюда следует, что этот закон в целом распространяется и на посады.

Похожесть положения посадов и заштатных городов породила указ 1797 г. о переименовании всех безуездных городов в посады. Правда буквально через два месяца появляется указ прямо противоположного смысла: «Города… в штатное положение не вошедшие… не переименовывая посадами, оставить под названиями городов, и чтоб оные управляемы были магистратами и ратушами» (43). Попутно заметим, что если «Учреждения для управления губерний» в ст. 27 недвусмысленно настаивает: «Ратушам быть только по посадам», то здесь мы видим ратуши и в заштатных городах.

Наконец, в августе 1807 г. вышло «Положение о выгонной земле для посадов» (44). В преамбуле этого документа прямо и впервые ставится задача: «Определить происхождение посадов и отличие их от городов и селений». Позволим здесь подробную цитату. «Под старинным именованием посада разумелись промышленничьи слободы, соединенные с столицами или с другими городами. Древние посады составлены были из людей торговых, под имянем посадских, поселившихся на пригородных и других вольных казенных землях и производивших торг в столице… Многие из сих слобод и посадов обращены в города, другие остались под прежним названием». В этом объяснении обращают на себя внимание два важных фактора: характер экономики — «торг» и статус территории — «вольные казенные земли».

В чем же, по мнению законодателя, заключалось различие между городами и посадами? Вот его определение в документе: «…различие между посадами и городами, кроме образа их правления состоит в том, что между городскими обывателями считаются не

одни торговые, но и в других состояниях люди; посады же в существе своем составляются из одних людей, записанных в купеческое звание». Оба указанных в документе признака не соответствуют историческим реалиям. Во-первых, поселение считается посадом не оттого, что там есть ратуша, а, наоборот, ратуша именно потому и учреждается, что поселение является посадом. Во-вторых, как мы уже видели, ратуши могли быть не только в посадах, но и в заштатных городах. Что же касается однообразного сословного состава жителей посадов, то во многих вновь образованных в конце XVIII в. уездных городах сословный состав населения был аналогичным.

Таким образом, в «Положении о выгонной земле для посадов» хотя и поставлен вопрос об отличии посада от города, но содержащееся в нем объяснение никак нельзя считать удовлетворительным. Складывается такое впечатление, что законодатель, отлично чувствуя разницу, не может ее сформулировать.

Итак, поселение, получающее статус посада, как правило, находится на вольных, казенных землях. Население образует посадскую общину со своей организацией посадского управления. Статус посада — это статус городского поселения (45).

В чем же отличие между городами и посадами? В иерархической системе российских городов существовали столичные, губернские, уездные, безуездные города и посады. Столичные, губернские и уездные города являлись административными центрами, безуездные города и посады таковыми не являлись. По своему положению посады сближались с безуездными городами. Этот факт подтверждают указы 1797 г. о переименовании и о непереименовании безуездных городов посадами (46), а также путаница в словарях с безуездными городами Кадыем и Кадомом. И те, и другие не являлись административными центрами, не имели подсудного уезда, не были выделены структурно из состава уезда, не имели городничего с управой благочиния. И те, и другие имели ратуши, а полицейские функции выполняли земские исправники. Но статус безуездного города как бы напоминал о том, что в прошлом этот город имел более значительное положение — входил в государственную систему административного управления. Статус посада не только свидетельствует о том, что подобного славного прошлого это поселение не имело, но и о том, что причины превратившие его в городское

поселение, сугубо экономические, «плебейские» — торговля и ремесла.

Итак, посад — это городское поселение, не являющееся и не являвшееся ранее административным центром. Поэтому статус посада считался менее предпочтительным, чем статус безуездного города. Видимо, именно по этой причине и было решено не преобразовывать заштатные города в посады. Правда, в отличие от безуездного города, развитие которого затухало, многие вновь образованные посады активно развивали экономику, набирали силу (или, другими словами, развивались по восходящей линии). Иногда для получения поселением статуса посада требовались длительные хлопоты самих будущих граждан, а это говорит о росте самосознания жителей этих поселений. Для образования новых посадов со стороны правительства не требовалось предоставления особых льгот. Государственный указ лишь юридически фиксировал, что процесс экономического превращения сельского поселения в городское уже произошел. И хотя юридическая фиксация статуса произошла, в бытовой лексике, документах, различных изданиях еще долго можно было наблюдать обозначение наряду с новым и старого статуса поселения, а иногда и искаженное, сокращенное наименование.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Клокман Ю.Р.* Историография русских городов второй половины XVII — XVIII вв. //Города феодальной России. — М., 1966.

2. *Илизаров С.С.* Русский город глазами историков XVIII в. //Русский город (историко-методологический сборник). — М., 1976.

3. *Кирилов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства… — М., 1831.

4. *Бакмейстер Л.И.* Топографические известия, служащие для полного описания Российской империи. — СПб., 1771.

5. *Полунин Ф.А.* Географический Лексикон Российского государства или Словарь… — М., 1773.

6. *Чеботарев Х.А.* Географическое методическое описание Российской империи… — М., 1776.

7. *Плещеев С.И.* Обозрение Российской империи в нынешнем ее новоустроенном состоянии. — СПб., 1786.

8. *Чеботарев Х.А.* Историческое и топографическое описание городов Московской губернии… — М., 1787.

9. *Максимович Л.М.* Новый и полный географический словарь Российского государства или Лексикон… — М., 1788–1789. Ч.I–V.

10. *Щекатов А.* Словарь географический государства Российского. — М., 1801–1809. Ч.I–V.

11. *Гирс А.К.* Добрянский посад //Журнал министерства внутренних дел. 1844. Ч. VIII.

12. Мариинский посад Казанской губернии //Журнал министерства внутренних дел. 1856. Окт.

13. Статистическое обозрение Костромской губернии //Журнал министерства внутренних дел. 1863; Города и другие населенные местности Костромской губернии //Журнал министерства внутренних дел. 1860; Описание Тверской губернии //Журнал министерства внутренних дел. 1849.

14. Городские поселения в Российской Империи. Т.I–VII. — СПб., 1860–1864.

15. *Лаговский Е.* Описание посада Большие Соли //Костромская старина. 1901.

16. *Головщиков К.Д.* Город Молога (Ярославской губернии) и его историческое прошлое. — Ярославль, 1889.

17. *Добровольский П.М.* Топографическое описание городов Чернигова, Нежина и Сосницы с их поветами 1783 г. — Чернигов, 1903.

18. Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1784 году. — Владимир, 1906.

19. *Кизеветтер А.А.* Посадская община в России XVIII ст. — СПб., 1903.

20. Там же.

21. *Сербина К.Н.* Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI–XVIII вв. — М.–Л., 1951.

22. *Водарский Я.Е.* Население России конца XVII — начала XVIII в. — М., 1977. С.117, 124, 126; *Он же*. Список городов России с указанием примерного количества посадских дворов (1723 г.) //Исторический архив. 1961. №6. С.236.

23. *Рындзюнский П.Г.* Новые города России конца XVIII века //Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. — М., 1963. С.364–365; *Карлов В.В.* К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии //Русский город (проблемы городообразования). — М., 1980. Вып.3. С.82.

24. *Волков М.Я.* Города Верхнего Поволжья и Северо-Запада России. Первая четверть XVIII в. — М., 1994. С.23–25, 31–33.

25. *Миронов Б.Н.* Русский город в 1740–1860-е годы. Демографическое, социальное и экономическое развитие. — Л., 1990. С.5, 18–20, 23, 26, 221.

26. *Комиссаренко А.И.* Русский абсолютизм и духовенство в XVIII веке (Очерки истории секуляризационной реформы 1764 г.). – М., 1990. С. 67.

27. *Зорин А.Н.* Города и посада дореволюционного Поволжья. — Казань, 2001. С.3, 105–106.

28. Города России. Энциклопедия. — М., 1994.

29. *Антонов И.П., Очков В.В.* Гаврилов Посад (Историко-краеведческий очерк). — Ярославль, 1989; Исторические города и села России. Гаврилов Посад //Российская провинция. 1994, №6; *Евсеев В.В.* В пойме царственной Нерли… Гаврилово-посадский район //По земле Ивановской: историко-краеведческие очерки. — Ярославль, 1983; *Крупейченко И.П. Балясов Н.К.* Тихвин прежде и теперь. — Л., 1979; *Малышев А.* Возрожденный Волжский Китеж. Пучежский район //По земле Ивановской: историко-краеведческие очерки. — Ярославль, 1983; *Марголис Б.Ф.* Городок над Шелонь рекой. — Новгород, 1990; *Морев Г.В.* Сольцы. — Л., 1981.

[30]. Кузнецов В.В. Посад Дубовка в экономике Поволжья (XVIII-XIX вв.) // Вопросы истории. 2006. № 12. С. 116-123.

31. *Арсений, иеромонах.* Казанская и Ильинская церкви Ильинского прихода в Сергиевом Посаде Московской губернии //ЧОИДР. — М., 1896; *Он же.* Село Клементьево, ныне часть Сергиева Посада //ЧОИДР. 1887. Кн.2; *Он же.* Христорождественская церковь Сергиевом Посаде Московской губернии //ЧОИДР. — М., 1891. Кн.3; *Он же.* Введенская и Пятницкая церкви в Сергиевом Посаде Московской губернии //ЧОИДР. — М.,1894. Кн.4.

32. *Балдин В.И.* Загорск. — М., 1958; *Он же.* Загорск. История города и его планировки. — М., 1981.

33. *Филимонов К.А.* Сергиев Посад. Страницы истории. XIV — начало XX века. — М., 1997.

34. *Мамонтова Н.Н.* Художественные ремесла и промыслы Сергиева Посада (XV–XX вв.): к проблеме возникновения и развития русских художественных промыслов. Канд. дисс. — М., 1998.

35. ПСЗ. Т.V. №3380; Т.XV. №11288; Т.XX. №14677; Т.XXI. №15131, 15371; Т.XXIII. №17137 и т. д.

36. Там же. Т.XXI. №15131, 15371; Т.XXIII. №17137; Т.VII. №4861; Т.VII; РГВИА. Ф.ВУА. Д.18628. Л.22 об.; Городские поселения в Российской Империи. — СПб., 1863. Т.3. С.492; СПб., 1861. Т.4. С.459.

37. ПСЗ. Т.XV. №11288.

38. Там же. Т.XX. №14677; Городские поселения в Российской Империи. — СПб., 1860. Т.1. С.50–52; СПб., 1863. Т.3. С.392.

39. ПСЗ. Т.XXIII. №16765; Т.XXX. №22934.

40. Там же. Т.VII №4861; Т.XV. №11288; Т.XXI. №15371; Т.XXIX. №22207а; *Антонов И.П., Очков В.В.* Гаврилов Посад (Историко-краеведческий очерк). — Ярославль, 1989. С.16.

41. ПСЗ. Т.XX. №14392.

42. Там же. Т. XXII. №16188.

43. Там же. Т.XXIV. №18194, 18269.

44. Там же. Т.XXIX. №22587.

45. Есть основания поставить вопрос о принадлежности к посадам еще нескольких поселений, по отношению к которым этот статус в историографии не использовался. Это Екатеринбург в период с 1745 по 1781 гг., Осташковская слобода с 1753 по 1770 гг., Челябинск в 1753–1781 гг. В этот период все эти поселения имели ратуши и подчиненных ей купцов и посадских людей. См.: *Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В.* Сельское и городское самоуправление на Урале в XVШ — начале XX века. — М.,2003. С.179; *Клокман Ю.Р.* Очерки социально-экономической истории городов Северо-Запада России в середине XVIII века. — М., 1960. С.194; *Корепанов Н.С.* В раннем Екатеринбурге (1723–1781 г.). — Екатеринбург, 1998. С.42,44.

46. ПСЗ. Т.XXIV. №18194, 18269.

Глава 2

НАСЕЛЕНИЕ СЕРГИЕВСКОГО ПОСАДА

Формирование городских сословий

В середине XIV в. на Радонежской земле возникает небольшой Троицкий монастырь. В скором времени вблизи него появляются и растут села и «починцы», принадлежавшие различным владельцам. Среди них в наибольшей близости к монастырю (с юга) располагались села Клементьево и Афонасьево. Постепенно все они поступают в монастырь в качестве вкладов. С ростом владений монастыря возникает и поселение другого типа — Служняя слобода (с восточной стороны). Основными занятиями жителей слободы были: ведение монастырского хозяйства, управление монастырскими имениями и канцелярская работа. Как жители слобод, монастырские слуги были освобождены от общей раскладки податей и повинностей.

Благодаря выгодному расположению на дороге из Москвы в монастырь, разрастается самое раннее из подмонастырских сел — Клементьево. Многочисленные великокняжеские «милости» и льготы способствовали развитию ремесла и торговли, ставших основными занятиями половины жителей села к концу XVI в. В 1594 г. сюда перенесли торг из бывшего центра округи — города Радонежа. Все эти благоприятные условия способствовали быстрому восстановлению села после бурных событий польско-литовской интервенции начала XVII в.

Расцвет монастырского хозяйства в XVII в. способствовал дальнейшему развитию ремесел в его окрестностях. Росла дифференциация в среде ремесленников. Расселение их велось по профессиональному признаку. Около монастыря расположились Стрелецкая, Пушкарская, Иконная, Поварская (с южной стороны), Конюшенная, Тележная, Кокуева (с севера) слободы.

К концу XVII в. все подмонастырские села и слободы слились воедино и образовали 6 церковных приходов. Население этих слобод превосходило население таких городов как Ростов и Переславль-Залесский (1). Юридически население принадлежало к монастырским крестьянам. Секуляризация церковных владений в 1764 г. перевела их в число экономических крестьян. Среди них числились пахотные крестьяне, бобыли и захребетники. Бобыли — это безземельные крестьяне, захребетники — проживавшие в чужих домах жители того же сословия.

После указа 1782 г. из экономических крестьян сформировались следующие сословия — купцы (234), мещане (394) и крестьяне (201). Цеховых в 1782 г. еще не было. Особую группу населения составляли штатные служители Троице-Сергиева монастыря (213), сформированные также из экономических крестьян после секуляризации 1764 г. В самом монастыре проживали монахи (100) и семинаристы (250). Вне стен Лавры находились 6 приходских церквей со своим штатом священно- и церковнослужителей в количестве 16 человек. Имеются сведения о проживании в Ильинском и Успенском приходах 13 семей отставных военнослужащих. С этого же года в посаде появились чиновники, служившие в Богородской нижней расправе. Это расправный судья, 4 сельских заседателя, секретарь, подканцелярист, 2 копииста, вахмистр и сторож. Всего 11 человек. Некоторые из них принадлежали к дворянскому сословию. Кроме этого у стен монастыря находилась богадельня с общим количеством богаделенных обоих полов 90 человек. В посаде могли проживать иногородние, но точных данных на этот год нет. Таким образом, в год образования посада в нем проживали люди, относившиеся к 11 сословиям и сословным группам.

Городские тяглые сословия (купечество и мещанство) составляли чуть меньше половины населения или 41,5%. Кроме них тяглым сословием являлось крестьянство, составлявшее 13,3% всего населения посада.

Таблица 1

Численность населения посада на 1782 год

Сословия и сословные группы	Души мужского пола	В %%
Купечество	234	15,5%
Мещанство	394	26,0%
Крестьяне	201	13,3%
Штатные служители	213	14,1%
Монахи	100	6,6%
Семинаристы	250	16,5%
Священно- и церковнослужители	32	2,1%
Дворяне	2	0,1%
Чиновники	20	1,4%
Отставные военные	26	1,7%
Богаделенные	41	2,7%
ВСЕГО	**1513**	**100%**

Таблица составлена по следующим материалам: *Арсений.* Село Клементьево, ныне часть Сергиевского посада, составляющая один из его приходов //ЧОИДР. — М., 1887. С.43; *Он же.* Христорожденственская церковь в Сергиевском посаде (Московской Губернии) //ЧОИДР. — М., 1891. С.61; *Он же.* Казанская и Ильинская церкви Ильинскаго прихода Сергиевского посада Московской губернии //ЧОИДР. — М., 1896. С.22, 24; *Голубинский Е.* Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. — М., 1909. С.297; РГАДА. Ф.16. Д.575. Л.32; Там же. Ф.1204. Оп.1. Д.1638. Л.1–5; ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.413. Л.6. Как правило, церковнослужители, отставные военные и чиновники имели семьи. Условно, примем в расчет, что в одной семье в среднем было 2 д. м. п.

Особое положение занимали штатные служители, которые государственных податей не платили и других повинностей не несли. Все остальные категории населения также не относились к тяглым. Среди них первое по численности место занимали лица духовного звания — монахи, семинаристы, священно- и церковнослужители. Суммарно они составляли четверть населения — 25,2%, а вместе со штатными служителями они — 39,2%. Таким образом, численность городских тяглых сословий и сословных групп, связанных с церковью, была почти равной — 41,5% и 39,2%. Остальные группы населения были весьма немногочисленны, но показателен сам факт их появления в посаде. Сельское население — крестьянство составляло только 13,3%, — то есть, абсолютное большинство населения отно-

силось к городским сословиям. При этом, тяглое и нетяглое население посада разделилось почти поровну — 54,8% и 45,2%. Напомним, в «Положении о выгонной земле для посадов» высказано утверждение, что население посадов было однородным и состояло большей частью из торговых людей, записанных в купеческое звание (2). Таким образом, очевидно несоответствие между этой законодательной мыслью и реальной ситуацией в данном городском поселении, что связано со спецификой Сергиевского посада, существовавшего при крупнейшей церковной корпорации. Сергиевский посад не являлся единственным исключением из общего правила. Аналогичная ситуация наблюдалась в Тихвинском посаде, на территории которого проживали купцы, монастырские служители, крестьяне, разночинцы-ремесленники и церковнослужители (3). В первой четверти XIX в. в Дубовском посаде был чрезвычайно пестрый состав населения, включавший не только купцов, мещан, крестьян, но и колонистов, чиновников, отставных военных и т. д. (4)

Порядок перевода в городское гражданство лиц сельского сословия предусматривал длительное пребывание в переходном состоянии между ревизиями, т. е. в это время человек был приписан одновременно и к городу, и к сельской местности. Соответственно этому порядку и подати платились одновременно и по старому, и по новому сословному званию. От этого двойного налогообложения освобождались (и то не всегда) лишь коренные жители сел, обретавших городской статус. Сергиевский посад вполне отвечал этому параметру. В 1782 г. в новые городские сословия сразу же записались 628 человек, а 201 человек остался в старом крестьянском состоянии (5). Возникает вопрос, почему льготными условиями перехода в городское гражданство воспользовались только ¾ податного населения?

П. Г. Рындзюнский подобные ситуации объясняет следующим образом: «Крестьяне, несмотря на льготные условия перехода в городское гражданство при объявлении их селений городом, не только не спешили это делать, но очевидно, не желая бросать привычное и прибыльное занятие земледелием и вообще сельским хозяйством, прямо от этого отказывались» (6). Объяснение П. Г. Рындзюнского требует существенного дополнения. Указ от 22 марта 1782 г. четко очерчивал круг лиц, получавших доступ в городские сословия: «не-

пахотным жителям, производящим торги и ремесла позволить записываться по желанию их в купечество и мещанство» (7). Таким образом, из числа потенциальных граждан сразу же исключались жители, занимавшиеся хлебопашеством. Это нашло отражение в самой процедуре перехода из крестьянства в посад. Предусматривалось обязательное подтверждение крестьянским головой факта отсутствия пахотной земли у претендента. Необходимо добавить еще одну деталь. Двойного налогообложения избежали лишь те жители, которые сразу же записались в новые сословия, сделавшие это позднее платили двойные подати. Уже в 1784 г. «повелено выходящим в купечество крестьянам сверх купеческого процентного сбора… отдавать и обыкновенные подати в силу прежних узаконений на те места откуда кто выбудет» (8). В 90-е гг. в число граждан вошли почти все оставшиеся крестьяне. Поводом для такого шага послужило нереализованное решение о выселении крестьян за пределы городской черты, угрожавшее разорением многим содержателям постоялых дворов. При этом им не пришлось отказываться от своих пахотных земель и покосов, так как «при выходе их из крестьянства обязались они подпискою, чтоб владеть землею крестьянскою и покосами, а потому и подати платить по первобытному состоянию и в подводах иметь должны очередь» (9).

Относительно численности населения Сергиевского посада в конце XVIII в. имеются разноречивые сведения. Например, В. И. Балдин приводит данные о существовании в Сергиевском посаде в 1799 г. 506 купцов, 530 мещан, 42 цеховых и 562 разночинцев. Фотокопия документа с этими данными долгое время находилась в экспозиции исторического отдела Сергиево-посадского музея-заповедника, и эти цифры неоднократно приводились многочисленными путеводителями по музею и другими популярными изданиями (10). К. А. Филимонов пишет о существовании в 1800 г. в Сергиевском посаде казенных крестьян в количестве 804 д. м. п. и 35 д. м. п. господских крестьян. Это сведения из топографического описания Московской губернии, сделанного под руководством Аршеневского (11). Отсюда возникают несколько вопросов. Почему разночинцы как категория населения вышли по численности на первое место и кого можно считать ими? Откуда через 18 лет, после учреждения посада взялись казенные крестьяне в таком огромном

количестве? И, наконец, насколько можно доверять этим сведениям? Для поиска ответов на поставленные вопросы необходимо привлечь другие документы — сведения ратуши за 1799 г. и другое рукописное описание Московской губернии за 1800 г., составленное в Межевой канцелярии (РГВИА. Ф.ВУА. Д.18862). Таким образом, у нас будут две пары сведений за 1799 и 1800 гг. и их мы сведем в Таблицу 2. Сведения ратуши о численности городских сословий на 1799 г. обозначим как «Док. 1». Данные, приведенные В. И. Балдиным за этот же год — «Док. 2». «Док. 3» — это процитированное К. А. Филимоновым описание Аршеневского за 1800 г. и «Док. 4» — это описание Межевой канцелярии за этот же год.

Таблица 2

Численность жителей Сергиевского посада конца XVIII в. (в д. м. п.)

Сословия	Док. 1 1799 г.	Док. 2 1799 г.	Док. 3 1800 г.	Док. 4 1800 г.
Купцы	506	506	581	581
Мещане	530	530	443	443
Цеховые	42	42	42	–
Разночинцы	–	562	–	215
Штатные служители	–	–	173	–
Господские люди	–	–	35	35
Казенные крестьяне	–	–	804	710

Таблица составлена по материалам: *Балдин В.И.* Загорск. История города и его планировки. М., 1981. С.146; РГВИА. Ф.ВУА. Д.18861. Ч.3. Л.83 об. — 84; Д.18862. Л.237, 389; ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.462. Л.431.

Обратим внимание на следующую особенность. Документы ратуши содержат сведения только о числе городского гражданства, в них нет и не может быть информации о других категориях населения — о крестьянах, штатных служителях и др. Остальные источники претендуют на некоторую всеобщность, и должны давать более полные сведения обо всех сословиях посада. Однако и они дают информацию далеко не обо всех жителях. При этом данные о купечестве, мещанстве и цеховых совпадают в обоих случаях за 1799 г. и

почти полностью совпадают за 1800 г. Если суммировать общую численность этих сословий, то за 1799 г. она составит 1078 д. м. п., а за 1800 г. — 1066 д. м. п. Разница составляет всего 12 д. м. п., что легко объясняется разными житейскими причинами. То есть, по большей части, сведения подтверждаются.

Необходимо проверить и перепроверить цифры именно о количестве разночинцев и крестьян. В топографическом описании за 1800 г. («Док. 4») количество разночинцев значительно скромнее — 215, чем в «Док. 2». Расшифровывается эта цифра просто. Она получилась от сложения численности цеховых и штатных служителей, данные о которых в этом документе отсутствуют. Хотя не понятно, как могли цеховые попасть в категорию разночинцев.

Объяснение толкования и изменения во времени термина «разночинец» дается в статье Г. Н. Вульфсон (12). По его мнению, «в XVIII веке… сколько-нибудь точного официально-юридического понятия “разночинец” не сложилось». В частности, указом Елизаветы Петровны «Об учреждении Московского университета и двух гимназий» одна из них предназначалась для дворян, другая — «для разночинцев, кроме крепостных людей». Следовательно, разночинцы в это время — это «всякого звания люди» кроме дворян. К началу 60-х годов XVIII века разночинцы перестали относиться к податному населению. Еще одно определение дается в «Уставе о банкротах» 1800 г.: «Разночинцы, как то: нижние придворные, статские и отставные нижние воинские чины и прочие» (13).

В Сергиевском посаде к числу неподатных сословий относились монахи, семинаристы, штатные служители монастыря, священно- и церковнослужители, отставные военные, чиновники — канцелярские служащие. Из них монахи, семинаристы, священно- и церковнослужители (100+250+32=382 д. м. п.) относились к духовенству. В документах ратуши неоднократно встречаются упоминания о разночинцах, с последующей расшифровкой. В 1786 г. разночинцами названы «крестьяне, штатные служители и прочие». В 1788 г. разночинцем назван отставной сержант, в 1790 г. в их состав включены «казенного ведомства крестьяне, отставные военнослужащие и иногородние, имеющие дворы люди» (14). Отсюда можно сделать предположение, что разночинцами в Сергиевском посаде могли называть не подсудных ратуше жителей, в число которых входили

представители податных и неподатных сословий. Попутно заметим, что и составители «Док. 4» в состав разночинцев включили цеховых — представителей податного населения. Такое положение с толкованием термина «разночинец» было характерно не только для Сергиевского посада. И. Б. Сидорова отметила, что купечество причисляло к ним лиц духовного сословия, государственных служащих, приказнослужителей, отставных солдат и крестьян, живших в городах (15). Таким образом, налицо противоречие между различными толкованиями этого понятия в официальных законодательных документах и в конкретных случаях на местах. Это подтверждает мысль о том, что понятие «разночинец» в это время еще не сложилось окончательно. Не исключено, что составители процитированной В. И. Балдиным переписи 1799 г. включили в эту категорию всех остальных жителей посада, включая представителей духовенства. Если это предположение правильно, то в совокупности духовенство и штатные служители составят 382+173=555 д. м. п. из приведенных в переписи 562 д. м. п. разночинцев. Заметим, что некоторые цифры (например, церковнослужителей) в таблице 1 рассчитаны условно и могут на 1800 г. иметь некоторые отступления в ту или иную сторону.

Теперь разберемся с крестьянами. Оба документа за 1800 г. приводят одинаковые данные о количестве господских людей — 35 д. м. п. Это проживавшие в посаде вместе со своими господами дворовые. В подлинности этих сведений сомнений нет. Объяснение огромному числу казенных крестьян содержится в описании Московской губернии за 1800 г., сочиненном в Межевой канцелярии (Док. 4). В нем после описания собственно Сергиевского посада перечисляются «Обмежеванные с Сергиевским посадом в одну округу селы и деревни». Это 25 населенных пунктов, входивших в состав Клементьевской волости с указанием числа дворов и душ мужского и женского пола. В том числе, в селе Клементьеве, что в Сергиевском посаде было всего 4 крестьянских двора с 17 душами м. п. Остальные 24 населенных пункта находились за городской чертой, в том числе такие отдаленные как села Деулино, Городок, деревня Наугольная и т. д. Общее количество крестьян в этих 25 населенных пунктах составляет 1306 д. м. п. казенных и командорственных крестьян. Далее, приводится «Краткая табель Москов-

ской губернии города Дмитрова с его уездом». После данных о Сергиевском посаде идут цифры о крестьянах по 5-й ревизии — казенных –710, командорственных — 596. Следовательно, вместе — 1306 д. м. п., уже знакомых нам, обмежеванных в одну округу с Сергиевским посадом. Заметим, казенных здесь всего 710 д. м. п., остальные — командорственные (16).

Таким образом, в двух описаниях за 1800 г. содержатся данные о наличии казенных крестьян — 710 и 804 д. м. п. Они несколько отличаются друг от друга, что бывает при подсчетах. Но, в одном случае — это данные о крестьянах, обмежеванных в одну округу с посадом, вернее входящих в состав Клементьевской волости. Видимо, и в другом случае, в описании Аршеневского, имеется ввиду именно вся Клементьевская волость. Путаница произошла от совпадения названия волости и части Сергиевского посада — села Клементьева. Разумеется, в этих данных не учитывались крестьяне, проживавшие в посаде по торговым промыслам, но приписанные к другим населенным пунктам. Таким образом, в 1800 г. реально на территории посада проживало не 804 или 710 д. м. п. крестьян, а только 17. Последняя цифра вполне сочетается с данными о количестве крестьян в середине 90-х годов — 13 д. м. п. (17) Возможно, окончательно поставить все точки над і в этом запутанном вопросе могли бы исповедные ведомости. В них, как известно, приводились сведения обо всех проживавших в церковных приходах жителях, но они до сих пор не обнаружены (18).

Городские сословия (купечество, мещанство, цеховые)

Имеющиеся в распоряжении автора документы ратуши позволяют достаточно подробно проследить процесс изменения численности городских сословий на протяжении всего хронологического периода. Для получения представительной выборки возьмем несколько лет с интервалом в 3 года начиная с 1783 г. — первого полноценного года после получения поселением статуса посада.

Таблица 3

Численность городских сословий Сергиевского посада в 80–90-е годы (в душах м. п.)

Годы	1783	1786	1789	1793	1795	1798
Купечество	400–**51%**	145–**17%**	177–**21%**	387–**41%**	406–**42%**	525–**49%**
Прибыло	+166	–255	+32	+210	+19	+119
(капитал)	(91082 р.)	(54015 р.)	(68235 р.)		(165950 р.)	(311825 р.)
Мещанство	392–**49%**	619–**72%**	586–**68%**	493–**52%**	506–**53%**	509–**47%**
Прибыло	–2	+227	–33	–93	+13	+3
Цеховые	—	95–**11%**	95–**11%**	66–**7%**	47–**5%**	42–**4%**
Прибыло		+95	0	–29	–19	–5
ВСЕГО	792–**100%**	859–**100%**	858–**100%**	946–**100%**	962–**100%**	1076–**100%**
Прибыло	+164	+67	–1	+88	+13	+114

Таблица составлена по следующим материалам: ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.413. Л.37; Д.423. Л.236 об.; Д.431. Л.147–149; Д.462. Л.431.

Данные таблицы 3 показывают постоянный рост общего числа городских сословий и изменения численности каждого из них на протяжении всего периода. Из трех городских сословий, два — купечество и мещанство изменялись как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения численности. В некоторые годы уменьшение одного сословия сопровождалось увеличением другого и наоборот. Таким образом, эти два сословия выступают подобно двум сообщающимся сосудам. По мнению М. Я. Волкова, «деление на гильдейских купцов и мещан качественно отличалось от существующего в России сословного строя, препятствовавшего перемещению людей из одного сословия в другое» (19). По существу они представляли собой единое сословие. Запись в купеческие гильдии производилась вне зависимости от происхождения и рода занятий, на основании объявленного капитала, который необходимо было ежегодно подтверждать. Отсутствие его приводило к автоматическому переводу в мещанство. Фактически купечество представляло собой верхний имущественный слой мещанского сословия. По этой же причине, невозможно было передать по наследству и само купеческое звание, т. е. наследственность сословной принадлежности для купечества отсутствовала. Третье городское сословие в посаде — цеховые —

появившись в 1785 г., никогда не пополнялось новыми членами, оно только уменьшалось год от года. И хотя купечество и мещанство существовали в посаде как два отдельных общества со своими старостами, правами, обязанностями, их в дальнейшем мы будем рассматривать вместе, а цеховых отдельно от них.

При рассмотрении динамики численности городских сословий необходимо учитывать еще один момент. Имеющиеся данные могут продемонстрировать лишь разницу между прибылью и убылью внутри каждого сословия (баланс), а не собственно то или другое. Это упрощенный вариант горизонтальной и вертикальной мобильности, так как часть происходивших изменений взаимно перекрывала друг друга. Например, на 1796 г. в гражданстве состояло купцов 528 д. м. п., мещан 499 д. м. п. и цеховых — 42 д. м. п. На следующий, 1797 год, выбыли из купечества в мещанство — 9, из мещанства в купечество — 22, и из крестьянства в купечество — 2 д. м. п. Таким образом, на 1797 год численность городских сословий стала следующей — купцов 543 д. м. п., мещан 488 д. м. п., цеховых 42 д. м. п. (20) Взаимные перемещения в итоге свелись к прибыли купечества и убыли мещанства. Продемонстрировать в таблице, как именно и за счет каких сословий пополнялись купечество и мещанство, не удалось из-за невозможности представить аналогичные расчеты за несколько лет подряд или выборочно.

Происходил постоянный рост численности городских сословий, но он был неравномерным. Так, 1782 по 1783 год общая численность городских сословий выросла с 628 до 792 или на 164 д. м. п. Такого большого прироста населения больше не наблюдалось. Напомним, указ об учреждении посада был подписан 22 марта 1782 г., а городские учреждения, или говоря старым языком — открытие посада — произошло в конце октября этого же года. То есть, 628 д. м. п. успели записаться в городские сословия до открытия учреждений, а следующие 164 — после этого события. Практически, это был растянувшийся на несколько месяцев первоначальный поток желающих перейти в новое городское состояние. Всего же с 1782 по 1798 год общая численность городского гражданства выросла с 628 до 1076 или на 448 д. м. п. Учитывая, что общая численность жителей, пожелавших остаться в крестьянстве, в 1782 г. составила 201 д. м. п., следует признать, что пополнение городских сословий происходило не

только за счет местного крестьянства, но и из других источников, в том числе и за счет пришлого населения.

Таблица 3 демонстрирует постоянные внутрисословные колебания. Численность купечества, за исключением одного момента, постоянно возрастала и в абсолютных, и в относительных цифрах. Более того, к 1798 г. купечество становится самой многочисленной группой населения, обгоняя по численности даже мещанское сословие, традиционно самое многочисленное. Единственный случай резкого сокращения численности купечества связан с событиями 1785 г. В этот год произошло увеличение минимального размера капитала для записи в 3-ю гильдию — до 1000 р. (21) Лица, не владевшие такой суммой, автоматически переходили из купечества в мещанство. В год учреждения посада в купечество во 2-ю гильдию с капиталом в 1000 р. записались 37 д. м. п., остальные — в 3-ю гильдию. После повышения ценза общее количество купцов сократилось на 255 душ или более чем в 2 раза. Но при этом, число владельцев капитала в 1000 р. выросло с 37 до 145 д. м. п. или в 4 раза (22)! В дальнейшем, при очередном повышении минимального размера капитала в 1794 г. (23) сокращения купечества уже не происходит, что скорее всего отражало общий рост его состоятельности.

При переходе из купечества в мещанство не только понижался социальный престиж семьи, но и мужчины подпадали под несение рекрутской повинности. В первую очередь купеческое сословие покидали купцы, не способные заплатить положенного ежегодного процентного сбора. В начале 1785 г. по этой причине были исключены из купечества и записаны в мещанство 6 купцов: Иван Ерофеев, Петр Ильичев, Афонасий Верещагин, Петр Доронин, Николай Чернохвостов, Федор Антипов. Покидали купеческое сословие люди не платившие по векселям и объявленные банкротами («банкрутами»). В 1785 г. таким оказался купец Осип Телегин (24). Овдовевшие купеческие жены с малолетними детьми часто вынуждены были по неимуществу покидать купеческое сословие. Это была наименее обеспеченная часть купечества.

Покидала купечество посада и более обеспеченная его часть. Это купцы, освоившиеся в других городах, имевшие там свои дома, торговые лавки, деловые связи. Позволить себе переехать в другой город, тем более в одну из двух столиц, могли только крепко стояв-

шие на своих ногах, имевшие хорошие перспективы люди. В том же 1785 г. в Москву вышли 5 купеческих семейств, в том числе семья Василия Иванова сына Прохорова — будущего основателя знаменитой Трехгорной мануфактуры. Прохоров к этому моменту проживал в Москве в собственном доме и имел торговый промысел с капиталом в 1050 р. (25) В 1795 г. в г. Пярну переехала семья Андрея Ерофеева, бывшего бургомистром предшествующего трехлетия (26).

В некоторых случаях купеческое общество активно сопротивлялось оттоку представителей состоятельного купечества. В 1792 г. было отказано купцу Клеенову, хотя формальных поводов — «казенных и партикулярных исков» — не было. Любопытно объяснение, поданное в ратушу. «Купечество все единогласно отозвались, что они показанного Клеенова к записке в московское купечество не увольняют, потому что от таковых увольнений уменьшается здешнее общество» (27). Обратим внимание, что именно к этому времени в купечестве было 387 д. м. п. Оно за несколько последних лет увеличилось более чем вдвое, но тем не менее, купеческое общество, не желает потери состоятельного купца Клеенова. Этот факт убеждает в том, что увеличение численности купцов не означало автоматического роста экономического потенциала всего общества.

За 5 лет с 1787 по 1791 гг. в состав купечества вошло 89 семей. Именно в эти годы мещанское общество обращается в ратушу с жалобой, что «из-за предбудущих рекрутских наборов записываются в купечество и неимущие». Эта жалоба датирована 1788 г., а в следующем году из-за поступившей вновь аналогичной жалобы было устроено отдельное разбирательство и выслушано мнение по этому вопросу каждого выборного члена ратуши. Подобные ситуации встречаются и позднее. В 1791 г. читаем: «Уже ратушею из сего и замечено, что и многие из мещан не в надлежащее время объявя капитал, о записке в гилдию просить будут, а особливо за кем состоит по мещанству рекрутская очередь, так как и оной Бурдуньин не для чего другаго ныне заранее капитал объявляет и домогается чрез то получить купеческое название как толко, что за ним, Бурдуньиным, обстоит рекрутская очередь» (28). Может быть, мнение мещанского общества и было справедливо по существу, но не законно. Проверка реальности существования капиталов была невозможна до такой степени, что было запрещено даже принимать доносы по это-

му поводу. К тому же и ранее в купечество записывались отнюдь не только торгующие люди. В 1785 г. при повышении минимума капитала в состав купечества 3-й гильдии с общим капиталом в 1025 р. вошли служительские дети Иван и Петр Алексеевичи Селецкие. Они оба не скрывали того факта, что кроме двух деревянных домов торговых лавок и торгов у них нет. Видимо, и жили они порознь, хотя записались в один общий капитал. Чем же занимались эти вновь испеченные купцы? «Иван имеет живописное художество, Петр — надзиратель при продаже у питейного откупщика» (29). Запись в журнале ратуши от 31 декабря 1792 г. повествует о братьях Сергее и Иване Грушиных, за которых процентный сбор с момента объявления ими капитала вносил их родственник купец Григорий Бочкин. Однако, стоило братьям уехать из посада и поступить на работу к московскому хозяину, как родственная помощь прекратилась, и Грушиных перевели в мещанство (30). Таким образом, в некоторых случаях разница между купцом и мещанином заключалась не в наличии или отсутствии коммерческих занятий, а в возможности оплаты ежегодного минимального купеческого сбора, открывающего доступ к гильдейским привилегиям. Это характерно не только для одного Сергиевского посада, но и для всей страны (31).

Обозначилось еще одно явление общего порядка, свойственное абсолютно всем городам. В 1785 г. насчитывалось 15 семейств, в которых вместе числились раздельно проживавшие братья. Они насчитывали 34 д. м. п. Иногда братья сами проявляли инициативу о выделении в отдельные капиталы. Иногда на этом настаивали купеческие старосты, т. к. из-за существовавших внутрисемейных счетов было сложно собирать государственные подати (32). В 1795 г. некоторые братья-купцы, записанные в отдельные капиталы, объединяются в один. Например, Иван и Федор Бурдуньины, Алексей и Афонасий Володимировы (33). Видимо, такое сложение капиталов давало больше шансов без увеличения налогового бремени сохранить и увеличить экономический потенциал. Тем более, законодательно ограничения касались степени родства, а не числа членов семьи, записанных в один капитал. Казенные сборы — в данном случае, процентный сбор — платились не с ревизской души, а с капитала. В некоторых случаях, при многосемейности процентный сбор с капитала мог быть даже меньшим, чем суммарная величина

подушных и оброчных, которые могли собираться с каждой ревизской души мужского пола в этой семье. Похожая ситуация наблюдалась и в других городах империи (34). К тому же, при сборе подушных с мещан, сумма, взыскиваемая с одной души мужского пола была больше определенной законодательно. Это объяснялось тем, что мещанское общество обязано было не допускать появления и накопления недоимок и платило за неимущих (сирот, престарелых и т. д.) мещан. Купеческое общество таких проблем не имело, т. к. неимущих там не могло быть в приципе.

В середине 90-х годов после очередного повышения имущественного ценза для купечества 3-й гильдии отмечаются случаи автоматического удвоения объявленного капитала. В 1795 г. экономической Клементьевской волости деревни Матренок крестьянин Петр Естифеев написал в прошении о наличии у него капитала в 1010 р. За время длительной процедуры перевода имущественный ценз изменился, но сам претендент сохранил свое желание. Поэтому он был причислен к купечеству посада с начала 1796 г. с оговоркой, что «процентных на тот год принять уже по указу 23 июня 1794 г. з дву тысячь десяти рублей» (35). То есть в этом случае налицо автоматическое увеличение размера капитала в соответствии с новыми требованиями. Заметим, что отсутствие необходимой суммы не позволило бы Петру Естифееву записаться в посад в мещанство.

Учитывая все вышесказанное, напрашиваются следующие выводы. Сокращение числа купечества в 1785 г. произошло из-за того, что имущественный достаток большинства купцов не достигал необходимого минимума. Позднее, в купечество, пользуясь лазейками законодательства, стали записываться по разным причинам и менее состоятельные люди, капиталы которых могли быть фикцией. После очередного повышения минимума капитала в 1794 г., они автоматически удвоили их и остались в составе купечества, т. к. в реальной жизни это означало только увеличение платежей без какого-либо подтверждения подлинного соответствия объявленного и реального капитала. Это не означает, что не существовало финансового роста или что этот рост был только на бумаге. Но, общий рост численности купечества не соответствовал пропорциональному росту экономического потенциала Сергиевского посада. Между купечеством и мещанством не было непреодолимых барьеров. Существовало по-

стоянное движение населения. Купечество пополнялось более состоятельной частью населения, а мещанство аккумулировало менее обеспеченную часть. В некоторых случаях наличие гильдейских привилегий побуждало отдельных лиц из мещанского общества вступать в ряды купцов даже при отсутствии необходимого капитала, особенно в виду освобождения от натуральной формы рекрутчины. При этом самые успешные предприниматели могли покинуть город в поисках более выгодных перспектив.

Цеховые ремесленники в Сергиевском посаде появились только в 1785 г. после издания «Жалованной грамоты городам», содержащей «Ремесленное положение». В конце апреля 1785 г. в ратуше из части мещанства были составлены ремесленные цехи по трем специальностям — кузнечный, портной и сапожный, т. к. именно по этим трем ремеслам имелось по 5 и более мастеров. Три цеха объединились в единую организацию во главе с цеховой ремесленной управой. Подмастерьев и учеников в цехах Сергиевского посада не было. Разумеется, в посаде существовали не только специалисты этих трех ремесел, о чем свидетельствует ведомость отосланная ратушей в Московский губернский магистрат в этом же году (См. Приложение 3) (36). В описаниях конца XVIII в. разные авторы обращают внимание на существование промысла по производству разных деревянных вещей — посуды, ларчиков, игрушек и т. д. В других документах имеются указания на обучение и производство кукол и других игрушек. Но при всем этом, для организации специального цеха резчиков или кукольников не набралось достаточного числа мастеров или же это ремесло не было сочтено достойным для организации своего отдельного цеха. Не было не только отдельных цехов для других существовавших в посаде ремесел, но и одного общего цеха для мастеров разных специальностей. Действия ратуши получили одобрение Московского губернского магистрата, который констатировал, «что при разделении оказавшихся ремесленников на 3 цеха, поступлено ратушею так как в Городовом положении и в соответствие ево в указе губернского магистрата предписано» (37).

Порядок записи в цехи соответствовал Ремесленному положению. Проситель изъявлял желание, предъявлял свою работу к освидетельствованию, и при благоприятном результате вносился в списки цеховых ремесленников. Одним из требований было «непорочное

поведение» просителя. В Сергиевском посаде это условие соблюдали неукоснительно. Кроме постоянных членов цеховой организации, позволение заниматься ремеслами могли получать граждане других городов. «Из живущих здесь в посаде ремесленных других городов по сапожному цеху управное дозволение имеют 3 человека» (38). Таким образом, каких-то особых преград для записи в цех не существовало.

В 1785 г. при организации цехов «портных было 16, сапожников 13, кузнецов 19 человек», но в подушном окладе значились не 48 (16+13+19), а 95 душ. Следовательно, приведенные выше цифры соответствуют реальному числу цеховых мастеров без учета малолетних, умерших и сданных в рекруты, подлежавших налогообложению. Сведения за 1791 г. иного характера: «кузнецов — 25, портных — 26, сапожников — 26, а всего с умершими и отданными в рекруты — 77 душ». То есть, приведенные цифры соответствуют не числу реальных мастеров, а числу ревизских душ. Реальная численность ремесленников уменьшилась, но сколько мастеров осталось в каждом цехе в наличии не известно. Возвращаясь к таблице 3, отметим, что уменьшение числа цеховых ремесленников продолжалось и позднее. К концу века общая их численность сократилась более чем вдвое и составила всего 42 д. м. п.

Некоторое сокращение произошло за счет естественной убыли населения, какое-то число было сдано в рекруты по разным причинам. Но значительная часть выбыла из цеховых в купечество Сергиевского посада. За период с 1789 по 1794 гг. (т. е. за 5 лет) эта цифра составила 33 д. м. п., да еще 2 д. м. п. вышли в состав московского мещанства (39). Показательно, что среди выбывших оказались Тимофей Рындин, бывший цеховым головой в 1785–1787 гг., Сергей Стромынцев, голова в 1789 и 1792 гг. и старшина кузнечного цеха 1794 г., Артамон Тюрин — старшина сапожного цеха в 1785–1787 гг., Маркел Кондратьев — старшина кузнечного цеха в 1788 г., Ефим Никифоров — старшина портного цеха 1791 г. Вышел в московское мещанство старшина кузнечного цеха 1792–1793 гг. Афанасий Бобарыкин. Покинула состав цеховой организации вдова старшины кузнечного цеха 1791 г. Василиса Бунина с двумя сыновьями. Почти все остальные выбывшие в разные годы были старшинскими товарищами. Обычай требовал, чтобы выборные должности занима-

ли наиболее уважаемые, квалифицированные и состоятельные люди. Следовательно, большая их часть и покинула цехи. Обратим внимание на то, что отсутствие должной квалификации ни разу не стало причиной сокращения численности мастеров. Более того, дважды в 1786 и в 1787 гг. было отказано группе из 10 мастеров, обращавшихся с просьбой «определить их по малознанию ими своих мастерств в первобытное состояние» т. е. в мещанство (40). Желающих записаться вновь в цехи Сергиевского посада не оказалось, хотя в это время там проживали люди, владевшие видами цехового ремесла. В 1795 г. мещанин Николай Рыбин, владевший портным ремеслом, был принят в московский цех, но при этом в цеховой организации посада он не состоял (41).

Скорее всего, цеховые стремились покинуть организацию, которая не смогла оградить их от конкуренции штатных служителей Лавры, отставных военных, крестьян, активно занимавшихся ремеслами. Законодательство оставило удобную лазейку, позволяющую работать без записки в цех. Одна из статей Ремесленного положения разрешала это при условии, что работа производилась только «ради дневного пропитания», т. е. малым числом, без наличия вывески, клейма и тому подобных знаков цехового ремесла, дававших гарантию качества. В маленьком городке покупатели не придавали значения, сделан ли интересующий их товар в мастерской с вывеской или без нее. Таким образом, цеховая организация в Сергиевском посаде уменьшалась в размерах и хирела, но само ремесло как вид деятельности в посаде продолжало развиваться.

Ситуация, сложившаяся с организацией цехового ремесла в Сергиевском посаде не была уникальной. Имеются сведения о борьбе с нецеховыми ремесленниками в Чебоксарах, Симбирске, Тихвине, Новгороде, Москве (42). Многие аналогичные проблемы встречаются в истории цехового ремесла Сибири. Во многих городах цеховые организации были созданы только в начале 90-х годов (43). В цехах Сибири практиковался свободный прием членов ради увеличения доходов и уменьшения раскладки государственных податей и очередности мирских служб. Выход из организации был возможен при наличии капитала, когда разбогатевшие ремесленники записывались в состав купечества. Кроме того, бичом ремесленников Сибири была конкуренция с представителями нецехового ре-

месла. В их случае конкурентами выступали разночинцы, подведомственные не магистратам, а воеводской канцелярии (44). Таким образом, невыполнение монополии цехового ремесла было общим явлением по всей стране.

Суммируя все сведения о городских сословиях, напрашиваются следующие выводы. Общая численность городского гражданства за период с 1782 г. по 1798 г. выросла с 628 до 1076 душ м. п. или на 71,3%. При этом постоянно менялось соотношение городских сословий между собой. Наиболее неустойчивой оказалась сословная группа цеховых ремесленников. Сформированная позднее всех из числа мещан, эта группа населения постоянно сокращалось. Численность купечества и мещанства в разные годы варьировалась — то сокращалась, то увеличивалась.. Между купечеством, мещанством и цеховыми не было непреодолимых барьеров. Существовало постоянное движение населения. При этом пополнение городских сословий шло за счет увеличения численности купечества и мещанства. Купечество пополнялось более состоятельной частью населения, а мещанство аккумулировало менее обеспеченную часть. Самые успешные предприниматели могли покинуть город в поисках более выгодных перспектив.

Крестьяне

Крестьяне, проживавшие на территории Сергиевского посада, были коренными жителями этого поселения, не пожелавшими расстаться со своими землями и покосами. Они имели свою внутреннюю организацию и входили в состав экономической Клементьевской волости. Действовал мирской сход, принимавший решения по самым главным вопросам, которые оформлялись в виде мирских приговоров. Во главе сословия находился выборный крестьянский голова (45). Несколько имен этих лиц сохранили документы. Это Иван Оголин (1783 г.), Поликарп Федоров (1785 г.), Илья Челпанов (1786 г.), Маркел Сергеев (1789 г.) (46). В обязанности головы входили организация сбора государственных налогов и выполнения

безвозмездных служб крестьянами, а также представление и защита интересов своего сословия внутри посада. Имелась и специальная Клементьевская приказная изба, которая выполняла функции присутственного места для крестьян всей Клементьевской волости. Упоминание о ней имеется в переписке ратуши с судьей Богородской нижней расправы (47). Административно и крестьянство, и приказная изба подчинялась расправе. Функции и деятельность Клементьевской приказной избы по документам ратуши не прослеживаются.

Наличие у крестьянства земель давало возможность заниматься земледелием и животноводством. Предметом особой заботы крестьян стала заготовка сена, бывшего ходовым товаром. Об этом свидетельствуют акты промена сенокосных земель между монастырем и крестьянским обществом. Так, в 1786 г. в результате обмена крестьяне получили за 6 десятин земли с лесом участок в 4 десятины. Правда, за лес они хотели получить доплату в 30 р. В 1794 г. они получили право пользоваться монастырским сенным покосом в Исаковской роще, за что обязывались предоставлять монастырю каждое лето по 10 косцов на 1 день. С крестьянским трудом связана аренда на 5 лет лаврского огорода крестьянином Матвеем Комаровым (48).

Полученную продукцию крестьяне могли продавать на местном рынке в посаде. Но им разрешалось продавать строго регламентированный перечень товаров: «собственной свой, а не перекупный, то есть, всякий хлеб, живность, рыбу и прочие всякие съестные мелочные товары, рогатую скотину, сено, дрова» (49). Из этого можно предположить, что случаи ведения крестьянами перекупной торговли имели место. Занимались крестьяне и обслуживанием проезжающих. В зимнее время, некоторые из них занимались продажей воды для питья и пойла лошадей из прорубей Келарского и Банного прудов. Пруды принадлежали монастырю, который получал арендную плату от 11 до 14 р. При удобном случае, крестьяне активно сотрудничали с монастырем. Они подряжались для выполнения различных работ, например, вывоза строительного мусора, участия в строительных работах, изготовления кирпича и т. д. (50) Таким образом, местоположение поселения предоставляло различные возможности для заработка помимо сельского хозяйства.

Напомним, первоначально для записки в городское гражданство требовалось представить подтверждение отсутствия пахотной земли. Численность крестьянского населения, первоначально значительная — 201 д. м. п., постоянно сокращалась. Переход крестьян в городские сословия продолжался даже при невыгодных условиях двойного налогообложения, о котором говорилось ранее. Некоторых вынуждал к таким решениям запрет крестьянам заниматься мещанскими промыслами и полноценно присутствовать на местном рынке в торговые дни. Именно этими причинами объясняли свое решение в 1786 г. крестьяне Ульян Телицын и Иван Репин, имевшие «рукавишное мастерство». В положительном решении ратуши по этому вопросу содержится такая показательная фраза: «Приказать торговать допустить» (51). Отголоски существовавшей распри между крестьянами и гражданами посада сохранились в донесении А. А. Прозоровского 1791 г. на высочайшее имя: «крестьяне посадским воспрещают выпуск скота для пастбы, а сии выгона не имеют; купцы крестьянам не хотят позволять производить продажу в розницу, а крестьяне, живущие с ними, как выше упомянуто через двор, присвояют к себе таковое право, как в своем селении» (52).

Резкое сокращение крестьянства произошло в 1792 г. В этот год более 100 д. м. п. крестьян перешли в купечество и мещанство. Поводом послужило нереализованное решение перевести крестьян за пределы посада при проведении перепланировки. В коллективном прошении крестьяне объясняли, что они пропитание свое имеют от содержания постоялых дворов, а при переселении они лишатся своего дохода и придут в разорение. Из этой записи видно, что хотя крестьяне сохраняли свои земли и покосы, все таки главной статьей их дохода было не сельское хозяйство, а городские промыслы (53). В итоге, в крестьянстве осталось лишь 13 д. м. п. (54) и как городообразующий элемент на территории посада оно перестало существовать.

Документы ратуши отразили лишь некоторые аспекты отношений с крестьянами посада. Это не только конфликтные дела, связанные с крестьянской торговлей. Прежде всего, это сбор податей и недоимок за убылые души и поставка рекрут. Крестьяне, вышедшие в купечество и мещанство с сохранением земли и покосов, как уже упоминалось, обязаны были платить подати и по крестьянству. Эти платежи вносились по месту старой приписки, т. е. в данном случае

в Клементьевскую волость. Кроме налогов, они как и остальные крестьяне обязаны были поставлять на станцию под проезжающих лошадей, делать поставки продуктами (55).

Крестьянство и городское гражданство жили в тесном соседстве, которое нередко дополнялось близкородственными связями между отдельными представителями этих сословий.

Штатные служители монастыря

Штатные служители Лавры были коренными жителями поселения. Они выделились после секуляризации церковных владений из числа подмонастырских крестьян в особую группу людей, занятых обслуживанием монастыря. Само их название — штатные — уже говорит об ограниченности этой группы размерами штатного расписания, которое насчитывало 100 единиц различных должностей. Кроме этого, существовали должности заштатные и полуштатные, которые занимали обученные различным специальностям служительские дети.

Штатные служители выполняли самые различные работы и владели многими ремеслами. Представить это в полной мере позволяют ежегодные отчеты в Коллегию экономии о штатных служителях. Данные за 1789 г. легли в основу таблицы 4. Распределение штатных служителей по специальностям в основном было постоянным. Иногда могли появиться представители других профессий, но их общее число — 100 человек — оставалось неизменным. Уменьшаться оно могло только в связи со смертью, либо уходом в богадельню престарелых служителей.

Монастырские власти стремились увеличить число работающих. «Прошлаго 1768 года августа 7 дня по присланному от вашего высокопреосвященства в Учрежденный собор указу велено было в дополнение штатного числа служителей содержать малолетних служительских детей до 12 человек на лаврском жалованьи и обучать их мастерствам, а именно: портному — 2, котеленному — 1, слесарному — 1, живописному — 2, столярному и оконнишному — 2, шерному — 1, коретному — 1, поваренному — 2», — говорится в

донесении митрополиту Платону в 1791 г. 12 «сверхштатных» составляли 12% от основного штата служителей. На самом деле сверхштатных было значительно больше, так как кроме обучавшихся имелось много уже обученных и работающих в монастырском хозяйстве в ожидании штатных мест. В ведомости за 1782 г. фигурируют 32 человека, обучающихся мастерству на лаврском коште (56). Общая численность штатных служителей всегда превышала определенную штатами цифру.

Таблица 4

Состав штатных служителей Троице-Сергиева монастыря

Наименование должностей	Количество единиц
Канцеляристы	6
Живописцы	5
Конюхи	12
Столяры	8
Повара и пирожники	6
Кузнецы	4
Кузнецы и слесари	3
Плотники	7
Портные	4
Рыбаки	2
Каменщики и печники	4
Штукатур	1
Изразешник	1
Пивовар и медовар	1
Квасовар	1
Бочары	2
Хлебники	2
Сапожники	3
Свечник	1
Серебряник	2

Переплетчик	1
Садовник	1
Истопник	1
Караульные	7
В разных работах	13
ИТОГО	**98**

РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1639. Л.1–2 об.

Манифестом о секуляризации церковного землевладения от 26 февраля 1764 г. из 100 штатных служителей лавры в подушный оклад было не положено только 5 человек, а на платеж остальных 95 человек Коллегия экономии отпускала специальную сумму, поскольку «за штатных служителей подушные и оброчные деньги повельно платить из казны.» Кроме этого, Коллегия экономии оплачивала подати и за малолетних служительских детей до 15 лет. Дети старше 15 лет обязаны были платить сами. Как правило, к этому сроку служительские дети обучались или уже были обучены различным ремеслам и содержались на полуштатном жалованье в ожидании свободных мест (57).

Служители имели существенные льготы и в отношении рекрутской повинности. Штатные служители монастыря были освобождены от нее. Что же касается их детей, то «обученные от лавры каким либо мастерствам, и коих лавра оставлять будет для помещения на убылые места, к рекрутской отдаче в жеребьи… не класть» (58).

Работа штатных служителей строго регламентировалась. «К работе каждый день им являться в 7-м часу по утру, на обед два часа: двенадцатый и первый. А с работы сходить на исходе седьмого часу вечера». За нарушение регламента работы налагался штраф — 10 коп. Рабочий день портных был длиннее: «Велено всегда им приходить в шесть часов по утру в седьмом в начале, а выходить в вечеру в семь часов, на обед полтора часа». Кроме этого, во время сенокоса служители бесплатно работали на монастырских лугах. От сенокоса увольнялись только портные и живописцы. Работа живописцев предполагала написание определенного количества икон, роспись помещений в Лавре и монастырских зданий в Москве, изго-

товление рисунков для церковных одежд и утвари и т. д. Если живописных работ было очень много и норма написания икон не выполнялась, то живописцы обязывались поставлять их в следующие годы (59).

За работу в хозяйстве монастыря штатные служители получали денежное жалованье — 16 р. 22 к. в год. За продолжительную службу жалованье иногда прибавлялось. В 1784 г. была прибавка к жалованью для прослуживших более 10 лет. О размерах этой прибавки говорит тот факт, что на 12 человек, удовлетворявших этому требованию, было выделено всего 33 р. Обучающиеся мастерствам за лаврский счет, а также зачисленные на полуштатные и заштатные должности получали от лавры жалованье от 5 до 12 р. в год (60).

Однако, ни жалованья штатных служителей, ни жалованья заштатных и полуштатных служительских детей не хватало для пропитания их многочисленных семейств: «Оного не токмо на одежду и обувь, но и на хлеб особливо по нынешней дороговизне на все припасы возвышается великой ценой крайне недостаточно». Иногда встречаются просьбы штатных служителей не только о прибавке жалованья деньгами, но и о выплате частично жалованья продуктами: «А притом дороговизна хлеба ежеденно умножается, и за тем, если по мелочи покупать, то сверх покупаемой на Лавру цены имеет быть нам в придаче убытка от каждого пуда по 20 коп. и более. Того ради Учрежденный собор всепокорнейше просим о покупке на нас муки ржаной или рожью по поставочной на Лавру цене милостивую резолюцию учинить; за которую муку сколько кто возьмет себе пудов вычесть у нас деньги из жалованья.» В ответ на униженные просьбы Учрежденный собор по рассмотрении каждого вопроса в отдельности мог прибавить немного (1–3 р.) к мизерному жалованью своих служителей. Но всегда непременно подчеркивалось, что это делается из милости «в разсуждении их бедности». В редких случаях в виде поощрения за хорошую работу и для дальнейшего в ней прилежания. Размер таких наград был невелик — от 1 до 1,5 р. Понимали это и власти. Одна из резолюций митрополита Платона гласила: «Портных малым чем за работу их отличить» (61).

Понятно, что среди служителей не было и не могло быть равного положения в оплате труда и в жизненном уровне. В то время, как основная масса служителей жила бедно, отдельные служители име-

ли значительные накопления даже в золотых империалах. В более привилегированном положении находились приказные служители, которые к тому же не были положены в подушный оклад, живописцы, лекарь. При этом жалованья приказных служителей не хватало на шитье форменных мундиров. Что же касается штатного служителя — лекаря, то в 1795 г. его жалованье составляло 40 руб. в год, что, конечно, превышало жалованье остальных служителей. Но оно кажется незначительным в сравнении с тем, что получал через 10 лет штаб-лекарь Витовский: «жалованья по 300 руб. в год, да сверх того на дрова и свечи по 25 р. в год, и человека из малых штатных или вместо того по 25 р. в год денгами» (62).

Чтобы хоть как-то поправить свое материальное положение, служители в свободное от работы на монастырь время занимались разными ремеслами, продажей мелочных товаров и своих изделий. Иногда Учрежденный собор отпускал служителей для прокормления по паспортам. Срок определялся каждый раз отдельно. В отношении живописцев было решено: «В отпуск на сторону по очереди могут они отпускаемы быть, с докладу нашего, на осень и зиму, ибо летом они всегда нужны для Лавры» (63).

Таким образом, можно сказать, что категория штатных монастырских служителей, составлявшая значительную группу населения Сергиевского посада, находилась в полной власти монастырской администрации. Тяжелое экономическое положение заставило их изыскивать дополнительные заработки вне монастыря. А это, в свою очередь, оказывало влияние на жизнь всего поселения, особенно посадских ремесленников, и порождало всякого рода конфликты с городскими сословиями и учреждениями посада.

В целом, большая часть населения посада при кажущейся пестроте была достаточно однородной, а межсословные барьеры — прозрачны. Рассмотренные сословия были открыты как для поступления, так и для выхода из них. Постоянно возрастала численность городских сословий. Совершенно особо протекала жизнь, изменялась численность и состав монахов и семинаристов за стенами монастыря, которые не стали объектом данного исследования. Не оказалось возможности проследить изменения численности таких мелких сословных групп как дворяне, чиновники, отставные военнослужа-

щие, священно- и церковнослужители и богаделенные, составлявших менее 10% населения. Однако самый факт существования 11 сословных групп опровергает мнение о преимущественно купеческом населении посада как типа поселения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Балдин В.И.* Загорск. — М., 1958. С.47–48.
2. ПСЗ. — СПб., 1830. Т.XXIX. №22587.
3. *Сербина К.Н.* Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI–XVIII вв. — М.–Л., 1951. С.397, 402, 408, 411–414, 418; РГАДА. Ф.783. Оп.1. Д.2. Л.41–58, 94–109.
4. РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.1389. Л.2–2 об.
5. РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.575. Л.32.
6. *Рындзюнский П.Г.* Новые города России конца XVIII в. //Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сб. статей к 70-летию академика М.Н. Тихомирова. — М., 1963. С.365.
7. ПСЗ. Т.XXI. №15371.
8. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.414. Л.4 об.
9. ЦИАМ. Ф.16. Оп.1. Д.486. Л.2 об. — 3.
10. *Балдин В.И.* Загорск. История города и его планировки. — М., 1981. С.146; Музей-заповедник в Загорске. Путеводитель. — М., 1975. С.83; Загорский музей-заповедник. Путеводитель. — М., 1990. С.24.
11. *Филимонов К.А.* Сергиев Посад. Страницы истории. XIV — начало XX века. — М., 1997. С.74; РГВИА. Ф.ВУА. Д.18861. Ч.3. Л.83 об. — 84.
12. *Вульфсон Г.Н.* Понятие «разночинец» в XVIII — первой половине XIX века. (Некоторые наблюдения) //Очерки истории народов Поволжья и Приуралья. — Казань, 1967. Вып.1. С.107–124.
13. Там же. С.110, 113, 114.
14. Там же. Д.423. Л.153; Д.428. Л.39; Д.431. Л.156.
15. *Сидорова И.Б.* Положение разночинцев в русском обществе (XVIII — первая половина XIX в.). Дисс. … канд. ист. наук. — Казань, 1982. С.87.
16. РГВИА. Ф.ВУА. Д.18862. Л.237, 389. Командорственные крестьяне — указами Павла 1 выделены из числа экономических в количестве 50000 д. м. п. в пользу Российского Кавалерского Ордена — общества лиц, награжденных российскими орденами. См.: ПСЗ. Т.XXIV. №17908, 17925.
17. ЦИАМ. Ф.16. Оп.1. Д.486. Л.2 об. — 3.
18. После того, как книга была окончена, автору удалось обнаружить исповедные ведомости за 1761, 1767, 1769 гг. Это не проясняет окончательно вопроса о численности жителей в 80–90 — е гг., но, видимо, количество крестьян было все-таки больше, чем я предполагала.
19. *Волков М.Я.* Формирование городской буржуазии в России XVII–XVIII вв. //Города феодальной России. Сб. ст. памяти Н.В. Устюгова. — М., 1966. С.204.
20. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.458. Л.382, 383.

21. ПСЗ. Т.XXII. №16188.
22. До 1785 г. обладание капиталом в 1000 р. давало право записи во 2-ю гильдию.
23. ПСЗ. Т. XXIII..№17223.
24. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.417. Л.1–2об., 8.
25. Там же. Д.417. Л.37; Д.418. Л.141 об.; *Бурышкин П.А.* Москва купеческая. — М., 1991. С.149–150.
26. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.451. Л.40.
27. Там же. Д.435. Л.190 об.
28. Там же. Д.428. Л.211; Д.430. Л.467; Д.435. Л.184 об.
29. Там же. Д.417. Л.46.
30. Там же. Д.440. Л.501 об. — 502.
31. *Яковцевский В.Н.* Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. — М., 1953. С.76.
32. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.418. Л.24; Д.412. Л.10, 40.
33. Там же. Д.450. Л.87, 89.
34. *Яковцевский В.Н.* Указ. соч. — М., 1953. С.133.
35. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.450. Л.34 об-35.
36. ЦИАМ. Ф.45. Оп.1. Д.311. Л.30–32 об.
37. ЦИАМ. Ф.16. Оп.1. Д.524. Л.13 об.; Там же. Ф.73. Оп.1. Д.417. Л.44; Д.423. Л.5 об.; *Чеботарев Х.А.* Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. — М., 1787. С.112.
38. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.439. Л.176 об.
39. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.430. Л.229, 445 об. — 456 об.; Д.431. Л.59, 235, 239; Д.435. Л.9, 247, 247 об.; Д.447. Л.171. Д.451. Л.77, 117.
40. Там же. Д.418. Л.209 об.; Д.422. Л.16; Д.426. Л.91–91об.; Д.439. Л.176–176об.
41. Там же. Д.451. Л.35, 185.
42. *Пажитнов К.А.* Проблемы ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. — М., 1952. С.63–74.
43. *Рабцевич В.В.* О цеховой организации ремесленников Западной Сибири в 80-х гг. XVIII — первой четверти XIX вв. //Города Сибири. Эпоха феодализма и капитализма. — Новосибирск, 1978. С.137, 140, 141.
44. *Рафиенко Л.С.* К вопросу о возникновении цеховой организации ремесленников Сибири в XVIII в. //Города Сибири. Эпоха феодализма и капитализма. — Новосибирск, 1978. С.128, 130, 133.
45. ЦИАМ. Ф.16. Оп.1. Д.486. Л.2 об.
46. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.413. Л.79; Д.418. Л.53; Д.423. Л.62 об., 208; Д.430. Л.211.
47. Там же. Д.623. Л.182.
48. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1354. Л.1, 4 об.; Д.1945. Л.7; Д.1484. Л.2.
49. Там же. Д.1702. Л.6 об.
50. Там же. Д.1138, 1310, 1370, 1559, 1461, 2115.
51. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.423. Л.80; Д.422. Л.3.
52. РГАДА. Ф.16. Д.582. Ч.П (3). Л.199.
53. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.440. Л.383.
54. Там же. Ф.16. Оп.1. Д.486. Л.3.
55. Там же. Л.2 об. — 3.
56. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1063. Л.8–9; Д.1728. Л.4.
57. Там же. Д.1063. Л.4–6 об.; Д.1220. Л.13–13 об.; Д.2010. Л.8.
58. Там же. Д.1220. Л.13 об. — 14.

59. Там же. Д.1386. Л.2; Д.1537. Л.6; Д.1904. Л.4, 7; Д.1960. Л.1.
60. Там же. Д.1210. Л.3–4; Д.1404. Л.3; Д.1728. Л.6–17.
61. Там же. Д.1221. Л.1–14; Д.1349. Л.3; Д.1404. Л.1; Д.1487. Л.1.
62. Там же. Д.1720; Д.2025. Л.2, 28; Д.2181. Л.3.
63. Там же. Д.1273, 1400, 1447, 1904.

Глава 3

ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ СЕРГИЕВСКОГО ПОСАДА

Органы самоуправления

Ратуша

После издания именного указа об учреждении Сергиевского посада проводится работа по созданию выборных городских органов. Указом предусматривалось создание ратуши — сословного суда для купечества и мещанства. Законодательно состав ратуши для больших посадов (таких как Сергиевский) предусматривал наличие 2-х бургомистров и 4-х ратманов, т. е. был аналогичен составу магистрата уездного города. В указе четко обозначена цель и сфера приложения действий ратуши — «для доставления суда и расправы купечеству и мещанству». Кроме бургомистров и ратманов один раз в три года выбирался градской глава. Законодательством предусматривались сиротский, словесный и совестный суды, общая и шестигласная думы, цеховая ремесленная управа, объединявшая несколько цехов. Ежегодно должны были избираться старосты купеческий и мещанский.

В конкретных посадах XVIII в. структура управления варьировалась. В 40-х гг. этого столетия в Лальском посаде действовали ратуша с одним бургомистром и одним ратманом (в соответствии с нормами того времени) и крепостная контора, а в 80-х гг. добавился словесный суд (1). В посаде Норская слобода также действовали ратуша с одним бургомистром и одним ратманом и словесный суд. Структуру управления дополняли купеческий старшина, соцкие и пятисоцкие (2). В Холмском посаде до 1771 г. ратуши не было. Вместо нее действовала земская изба с ежегодно избираемым старостой

во главе. В декабре 1768 г. староста Спиридон Козлов направил в адрес Уложенной комиссии предложение (в подлинике — «возражение») об устройстве в посаде ратуши. В качестве важного аргумента он привел тот факт, что холмичи ежегодно получают паспорта из Торопецкого магистрата и имеют «в ходбе в опа пути чрез двести верст немалую себе тягость и изнурение». Видимо, инициатива холмского старосты привела к желаемому результату и с января 1771 г. по указам Сената и Главного магистрата и по представлению новгородского губернатора Я. Е. Сиверса в Холмском посаде была учреждена ратуша с одним бургомистром и одним ратманом. Кроме нее был словесный суд и продолжала действовать земская изба, которая стала называться Гражданскими делами (3).

В Сергиевском посаде ратуша начинает функционировать с октября 1782 г. Как именно проходили первые выборы в Сергиевском посаде не известно. Но порядок проведения следующих выборов описан в предложении Московского главнокомандующего, полученном 16 ноября 1785 г.: «купечеству и мещанству повестить дабы собрались в покои сей ратуши, где под началством здешнего господина расправного судьи по прежнему установленному порядку и приступить к выбору из купечества и мещанства по 30 человек поверенных выборщиков, коих по выборе приведя по приложенному при том предложении присяжному листу к присяге под началством реченного расправного судьи приступить к баллотированию и оконча непременно к 12 числу будущего декабря месяца» (4). Таким образом, выборы были не прямыми, а двухстепенными. Происходили они в помещении ратуши в присутствии представителя государственной власти. Сначала избирались выборщики, и лишь затем по баллам кандидаты на должности. Сами выборщики должны были удовлетворять следующему имущественному и возрастному цензу: «Поверенные из действительно дом и торг или дом и ремесло или дом и промысел имеют и не банкротных в штрафах и подозрениях и явных пороках небывалых, но доброй совести и незазорного поведения не моложе однако ж 30 или 25 лет» (5). В числе кандидатов к баллотированию могли оказаться и отсутствующие длительное время по делам торговли. Например, в 1795 г. не был приведен к присяге и не приступил к исполнению обязанностей ратман Иван Горбунов, проживавший в это время по паспорту в местечке Васильково

под Киевом (6). Результаты выборов с приложенным списком должны были сообщаться в Московское губернское правление.

Таблица 5

Список выборных на высшие городские должности

	Годы					
	1782–1785	**1786–1788**	**1789–1791**	**1792–1794**	**1795–1797**	**1798–1800**
Гор. голова	Егор Павлов (***Ерофеев***)	Михаил Михайлов ***Лаптев***	Петр Петров ***Медведев***	Тимофей ***Деревщиков***	Егор Павлов ***Ерофеев***	Иван ***Горбунов***
Бургомистры	Иван Семенов ***Додин,*** Емельян Степанов ***Кузмичев***	Никита Михайлов ***Солодовников,*** Лукьян ***Прокофьев***	Степан Васильев ***Хвастунов*** Иван Савельев ***Трегубов***	Андрей Никифоров ***Ерофеев,*** Яков Семенов ***Низяев***	Григорий Матвеев ***Бочкин,*** Дмитрий Семенов ***Тарбинский***	Иван Савельев ***Трегубов,*** Савва Лукин ***Прокофьев***
Ратманы	Дмитрий Семенов ***Тарбинский,*** Григорий Матвеев ***Бочкин,*** Михаил Семенов ***Матвеевский*** Афонасий ***Коптелин***	Леонтий Васильев ***Полыньин,*** Тимофей Иванов ***Шумихин,*** Матвей Алексеев ***Латкин,*** Сергей Петров ***Дрищев***	Алексей Иванов ***Кузмичев,*** Иван ***Тимофеев,*** Петр Федоров ***Балашов,*** Иван Федоров ***Костин***	Алексей Яковлев ***Мокеев,*** Алексей ***Вашурин,*** Алексей Иванов ***Мамаев,*** Алексей ***Овчинников***	Савва Лукин ***Прокофьев,*** Иван ***Горбунов,*** Илья ***Мурыгин,*** Григорий Афанасьев ***Дрождин,*** Тимофей Иванов ***Шумихин***	Петр Федоров ***Балашов,*** Иван ***Толстухин,*** Иван Федоров ***Серебренников,*** Дмитрий Иванов ***Коновалов***

Таблица составлена по материалам: ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.413, 423, 430, 440, 451, 462.

По сохранившимся документам не всегда удается установить сословную принадлежность, род занятий и полное имя выбранных на должности кандидатов. Как правило, написание имени могло варьироваться и состоять из 2-х или из 3-х частей, причем и отчество и фамилия могли на письме выглядеть однотипно. Указания на сословную принадлежность или род занятий в списках выбранных на должности или в официальных документах встречаются редко. Эти сведения обычно появляются в частных делах конкретных людей.

В XVIII веке выборы на трехлетие происходили 6 раз. Максимальное количество людей, которых могли избрать на эти должности — 42 (7 человек на одно трехлетие, а на шесть – 42). За это короткое время несколько лиц были дважды избраны на должности. Среди них: Григорий Бочкин, Дмитрий Тарбинский, Иван Трегубов, Иван Горбунов, Савва Прокофьев, Тимофей Шумихин, Петр Балашов. Как правило, люди один срок бывшие ратманами, на другой срок могли избираться в качестве бургомистров. Дважды в одной и той же должности были Иван Трегубов (бургомистр) и Петр Балашов (ратман). Тимофей Шумихин вновь оказался ратманом в пятое трехлетие с 1797 г. Он заменил ратмана Ивана Горбунова, избранного с этого года на должность городского головы. Остается под вопросом, мог ли Егор Павлов и Егор Павлов сын Ерофеев быть одним лицом или это два разных человека. В журналах заседаний ратуши за 1782–1785 гг. городской глава везде называется Егором Павловым. Только один раз в журнале за 1786 г. городской голова предыдущего периода назван Егором Ерофеевым (7). Отсюда, реальное число людей, осуществлявших самоуправление в посаде на высших выборных должностях сократилось с 42 до 35. Некоторым дополнением к этому списку являются сведения о родстве и свойстве между некоторыми выборными. Так, сын городского главы Е. П. Ерофеева был женат на крестнице и воспитаннице бургомистра Дмитрия Тарбинского. Ратман Алексей Овчинников женат на внучке бургомистра Никиты Солодовникова. Отцом и сыном являются бургомистры Лукьян и Савва Прокофьевы. Возможно родство между бургомистром Емельяном Кузмичевым и ратманом Алексеем Кузмичевым. Таким образом, количество семей, из которых происходили выборы высших должностных лиц, уменьшается еще больше. Кстати, некоторые потенциальные кандидаты предпочитали откупаться от исполнения хлопотных выборных должностей. В 1790 г. был засвидетельствован договор между мещанским обществом и мещанином Артамоном Ивановым сыном Гориным. Одним из его пунктов было обязательство общества не балотировать Горина на службы «касающиеся до ратуши» в течение 10 лет (8).

Большая часть выборных относилась к купеческому сословию. Правда, в разные годы один и тот же человек значился то купцом, то мещанином, что было делом обычным, поскольку статус определял-

ся ежегодно в зависимости от заявленного капитала. К мещанам относились только ратманы Иван Тимофеев, Григорий Дрождин и Иван Костин.

Некоторые выборные вместо подписей удостоверяли документы печатями, в том числе ратманы Афанасий Коптелин, Сергей Дрищев, Матвей Латкин, Тимофей Шумихин, Алексей Кузмичев, Иван Костин и Илья Мурыгин. Вполне возможно, что данные лица прибегали к помощи печатей по необходимости из-за незнания грамоты. Во всяком случае, в одной из приходо-расходных книг Лавры за 1799 г. сохранилась следующая запись: «Оные денги сто тридцать девять рублей десять копеек купец Илья Мурыгин получил, а вместо ево за неумением грамоте по прошению канцелярист Сергей Таиров росписался» (9). Значит, избиратели не считали явным пороком незнание грамоты. К тому же в ходе заседания документы зачитывались секретарем, а присутствующие члены должны были воспринимать на слух и текст дела, и формулировки решений по нему. Такая процедура ведения заседаний была обычной и объяснялась технической невозможностью подготовить нужное количество рукописных копий обсуждаемых документов, к тому же в некоторых случаях в этом не было необходимости (10).

Неграмотность не являлась препятствием для выполнения должностных обязанностей и не являлась показателем реальных деловых качеств. Подобная ситуация неоднократно встречалась среди магистратского присутствия разных городов на протяжении всего XVIII в. Главный магистрат пытался с этим бороться, не утверждал неграмотных бурмистров и ратманов в должностях (11). В 1771 г. в Холмском посаде «повелено в новоучреждаемую холмскую ратушу… выбрать… достойных, грамоте и писать знающих и во все годы исповедавшихся… и кто выбраны будут на оных выборах в силу Главного магистрата регламента “6” главы для усмотрения достоинства прислать в Главный магистрат» (12). В последней четверти XVIII в. процедура освидетельствования достоинств и утверждения выборных лиц каким-либо вышестоящим органом отсутствовала вообще.

Работа в присутствии ратуши требовала обязательного знания законов, иногда довольно запутанных и противоречивых, разобраться в тонкостях которых неграмотному было трудно. При таких усло-

виях никакой специальной юридической подготовки не предусматривалось, но за неисполнение законов, или за решения, противоречащие законам, присутствующие подвергались штрафованию. И это при условии, что не только государство, но и посадское общество никак не оплачивало работу выборных должностных лиц. Напомним, что работа выборных членов присутствия осуществлялась на принципах безвозмездной службы, и была одной из повинностей городского тяглого населения. В последней четверти XVIII в. штатным расписанием губерний предполагалась выплата годового жалованья членам магистратов из расчета в год по 120 р. бургомистрам и по 100 р. ратманам из государственной казны. После издания Городового положения содержание магистратов согласно ст. 152 должно было производиться из городских доходов (13). В 1787 г. Сенат, усмотрев это обстоятельство, распорядился финансирование из казны прекратить, а деньги выплаченные за 1786 г. взыскать, правда, не с получивших это жалованье, а из городских общественных сумм (14). Финансирование ратуш посадов и заштатных городов не предусматривалось ни штатным расписанием губерний, ни приведенной статьей Городового положения. В некоторых случаях, например в Холмском посаде, денежное содержание по 100 руб. в год бургомистрам и ратманам выплачивалось за счет посадского общества (15). В Сергиевском посаде работа выборных не оплачивалась вообще.

Большинство выборных относились к купеческому сословию и торговый промысел оставался главным источником их материального благосостояния. Он требовал постоянного личного участия, был сопряжен с длительными отлучками для закупки товаров. В таких случаях законом разрешались отпуска. Городской голова, бургомистры и ратманы получали паспорта для отлучек от Московского губернского правления, таким образом, их отлучки согласовывались с руководящей инстанцией. На время отъезда городского головы исполнение его обязанностей возлагалось на одного из бургомистров.

Итак, в отличие от магистратов уездных городов, функционирование присутствия ратуши в посадах и после реформы 1785 г. осталось на прежних принципах безвозмездной службы, которую можно сравнить с повинностью.

Для успешной деятельности ратуши и других городских выборных органов необходимы были наемные канцелярские служители. Они требовались для технического обслуживания и имели свою градацию чинов, не входящую в «Табель о рангах» — копиист, подканцелярист, канцелярист и губернский регистратор. Первый табельный чин 14 класса — это коллежский регистратор. Но иногда в должность принимались и вовсе без чина — как бы со своеобразным испытательным сроком, после которого мог следовать и чин копииста. Эта группа канцелярской бюрократии несла на себе всю тяжесть делопроизводства и часто именно от них зависела успешность управления. Значимость канцелярских служителей особенно возрастала в учреждениях тех поселений, которые недавно получили городской статус, таких как Сергиевский посад. Так, в одной из инструкций ратуши сказано: «На первый случай по непривычке их — (в данном случае словесных судей – Н.Ч.) — к таковой должности иметь за ними присмотр правящему в ратуше секретарскую должность регистратору Петру Иванову» (16).

Определение количества приказнослужителей и зачисление конкретных лиц на должность согласно 23 главе «Регламента Главного магистрата» должно было производиться самой ратушей с согласия градского общества. Размер должностного годового оклада канцелярского служащего определялся при зачислении членами присутствия и финансировался из средств посадского общества. Как правило, в ратуше Сергиевского посада одновременно служили несколько канцелярских работников — секретарь (т. е. наиболее ответственный сотрудник, возглавлявший штат канцелярских служителей) и один или два писца, имевшие разные чины. В обязанности секретаря входили делопроизводство не только в ратуше, но и в сиротском и словесном судах, сочинение различных ежемесячных и годовых ведомостей, исполнение нотариальных и маклерских обязанностей. Все документы, исходившие от ратуши, не только подписывались выборными присутствующими, но и заверялись секретарем. Соответственно, и в случае наложения штрафа, часть его вычиталась из жалованья секретаря, то есть секретарь делил ответственность наравне с выборными присутствующими ратуши (17). На практике для зачисления канцелярских служителей ратуше требовалось еще и одобрение начальства — Московского губернского прав-

ления. Более того, в 1798 г. ратушей был получен указ об увеличении числа секретарей до двух человек с обязательным размером годового жалованья в 200 р., которое должно было выплачиваться за счет посада (18). Заметим, что ни ратуша, ни градское общество не давали своего согласия на эти изменения, но обязаны были исполнять и финансировать решение вышестоящей организации.

Указами Московского губернского правления канцелярские служители не только зачислялись на должность, но и получали повышение в чинах за добропорядочную службу в течение определенного законами времени. Основанием в этом случае служила глава 50 Регламента Главного магистрата. Ратуша, со своей стороны, доношениями могла поспособствовать продвижению по службе наиболее усердных в работе приказных. Но у самой ратуши выбор подходящих кандидатов был невелик. Требовался человек, хорошо знающий тонкости делопроизводства, надежный и расторопный. Первоначально предложивший свои услуги отставной губернский секретарь Лев Горчаков вполне устраивал ратушу. «Оной секретарь Горчаков с начала открытия ратуши производимые в оной дела исправлял поныне добропорядочно и по делам упущений не оказуется, а почему и от свышних присудственных мест ратуша по делам касательно до исправности ответам и штрафам чрез все то время подвержена не была, а к тому в силу полученного из Московского губернского правления указа препоручено ему иметь протесты на объявляемые в здешнем посаде на неисправных плательщиков от заимодавцев векселя то по таковым обстоятельствам… оставался по прежнему с получением себе от ратуши по 200 рублев в год» (19). Но во время пребывания в посаде Московского губернатора были обнаружены такие неисправности в делопроизводстве, что ратуше было предложено уволить Горчакова как несведущего в делах, к тому же при гарантии годового жалованья не менее 150 р. Московским губернским правлением было обещано прислать другого, более квалифицированного работника.

Однако и оно далеко не всегда присылало более подходящих для этой работы кандидатов. Некоторых не устраивало само место, например, присланного в 1789 г. коллежского секретаря Алексея Садыкова, имевшего чин 10 класса Табели о рангах (20). Другой, присланный в 1787 г. губернский регистратор Петр Иванов, не

устраивал ратушу, так как он «в ратушу не ходит многие дни для чего неизвестно было, за которым были многие посылки и по тем чинил разные отговорки и обманы и… собранные сорокоалтынные подати с мещан… им “утрачены”, а куда не известно» (21). Пожалуй, самой удачной оказалась присылка в 1789 г. Московским губернским правлением в посад губернского регистратора Афанасия Игнатьев Авчинникова (Овчинникова). Он был местным жителем, в 1783 г. в возрасте 19 лет мирским приговором мещанства уволен в статскую службу. В Сергиевском посаде продолжали жить его замужние сестры. При поступлении в ратушу ему было назначено жалованье в размере 110 р. в год (для сравнения — поступившему прежде Алексею Садыкову жалованье было назначено в размере 125 р.). Во время приема дел в 1789–1790 гг. Авчинниковым было получено 87 нерешенных дел. Почти сразу же при проверке счетов им обнаружена переплата ратушей денег в Московскую казенную палату в размере 19 р. Затем, постепенно разбирая нерешенные дела, Авчинников делает по ним доклады на заседаниях присутствия ратуши. В итоге, количество таких дел начинает медленно, но верно сокращаться. Устоял он от соблазна и при попытке цеховых дать ему взятку. И в дальнейшем он внимательно наблюдал за порядком ведения делопроизводства, тем более, что в начале работы «порядок канцелярской… в великом найден упущении и нарушении. Яко то, ведомости верной о недоимках, состоящих на здешних жителях… нет, в докладных реестрах резолюции записываются секретарскою рукой, да в журнале противу статей неотмечиваются по установленной форме, когда протоколы креплены и когда указы посланы» (22). Все его хлопоты по достоинству были оценены ратушей и местным обществом. В 1793 г. мещанство еще раз «приговором за разныя ево для общества услуги уволили ево и от всех по мещанству податей и обязались те подати платить за него сами… по смерть ево…», а ратушей в пространном доношении в Московское губернское правление были подробно описаны заслуги губернского регистратора Авчинникова и содержалось ходатайство о награждении его следующим чином, тем более что он уже отслужил в ратуше более 3-х лет. Ратушей особо подчеркивалось, что за годы службы Авчинникова поступило до 386 дел, а всего вместе с первоначально принятыми 473 дела. Из них к текущему моменту осталось только 30 «и

оные по болшей части остановились за разными справками, вексельныя ж за просителевыми отсрочками». Однако вместо очередного награждения чином (а это мог быть низший чин 14 класса «Табели о рангах»), он получает новое назначение — на аналогичную должность с прежним чином в Богородскую нижнюю расправу. Таким образом, московские власти нашли иное применение честному и квалифицированному канцелярскому служителю. Это было тем более удобно, что не требовало даже переезда на новое место жительство, т. к. Богородская нижняя расправа располагалась в том же Сергиевском посаде (23). Искомый табельный чин, дающий права личного дворянства, А. И. Авчинников все-таки получил и даже обзавелся дворовым человеком. Остается добавить, что судьба отмерила ему сравнительно короткую жизнь. 1 сентября 1796 г. секретарь Богородской нижней расправы Афанасей Игнатьев Авчинников (Овчинников) умер «по христианской должности и в покаянии» в возрасте 32 лет (24).

Это был единственный, или, по крайней мере, очень редкий случай, когда ходатайство ратуши о награждении служителя следующим чином не достигло цели. В этом плане показательна судьба Сергея Попова. Его отец, отставной межевой канцелярии копиист Ермолай Попов, поступив на службу в ратушу, добронравием не отличался. Он был замечен и в пьянстве, и в прогулах, и в изъятии из ящика свечных денег. Не помогали наказания палками, содержание в тюрьме в железах и на цепи. Его сын Сергей был принят в ратушу вначале без всякого чина в 1789 г. Через 2 года награжден чином копииста с годовым жалованьем в 15 р. Видимо, Сергей Попов настолько добропорядочно себя вел и проявлял такое усердие, что ратуша то ли от незнания, то ли от желания поощрить в 1793 г. (т. е. через два, вместо полагающихся трех лет) направляет ходатайство о награждении его следующим чином подканцеляриста. Правда, это ходатайство успеха не имело, т. к. положенного времени в чине копииста Сергей Попов еще не выслужил. Подканцеляристом он стал позднее, в 1795 г., а в 1798 г. был награжден чином губернского регистратора минуя чин канцеляриста (25).

Регулярно получал награждения чинами и другой приказнослужитель — Алексей Товарков. До поступления в ратушу он сменил несколько должностей в разных учреждениях Московской губернии

— был семинаристом, копиистом в Волоколамском уездном суде, лекарским учеником в том же городе, затем там же при городнических делах, и, наконец, получил в 1792 г. одновременно с чином подканцеляриста назначение в ратушу Сергиевского посада. Через 3 года — в 1795 г. стал канцеляристом, а в самом конце 1797 г. — губернским регистратором. Его первоначальное жалованье составляло 40 р. в год, а в 1798 г. он претендовал на вновь учреждаемое место второго секретаря с окладом в 200 р. и по мнению ратуши «по справедливости к исправлению секретарской должности способен» (26).

Но, пожалуй, самое высокое награждение чином получил секретарь ратуши Иван Смирнов. Он поступил в должность уже имея чин коллежского регистратора (т. е. 14 класса), а в 1798 г. указом Московского губернского правления был награжден чином губернского секретаря (12 класса Табели о рангах). С таким чином служили в ратуше в самом начале Лев Горчаков, затем с 1793 г. Василий Аверкиев. Но они поступили в ратушу в чине отставных губернских секретарей, а Иван Смирнов получил его как действующий чиновник во время службы в ратуше Сергиевского посада (27).

Кроме канцелярских служителей внетабельной группы, существовала еще одна низшая группа служителей учреждений — вахмистры, рассыльные, сторожа– без которых не могла обойтись ратуша Сергиевского посада. Как правило, на должность вахмистра принимали отставного военного — капрала, сержанта и даже отставного прапорщика с годовым окладом в 30 руб. В его обязанности входило дежурство у дверей, а также надзор за содержащимися колодниками. Рассыльными были посадские мещане с таким же окладом (28).

За время существования ратуша Сергиевского посада несколько раз меняла место своего пребывания. Самые первые заседания проходили в доме купца Андрея Абакшина, найм которого обходился в 10 р. в месяц. Позднее, из-за конфликта с Абакшиным, решившим самовольно изменить условия найма, ратуша переехала в другой, также наемный дом. На этот раз это был дом священника Введенской церкви Андрея Федорова. Наем помещения из «двух горниц с проходными комнатами, с сенми и в них светлица и кладовая чулан» стоил 30 р. в год (что было в 4 раза дешевле первоначального вари-

анта) (29). Затем, у Троице-Сергиевой Лавры за 50 руб. было куплено ветхое деревянное строение бывшей мужской богадельни близ церкви Вознесения. 8 августа 1790 года после необходимой перестройки и ремонта все присутственные места посада — ратуша, сиротский и словесный суды, а также цеховая ремесленная управа — обрели свое постоянное место (30). Таким образом, уже через 8 лет посад имел собственный дом для своих органов самоуправления с такими атрибутами власти как портреты правящей императрицы. И это при условии, что средств из казны на содержание ратуши не выделялось. Вся тяжесть по найму или покупке, содержанию самого здания, необходимого обслуживающего персонала и также приобретение простейшей мебели (столов, шкафов, стульев, скамей) и таких элементарных, но необходимых принадлежностей, как бумага, чернила, свечи, дрова для отопления — все это было за счет средств градского общества. Для оплаты этих расходов с купечества собиралось по 1 р., с мещанства по 62,5 коп. с души (31).

Для сравнения. В декабре 1770 г., при организации ратуши в Холмском посаде, новгородский губернатор Яков Ефимович Сиверс прислал несколько экземпляров разных законов (Уложение 1649 г., регламенты Генеральный и Главного магистрата, Таможенный и Вексельный уставы, таксу о торговых пошлинах), медную печать, оловянную чернильницу, паникадило к образам, кусок красного сукна на стол, аршин вощаника, настенное зеркало и зерцало. Зерцало — трехгранная призма, увенчанная двуглавым орлом, с наклеенными текстами петровских указов. Зерцало, как эмблема законности, обязательно должно было стоять на столе во время заседаний присутствия (32).

Первое заседание присутствия ратуши произошло 25 октября 1782 года. Заседания происходили ежедневно в первой половине дня с 8 утра до обеда.

Об интенсивности работы ратуши позволяют судить данные о количестве дней заседаний, числе рассмотренных вопросов и объеме получаемой корреспонденции. Эти данные взяты за каждый первый год из очередного трехлетия. Исключение составляет первое трехлетие. Первый полноценный год работы ратуши в это трехлетие приходится на 1783 г., так как в 1782 г. ратуша работала чуть более 2-х месяцев. Количество дней заседаний колебалось в разные годы,

т. к. табельные дни (важные государственные и православные праздники) могли приходиться на воскресные дни или будни, но при этом в любом случае заседания отменялись. Не было заседаний и в дни важных изменений в императорской семье — свадеб, рождений великих князей и княжен, или по другим экстраординарным случаям. На Рождество присутствие не работало неделю, а на Пасху — две. Распорядок и часы работы ратуши (практически ежедневно с 8 утра до 2 часов пополудни) были аналогичны порядку работы государственных учреждений.

Таблица 6

Интенсивность работы ратуши

	Годы					
	1783	**1786**	**1789**	**1792**	**1795**	**1798**
Количество дней заседаний	204	228	229	225	221	187
в т. ч. дни чтения законов	41	63	28	Нет	Нет	Нет
Кол-во рассмотренных вопросов	364	345	427	458	697	651
Из них полученной корреспонденции	132	148	158	151	253	477

Таблица составлена по материалам: ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.413, 423, 430, 440, 451, 462.

В среднем ежегодно ратуша заседала более 200 дней. В 80–е гг. до 25% этого времени приходилось на дни, когда в ратушу не поступала никакая корреспонденция, просьбы, жалобы и тому подобные документы. Эти дни члены ратуши использовали для повышения своего правового образования. Они читали, слушали и толковали законы. Кстати, на момент открытия ратуши, в ее распоряжение был предоставлен только 1 экземпляр «Учреждений для управления губерний», что было явно недостаточно для нормального функционирования подобного органа (вспомним заботливость Я. Е. Сиверса об оснащении ратуши Холмского посада). Уже 7 февраля 1783 г. ратман Григорий Бочкин отправляется в Москву «для исходатайствования важнейших указов». Позднее, ратуша получила 31 книгу

различных законов. Кроме этого, для сбора дополнительной информации, приобретались газеты и календарь (33). В 90–е гг. исчезают полностью дни, в которые члены ратуши занимались чтением законов. Вероятно, причиной было отсутствие острой в этом необходимости в силу достигнутого членами присутствия некоего «правового уровня», главным же образом в силу резко возросшего потока входящих дел. С 1783 по 1798 гг. возросло вдвое число ежегодно рассматриваемых ратушей вопросов и соответственно возросла интенсивность ее работы. В разное время от $^{1}/_{3}$ до $^{2}/_{3}$ рассмотренных вопросов приходились на работу с полученной корреспонденцией. За это же время ее количество увеличилось более чем в 3 раза. Кто же отправлял корреспонденцию в ратушу Сергиевского посада? Рассмотрение этого вопроса позволяет вписать ратушу в систему городского и губернского управления.

Большая часть получаемой ратушей корреспонденции поступала из Москвы из различных учреждений и должностных лиц губернского уровня. Это Московские губернское правление, губернский и городовой магистраты, губернатор, военный комендант, обер-полицеймейстер, казенная палата, приказ общественного призрения, почтамт и другие. Другая часть — из учреждений Богородского уезда. Это — Богородские городничий, нижняя расправа, уездное казначейство, нижний земский суд и магистрат, стряпчий, Радонежское духовное правление и Учрежденный собор Троице-Сергиевой Лавры.

Таблица 7

Корреспонденция, получаемая ратушей Сергиевского посада

	Годы											
	1783		1786		1789		1792		1795		1798	
	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%
ВСЕГО	132	100%	148	100%	158	100%	151	100%	253	100%	477	100%
От Московских губернских властей	**70**	**53%**	**101**	**68,1%**	**93**	**58,8%**	**118**	**78,1%**	**218**	**86,2%**	**392**	**82,2%**

	Годы											
	1783		1786		1789		1792		1795		1798	
	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%
В том числе из:												
Московского губернского правления	21	16%	73	49,3%	51	32,3%	75	49,6%	172	68%	329	69%
Московского губернского магистрата	22	16,6%	20	13,4%	19	12%	11	7,5%	6	2,4%	_	_
Из других учреждений	27	20,4%	8	5,4%	23	14,5%	32	21%	40	15,8%	63	13,2%
От учреждений своего уезда	**59**	**44,6%**	**47**	**31,3%**	**63**	**39,9%**	**33**	**21,9%**	**35**	**13,8%**	**41**	**8,6%**
В том числе из:												
Богородской нижней расправы	24	18,1%	28	18,8%	44	27,8%	9	6%	11	4,3%	_	_
Из Радонежского духовного правления	8	6%	2	1,2%	8	5,1%	5	3,3%	3	1,2%	12	2,5%
От Учрежденного собора Лавры	6	4,5%	5	3,3%	5	3,2%	5	3,3%	6	2,4%	5	1,1%
Из других уездных учреждений	21	16%	12	8%	6	3,8%	14	9,3%	15	5,9%	24	5%
Из др. городов	**3**	**2,4%**	**1**	**0,6%**	**2**	**1,3%**	_	_	_	_	**44**	**9,2%**

Таблица составлена по материалам: ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.413, 423, 430, 440, 451, 462.

Два учреждения, из перечисленных здесь, — Богородская нижняя расправа и Учрежденный собор — находились на территории посада и имели непосредственное отношение к его управлению. Третья часть корреспонденции поступала из учреждений уездных городов Московской губернии.

Доминирующее значение принадлежало переписке с Московскими учреждениями. Ее объем вырос с 70 единиц в 1783 г. до 392 в

1798 г., т. е. в 5,5 раз. Резкий скачок произошел во второй половине 90-х гг. за счет увеличения объема корреспонденции практически только одного учреждения — Московского губернского правления. Причем если в 1783 г. приблизительно одинаковыми были объемы корреспонденции нескольких учреждений — Московского губернского правления, Московского губернского магистрата и Богородской нижней расправы и составляло 16–18% от общего числа, то в дальнейшем объем документации, получаемой из Московского губернского правления составляет $^2/_3$ всего объема, а переписка с другими учреждениями сокращается. Меняется удельный вес переписки с уездными учреждениями. В 80–е годы она составляла приблизительно 40%, в к концу 90-х сократилась до 8,6%. Таким образом, хотя Сергиевский посад и входил в состав Богородского уезда, но наиболее активная переписка велась не с уездными учреждениями, а напрямую с губернскими и конкретно с Московским губернским правлением, т. е. минуя промежуточную бюрократическую инстанцию.

Наблюдается еще одна особенность. На протяжении почти всего периода практически отсутствовала переписка с учреждениями других городов. В 80–е гг. это могло быть 1, 2, 3 письма за весь год, то есть периодичность в переписке с другими городами практически отсутствовала. Она возникла только в 1798 г. и составляла 44 единицы или 9,2%. В основном это ответы на запросы ратуши из уездных городов Московской губернии. Следовательно, запросы ратуши поступали в учреждения этих городов непосредственно, минуя промежуточные бюрократические инстанции. В противном случае и ответы были бы адресованы не в ратушу. Результатом было сокращение сроков производства дел, повышение общественного статуса ратуши как учреждения, расширение сферы ее деятельности.

Получение большого числа корреспонденции из вышестоящих учреждений означало не только увеличившийся объем реальной работы, но и увеличивало работу бюрократическую. Согласно делопроизводственной практике, получив документ, необходимо было не только ответить по существу изложенного там вопроса, если таковой требовался, но и обязательно послать ответный рапорт о получении этого документа даже в том случае, если информация посылалась просто к сведению. Таким образом, увеличившийся объем получен-

ной ратушей корреспонденции означал еще и пропорционально увеличившийся обратный поток рапортов ратуши в вышестоящие учреждения. Значительный объем этой работы в журналах не зарегистрирован.

Все вопросы, зафиксированные в журналах ратуши в течение года, по содержанию группируются по нескольким направлениям: организационно-бюрократическая работа, судебные функции, организация сбора податей и выполнения государственных служб, нотариальная работа, решение социальных (сословных) вопросов (переход из одного сословия в другое), организация городского хозяйства и разное (см. таблицу 8).

Наибольший удельный вес составляют две группы вопросов: организационно-бюрократическая работа и судебные функции, максимально составляющие 45% от числа всех рассмотренных вопросов в разные годы. Причем, если максимум организационно-бюрократической работы приходится на самый конец периода — на 1798 г. (именно в этот год достигает своего пика объем полученной ратушей корреспонденции — см. таблицу 7), то судебные функции максимально активизируются в конце 80-х начале 90-х гг. Тенденция изменения объема нагрузки ратуши по другим вопросам была достаточно хаотична, волнообразна. Периоды спада чередовались с периодами увеличения нагрузки. Причем эта тенденция проявляется и в абсолютных и в относительных цифрах. Какой-то особой закономерности здесь не выявлено. За исключением двух моментов. Первый — это резкое увеличение в 1795 г. объема работы по социальным вопросам. Второй — возрастание в 1798 г. объема работ по организации городского хозяйства. Эти два момента имеют четкие объяснения.

Таблица 8

Содержание работы ратуши

	Годы											
	1783		**1786**		**1789**		**1792**		**1795**		**1798**	
	Число	**%**	**Число**	**%**	**Число**	**%**	**Число**	**%**	**Число**	**%**	**Число**	**%**

	Годы											
	1783		1786		1789		1792		1795		1798	
	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%
Кол-во рассмотренных вопросов	364	100%	345	100%	427	100%	458	100%	697	100%	651	100%
В том числе:												
Организационно-бюрократическая работа	96	26,2%	133	38,5%	94	22%	129	28,2%	155	22,5%	296	45,5%
Судебные функции	50	13,8%	93	27%	193	45,2%	187	40,8%	153	21,5%	136	20,9%
Нотариальная работа и выдача паспортов	85	23,4%	62	18%	23	5,4%	42	9,2%	75	10,8%	60	9,1%
Организация сбора податей и др. государственных служб	46	12,6%	19	5,5%	49	11,5%	32	7%	48	6,9%	35	5,4%
Социальные (сословные) вопросы	36	9,9%	11	3,2%	44	10,3%	34	7,4%	211	30,3%	11	1,7%
Организация городского хозяйства	50	13,8%	26	7,5%	19	4,4%	31	6,8%	54	7,7%	110	16,9%
Разное	1	0,3%	1	0,3%	5	1,2%	6	0,6%	1	0,1%	3	0,5%

Таблица составлена по материалам: ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.413, 423, 430, 440, 451, 462.

В 1795 г. была объявлена очередная 5 ревизия. Это было самое удобное время для перехода крестьян в городские сословия. В конце 90-х гг. в посаде активно проводились мероприятия по перепланировке. Выделялись участки для застройки представителям всех сословий, проживавшим в посаде. Проводились и другие работы. Обращает на себя внимание тот факт, что законодательно решение вопросов по организации городского хозяйства в функции ратуши не

входило. Уровень занятости ратуши этими вопросами можно сравнить с организацией сбора податей и других государственных служб. Он идет на спад в 80–е гг. и возрастает в 90–е.

Организационно-бюрократическая работа ратуши была значительной и никогда не составляла менее 20% всего объема. На самом деле она была еще больше. Уже было сказано, что в журналах не фиксировались отосланные рапорты ратуши в вышестоящие учреждения о получении корреспонденции. Никогда не отмечалось ведение таких обязательных документов как настольный реестр, приходные и расходные книги, книги входящих и исходящих документов и другой обычной для того времени документации. Также практически никогда не фиксировалась работа по составлению протоколов (т. е. мотивированные решения ратуши по различным вопросам). Исключение составляет 1792 г. Только в этом году в журналах зафиксированы чтение и подписание протоколов в количестве 40 единиц. Разумеется, протоколы составлялись и подписывались в специальной книге протоколов и во все остальные годы, но в журналах это не отмечалось.

Частью организационно-бюрократической работы ратуши было составление и рассылка различных ведомостей, отчетов, сведений в разные уездные и губернские инстанции. Сказать точно, сколько ведомостей было отослано, невозможно, т. к. книга исходящих документов не сохранилась. В журналах обсуждение текста и отсылка ведомостей не всегда фиксировалась. Иногда, после изложения пришедшего запроса на ту или иную ведомость, можно встретить некоторые сведения о содержании ответа или ссылки на то, что по аналогичному запросу ведомости уже были отосланы с указанием конкретных сроков. Если ведомости отсылались из ратуши и получались различными конфидентами вовремя, то это могло и не отражаться на содержании журналов. В таблицу 9 вошли данные только о тех ведомостях, которые были затребованы в приведенные годы. Это значит, что реальное их количество могло быть больше. В качестве своеобразного руководства в ратушу из Московской казенной палаты в апреле 1783 г. был прислан экстракт из законов с изложением требований, предъявляемых к ведомостям с указанием сроков их подачи (34). В разные годы одни и те же ведомости могли посы-

латься и в разные учреждения и с разной периодичностью — еженедельно, ежемесячно, по третям года, годовые.

Таблица 9

Ведомости, затребованные у ратуши различными учреждениями

	Годы					
	1783	**1786**	**1789**	**1792**	**1795**	**1798**
Еженедельные	–	–	–	–	4	1
Ежемесячные	6	5	2	2	6	5
По третям года	1	–	3	1	2	–
Годовые	–	–	4	2	–	4
Разовые	–	8	3	2	8	10
Перечневые ведомости	–	–	–	–	1	–
Ревизские сказки	2 экз.	–	–	–	3 экз.	–

Таблица составлена по материалам: ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.413, 423, 430, 440, 451, 462.

В 1783 г. ежемесячные ведомости требовались в Московскую казенную палату (о соли; о приходе и расходе денежной суммы; о купечестве, мещанстве и цеховых и их окладах) и в Московское губернское правление (о решенных и нерешенных делах, о уголовных делах, о колодниках). В итоге 6 ведомостей ежемесячно, что в год составляло 72 экз. По третям года необходимо было посылать ведомости о членах ратуши и их отлучках богородскому уездному стряпчему. Наконец, в Богородский нижний земский суд и Московский губернский магистрат требовалось прислать ревизские сказки по 4–й ревизии. Это означает, что хотя это был и один документ, но его нужно было начисто дважды переписать от руки, поэтому и считать его будем за 2 документа. Всего же за 1783 год было составлено 77 различных документов, в том числе такие сложнейшие, как ревизские сказки (35). Остается добавить, что кроме определенных трудностей по сбору необходимых сведений для ведомостей, не меньшую, а может быть и большую трудность, составляло оформле-

ние их по строго определенным формам. Многие ведомости возвращались на доработку из-за этих неисправностей.

В 1786 г. ежемесячные ведомости о школе, учениках и учителе требовались Главному народному училищу. Прежние ежемесячные ведомости запрашивает Московский губернский магистрат. Московская казенная палата запрашивает ежемесячные ведомости о купечестве, мещанстве и их окладах. Запросы о ведомостях на соль и о приходе и расходе денежных сумм отсутствуют. К этому времени соляной магазин был ликвидирован, а ведомости о приходе и расходе денег возможно вовремя отсылались. Несколько разовых запросов о различных ценах делает Московское губернское правление.

Со временем одни и те же ведомости стали запрашивать разные учреждения и должностные лица. Так, в 1789 г. ведомости о решенных и нерешенных делах, о колодниках требовали и Московский губернский магистрат и Московское губернское правление, о доходах — и Московская казенная палата и Богородское уездное казначейство (36). В 1792 г. ведомости о заседаниях в ратуше необходимо было присылать ежемесячно губернскому прокурору и по третям года богородскому уездному стряпчему (37).

Определенные трудности происходили по вине вышестоящих учреждений. Случались вторичные и третичные требования, а иногда и присылка нарочного за счет ратуши за ведомостью, которая была своевременно отослана. Но, пожалуй, самая замечательная история произошла в 1795 г. с ведомостью о льне и пеньке, которую надо было присылать ежемесячно. Лен и пенька в посаде не производились и не продавались. В ратуше решили, что такой ответ, посланный однажды в Московский губернский магистрат, избавит от дальнейших хлопот с сочинением и отсылкой этой ведомости. Однако отсутствие льна и пеньки не означало автоматического освобождения от этой ведомости. Ее все равно надо было посылать ежемесячно. А чтобы члены ратуши и секретарь не проявляли самовольства, то за неприсылку ведомости о несуществующих льне и пеньке, на них был наложен штраф в размере 10 р. (38) Напрашивается вывод — бюрократическая машина не должна давать сбоя, иначе весь механизм государственного управления, базирующийся на ней, может разладиться.

В этом же, 1795 г., еженедельно должны были присылаться ведомости Московскому главнокомандующему о нерешенных делах, в Московское губернское правление — о колодниках, в Московский губернский магистрат — о протестуемых дворянских векселях в двух экз., для судьи Богородской нижней расправы — о ценах на хлеб, фураж и съестные припасы. Всего в этот год еженедельно надо было составлять 4 разные ведомости, ежемесячно — 6, по третям года — 2, разовых — 8 ведомостей. Нужно добавить еще 3 экз. ревизских сказок по 5–й ревизии и перечневую ведомость (39). Даже без учета еженедельных ведомостей получается 90 экз., а с ними цифры уже становятся трехзначными. Таким образом, с течением времени объем этой работы увеличился существенно, а с учетом весьма ощутимой ответственности, становился все более значимым, хотя не всегда отражался в полном объеме в журналах.

Вторым по значимости разделом работы ратуши были судебные функции. Ратуша осуществляла взыскание денег по опротестованным векселям, разбирала судебные тяжбы — дела о кражах, драках, поношениях чести, утверждала решения словесного суда, взыскивала штрафные деньги, а также отстаивала свое право осуществлять суд над купечеством и мещанством перед Богородской нижней расправой. Разбирательство судебных дел тянулось долго. Относительно просто было подать опротестованный вексель ко взысканию. При этом, надо учесть, что вексель неопротестованный ко взысканию не принимался. Несмотря на кажущуюся процедурную простоту взыскания денег по опротестованным векселям и распискам, на деле встречались многочисленные трудности, особенно в случаях банкротства заимодавца или его смерти.

Процедура взыскания денег по векселям могла проходить двояко. По одному варианту, кредитор, после опротестования векселя, мог обратиться в словесный суд. Если там вопрос не решался положительно, то следующим этапом было разбирательство в ратуше. По другому варианту, кредитор сразу же обращался с опротестованным векселем и письменным прошением в ратушу для разбирательства с соблюдением всех формальностей. После этого в присутствие вызывался должник, который должен был подтвердить факт долга и сообщить о возможностях по его погашению. Оплата по векселю могла произойти сразу или, с согласия кредитора, частями за

определенное время. В случае несостоятельности должника, его имущество описывалось, и готовилась процедура продажи с публичного торга, достаточно сложная и продолжительная по времени. В первые годы неоднократно случалось по несколько раз переделывать опись имущества, т. к. она не соответствовала предъявляемым требованиям и не утверждалась в Московском губернском правлении. Параллельно этому, по объявлению собирались все неоплаченные векселя должника и поступали в общий конкурс. Иногда всего движимого и недвижимого имущества должника не хватало на оплату долгов. Так произошло с купцом Андреем Абакшиным. Ему удалось добиться такого варианта решения, при котором описанный дом оставался в его пользовании и сам Абакшин получил возможность продолжать свою коммерческую деятельность с обязательным внесением ежегодно определенной суммы в счет погашения долгов. Правда, всей его жизни не хватило на возмещение ущерба кредиторам, и после его смерти остались многие неоплаченные векселя (40).

Разбирая вексельные дела, впрочем, как и все остальные, необходимо было в точности соблюдать букву закона. В некоторых случаях сделать это было нелегко. Возникал соблазн судить «не по закону, а по совести». Так произошло в случае с векселями неотделенного от отца умершего купеческого сына Петра Солодовникова. Отец и сын жили в одном дворе, вели одно совместное дело и были записаны в одном, отцовом капитале. Своего отдельного капитала, движимого или недвижимого имущества ни купеческий сын, ни его жена не имели. В данной коммерческой операции поручительницей выступила жена сына, глава семьи своего письменного согласия на сделку не давал. После смерти сына, отец отказался платить по его векселям. Разбирая это дело, члены ратуши решили взыскать требуемую сумму в 450 р. с главы семьи, а не с поручительницы. Купец Никита Солодовников, получив решение, объявил о своем несогласии и подал апелляцию. В итоге решение ратуши было признано не соответствующим законам и отменено. Более того, сумма в 450 р., обозначенная в векселе, была разделена между подписавшими решение членами ратуши и секретарем и взыскана с них (41).

Эти два случая исключительные. В основном взыскание денег по векселям и распискам осуществлялось полностью. Должники

извещали присутствие о внесении денег полностью и предъявляли векселя с надписями кредиторов и с «надранием» в качестве документального свидетельства (42).

Судебные дела о драках, поношении чести имели более сложную процедуру. Кроме личного явочного прошения с изложением существа вопроса, необходимо было представить поручителей как со стороны истца, так и ответчика. Такие дела возбуждались по разным поводам как мужчинами, так и женщинами. Купец Андрей Семенов сын Оконнишников счел достаточным для возбуждения судебного дела о бесчестье слова «бестия» и «каналья», сказанные в пылу спора мещанином Ильей Серебрянниковым. Жена коллежского регистратора Наталья Аверкиева сочла для себя оскорбительными слова купца Якова Балашова «что де за графиня», сказанные при свидетелях «к ее лицу с пренебрежением и дерско» (43). Такие дела нередко прекращались до начала формального разбирательства, т. к. в ратушу поступало мировое соглашение обеих сторон. Приведем слова из одной мировой челобитной: «Во избежание от производства суда себе волокиты и убытка» (44).

Прекращение дел о поношении чести было весьма распространенным, т. к. даже в случае удовлетворения иска, компенсация была несоизмеримо меньше тех потерь в коммерции, которые были неизбежны из-за частых отлучек на судебные заседания. Приведем мнение депутата Уложенной Комиссии от города Яранска Антонова: «Положено купцу… за бесчестье платить первой гильдии по семи, второй по шести и третьей по пяти рублей человеку. Поэтому купечество находится в крайнем пренебрежении… Хотя некоторые из купечества и могли бы отыскивать по суду удовлетворение за обиду, но только из этого им никакой пользы быть не может, кроме потери времени и убытков, потому что судебное производство и постановление решения не может быть менее полугода… а между тем за то время, в которое надобно иметь хождение по делам, он потеряет несравненно более в своих торговых оборотах и сверх того будет находиться в большой опасности потерпеть отмщение ругательством и побоями, как это бывает на самом деле» (45).

В современной историографии можно найти другое мнение: «Подав явочную челобитную, человек тем самым заявлял о несогласии с оскорблением и таким образом выражал свою готовность пуб-

лично защищать честь и как выражение своего личного достоинства, и как составляющую совокупной чести коллектива, в который он входил. При этом первостепенную роль играла возможность защиты чести публично, в судебном разбирательстве. Однако нередко самого факта подачи челобитной оказывалось достаточно. По мнению Коллманн… это было связано, во-первых, с тем, что уже одно это "оказывало устрашающее воздействие на нарушителей или удовлетворяло ожидание общины, что человек станет защищать свою честь", во-вторых, «некоторых истцов, возможно, отпугивали цена и сложность тяжбы… сам факт его (магистрата — *Н. Ч.*) существования как инстанции, в которую при необходимости можно было обратиться, уже способствовал снижению напряженности в городском сообществе» (46).

В случае кражи необходимо было правильно и подробно указать дату происшествия, количество утраченных вещей с ценой каждой по отдельности, общую сумму похищенного. Несоблюдение процедуры подачи искового прошения могло привести к отказу в приеме дела к производству (47). Первоначально в ратуше осуществлялись и следственные действия, и судебные функции. Ее силами проводились обыски, осмотр места происшествия, задержание подозреваемых и их содержание под стражей. Ратуша должна была обеспечить надежное содержание колодников под стражей, что бывало сделать нелегко. Неоднократно случались побеги из-под стражи, т. к. удавалось выломать решетки из окон. Для увещевания подозреваемых в преступлениях привлекались местные приходские священники, в задачу которых входило внушение колодникам мыслей о раскаянии и чистосердечном признании в содеянных преступлениях. В случае необходимости для допросов могли приглашаться представители Учрежденного собора (если дело касалось Лавры или подвластной ей части населения) или представили Богородской нижней расправы в лице сельских заседателей или самого расправного судьи.

Кстати, однажды во время следствия о кражах разных пожитков, сделанных двумя крестьянами, выяснилось, что украденные ими в разное время припасы — зерно, муку и т. д. — они отвозили во двор купца Егора Павлова, который их скупал (48). Эта информация последствий для названного купца не имела.

Позднее в 1790 г., указом Московского главнокомандующего, для ускорения судопроизводства ратуша должна была отсылать поступившее уголовное дело для проведения расследования в нижний земский суд, и только получив дело со следственными материалами, приступать непосредственно к суду (49). Судебное разбирательство заканчивалось вынесением и оформлением окончательного мотивированного решения с указанием использованных статей действующего законодательства. Готовый экземпляр под расписку выдавалось на руки просителю. Этот момент обязательно фиксировался в журналах и сопровождался опросом о согласии или несогласии с решением и возможности апелляции каждой из сторон судебного процесса. В особо сложных и важных случаях решение ратуши могло отсылаться на утверждение в вышестоящие инстанции. Вынесенное приговором наказание преступников осуществлялось или в Московском смирительном доме, или в Богородской нижней расправе. После наказания осужденный возвращался в ратушу и освобождался из-под стражи только под чье-то письменное поручительство. В целом, соблюдался обычный процедурный порядок (50).

Кроме собственного разбирательства по судебным делам, ратуша имела постоянное сношение со словесным судом. Он решал споры и жалобы без письменого оформления делопроизводства и свои решения отсылал на утверждение в ратушу. В случае неудовлетворения решениями словесного суда, его решения также можно было обжаловать в ратуше.

Практически сразу же ратуша стала вести нотариальную работу – принимать векселя к протесту, а также различные документы частного характера к засвидетельствованию. Эти обязанности возлагались на секретаря ратуши указом Московского губернского правления. В журналах сохранилось следующее пояснение: «По неопределению в Сергиевский посад маклера… как в сию ратушу к засвидетельствованию таковых бумаг вступает весма мало следовательно из гражданства и занимать сию должностью людей не для чего ибо вышеписанной 181 статьей (Устава о благочинии – Н.Ч.) повелевается определять маклеров смотря по надобности… в ратуше вместо маклерской завести книгу к засвидетельствованию бумаг за скрепою одного из присутствующих и за казенной печатью» (51).

Записи в журналах позволяют не только восстановить эту работу, но и представить как постепенно расширялся круг лиц, обращавшихся в ратушу по этому поводу. В основном, в журналах сохранились записи о поданных к засвидетельствованию различных контрактах, актах купли-продажи недвижимости, верющих писем. В 1783 г. имелось всего 5 таких обращений, и все они от жителей посада. В 1786 г. кроме жителей посада для засвидетельствования контракта в ратушу обращались из семинарской конторы Лавры. В 1789 г. к засвидетельствованию был представлен акт купли-продажи княжнами Голицыными двора штатного служителя Архипова. В 90–е годы неоднократно заверяли верющие письма и другие документы капитан Хотяинцев, морского флота лейтенант Василий Сикорский, надворная советница Анна Данилова, помещицы Рылова, Черкасова, капитанша Закрюковская и другие (52).

Регистрация векселей, поданных к протесту, почти не отразилась в журналах. Можно найти одно или два таких упоминания, но в фонде ратуши сохранились книги заемных писем за рассматриваемый период. Полное название такой книги звучит следующим образом: «Книга данная из ратуши Сергиевского посада определенному из оной губернскому секретарю Лву Горчакову для записки приносимых к протесту векселей и чинимых на те векселя протестов» (53). Для регистрации векселей поданных к протесту, ратуша своим указом обязывала купеческого старосту выдавать секретарю шнурозапечатанные со скрепою по листам книги. Ежегодно, при выдаче новых, прежние книги полагалось сдать с поименной описью векселедавцев и с перечнем протестуемой суммы. Данные таблицы 10 показывают, что нагрузка ратуши по этому виду работы колебалась, но имела тенденцию к увеличению.

Таблица 10

Векселя, опротестованные в ратуше Сергиевского посада (по «Книгам векселей и заемных писем»)

ВЕКСЕЛЯ	Годы					
	1782–1783	1785	1789	1792	1795	1798
Общее количество	13	34	33	27	43	55

в т. ч. с одним участником — не гражданином посада	7	4	4	7	3	7
в т. ч., обе стороны не граждане посада	1	2	2	6	3	7

Таблица составлена по материалам: ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.411, 421, 424, 442, 449, 464.

Максимальное количество векселей пришлось на 1798 г. Одновременно с этим выросло число векселей, которые предъявляли к протесту не граждане. И что самое замечательное, ежегодно в ратушу обращались не граждане посада с протестом векселей, выданных также не гражданами. Так, в 1790 г. иностранный купец Петр Никитич Красильников взыскивал 1000 р. с поручицы Марьи Сергеевны Потуловой, домоправитель майора Бутурлина взыскивал 200 р. с московского купца Николая Михайлова Калмыкова. В 1798 г. московский купец Егор Ларионов взыскивал 1160 р. с коллежской ассесорши Афимьи Масловой и 2000 р. с князя Петра Николаевича Волконского (54).

Таким, образом, ратуша, созданная для предоставления суда и расправы местному купечеству и мещанству, оказалась вовлеченный в более широкий круг обязанностей, в том числе затрагивающих интересы других сословий, не исключая и дворянства. Нотариальная работа стала тем видом деятельности, в которой ратуше приходилось выступать в качестве всесословного органа. К аналогичным выводам пришла Н.В. Середа, изучающая деятельность магистратов городов Тверской губернии (55).

Важным фактором жизни горожан была свобода передвижения для реализации коммерческих планов. Одним из компонентов этого права был документ, удостоверяющий личность человека — паспорт. Выдача паспортов осуществлялась ратушей в течение всего периода. Они могли быть рукописными или на специальных печатных бланках с определенным сроком действия — на 1, 2 или 3 года. Обычно, паспорт выдавался на годичный срок. Для кратковременных отлучек выдавались билеты. Бланки печатных паспортов необходимо было предварительно заказывать в уездном казначействе. Обычно их заказывали не менее 100 экз. Первоначально в журналах

фиксировались случаи выдачи паспортов представителям всех городских сословий — купечеству, мещанству и цеховым. Позднее — только случаи выдачи паспортов мещанам. Паспорта выдавались при наличии личного прошения, двух поручителей и разрешения своего старосты. Важным условием при этом было отсутствие долгов и недоимок по казенным сборам. После окончания срока действия паспорта полагалось сдавать обратно в ратушу. В 1792 г. в ратуше хранились 121 письменный и 44 печатных паспорта (56). Сведения за 1795 г. дают представление о сословном характере документов: купеческих паспортов — 39, купеческих билетов — 15, мещанских паспортов — 4, мещанских билетов — 55 (57). Следовательно, хотя процедура выдачи купеческих паспортов изменилась, ратуша продолжала контролировать этот процесс, иначе использованные купеческие паспорта и билеты находились бы в другом месте.

Государство возложило на ратушу важнейшие фискальные функции. Организация сбора и доставки податей была наиболее четко организована. В конце каждого года составлялись окладные списки. Проводились точные подсчеты убыли и прибыли численности каждого из городских сословий и сумма планируемых с этих сословий государственных податей. Сбор податей проводился за каждое полугодие силами специально избранных сборщиков (58). Деньги предъявлялись старостами в ратушу для освидетельствования, суммы сверялись со списками. Затем они сдавались в Московскую казенную палату, позднее в уездное казначейство, а квитанция предоставлялась в ратушу.

Как правило, купеческий староста, сдавая процентные деньги для освидетельствования в ратушу, сообщал, что все собрано сполна, бездоимочно. Процент с капитала не зависел от изменений количественного состава купеческой семьи. Капитал, с которого сбиралась подать, был один на всю семью. Купечество было наиболее состоятельной частью населения, и даже рекрут поставляло не натурой, а деньгами. Разорившиеся купеческие семьи исключались из купечества и переходили в разряд мещанства. Лишь изредка встречаются случаи неплатежа купцами процентных денег. Например, в 1790 г. купец Полыньин содержался в тюрьме при ратуше за неплатеж процентных денег с капитала (59). Некоторое неудобство возни-

кало и в том случае, если вместе в один капитал были записаны семьи нескольких братьев, давно живущих разными дворами и даже в разных частях города. В этих случаях между ними могли возникать споры в определении доли платежа каждого.

Ситуация со сбором податей с мещанства была сложнее. Налоги взимались с каждой души мужского пола. Необходимо было платить за убылые души — умерших и сданных в рекруты, а также за осиротевших малолетних и престарелых неимущих. Поэтому производился перерасчет и с каждой платежеспособной души взималась дополнительная сумма на эти цели. В 1785 г. мещанский староста сообщал, что кроме сорокаалтынных с накладными собиралась еще и прибавка в размере 27,5 к. (60) Аналогичной была и ситуация по сбору податей с цеховых. Цеховые сами собирали и сдавали в казначейство деньги, а в ратушу представляли только квитанцию. Постепенно возникала и накапливалась сумма недоимки у представителей этих двух сословий. К 1790 г. всего на мещанах и цеховых накопилась сумма недоимки в 415 р. 59 к. за 1783–1789 гг. (61)

Кроме податей, которые собирались каждое полугодие, в ратуше постоянно накапливались деньги, взимаемые в качестве указных пошлин за выдаваемые паспорта, с явочных и мировых прошений, за употребление вместо гербовой простой бумаги, за протесты векселей и т. д. В 80–е годы ратуша имела точное предписание не накапливать деньги более 100 р. в месяц и отсылать их в казенную палату. Позднее, эти суммы стали отсылаться вместе с податями в уездное казначейство два раза в год (62).

Кроме денежных податей сохранились еще и некоторые натуральные повинности населения перед государством. Прежде всего — это поставка рекрут. Как уже было сказано, купечество рекрут натурой не поставляло. Поставка рекрут была повинностью мещан и цеховых. Мещанский староста информировал ратушу о назначенном по очереди или определенном по личному желанию или мирскому приговору рекруте, а также о назначении ответственного за сдачу рекрута. Часто возникали конфликтные ситуации из-за несоблюдения очередности. Жалобы на несправедливость шли в разные по уровню вышестоящие инстанции, и ратуше приходилось вновь и вновь возвращаться к рассмотрению этих жалоб, которые редко признавались обоснованными.

Ратуша в Сергиевском посаде существовала после отмены многочисленных безвозмездных государственных служб, но некоторые их отголоски сохранялись и в то время. Например, в посаде находилось казенное здание, в котором в разное время хранились соль, вино. Продажа их осуществлялась по контрактам людьми разного звания, но они обязаны были пересылать свои отчеты в Московскую казенную палату через ратушу и освидетельствование хранимых запасов, состояния самого здания и имеющихся в нем предметов (весов и гирь, например) происходило с обязательным ее участием. Таким образом, ратуше приходилось осуществлять функции контроля за казенной продажей соли и вина.

Вариантом постойной повинности была обязанность городских жителей предоставлять обывательские квартиры для проживания всему штату находившейся в Сергиевском посаде Богородской нижней расправы.

Некоторые повинности носили чрезвычайный характер, например сбор денег на наем лошадей для высочайшего путешествия. Редкими были и случаи постоя войск в посаде.

Социальные вопросы — это вопросы изменения социального положения — переход из одного сословия в другое. Переход из крестьянства в городские сословия, а также перемещение внутри них происходили при непосредственном участии ратуши. Экономические крестьяне, являвшиеся коренными жителями данного места, первоначально могли перейти в посад только при отсутствии пашенной земли. Процедура была достаточно длительной. Необходимо было личное доношение от главы семьи, разрешение крестьянской общины, подтверждение от расправного судьи в том, что крестьянин подлинно беспахотный, указ Московского губернского правления с разрешением перехода в посад. Только получив все эти документы, ратуша принимала решение о записке крестьянской семьи в купеческое или мещанское сословие со внесением ее в обывательскую книгу (63).

Процедура перехода в городские сословия из состава штатных служителей Лавры была немного иной. Здесь требовалось согласование этого вопроса с монастырскими властями. Обычно это не вызывало сложностей, т. к. речь, как правило, шла об осиротевших детях или престарелых штатных служителях. После получения не-

обходимого указа Московского губернского правления, новые граждане вносились в обывательскую книгу и в состав соответствующего сословия.

Таблица 11

Изменение социального положения жителей посада

Рассмотрено вопросов:	Годы					
	1783	1786	1789	1792	1795	1798
Переход в другое сословие внутри посада	5	4	38	18	19	4
Переход из штатных служителей и разночинцев в посад	2	Нет	2	2	11	Нет
Переход из крестьянства в посад	21	2	1	7	81	4
Переход иногородних в посад	Нет	Нет	Нет	2	10	1
Переход из посада в другой город	8	5	3	5	90	2
Всего	**36**	**11**	**44**	**34**	**201**	**11**

Таблица составлена по следующим материалам: ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.413, 423, 430, 440, 451, 462.

Переход из одного городского сословия в другое внутри посада требовал только личного прошения с указанием причин. Например, мещанин или цеховой указывали на наличие капитала при переходе в купечество, купец или купеческая вдова с детьми при переходе в мещанство — на неимение капитала. Обычно переход из одного сословия в другое внутри городского гражданства происходил в конце года, в декабре месяце.

Кроме местных жителей в посад переходили крестьяне из других мест и иногородние граждане. Сами жители Сергиевского посада также приписывались в гражданство Москвы, Санкт-Петербурга и других городов. В таких случаях, кроме личного прошения необходимо было представить разрешение купеческого или мещанского старост или цеховой ремесленной управы с подтверждением отсутствия доимки и партикулярных долгов. Позднее, такое разрешение

выдавалось градской шестигласной думой. Записка или исключение из сословия и обывательской книги осуществлялась после получения соответствующего указа Московского губернского правления.

Н. В. Середа, наблюдая использование терминологии «городовые обыватели», «граждане» и «городское общество» в документации магистратов городов Тверской губернии, пришла к выводу, что первое понятие шире, чем два следующих, а второе и третье используются как синонимы. Исследуемые материалы позволили ей утверждать, что ни наличие недвижимости на территории города, ни факт внесения в обывательскую книгу, ни занятия торговлей и ремеслами не давали прав городского гражданства в полном объеме и не влекли за собой автоматического зачисления в городское общество. В состоянии непричастности к нему в городах подолгу жили вольноотпущенные крестьяне, а также крестьяне экономического и казенного ведомств, купцы и мещане других городов, поменявшие на время место жительства в интересах своего дела (64).

Материалы по Сергиевскому посаду, только что получившему права городского и в котором все население происходило из числа экономических крестьян, не дают возможности провести столь четкую грань в осмыслении предложенных терминов.

Ратуше приходилось сталкиваться почти со всеми аспектами решения социальных вопросов в течение года на протяжении всего периода. Нагрузка варьировалась хаотично. Ее резкий всплеск приходится на период объявления очередной пятой ревизии — 1795 год — самое благоприятное время для перехода из крестьянства в городское гражданство или из одного города в другой. В этот год нагрузка ратуши по этому виду деятельности возрастает и в абсолютных и в относительных цифрах. Она составила 201 рассмотренный вопрос или 30,3%. Для сравнения, в 1792 г. — 34 вопроса или 7,4%, а в 1798 г. — 11 вопросов или 1,7% (см. таблицы 4, 7). Как показывает таблица 7, в этот год активизируется не только переход крестьян в посад, но и переход посадских купцов, мещан и цеховых в другие города. Нагрузка ратуши по этим двум аспектам работы почти одинакова — 81 и 90 рассмотренных вопросов. Наибольшее число переходов происходило в Московское купечество, мещанство и цеховые. Отмечено несколько случаев перехода в Санкт-Петербург и один случай перехода купеческого семейства Андрея Ерофеева (бурго-

мистра предыдущего трехлетия) в город Пярну. Первенство Москвы в данном случае понятно — территориальная близость, устоявшиеся деловые связи, относительно несложный переезд и устройство на новом месте с сохранением прежних связей на старом. Иногда бывали случаи возвращения овдовевших женщин обратно в посад с припиской к семейству родственников.

Наконец, работа, которая, с точки зрения закона, не входила в функции ратуши — организация городского хозяйства. Это мощение улиц, содержание в порядке старых и строительство новых мостов или перевозов. Инициативными были работы по организации торговых площадей, выделению мест для скотобоен. Ратуше совместно с Богородской нижней расправой приходилось заниматься организаций мер противопожарной безопасности, а также заботиться о приобретении инструментов для тушения пожаров. Сюда же можно отнести действия ратуши по организации и функционированию общеобразовательного учреждения — народного училища.

Эти функции ратуши возросли во время проведения перепланировки посада во второй половине 90-х гг. В это время происходит массовая застройка по утвержденному плану, выделяются участки земли для построек и оформляются документы для вечного и неотторжимого владения ими — «данные». Эта работа затрагивала интересы всех сословий, в том числе и дворян, пожелавших поселиться на территории посада своими домами. В это время получают возможность поселиться в посаде премьер-майор И. И. Павлов, капитан Рубецков, князь М. П. Волконский, госпожа Селиванова и другие (65). Ратуше необходимо было действия по застройке согласовывать, а иногда и решать совместно с Богородской нижней расправой и Учрежденным собором Лавры.

С 1798 г. начинает функционировать почтовая часть. Прием и получение почтовых отправлений происходят регулярно в определенные дни для всех без исключения сословий. Таким образом, и по этому разделу работы ратуша выступает как общесословный орган.

Значимость ратуши в решении всех этих вопросов не уменьшилась после учреждения в 1795 г. градской шестигласной думы. Она продолжала быть органом, способным решать многообразные вопросы городской жизни. Работа ратуши во многом строилась как работа большинства государственных учреждений — ежедневные

заседания с 8 утра до 2 часов пополудни, с обязательным ведением всей обычной делопроизводственной документации. Для многочисленных губернских и уездных учреждений ратуша являлась низовым звеном в общей системе местного управления. Поэтому именно к ней адресуются с потоком разнообразных запросов, указаний, требований. С самого начала своего существования ратуша не ограничивалась только «доставлением суда и расправы местному купечеству и мещанству». Ее функции были значительно шире, также как и сословный состав обращавшихся туда со своими проблемами людей. Для отношений ратуши с многочисленными учреждениями различного ранга характерно то, что она старалась отстаивать свои права и права граждан, выступала с инициативами в том случае, если речь шла об общественной пользе. Существование этого органа в Сергиевском посаде весьма ощутимо облегчало жизнь большинства граждан, так как многие вопросы можно было решить на месте, не тратя время на поездки в уездный центр.

Сиротский суд

Одновременно с ратушей в Сергиевском посаде учреждается сиротский суд — орган опеки и попечительства над семьями вдов и сирот. В ведении этого органа могли находиться представители всех сословий, проживавших в городе (кроме дворянства). Сиротские суды должны были действовать по следующей схеме. Основанием для учреждения опеки было прошение об этом, поданное от одного лица или группы лиц. После этого сиротский суд назначал опекуна, предварительно получив его письменное согласие. Составлялась подробная опись с оценкой всего движимого и недвижимого имущества в двух экземплярах. Один экземпляр вручался опекуну, другой — сиротскому суду. Ежегодные отчеты опекунов заслушивались на заседании сиротского суда, сам же суд посылал свои отчеты в вышестоящие учреждения. В обязанности опекуна входила забота о воспитании и образовании малолетних, сбережении их имущества, приращении капитала, защита их прав во всех судебных инстанциях. По закону опекунам дозволялось брать ежегодно 5% с прибыли от оборота капитала, принадлежавшего опекаемой семье (66). Понятно, что в такой ситуации не возникало больших проблем с назначением

опекунов в купеческие семьи. Ими зачастую становились ближайшие родственники.

Для заседаний сиротского суда в помещении ратуши была выделена отдельная комната, украшенная портретом царствующей императрицы Екатерины II. При переезде в новое здание в 1790 г. «и учрежденныя при сей ратуше сиротский и словесный суды с их делами в показанные новые покои перемещены». Для работы этого учреждения в Сергиевском посаде были выбраны и приведены к присяге городовые глава и староста, из членов ратуши выделялись 2 ратмана для участия в заседаниях, а для ведения делопроизводства закреплялся один из канцелярских служителей. Было предложено «для учреждения того сиротского суда занять при состоящих при ратуше порозжие покои и в них оной суд подлежащим образом учредить» (67). Позднее, посадское купечество стало передавать право на заседания в сиротском суде купеческому старосте (68).

Существование сиротского суда в посаде было скорее делом формальным, чем фактическим. Избрание судей, закрепление ратманов для заседаний этого суда происходили регулярно, но никаких дел, никакого делопроизводства здесь не велось. В 1783 г. судьи этого суда прямо указывали на неимение в этом суде дел. Более того, Московский губернский магистрат, которому, кстати, законодательно были подчинены городовые сиротские суды, только в 1786 г. (т. е. через 4 года) выслал необходимые экземпляры инструкций о разделе имений, о совершеннолетии лиц мужского и женского пола. То есть до этого момента, судьи сиротского суда могли руководствоваться только самыми общими положениями из XXI главы «Учреждения для управления губерний» (69). Другое дело, что поводов для заседаний могло и не возникать. Вообще, в таких учреждениях должны были составляться ведомости о вдовах и малолетних сиротах, находящихся под опекой, об их имениях и об опекунском управлении. Согласно «Учреждениям для управления губерний» такие ведомости должны были ежегодно отправляться Московскому губернскому магистрату. Запрос о доставлении подобной ведомости был получен ратушей в 1787 г., но он был из Московского губернского правления. Ратуша переправила его для ответа в сиротский суд. К сожалению, в журнале заседаний присутствия ратуши ответ не зафиксирован, но нет сомнения, что он был

отослан по назначению, т. к. в противном случае были бы вторичные запросы или даже наложение штрафа за неотсылку ведомости (70).

Но, тем не менее, при очередной проверке в 1794 г. было зафиксировано, что «сиротский суд хотя и существует, но с учреждения онаго доныне не только не имеет ведомостей о сиротах и их состоянии, но даже ни одной бумаги в чем либо относящейся к его должности» (71).

Думается, что это верно только отчасти. Делопроизводство велось и в ратуше, и в сиротском суде одними и теми же канцелярскими служителями. Документы хранились все вместе в одном шкафу и могли в отдельный комплекс не выделяться. К тому же некоторые экземпляры дел были утрачены во время переезда ратуши в другое здание. Информация об этом зафиксирована в 1793 году (72). Особенность сохранившихся документов такова, что о функционировании сиротского суда можно узнать только из журналов заседаний присутствия ратуши, где зафиксированы редкие отсылки в это учреждение. Так, в 1787 г. в сиротский суд было отправлено дело о разделе купцов Москалевых и их дяди, а в 1788 г. туда же отправлено сообщение о смерти купца Афанасия Курылдина и оставшемся недвижимом имении (73).

Другое дело, что и законодательство и делопроизводственная практика того времени требовали, чтобы присутствующие в дела сами собой не вступали, а только по прошению, иску или запросу. «Городовой сиротский суд сам собою не вступается в дела вдов, или сирот, но принимется за дело по прошению вдовы, или уведомлению городского главы или ближних родственников» (74). То есть инициатива как таковая отвергалась вообще. И если запросы, касающиеся сиротского суда не поступали, то и ответов, а в данном случае ведомостей, быть не могло.

Подтверждением справедливости этих рассуждений служат имеющиеся в журналах заседаний ратуши несколько записей за 1794–1798 гг. Например, в декабре 1794 г. из ратуши в сиротский суд отослана ведомость о сиротах, оставшихся «после отданных в рекруты, коих по достоверной выправке через соцких оказалось 99 семейств» (75). Вполне возможно, что поводом для составления этой ведомости было исправление замеченных при проверке 1794 г. недостатков. Сословный состав этих 99 семейств не известен, но они не

могли принадлежать к купечеству, так как купечество поставляло рекрут не натурой, а деньгами. Не могли находиться в этом списке и семьи штатных служителей Лавры, т. к. они в рекрутской раскладке не участвовали (76). Это могли быть мещане, цеховые, экономические крестьяне. Насколько эта цифра соответствовала реальному числу находившихся под опекой неизвестно, так как в документе отсутствует запись о том, что эти 99 семейств состояли или изъявили желание находиться под опекой.

Имеются и другие записи о работе сиротского суда. 27 июля 1795 г. он выдал ратуше справку о правах наследников покойного мещанина Андрея Абакшина, имущество которого находилось под опекой. В 1796 г. дела в сиротском суде были найдены ревизором в «сохранении порядка». Краткая запись не перечисляет какие именно дела и в чем заключался порядок их ведения. В следующем году секретарь Аверкиев передавал вновь принятому секретарю Смирнову нерешенные дела по реестру, в том числе и по сиротскому суду. В 1798 г. Московское губернское правление сделало запрос, а сиротский суд должен был рапортовать «прямо от себя касательно вдовьих и сиротских имений, доставляются ль в оный от опекунов щеты, с которого по который год рассмотрены и не найдено ль каковых незаконных расходов, достоинстве и числе таковых владельцев». Ответ на этот запрос мог бы пролить свет на практику работы сиротского суда, но он отсутствует. В книге заемных писем за 1798 г. зафиксирован вексель в 220 р., по которому взыскание чинил купец Трегубов – опекун малолетних детей купца Кузмичева (77). Значит, купец Трегубов действовал как официально назначенный и подотчетный сиротскому суду опекун, со всеми вытекающими из этого положения правами и обязанностями.

Эти записи не позволяют восстановить объем работы сиротского суда, интенсивность заседаний, четкость делопроизводства. Работа, ее регулярность зависели от возникающей потребности — по мере надобности. Можно сделать вывод, что сиротский суд формально существовал, но практически не использовался населением, т. к. были другие, более традиционные механизмы оказания помощи осиротелым детям за счет связей родства и свойства (78). Это вполне соответствовало возможностям сиротского суда, с одной стороны, и потребностям общества, с другой. Аналогичная картина наблюда-

лась в новоучрежденном городе Калязине Тверской губернии — там сиротский суд был сформирован уже в 1778 г., но следов его реальной деятельности не обнаружено (79).

Словесный суд

Словесные суды создавались для быстрого разбирательства дел, не требующих письменного делопроизводства. Для начала рассмотрения поданного в суд дела требовалась устная «на словах», а не письменная просьба. Все дальнейшее рассмотрение и ведение дела шло без письменного оформления в самые кратчайшие сроки. Если в ходе устного расследования выяснялось, что без различных справок решить дело на месте нельзя, то оно передавалось для дальнейшего разбирательства и решения в ратушу или в другое, подходящее случаю учреждение. Максимальный срок разбирательства по одному делу был установлен в 8 дней. В словесном суде заседали двое судей, ежегодно выбираемых по баллам из купечества и мещанства. Работа словесных судей не оплачивалась, но за беспорочную службу они могли награждаться похвальными листами. На практике это означало, что в будущие выборы награжденные могли претендовать только на аналогичные или более высокие, значимые должности, выбором на более низкие должности их унизить не могли (80).

24 апреля 1783 г. ратуша доношением в Московское губернское правление испрашивала указа об учреждении словесного суда согласно Учреждениям для управления губерний (гл. XX ст. 277). Словесный суд был учрежден в 1784 г., т. е. через полтора-два года после получения поселением статуса посада, и по инициативе самой ратуши. Сразу после выборов, словесные судьи были приведены к присяге и в качестве руководства получили «Инструкцию словесным судам». Для работы судьям ежегодно выдавались специальные прошнурованные, скрепленные печатью и подписями книги, в которые вносились записи о поступивших устных просьбах и принятых по ним решениям. В конце годичного срока они сдавались в ратушу при рапорте. Для ведения этих книг могли привлекаться канцелярские служители (81).

Особенность сохранившихся документов такова, что судить о разбираемых в словесном суде делах мы можем только по записям в

журналах заседаний присутствия ратуши о поступивших рапортах этого суда. Книги записи словесных просьб и принятых по ним решений не сохранились. Рапорты словесного суда передавались в ратушу в тех случаях, когда принятое решение нуждалось в утверждении ратуши или когда дальнейшее рассмотрение дела переходило в компетенцию более важных органов. Конечно, были и такие дела, которые словесный суд мог решить на месте без утверждения решения ратушей. Такие дела считались законченными и рапорты по ним могли и не делаться. Например, те, что заканчивались добровольным согласованием, «полюбовно». Это могли быть дела по взысканию денег по векселям и распискам в том случае, если уплата следовала тотчас же или же проситель давал отсрочку и заверял своей подписью запись в судебной книге (82). В других случаях следовали рапорты в ратушу, которые дают возможность восстановить работу словесного суда, и о них пойдет речь в дальнейшем.

Большинство дел — это взыскание денег по векселям, распискам, за поставленный или проданный товар и т. п. Иногда дело касалось небольших и даже незначительных сумм. Так с мещанина Степана Щепетилникова взыскивали 3 р. и 3 р. 50 к., с купца Андрея Дружинина — 20 р. 60 к., с купца Осипа Телегина — 50 р., с купца Андреяна Бурдуньина — 28 р. (83) Но были случаи, когда речь заходила об очень значительных для посада суммах. Так с купца Афанасия Тарбинского взыскивали сумму в 2231 р. посадские купцы Василий Сергеев и Петр Балашов (84).

Некоторые из приведенных дел были достаточно простыми с судопроизводственной точки зрения делами. Просители выступали с устной просьбой, по вызову являлись ответчики, признавали справедливость требований, но удовлетворить их в настоящий момент не могли и просили отсрочки платежа. Именно об отсрочке просили своих кредиторов купцы Андрей Дружинин и Андреян Бурдуньин. Но ответчик мог оказаться и несостоятельным должником, как купец Осип Телегин, на котором кроме долга в 50 р. оказался еще один на сумму 162 р. и взыскивать их необходимо было через ратушу вместе по общему конкурсу.

Случай с мещанином Степаном Щепетилниковым несмотря на кажущуюся мизерность сумм, оказался непростым. Ответчик не производил уплаты по этим суммам не по причине отсутствия денег,

а потому, что считал их несправедливыми, т. к. это были долги за забранные им вместе с одним из просителей напитки, следовательно, по мысли ответчика, и оплачивать их они должны были вместе. Дело о взыскании двух сумм в 3 р. и в 3 р. 50 к. осложнялось еще и тем, что в момент разбирательства в суде просители называли ответчика «каналией», что нанесло урон его чести, да еще и сопровождалось заключением ответчика под стражу в словесном суде на максимальный срок — 8 дней (85).

И, наконец, случай со взысканием значительной суммы с купца Афанасия Тарбинского. Просители свою устную просьбу о взыскании 2231 р. 81 к. векселем или распиской подтвердить не могли, так как «писменных между ими договоров не было, а верили токмо ево кредиту по жителству ево в одном посаде». Тарбинский за забранный им сальный топленый товар обещал выдать векселя, однако по истечении 3-х месяцев обещание не выполнил и денег не заплатил. При разбирательстве оказалось, что дело касается не просто взыскания денег за поставленный товар, а об отказе оплачивать моченый, т. е. недоброкачественный товар. Выяснить качество товара в момент совершения сделки было невозможно из-за того, что происходило все зимой и проданное сало было мерзлое. Поставщики же уверяли в пригодности сала для топления. Таким образом, дело о взыскании денег за поставленный товар превратилось в дело о доброкачественности отпускаемого товара и добросовестности обеих сторон при реализации сделки. Разрешение такого спора было не в компетенции словесного суда и по желанию ответчика было решено учинить третейский суд (86).

Практика лишь подтверждала верность старых поговорок: «Доверяй, но проверяй». Это можно сказать не только о приведенном случае заведомой продажи недоброкачественного товара, который произошел между постоянными жителями, и возможно даже, деловыми партнерами в посаде. К этой же группе дел, связанных с махинациями во время торговых сделок, относится взыскание купцом Ерофеевым денег по напрасно выданному (т. е. недействительному) векселю с купца Балашева, а также дело об обвесе и отпуске некачественного мяса купцу Москалеву мещанином Белозубовым (87).

Приведенные примеры возникающих осложнений не единичны. Так житель посада Килин взыскивал некоторую сумму с купца Реме-

зова, но в ходе расследования выяснилось, что сам Килин не отдал Ремезову взятый шелк (88).

Особый случай — это взыскание денег за выполненную работу по договору или за невыполнение договорных работ. Так, крестьянин Матвей Шилков, хотя и выполнил штукатурную работу по договорному письму в доме купца Саввы Лукина сына Прокофьева, но денег не получил. А мещанин Андрей Дятлов, хотя и подрядился по контракту выполнить земляные работы, но к ним так и не приступал (89).

Большинство случаев взыскания денег касаются посадских купцов и мещан, т. е. подсудных ратуше и словесному суду людей. Причем в качестве просителей могли выступать люди самых различных сословий — не только купцы, мещане и цеховые, но и крестьяне, в том числе и дворовые, церковнослужители, армейские чины (например — прапорщик) и другие. Иногда, по привычке, в словесный суд обращались с жалобами на неподсудных этой инстанции людей. Так, купец Василий Курылдин попытался взыскать 2 р. 50 к. со штатного служителя Троице-Сергиева монастыря за купленные часы, хотя с подобной жалобой надо было обращаться в Учрежденный собор Лавры (90).

Кроме взыскания собственно денег, просители могли возвращать через словесный суд различную собственность. Например, священник Андрей Федоров взыскивал с мещанина Федора Переплетчикова отданные в переплет книги. Мещанка Матрена Михайлова требовала с племянника мещанина Василия Шмакова отданное в залог платье всего на 5 р. Мещанин Иван Пономарев хотел получить проданный ему мещанином Герасимом Посошковым двор. Но, пожалуй, самыми сложными являлись дела о возвращении земельных участков законным владельцам. В этих случаях обе стороны предъявляли доказательства своей правоты и разобраться в них очень непросто. Таким было дело между купцом В. И. Ремезовым и мещанином Ф. Ворониным (91). Таким образом, все вышеперечисленные группы дел можно определить как денежно-имущественные.

Изредка встречались дела о нарушении общественного порядка — о драках. Среди них разбор дела о побоях, которые купец Устинов нанес крестьянину, купец Трегубов — купцу Егору Павлову. Могли возбуждаться судебные дела о брани, вернее о нанесении

бесчестия бранью и ругательствами. С такими обвинениями обратились армейский прапорщик Иван Григорьев сын Федоров на купца Михаила Егорова и его сына Дмитрия, диакон Успенской церкви Максим Иванов на купца Василия Кузмичева (92).

И, наконец, дела касающиеся одновременно и общественного порядка и семейно-родственных отношений. Это жалобы родителей на недостойное поведение детей. Неуважение родителей каралось наказанием палками, как произошло, например, с мещанами Дрищевым и Бахтиным. Дрищева к тому же обязали подпиской к уплате податей за престарелого отца (93).

Иногда, судьи словесного суда привлекались к выполнению других общественных функций. Так, судья Иван Антипин освидетельствовал счета мещанского и купеческого старост в 1788 г., а в 1796 г. оба судьи вместе с другими выборными, включая членов ратуши и шестигласной думы, на месте осматривали спорный участок при выделении земли под застройку (94).

Деятельность словесного суда в поселении, совсем недавно получившем статус городского, выявила еще одну особенность этого учреждения — воспитание граждан в уважении к присутственному месту, пусть даже не государственному, а выборному, и к людям, представляющим власть. В конечном итоге — это попытка воспитания более цивилизованных отношений между законопослушными гражданами. Не случайно, в одной из статей «Учреждений для управления губерний», приводятся примеры уважительных формулировок обращений и требований, принятых при общении между учреждениями различного ранга (95). Характерно, что в качестве судьи мог выступить сосед, родственник или знакомый; вчерашний партнер на рынке мог сегодня оказаться в роли судьи, а потом и сам стать подсудимым. Необходимо было преодолеть неуважительное, панибратское отношение, которое даже в 1796 г. выражалось мнением купца Демида Матросова, что это «не судьи ж а судьишки». Это пример того, как с помощью уменьшительного суффикса можно было походя унизить и человека, и самую должность. Неявка в суд без уважительных причин по многочисленным вызовам также была в обычае у некоторых граждан. В 1787 г. игнорировал словесный суд мещанин Петр Белозубов, хотя к нему посылались и рассыльные ратуши и даже сержант. Петр Белозубов не счел нужным скрываться

и объявил, «что де словесного суда и ратуши ни в чем слушать не хочет». Это были не единичные эпизоды. В октябре 1787 г. в ратушу был подан целый список требующихся к суду купцов и мещан. Хитрее поступал мещанин Дятлов, который скрывался в доме, а жена его, никого не пуская в дом, объявляла об отсутствии мужа (96).

Просителям и ответчикам, являясь в суд необходимо было держаться спокойно и вежливо, соблюдая уважение к присутственному месту, что далеко не всегда удавалось. В горячке спора, судебного разбирательства стороны иногда допускали и неуважительные слова, и ругательства, а иногда даже матерные выражения и не только по отношению друг к другу, но даже и в адрес судей. Так, ответчик мещанин Герасим Посошков азартным образом кричал, бранил и называл мошенником просителя мещанина Пономарева. А купец Устинов, пересказывая чужие матерные слова «сего суда присутствие пренебрег». За такое неуважение следовало весьма ощутимое наказание, которое могло варьироваться в зависимости от провинности и личного положение виновника. К примеру, мещанин Герасим Посошков за крик и ругань был наказан содержанием в ратуше в тюрьме в течение 1 недели. Купец Устинов осужден только на 3 дня, хотя кроме произнесения матерных слов, оказался признан виновным в побоях крестьянина. В качестве дополнительной воспитательной меры было решено «по освобождении объявить ему с подпиской чтоб он впредь в присутственном месте оной непристойности остерегался». А мещанин Устинов за брань присутствующих судей был наказан палками. Были случаи, когда подобные поступки наказывались взысканием штрафа в размере 10 руб. — суммы не маленькой. Такой штраф был взыскан с купца Ивана Коптелина, назвавшего своих братьев ворами. По мнению О. Е. Кошелевой оскорбительность слова «вор» состояла «не в том, что, воровать — грех: грехи и в их числе “не укради” порицались церковными заповедями и относились к церковной сфере. В отношении же “бесчестья”, называя человека “вором”, обидчик указывал, что его место за рамками общества, что он здесь — самый последний из последних и “чести” не имеет» (97). В то же время в редких случаях некоторые купцы, произносившие во время заседания не менее обидные слова, не получали никакого наказания. Например, ответчики купцы Николай Матвеевский и Петр Балашов назвали просителя мещанина

Щепетилникова «каналией» и за произнесение этого слова наказания не понесли (98). Кстати, это пример использования в лексиконе местного населения бранного слова иностранного происхождения. Некоторая сложность возникала и в том случае, когда приходилось сталкиваться с неуважением лиц, не подсудных ратуше — например, в присутствии словесного суда позволили себе ругань священник Ильинской церкви, сержант Сурков и матрос Грачев, которые также приговаривались к штрафованию. В этих случаях требовалось согласование с другими учреждениями. Так, в случае со священником Радонежское духовное правление не обнаружило ясных доказательств его вины, а Московское губернское правление штраф, наложенный на священника, взыскало с самих судей «за неисполнение и упущение ими закона» (99).

Другой проявившейся особенностью функционирования словесного суда была необходимость воспитания самих судей. Некоторые люди, особенно в первые годы, воспринимали факт избрания на должность судьи как своего рода карт-бланш на вседозволенность по отношению к согражданам. Наиболее откровенно выразил эту позицию купец Иван Толстухин, бывший в 1786 г. словесным судьей. Во время пребывания в герберге (кабаке) в компании с мещанином Семеном Балашовым «выпивши несколко стаканов оной Толстухин незнаемо с какого умыслу имевшимся у него в стакане полпивом плеснул его в глаза, а потом ругал его (Балашова – Н.Ч.) всячески непристойными словами и бил по щекам безвинно проговаривая такие речи я де судья могу тебя в цепи и заморить». В бое и бесчестии в 1784 г. обвинялся словесный судья Алексей Кузмичев. Позволяли себе оскорбительные выражения и противоправные поступки судьи 1789 года Николай Баранов и Афанасий Камаев, обвиненные купцами Яковом Балашовым и Алексеем Володимировым. Балашов во время судебного разбирательства был назван ими «грабителем» и «фискалом» (100), а Володимиров был задержан под стражей без всякой резолюции. Но если судье Толстухину это дело сошло с рук (возможно оттого, что происшествие было в частном месте, к тому же в герберге, где оба выпивали, а не в присутствии при исполнении обязанностей), то судья Алексей Кузмичев «замял» дело, подав мировую. А судьям Баранову и Камаеву ратуша выслала указы с предупреждениями «впредь от таковых поступков воздер-

жаться», а «если за сим будут жалобы не останется (суд) без наложения пени». Со временем такие эпизоды из деятельности словесных судей или исчезали совсем или утрачивали такую явную агрессивность. Тем более, что судьи и подсудимые могли поменяться местами, как это произошло с купцом Алексеем Володимировым, в 1789 г. пострадавшим от судебного произвола и ставшим судьей в 1795 г. (101)

Должность словесного судьи не только давала права, но и налагала ответственность. Иногда эта ответственность выступала в конкретной реальной форме денежного наказания, как например, в уже упоминаемом случае о взыскании штрафа за неисполнение закона по делу о произнесении священником Ильиным в присутствии матерного слова. Но это факт исключительный и штраф был наложен Московским губернским правлением. Обычно решения, принятые по делам в словесном суде, так высоко не доходили. Их рассматривала ратуша, и находя несоответствия с законами, обычно констатировала, что хотя «в производстве сего дела замечается зделание словесным судом весма противный его должности поступок, за которой хотя и подлежит оной суд штрафованию поелику примечательно что сделан более от неразумения нежели от умыслу то во оной послать указ с строгим о нечинении подобных беспорядков подтверждением» (102).

Подводя краткий итог, можно сказать, что словесный суд в Сергиевском посаде, созданный по инициативе ратуши, функционировал активно и плодотворно. Он не являлся учреждением узкосословного характера. Просителями могли выступать представители разных сословий, но ответчиками — только купцы, мещане и цеховые. Словесный суд стал привычным для местных жителей местом разрешения различных спорных дел многих категорий. В этом заключается некоторое отличие словесного суда Сергиевского посада от аналогичных учреждений в других городах, где он выступал только как «торговый суд» (103).

Таблица 12

Список словесных судей

Годы	Сословие, имя, фамилия	Сведения о награ-

		дах, наказаниях
1784	Купец Прохор Москалев, купец Алексей Кузмичев	
1785	Тимофей Максимов	
1786	Купец Иван Толстухин, купец Михаил Пролубщиков	
1787	Мещанин Иван Кудашев	
1788	Мещанин Иван Антипин, мещанин Егор Аверин	Выдан похвальный лист
1789	Николай Баранов, Афанасий Михайлов сын Камаев	Указ с предупреждением
1790	Мещанин Иван Абакшин, купец Степан Антонов	Выдан похвальный лист
1791	Купец Иван Баранов, купец Федор Заблиновский	Выдан похвальный лист
1792	Купец Василий Дудин, купец Алексей Иванов сын Селецкий (умер), купец Петр Толстухин	
1794	Купец Иван Сергеев, мещанин Андрей Никитин	
1795	Купец Алексей Володимиров, мещанин Василий Челпанов	Выдан похвальный лист
1796	Купец Яков Дрогин, мещанин Иван Каблушников	
1797	Купец Петр Кузмичев, мещанин Сергей Лошкарев	

Составлено по следующим документам: ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.415. Л.89 об.; Д.418. Л.162 об., 223 об., 224; Д.423. Л.170 об., 241 об.; Д.426. Л.93; Д.429. Л.308; Д.430. Л.49, 305, 391; Д.432. Л.107, 282; Д.436. Л.68, 334 об., 335; Д.439. Л.155; Д.440. Л.39 об., 105 об.; Д.445. Л.518 об.; Д.447. Л.11; Д.451. Л.447 об.; Д.454. Л.25, 49, 415.

Цеховая ремесленная управа

В 1785 г. после организации цехов к существовавшим органам управления добавилась цеховая ремесленная управа — выборный орган управления цехового ремесла в посаде. Она объединяла три цеха — сапожный, кузнечный и портной. Теоретически в состав

цеховой организации должны были входить цеховые мастера, подмастерья и ученики. В Сергиевском посаде цеховая организация объединяла только мастеров, т. к. ни подмастерьев, ни учеников у цеховых не было. Управа состояла из цехового головы, старшин 3-х цехов и 6–ти старшинских товарищей (по двое от каждого цеха). Итого — 10 человек (см. таблицу 13).

Таблица 13

Состав выборного руководства цехов Сергиевского посада

Годы	Цеховой голова	Портной цех	Сапожный цех	Кузнечный цех
1785	Тимофей Сергеев сын Рындин, кузнец	***Осип Дмитриев*** Федор Степанов сын Загвоскин Дмитрий Пастухов	***Артамон Тюрин*** Иван Изотов Осип Пахомов	***Сергей Бобарыкин*** Афонасий Лукьянов сын Бобарыкин Семен Токарев
1786	Тимофей Сергеев сын Рындин, кузнец	***Осип Дмитриев*** Федор Степанов сын Загвоскин Дмитрий Пастухов	***Артамон Тюрин*** Иван Изотов Осип Пахомов	***Сергей Бобарыкин*** Афонасий Лукьянов сын Бобарыкин Семен Токарев
1787	Тимофей Сергеев сын Рындин, кузнец	***Осип Дмитриев*** Федор Степанов сын Загвоскин Дмитрий Пастухов	***Артамон Тюрин*** Иван Изотов Осип Пахомов	***Сергей Бобарыкин*** Афонасий Лукьянов сын Бобарыкин Семен Токарев
1788	Иван Дурнов, сапожник	***Иван Иванов*** Федор Герасимов Ефим Сукин	***Иван Щербаков*** Иван Новсков Никита Щипанов	***Маркел Кондратьев*** Иван Шкунов Федор Соин
1791	Федор Михайлов сын Соин, кузнец	***Ефим Никифоров*** Василий Посошков Федор Герасимов	***Иван Изотов*** Никита Матвеев сын Щипанов Иван Никитин сын Щербаков	***Яков Никитин сын Бунин*** Семен Осипов сын Королев Иван Сергеев сын Бобарыкин

Годы	Цеховой голова	Портной цех	Сапожный цех	Кузнечный цех
1792	Сергей Дмитриев сын Стромынцов, кузнец	***Федор Степанов сын Загвоскин*** Михаил Загвоскин Дмитрей Пастухов	***Осип Никитин сын Пахомов*** Василий Петров сын Жуков Герасим Васильев сын Малютин	***Афанасий Лукьянов сын Бобарыкин*** Иван Осипов сын Королев — младший Степан Васильев сын Шмонин
1793	Иван Дурнов, сапожник	***Иван Петров сын Тараканов*** Максим Ефимов сын Сукичев Федор Герасимов	***Илья Новсков,*** Петр Иванов сын Горбунов, Никита Матвеев сын Щипанов	***Афанасий Лукьянов сын Бабарыкин,*** Семен Осипов сын Королев, Иван Сергеев сын Бабарыкин
1794	Федор Загвоскин, портной	***Ефим Сукичев*** Дмитрий Пастухов Павел Посошков	***Иван Щербаков*** Иван Новсков Петр Жуков	***Сергей Стромынцев*** Степан Шмонин Иван Бабарыкин
1796	Павел Посошков, портной	***Федор Загвоскин*** Дмитрей Пастухов Тимофей Осипов	***Петр Горбунов*** Иван Новсков Иван Щербаков	***Иван Бабарыкин*** Афанасий Бабарыкин Семен Королев

Таблица составлена по сл. материалам: ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.418. Л.181об.; Д.425. Л.21; Д.426. Л.35; Д.427. Л.215 об.; Д.435. Л.235–235 об.; Д.439. Л.241.; Д.444. Л.209; Д.450. Л.86; РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.2116. Л.1.

Заметим, более многочисленные сословия такого количества выборных должностей не имели. Немногочисленность цеховых (первоначально 95 д. м. п., а к концу века только 42) приводила к более частой очередности выполнения выборных функций, тем более что выборы происходили ежегодно. Выборные должны были безотлучно находиться в управе, не имели права отлучаться из посада и этим лишались дневного пропитания. В случае каких-либо недоборов с цеховых именно члены управы становились объектами преследований со стороны ратуши (104).

Для проведения собраний и заседаний требовалось специальное помещение — управная горница. Все расходы по ее содержанию

несли на себе цеховые. Долгое время такого отдельного помещения не существовало. Затем для управной горницы была выделена комната в помещении ратуши. В этот период в ней размещались портрет правящей императрицы, 3 стола (по числу цехов) с ящиками закрывающимися на замки, экземпляр Ремесленного положения. Уже с 1786 г. управа имела такие символы своей власти как управные печать, значки и казну (105).

В цеховой ремесленной управе велось свое делопроизводство силами специального канцелярского работника. Первоначально для выполнения этих функций выбрали общего маклера из цеховых Василья Семенова, но уже в следующем, 1786 г. был нанят отставной копиист Семен Ястребков с годовым жалованьем в 30 р. В управе были финансовые документы — ежегодные счета прихода и расхода денег. С 1792 г. появился журнал установленной формы. Но другого вида документации — протоколов — не зафиксировано. Постоянно велась деловая переписка с ратушей и некоторыми губернскими учреждениями. Пересылаемыми документами были рапорты и доношения. Следовательно, цеховая ремесленная управа находилась на более низкой ступени административной лестницы по сравнению с ратушей и находилась у нее в подчинении. Более того, именно члены ратуши проводили проверки ведения дел в управе, их соответствия законам (106).

Одной из обязанностей цеховой организации был сбор и доставка податей в уездное казначейство. Отправка денежной казны отдельно от купеческой и мещанской означала дополнительную ответственность, расходы и потерю времени. В ратушу после этого представлялась квитанция о сдаче этих средств. Но право самостоятельно доставлять деньги в казначейство расценивалось как знак общественной значимости, повышающий общественный статус управы. Кроме обычных податей, с цеховых взимались и другие сборы, в том числе экстренный сбор денег на лошадей для путешествия императрицы. Одномоментно собрать и внести требуемую сумму оказалось невозможным, поэтому управе пришлось занять под вексель у ратуши 128 р., из которых вовремя удалось вернуть только 87 р. 50 к (107). Этот долг длительное время был источником конфликтов между двумя учреждениями посада. Другим источником конфликтов между ними было сбор с цеховых денег на содер-

жание ратуши. Это требование признавалось и цеховыми и управой несправедливым, т. к. ратуша не выделяла на содержание управы какой-то части общих доходов, а двойные расходы на содержание и ратуши и управы были для цеховых просто непосильным бременем.

Управой определялся порядок отдачи рекрутов из числа цеховых. В некоторых случаях к отдаче назначались цеховые с «пороками» — с невыполненными финансовыми обязательствами перед государством (недоимки) или перед частными людьми (неоплаченные векселя) (108).

Цеховая ремесленная управа обладала правом выдавать цеховым ремесленникам паспорта для отлучек в другие населенные пункты по установленной форме за подписью ремесленного головы и управной печатью. Выдача паспортов сопровождалась сбором указных пошлин с обязательной фиксацией в приходной книге (109).

Управа была низшей судебной инстанцией для цеховых ремесленников. В ней разбирались конфликтные дела между цеховыми — о драках, о невыполнении финансовых обязательств и другие. Процедура разбора дел, принятия решений была обычной для судебных мест. Одной из сопутствующих сложностей была неявка цеховых на вызовы в управу, игнорирование ее заседаний и решений (110).

В некоторых случаях сама управа становилась источником противоправных действий. В таких ситуациях цеховые обращались с жалобами в ратушу как в более высокую и авторитетную инстанцию. Однажды в письме цехового главы Ивана Дурнова в ратушу прозвучала угроза бунта цеховых в случае принуждения к уплате денег на содержание ратуши. Сам Дурнов пострадал — был избит цеховыми только за то, что сообщил о необходимости сбора этих средств (111). Эти факты свидетельствуют о низком уровне правового сознания цеховых, которое проявлялось в разных формах.

Ремесленная управа боролась за права своих членов. Она пыталась через ратушу добиться, чтобы купцы и мещане, занимавшиеся ремеслами, получили дозволение на право ведения этих занятий в управе и внесли туда определенную сумму денег. В 1789 г. был составлен реестр с их фамилиями. Аналогичные действия предпринимались управой в 1792 г. и позднее. Большой эффективности они не имели. Наиболее ожесточенной была борьба против активно занимавшихся ремеслами штатных служителей Лавры. Эта борьба про-

исходила в разных формах, предпринимались попытки действия через Богородский нижний земский суд и богородского земского исправника, но успеха они не принесли. Ситуация толкала цеховых на противоправные поступки, которые и были зафиксированы документами.

Существование цеховой ремесленной управы в посаде не принесло цеховым ремесленникам ожидаемых привилегий на занятия ремеслами. На первый план как главная задача выдвинулись не вопросы улучшения производства, повышения качества подукции, а преследование нецеховых ремесленников. Кроме обычных мещанских сборов, цеховым добавились расходы на содержание самой управы и более частая очередность выборной безвозмездной службы в ней. Таким образом, не давая преимуществ, цеховая организация приносила дополнительные проблемы. Становится понятным, почему наиболее состоятельная часть цеховых старалась покинуть ее, а новых желающих записаться туда не находилось.

Градская шестигласная дума

В 1785 г. система городского самоуправления усложнилась. Грамота на права и выгоды городам Российской Империи предписывала в каждом городе выбирать общую и шестигласную думы. Причем, общая дума избиралась от каждого из 6 разрядов, на которые было разделено все население города. Она собиралась 1 раз в три года и ее назначение заключалось в избрании постоянно действующей шестигласной думы, которая имела в составе по 1 гласному от каждого из 6 разрядов городских обывателей. Шестигласная дума была исполнительным органом и должна была заседать 1 раз в неделю (112). В Сергиевском посаде в 1785 г. городской голова указывал в качестве причины отсутствия этого органа именно тот факт, что население посада еще не было разделено на 6 разрядов. Первоначально казалось, что эта проблема исчезнет после составления обывательской книги. Как известно, в обывательскую книгу обязательно вносились все домовладельцы, которые и составляли один из разрядов. В Сергиевском посаде в этом качестве могли выступать не только купцы, мещане и цеховые, входившие в состав городского общества, но и экономические крестьяне и штатные служители монастыря, которые

также являлись коренными жителями и имели свои дома. Кроме них владели домами на территории посада церковно– и священнослужители приходских церквей, некоторые иногородние купцы и даже представители дворянства (в основном женщины).

В декабре 1785 года общая городская дума хотя и была составлена, но состояла всего из двух человек (113). Вероятно эти двое были представителями двух сословий — купечества и мещанства. Заметим, что речь идет об общей думе, о шестигласной даже и упоминаний нет. Понятно, что в таком составе дума не могла быть полноценной и нормально функционировать. Хотя выборы и прошли и градской глава доложил об открытии думы, тем не менее в журналах ратуши нет упоминаний, запросов, полученных сообщений и тому подобных записей, свидетельствующих о работе этого вновь выбранного органа. Вполне вероятно, что в маленьком городке дума из двух представителей двух сословий должна была дублировать некоторые функции уже имеющихся структур, например старост. Необходимости в этом дублировании не было. В итоге, в 1794 г. при проверке городских учреждений Сергиевского посада московским начальством был сделан вывод, что «думы и совсем не учреждено» (114). Такая ситуация не была исключительной. Аналогичная ей существовала, например, в Вятском наместничестве. В его центре — городе Вятке — шестигласная дума стала функционировать с 1792 г., а в других городах открытие общих городских и шестигласных дум совершилось в 1792–1793 гг. «Причина заключалась в затруднении выбора гласных …за неимением лиц, имеющих право быть занесенными в каждую из шести рубрик обывательской книги» (115). В Вятке гласными избирались представители от купечества и мещанства, а дворянство, разночинцы и духовенство в работе думы не участвовали. В новоучрежденном уральском городе Шадринске действовала общая городская дума, а шестигласной не было (116). В городах Тверской губернии Старице и Торжке думы появляются соответственно в 1791 и 1793 гг. (117) Таким образом, становится очевидным, что на местах допускались отступления от закона.

Старание организовать городское самоуправление по полной форме, в точном соответствии с законом было побудительной причиной создания в 1795 г. градской шестигласной думы, которая во-

преки названию имела только 5 выборных гласных (118). Среди них: мещанин Иван Косточкин, купцы Иван Портнов и Федор Бурдуньин, а также Петр Селецкой и Иван Ананьин. В 1797 г. появляется упоминание о заседающем там от цеховых Герасиме Малюгине (возможно вместо умершего в предыдущем году Ивана Ананьина) (119). Кстати, такое же число гласных — пять — было и в уездном городе Великие Луки (120). В Сергиевском посаде дума начинает функционировать с самого начала календарного года — с первых чисел января. Для ее нормальной деятельности необходимо было не только присутствие выборных гласных и градского главы в качестве председателя, но и наличие обслуживающего персонала — писцов, секретарей. Дума должна была иметь и свое помещение, и печать, и делопроизводство. Городовым положением была предусмотрена регулярная отчетность думы перед губернатором и казенной палатой (121). Во всяком случае, в 1796 г. бывший в Сергиевском посаде ревизор нашел дела в шестигласной думе в порядке. К сожалению, документация шестигласной думы в фонде ратуши Сергиевского посада отсутствует. Отдельный фонд шестигласной думы не найден, возможно он и вовсе не существует. Но в журнале заседаний присутствия ратуши сохранились записи, позволяющие в какой-то мере судить о функционировании думы. Это запросы, сообщения самой думы, а также запросы и сообщения ратуши в думу. Ратуша информирует думу о содержании многих поступающих документов «во известие» или «для сведения». Кроме этого, имеется запись об общем заседании ратуши, градского главы и гласных думы в августе 1797 г. Порядок подписей под этой записью в журнале следующий — сначала градской глава, затем бургомистры и ратманы и после них гласные (122). Этот порядок демонстрирует наличие некоторой иерархии выборных членов двух учреждений, равных друг другу по положению. Имеется запись о наличии в думе своей печати (123).

Что конкретно находилось в ведении градской шестигласной думы Сергиевского посада? Прежде всего, это дела связанные с выдачей разрешений для перехода в другое сословие или вообще на выход из градского общества для приписки к другому городу или «в надежду монашества». В этом случае дума отсылала в ратушу свое согласие, которое выражалось формулой: «к уволению… препятствия нет» или мотивированный отказ, например — «на просящемся

из здешнего мещанства Николае Рыбине по имеемому у него портному мастерству в Московский цех состоит (долга — *Н. Ч.*) на сей 1795 год… всего 4 р. 25 к.» (124).

Выдача мещанам паспортов для прокормления работой или билетов для кратковременных отлучек также осуществлялась ратушей с дозволения думы. Разрешение оформлялось в письменном виде и подписывалось одним из гласных с такой формулировкой: «по дозволению градской шестигласной думы гласного Ивана Косточкина» (125).

Согласие думы так же было обязательным и при решении вопроса о постройке на общественном месте постоялого двора, выделении мест для застройки по плану. Согласие думы требовалось и для владения оброчными статьями. Во всяком случае, их реестр велся думой, и туда же должны были поступать собираемые за них деньги. Посредством думы велся сбор рекрутских денег, контролировалась денежная отчетность старост.

Наблюдение за порядком также входило в функции думы. В ней утверждались в своих должностях соцкие, заменявшие квартальных полицейских, обычных в больших городах (126). Иногородние получали в думе разрешение на торговлю. Совместно с ратушей решались вопросы благоустройства, противопожарной безопасности (127). Все это вполне соответствует тем функциям, которые возлагались на думу Городовым положением.

Возникает впечатление, что для вышестоящих учреждений думы как бы не существовало. Они продолжали вести переписку с ратушей по многим вопросам, входившим в компетенцию думы. Так, приказ общественного призрения в 1796 г. ведет переписку с ратушей о найме дома для школы. В ратушу же поступает запрос о ценах на продукты из Московского провиантского бюро. Ей Московский главнокомандующий адресует предложение о построении будок кордегардии на въезде в посад. Туда же направлен указ Московского губернского правления о прибавке податей с купечества, мещанства и цеховых. Ратуша информировала шестигласную думу о получении этой корреспонденции «для известия», хотя правильнее было бы по этим вопросам вести переписку напрямую с думой (128). И только однажды ратуша получила сообщение о полученном думой указе из Московского губернского правления. Это был указ, кото-

рым разрешалось внести из общественных денег штраф, наложенный на членов ратуши и секретаря. Причем это было устное сообщение купеческого старосты, который указанную сумму — 10 руб. из общественных денег внес, а ратуша приняла (129). Но это случай исключительный и кроме него никаких других упоминаний о получении думой какой-либо корреспонденции из других, в том числе и вышестоящих, учреждений нет. Это может означать одно из двух. Либо дума не считала нужным информировать ратушу о получении такой корреспонденции, либо ее не было вовсе. Утверждать одно или другое невозможно из-за отсутствия документации самой шестигласной думы.

Сведения, полученные из журналов ратуши, свидетельствуют также и о том, что по многим вопросам функции ратуши и шестигласной думы переплетались, дублировались, а иногда ратуша просто подменяла шестигласную думу. К тому же, необходимо учесть периодичность работы учреждений — ратуша заседала практически ежедневно, кроме выходных и праздничных дней, а дума — один раз в неделю. Вопросы, которые с 1795 г. стали решаться вместе с шестигласной думой, решались и раньше ратушей вместе со старостами и градским главой. Появление нового органа, ответственного за финансовые и хозяйственные вопросы, не привело к уменьшению ответственности ратуши по этим же вопросам. Ратуша как была, так и осталась тем учреждением, с которым велась переписка вышестоящих и других иногородних учреждений по всему комплексу вопросов городской жизни. Между ратушей и шестигласной думой сложились нормальные, деловые отношения. Но все-таки, появление нового органа не способствовало повышению эффективности работы всей системы городского самоуправления, вызывало необходимость дополнительной переписки, согласований, новых расходов.

Положение думы и невидимость ее деятельности вполне объяснимы однородностью ее состава с составом ратуши. Такая же картина наблюдается и в значительно более крупных городах, например, в уже упоминаемой Вятке и в Твери, где также до середины 90-х гг. шестигласной думы вовсе не было. В Сергиевском посаде заметна некая потуга соответствовать букве Городового положения при отсутствии для этого необходимых условий.

В итоге можно констатировать, что в первые десятилетия существования Сергиевского посада в статусе городского поселения складывается целая система городского самоуправления, насчитывающая несколько выборных учреждений различного назначения. Это — ратуша, в которой заседали два бургомистра и четыре ратмана; сиротский суд в составе городского главы, посадского (или купеческого) старосты и двух ратманов; словесный суд с двумя ежегодно избираемыми судьями; шестигласная дума, состоявшая из городского главы и пяти гласных. Отметим, что инициатива создания одного из них — словесного суда — принадлежала самим горожанам. Сиротский и словесный суды, общаясь с ратушей, писали рапорты, следовательно, находились в подчиненном по отношению к ней положении. Шестигласная дума посылала в ратушу сообщения — т. е. была равной ей по положению. Эта система дополнялась внутрисословной организацией части населения (городского гражданства), выборные лица которых также являлись частью этой системы. Купечество и мещанство ежегодно выбирали своих старост. Оформились ремесленные цехи со своими организационными структурами — управой с цеховым (управным) главой, цехи со старшинами и старшинскими товарищами, избираемыми ежегодно. Эти выборные лица находились в подчинении и у ратуши, и у шестигласной думы. Из полагающегося по закону набора выборных учреждений в посаде отсутствовал только совестный суд.

По своему положению самой высшей была должность градского головы, затем — бургомистры, следующая ступень — ратманы, гласные думы, после них — судьи словесного суда, и лишь затем — старосты. Кроме них были еще более мелкие выборные должности — депутат для составления обывательской книги, ценовщики, соцкие и тому подобные должности вспомогательного характера. В реальной жизни городскому главе не всегда принадлежала первенствующая роль. Он не имел своего присутствия и печати, в то время как ратуша имела и свое помещение, и печать, и штат наемных служителей, и являлась коллективным присутственным местом. Переписка вышестоящих учреждений велась с ратушей как с органом, способным решать самые разнообразные вопросы по всему комплексу проблем городской жизни, не ограничиваясь только чисто судебными функциями. Ратуша привлекала для решения возникаю-

щих проблем всех выборных должностных лиц по мере необходимости, в том числе и городского голову. Таким образом, градской глава, хотя и считался высшим должностным выборным лицом, фактически оказывался руководимым ратушей, а не наоборот. Более того, в 1795 г. ратуша объявила ему выговор за нерачение в службе (130).

В некоторых аспектах своей деятельности система городского самоуправления теряет узкосословные черты и распространяет свои функции на представителей других сословий, проживавших на территории посада, иногда включая дворянство. Реальная роль ратуши для Сергиевского посада не ограничивалась функциями сословного суда для представителей городского гражданства. Она была занята решением разнообразного комплекса городских дел. Сохранившиеся источники позволяют сделать вывод, что ратуша была главным органом в системе самоуправления посада. В этом качестве ее воспринимали и местные жители, и другие городские учреждения, и вышестоящие московские власти.

Богородская нижняя расправа

Богородская нижняя расправа — присутственное место, открытое в Сергиевском посаде одновременно с ратушей во время празднования по поводу изменения статуса поселения вокруг Троице-Сергиевой лавры.

Нижняя расправа — орган сословного суда. По Штату Московской губернии 1781 г. на 14 уездов полагалось всего 5 нижних расправ. Согласно ст. 412 «Учреждений для управления губерний» нижняя расправа должна располагаться в уездном городе. В ведении данной расправы находились города Богородск и Дмитров с их уездами. Всего суду Богородской нижней расправы подлежали экономические и дворцовые крестьяне в количестве 25 072 чел. (131). Остается загадкой, почему для размещения этого государственного учреждения был выбран Сергиевский посад, а не один из двух уездных центров — Богородск или Дмитров, тем более, что само учреждение носило название по имени города Богородска. В Сергиевском посаде в этот момент проживало экономических крестьян всего

201 д. м. п., т. е. отнюдь не большинство подведомственного данной расправе населения, а лишь менее 1%. В Богородске и Дмитрове их, видимо, было еще меньше или же не было вовсе. Основная масса экономических крестьян проживала в уезде. Поэтому вполне логично, что учреждение, в ведении которого находился этот разряд населения, размещалось в том поселении городского типа, где экономические крестьяне все же имелись.

Штат одной нижней расправы предусматривал наличие расправного судьи 9 класса (с должностным окладом 250 р. в год), четырех заседателей (по 60 р.), секретаря 14 класса (200 р.). Кроме того, на канцелярских служителей и расход выделялось еще 508 р. Всего на содержание нижней расправы полагалась сумма в 1198 р. в год. Но в нее не входила такая существенная статья расхода, как наем и содержание здания для присутствия и квартир для чиновников и других служителей нижней расправы. Эта статья расходов целиком ложилась на местное городское население.

В Богородской нижней расправе в момент ее учреждения были: расправный судья надворный советник, майор Даниил Данилов, сельские заседатели Иван Меркулов сын Емщиков, Федор Федоров сын Стулов, Степан Петров, Федор Иванов сын Печенкин, секретарь Григорий Хрулев, подканцелярист, два копииста, вахмистр и сторож. Всего 11 человек (132). Весь этот штат должен был быть обеспечен квартирами, а само учреждение — помещением, за счет городского гражданства — купечества и мещанства. Другая часть населения — экономические крестьяне и штатные служители Лавры этой повинности не несли. Ратуша, действуя через Московское губернское правление, сумела добиться уравнения в разверстке квартир для всех жителей посада. Функция распределения этой повинности была возложена на богородского земского исправника (133). Так в первый раз мы встречаем упоминание о функционировании должностного лица, которому по закону надлежало следить за полицией в Сергиевском посаде.

Здание, в котором поместилась нижняя расправа, было куплено прежде для общего с крестьянами казначейства. Половина его принадлежала посаду. Расправному судье удалось получить и 152 р. на наем квартиры, и вселиться в принадлежавшую посаду половину

здания. Попытки ратуши восстановить справедливость, т. е. вернуть либо половину дома, либо деньги, успехом не увенчались (134).

Как работала нижняя расправа и чем занималась? В одном из рапортов 1783 г. расправный судья надворный советник, майор Даниил Данилов так описывает работу подведомственного ему учреждения: «Как высочайшим Ее императорского величества Учреждением в 547 статье повелено, нижняя расправа собирается три раза или срока в году буде нет дел чрезвычайных. Первый срок от 8 генваря до страсной недели, второй срок после Троицына дни до 27 июня, а третий срок от 2 октября до 18 декабря. А по справке, в сей расправе как чрезвычайных дел так и в задержании колодников не имеется» (135). Таким образом, организация работы расправы соответствовала обычной схеме работы подобных учреждений. Видимо, судебные дела, разбираемые расправой в тот момент, были такие незначительные, что не требовали даже содержания обвиняемых под стражей. Кроме того, в это время расправный судья неоднократно письменно подтверждал факт отсутствия пахотной земли у экономических крестьян Клементьевской волости при переходе в городское гражданство Сергиевского посада. В журнале заседаний ратуши за этот год зарегистрировано не менее 10 подобных сообщений. Они могли касаться как отдельных крестьян с их семьями, так и целых групп (136).

Но уже в этом же году расправный судья оказывается занят не только выполнением обычных судебных, но и совершенно не свойственных ему функций. Например, после пожара вместе с ратушей он занят оценкой ущерба и вопросами застройки погорелых мест. В должностные обязанности расправного судьи право выдавать разрешения на застройку не входило. Для этого ему требовалось специальное разрешение Московского губернского правления. От решения этого вопроса зависели насущные вопросы жизни пострадавших от пожара жителей, среди которых были представители всех сословий, в том числе и штатные служители Лавры. В переписку по этому вопросу были вовлечены и ратуша, и расправа, и Учрежденный собор, и Московское губернское правление, и митрополит Платон. Дело дошло даже до Сената (137).

Возможно, эта частная проблема указала на необходимость решения общего вопроса о полицейском управлении в Сергиевском

посаде. Летом 1784 г. был издан важный указ Московского губернского правления о возложении на расправного судью Данилова полицейских функций: «За благочинием наблюдение иметь». С этого момента в документах ратуши расправный судья Данилов называется «правящим городническую должность». В письме расправного судьи в Учрежденный собор имеются сведения о наличии у него воинской команды. Правда, уже в следующем, 1785 г., объясняя свою загруженность уголовными и гражданскими делами, расправный судья пишет: «Указ Московского губернского правления предписывал толко иметь за благочинием наблюдение… и к той же должности для писменного производства приказных служителей не определено» (138).

Таким образом, с момента открытия и до указа 1784 г. полиция и благочиние в Сергиевском посаде (т. е. в поселении, входящем в состав уезда) были поручены Богородскому нижнему земскому суду и богородскому земскому исправнику, что вполне соответствовало Учреждениям для управления губерний, ст. 224, 235. Сергиевский посад, с его сложным сословным составом, и что еще более важно, с совершенно особым положением находящейся в центре поселения Троице-Сергиевой лавры, не вписывался в общую схему полицейского управления посадами. С 1784 г. обязанности Управы благочиния возлагаются на нижнюю расправу, а на расправного судью — функции городничего и полицмейстера. Для этого ему придана воинская команда, но штат приказнослужителей не был увеличен. Заметим, что факт передачи функций городничего расправному судье противоречил известной формуле того времени — «городничий — не судья».

Первоначально создается впечатление, что эти обязанности делегировались самой должности расправного судьи, а не персонально майору Данилову. Однако дальнейшие события это опровергают. В 1790 г. майора Данилова на этом месте сменил секунд-майор Степан Баголдин-Таишев. Сам Данилов оказался под судом в Московской палате уголовного суда. В журналах заседаний ратуши новый расправный судья именуется без обязательной ранее прибавки «правящий городническую должность». В это время в посаде для исправления полицейских обязанностей действует богородский каптенармус Василий Филиппов. В одном из документов 1791 г. он

значится как «находящийся в Сергиевском посаде для Управы благочиния каптенармус» (139). Кроме того, ратуша по этим же вопросам общается с богородским земским исправником (140). Но видимо такая модель управления срабатывала не достаточно эффективно. Начиная с 1792 г. начинается постепенное медленное возвращение к прежней модели с использованием расправного судьи в качестве городничего. С этого года на расправного судью Баголдин-Таишева возлагаются наблюдение за порядком и очередностью между обывателями при выдаче проезжающим по подорожным лошадей, а также наблюдение за застройкой по плану погорелых мест после очередного пожара и соблюдение мер противопожарной безопасности. Все эти обязанности были возложены на расправного судью Московским главнокомандующим по причине отдаленности от посада земского суда. И только в ноябре 1795 г. его же указом на расправного судью снова возлагаются обязанности «о исправлении полиции в сем посаде… с исполнением всего того, что следует по высочайшему Учреждению о городах, городничих и прочем» (141). Таким образом, обязанности городничего возлагались не столько на должность расправного судьи, сколько на чиновника в этой должности. Замена одного чиновника на этой должности другим, не приводила к автоматическому возложению обязанностей городничего с предшественника на преемника. Видимо, можно говорить о том, что в данном случае действовал «старинный принцип поручения», характерный для многих структур власти этого столетия (142).

Уместно добавить, что исполнение обязанностей городничего не снимало с расправного судьи непосредственно судебных обязанностей над государственными или приближавшимися к ним по положению крестьянами Богородского и Дмитровского уездов. Об этом свидетельствуют сохранившиеся отчеты, направленные в Московскую верхнюю расправу. Так, например, из указанных в отчете за 1784 г. 7 дел в Богородской нижней расправе не было ни одного, касавшегося жителей Сергиевского посада. В 1786 г. из попавших в отчет 10 дел, только одно связано с кражей денег у посадского мещанина, а в 1787 г. все 15 дел не связаны с Сергиевским посадом. (143) Означает ли это, что в указанные годы Богородская нижняя расправа на самом деле не была занята решением городских дел? Скорее всего здесь мы имеем дело с точным разграничением функ-

ций, отразившихся в отчетах расправы. Отчеты, посылаемые в Московскую верхнюю расправу зафиксировали только тот круг дел, которыми обычно были заняты нижние расправы. Эти дела ни в коей мере не смешивались с делами по городскому управлению и поэтому не нашли отражения в отчетах. Даже единственное дело о краже у посадского мещанина денег попало сюда потому, что подозреваемым являлся крестьянин из окрестной округи, т. е. в данном случае оно опять-таки связано с исполнением обычных для нижней расправы функций.

Восстановить полный объем деятельности Богородской нижней расправы из-за практически полного отсутствия документов этого учреждения не представляется возможным. Уже упоминаемые отчеты, сохранившиеся в фонде Московской верхней расправы, отражают только одну сторону деятельности нижней расправы. Некоторые дополнительные сведения о занятости расправного судьи дают записи в журналах и протоколах ратуши и некоторые сохранившиеся тематические дела в фонде Троице-Сергиевой лавры. Но они отражают только те аспекты его деятельности, которые касались городского гражданства и штатных служителей Лавры. Почти никак не просматривается работа с экономическими крестьянами, иногородними и другими категориями населения, так или иначе оказавшимися на территории Сергиевского посада.

Расправный судья начал свою деятельность в Сергиевском посаде в качестве городничего с извещения об этом всего населения. Его следующим шагом была попытка создать недостающие звенья Управы благочиния — низшие полицейские должности. Это — частные приставы и квартальные надзиратели. Сергиевский посад не был разбит на части и кварталы, более того существование полицейских должностей в посадах вообще не предусматривалось. Напомним, что в распоряжении расправного судьи была воинская команда. Солдаты использовались в качестве рассыльных и конвоиров для розыска и доставки требуемых лиц. В отдельных случаях они сопровождали расправного судью для демонстрации значимости и силы данного должностного лица (144). Но одной воинской команды не всегда хватало. Традиционно в посаде для поддержания порядка выбирали соцких. Именно соцкие и десяцкие потребовались расправному судье для исполнения полицейских должностей. По мне-

нию расправного судьи, «соцкие завсегда по Управе благочиния бывают потребны». Порядок определения на должность не регламентировался, этот вопрос решался самими гражданами. Можно было выбирать по очереди или нанимать желающих по мирскому приговору (145).

По приказу Данилова соцкие вместе с двумя сторожами из обывателей ежедневно с 11 вечера до 2 часов ночи обходили посад для предупреждения и пресечения возможных правонарушений. В некоторых случаях они использовались для организации охраны опечатанного имущества, предназначенного для аукционной продажи, для осмотра места преступления, проведения обысков, поисков беглых колодников или других разыскиваемых людей. Но инструкции соцким почему-то давал не только расправный судья, за ними надо было ехать в Богородский нижний земский суд (146). Видимо, это следствие общего положения о подчиненности уездных поселений по части полиции нижним земским судам.

Под контролем расправного судьи находились и приезжие. Хозяева постоялых дворов были информированы о необходимости регистрировать своих постояльцев и сообщать о них по Управе благочиния. Естественно, приезжие должны были предъявлять свои паспорта для соответствующих отметок. Встреча и сопровождение по посаду важных сановников возлагалась на расправного судью упоминавшимся указом Московского губернского правления. К приезду главнокомандующего Петра Дмитриевича Еропкина в конце Клементьевой слободы была организована целая делегация представителей разных сословий во главе с расправным судьей. Для этого случая делались распоряжения о подготовке ведомостей, демонстрирующих различные аспекты работы городских учреждений (147).

Городской рынок был местом, требующим особого присмотра городских властей по нескольким причинам. Во-первых, чтобы избежать или вовремя прекратить конфликты между торгующими разных сословий. Во-вторых, необходимо было следить за соответствием качества товаров определенным нормам, в особенности это касалось съестных припасов. Приказами Московского губернского правления расправному судье было вменено в обязанность вместе с ратушей выбрать место для новой торговой площади, отводить ме-

ста для лавок и представить ее план в правление. Для упорядочения работы рынка, расправный судья дал распоряжение о выборе в каждом торговом ряду старост. Это было весьма актуально, так как «оказалось в мясном (ряду — *Н. Ч.*) что уже и испортившееся продают». Для предотвращения таких непорядков было приказано колоть скот только на определенных для этого бойнях, после осмотра и освидетельствования его здоровья. Контроль касался и торговли печеным хлебом: «чтоб в вес печеные хлебы ситные калачи… продаваемы были по таксе». Сюда же можно отнести и распоряжение о приобретении и хранении на Красной горе и в Клементьеве (традиционных торговых местах) клейменых мер и весов (148).

Оценивая все эти хлопоты расправного судьи, необходимо сказать, что почти всегда его действия ограничивались отсылкой в ратушу соответственных распоряжений. Иногда бумаги просто ходили по кругу. Например, ратуша выступила с инициативой о создании торговой площади и соответствующее доношение было отправлено в Московское губернское правление. Правление приняло решение и выслало указ о совместной работе ратуши и расправного судьи по устройству этой площади. Расправный судья, в свою очередь, на основании этого указа потребовал от ратуши присылки плана этой площади. Сами ратушские члены, не имея в своей команде нужного специалиста, выполнить это требование не могли и доношением в Московское губернское правление просили откомандировать в посад для этой цели архитектора. После повторного требования расправного судьи, ратуша объяснила, что сможет выполнить желаемое только после приезда в посад архитектора. Московское губернское правление требовало план с судьи, судья с ратуши, ратуша просила архитектора от губернского правления. При этом, следует учитывать тот факт, что в вопросах организации застройки торговой площади, контроля за качеством продаваемых товаров между расправным судьей и ратушей разногласий не было. Другое дело, когда речь шла о правах на торговлю. Ратуша отстаивала исключительное право купцов и мещан на ведение розничной торговли. К защите расправного судьи прибегали обиженные на торгу крестьяне, которым запрещали торговать в розницу (149).

Благоустройство посада также входило в функцию расправного судьи в качестве городничего. В первую очередь это требовало ор-

ганизации и координации работ по содержанию и ремонту дорог, тротуаров и мостов между представителями разных сословий. Сложность заключалась в существовании некоторых спорных участков, мостить которые не считали себя обязанными ни купцы с мещанами, ни штатные служители, ни крестьяне. В 1786 г. этот вопрос поднимался не менее 11 раз. Силы власти расправного судьи явно не хватало для того, чтобы навязать ратуше свое решение. В переписку о спорном участке около Белого пруда были вовлечены не только расправный судья и ратуша, но и Московское губернское правление и московский губернатор (150). Решить этот вопрос в течение одного года так и не удалось.

Мостовые в городе — это только одна сторона проблемы благоустройства. Сюда же следует отнести и проведение общей перепланировки с выделением участков под застройку по утвержденному («опробированному») плану и выдачей необходимых документов — «данных». Приходилось расправному судье проявлять заботу об устройстве противопожарной службы. По совместному распоряжению судьи и ратуши были приобретены необходимые инструменты для пожаротушения (крючья, вилы, ухваты), определен порядок действий обывателей на случай пожара (151).

В обязанность расправы входило также проведение следствий и судебных заседаний. Последние могли проводиться как в помещении расправы с приглашением одного из членов ратуши, так и в помещении ратуши в присутствии расправного судьи, сельских заседателей. Такие заседания назывались совместными или общими конференциями. В некоторых случаях такие конференции могли быть многодневными. Например, в 1786 г. сельский заседатель Ф. Стулов оказался прикомандированным к ратуше на срок около 2 месяцев (152).

Неоднократно расправный судья разбирал конфликтные дела между представителями разных сословий. Иногда его действия носили характер самовольного вмешательства (т. к. купцы и мещане подлежали суду ратуши); иногда, это были совместные или согласованные с ратушей действия.

В функции расправы входило содержание задержанных подозреваемых и преступников под стражей, а также исполнение приговоров о телесных наказаниях (153).

Отношения между расправой и ратушей складывались поразному. В некоторых случаях они носили нормальный деловой характер. В расправе была почтовая экспедиция, и расправный судья разрешал ратуше отправлять в Москву корреспонденцию вместе с проходящей через посад архангелогородской почтой. Ратуша, в свою очередь, всегда по требованию судьи высылала оценщиков из купцов, которые выступали в качестве экспертов при оценке украденного имущества при проведении следственных действий и судебных разбирательств. Без каких-либо отговорок в расправу высылались затребованные ведомости о ценах на строительные материалы, съестные припасы, информация о школе и т. д. (154) В некоторых случаях положительного решения приходилось добиваться путем длительной переписки со ссылками на статьи законов. Так произошло во время подготовки к составлению обывательской книги в 1785 г. Это входило в функции представителей городского самоуправления. Но для нее надо было составить списки о проживающих в посаде крестьянах, чиновниках, штатных служителях и иногородних, которые находились в ведении расправы и Учрежденного собора. Именно они должны были составить описи дворов со всеми постройками и списком проживающих там, так как ратушские люди не имели права на подобные действия во дворах неподсудных ратуше людей. Все три стороны — ратуша, расправа и Учрежденный собор отказывались сделать это, и каждая приводила в защиту своей позиции подходящие случаю статьи законов. Но ратуша сумела настоять на законности своих требований и оппоненты представили требуемые списки (155).

Отношения расправы с ратушей достигли особого напряжения в 1788 г. Причиной стали настойчивые хлопоты ратуши о выселении расправы из половины занимаемого дома. 1 января на заседание ратуши «взошел богородской нижней расправы судья господин надворный советник Данилов с двумя солдатами проговаривая присудствующим,… что им того двора как ушей своих не видать, показывая кукиш кричал, что у него много в Москве приятелей, а ратушские де присудствующие кроме как на Болото (156) входа иметь никуда не могут, а также де они к господину генерал-майору и кавалеру Петру Васильевичу Лопухину не только войти во двор, но и в дворотию не могут де поглядеть». По примеру начальника, канце-

лярские служители расправы также стали совершать мелкие правонарушения на занимаемых обывательских квартирах — пьянствовать, кричать, браниться, угрожать. А расправный судья выступил с обвинениями в адрес ратмана Латкина, якобы явившегося к нему в дом в пьяном виде (157). Естественно, все эти поступки остались без последствий. Ратуша не могла осудить расправного судью за непочтение к присутственному месту, а в истинности показаний о ратмане Латкине усомнилась. В такой обстановке даже указание в письме ратуши на статьи законов было воспринято расправным судьей «себе за понуждение». Ратуша, противодействуя расправному судье, признавала, что должна быть послушна Управе Благочиния, «но оной здесь в посаде нет… Ратуша мнит, что он, господин Данилов не столько ко исполнению вышеписанных Высочайшего Учреждения “254” и Устава благочиния “30” статей о сем сообщает, сколько к присвоению под свою команду ратушского ведомства людей и к уничтожению ее власти» (158). Необходимо добавить, что такая напряженность и агрессивность отношений не являлась повседневной практикой, а была вызвана исключительной ситуацией. Отношения ратуши с премьер-майором Степаном Баголдин-Таишевым, сменившим майора Данилова, были нормальными, деловыми и взаимно уважительными. Правда, новый расправный судья уже не предоставил ратуше права пользоваться почтовой экспедицией.

Богородская нижняя расправа просуществовала в посаде до 1797 г. После ликвидации Богородского уезда были закрыты и уездные учреждения. К тому же нижние расправы были вообще упразднены. Часть функций Управы благочиния была передана ратуше. Дом, в котором помещалась расправа, так не был возвращен посадскому обществу. Он был продан, а деньги поступили в казну (159).

Ситуация, сложившая в Сергиевском посаде с Управой благочиния и городничим, была и уникальной и закономерной. Схема государственного управления в посадах, в отличие от городов, не включала в себя специальных чиновников. В посаде Норская слобода полицейское управление осуществлялось земским исправником, который приезжал туда в случаях серьезных правонарушений или жалоб жителей посада на произвол органов местного самоуправления (160). Это вполне укладывалось в схему управления для поса-

дов. Иногда бывали курьезы. В Холмском посаде в 70–е годы XVIII в. обыватели ежегодно выбирали из купцов «городничего, правящего полицейскую должность» (161). В начале XIX в. министр внутренних дел предлагал определить в посад Погорелое Городище Тверской губернии особого чиновника на правах заседателя земского суда для выполнения полицейских функций (162). Кроме этого, в начале XVIII в. в течение нескольких лет Тихвинский посад находился под управлением присланных чиновников и комендантской канцелярии (163). Таким образом, создается впечатление, что жизнь вынуждала власти осторожно искать недостающее звено управления для городских заштатных поселений. В XVIII в. большой потребности в этом поиске не было, т. к. почти все посады были маленькими поселениями. Наиболее крупные, значительные посады, такие как Тихвинский и Холмский, приобрели статус уездных городов. Для них проблема организации полицейского управления перестала существовать — она была четко прописана в законе. Поиски решения проблемы организации полицейского управления в посадах перекочевали из XVIII в. в следующее столетие.

Учрежденный собор Лавры

Учрежденный собор — это коллегиальный орган, управлявший делами Троице-Сергиева монастыря, в том числе распорядком жизни и работы монахов, послушников, семинаристов, штатных служителей и богаделенных. Кроме этого, в его компетенцию входило решение множества хозяйственных вопросов, связанных с функционированием самой Лавры и приписных к ней Спасо-Вифанского и Махрищского монастырей, оставшихся после секуляризации земельных владений и т. д.

В Учрежденном соборе заседали наместник, казначей, соборный и ризничий иеромонахи, всего четыре человека. Большинство решений отсылалось на утверждение митрополиту Платону. В некоторых случаях собор сразу же принимал к исполнению решения или резолюции присланные митрополитом. Другими словами, коллегиальный орган Учрежденный собор административно находился в

подчинении у митрополита Платона, и соответственно сам Платон являлся для собора вышестоящей инстанцией.

Освещают деятельность Учрежденного собора в конце XVIII в. сохранившиеся делопроизводственные документы.

Таблица 14

Занятость Учрежденного собора

	Годы			
	1786	**1791**	**1793**	**1795**
Число дней заседаний	120	127	126	128
Общее число решенных вопросов	351–100%	374–100%	378–100%	282–100%
В том числе касающихся штатных служителей и других сословий	56–16%	94–25%	49–13%	73–26%

Таблица составлена по следующим материалам: РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1402, 1769, 1909, 2029.

Заседания Учрежденного собора проводились обычно 2–3 раза в неделю: в понедельник, среду и пятницу, а в Великий Пост во вторник и в четверг, а иногда и в субботу. Начинались заседания в 10 часу утра. Периодичность работы собора сохранялась, а интенсивность варьировалась.

Для обеспечения успешной работы учреждения, в котором рассматривалось большое количество вопросов, и соответственно имелся большой объем делопроизводства, требовался постоянный штат квалифицированных приказнослужителей. Возглавлял делопроизводство собора специально определенный монах — соборный писарь, в функции которого входило наблюдение над подчиненными служителями и приказным порядком (164). В 1798 г. ему в помощь был определен поступивший в монастырь послушником отставной губернский секретарь Лев Горчаков, в 1783 г. служивший секретарем в ратуше Сергиевского посада (165). В 1783 году при Учрежденном соборе находились следующие штатные служители: два

канцеляриста, подканцелярист и копиист. Кроме этого, один подканцелярист находился при особе митрополита Платона. В 1795 году — канцелярист, два подканцеляриста, копиист, подъячий и пищик, из которых один подканцелярист продолжал находиться при митрополите. В 1798 г. при Учрежденном соборе находились канцелярист, два подканцеляриста и пищик (166).

Таким образом, штат приказнослужителей этого учреждения состоял из 4–5 человек. Обращает на себя внимание следующая деталь. В списках приказнослужителей Учрежденного собора за 1783, 1795 и 1798 годы встречаются имена канцеляриста Михаила Таирова и подканцеляриста Ивана Жукова в одних и тех же чинах. Таким образом, работа в течение 15 лет не привела к обычному служебному повышению при добропорядочном поведении и надлежащем усердии. Напомним, в ратуше Сергиевского посада награждение чинами производилось регулярно через три года указами Московского губернского правления. Для Учрежденного собора такой вышестоящей инстанцией являлся митрополит Платон и именно его резолюциями, а иногда даже словесными приказаниями производилось повышение в чинах и прибавка жалованья. Эти изменения в положении приказнослужителей происходили после подачи личных прошений на имя митрополита. Решение зависело от сложности выполняемых обязанностей, выслуги положенного числа лет в своем чине, общего стажа работы. Учитывались личные заслуги перед Лаврой не только самого претендента, но и его родителей.

Сын уже упоминавшегося канцеляриста Михаила Таирова Сергей Таиров поступил на службу при соборе в 1787 г. на полуштатное жалованье, видимо в возрасте 14–15 лет. В 1793 г. переведен в штат с жалованьем в 16 р. 22,5 к. в год в чине пищика, затем в 1795 г. получил чин подъячего с прибавкой 6 р. жалованья. При этом ему приходилось вести «по ризнице и по семинарии дела, и о получении процентных денег, также сочинение ежегодной ведомости о свечной сумме и о поставке в Лавру образов. Набело переписка репортов, докладов, сообщениев с приисканием дел… Остр в делах». Резолюцией Платона было приказано добавить ему еще 10 р., а в 1797 г. Сергей Таиров словесным приказанием митрополита был произведен в чин канцеляриста. Самая существенная прибавка к жалованью произошла в 1798 г., и мотивировалась таким образом: «В надежде,

что он в должности будет рачителен, а паче по уважению к долговременной службе престарелого отца его, производить ему… по 60 руб. в год». Подканцелярист Иван Жуков к 1795 г. был уже пожилым человеком, имевшим взрослого сына. В его обязанности входили «записка во входящую книгу указов и дел и содержание оных, и счет семинарской суммы», по мнению соборного писаря иеромонаха Мисаила «пишет слабо, а более приискивает дела», получал кроме штатного жалованья 16 р. 22,5 к. из прибавочных 10 р., а всего 26 р. 22,5 к. В обязанности копииста Данилы Болдырева входили «записка приходных и расходных денег и сочинении из оной годовой ведомости, набело переписка репортов, докладов, сообщениев и приискание дел… Хорошо и прилежно исправляет». Кроме штатного жалованья он получал прибавочных 26 р. 89 к., т. е. всего 43 р. 11,5 к. (167) Таким образом, копиист, несмотря на меньший чин, выполнял более сложную работу, связанную даже со знанием бухгалтерии, и за это получал большее жалованье. Преимущества же подканцеляриста Жукова заключались в длительности его службы в соборе.

Приказнослужители несли материальную ответственность за неисполнение приказов вышестоящих начальников даже в том случае, если они противоречили друг другу. Показательный случай произошел в 1791 г. В январе этого года митрополит Платон обратил внимание на отсутствие обычных месячных ведомостей о заседаниях собора. Из переписки выяснилось, что приказнослужители неоднократно напоминали новому наместнику Досифею о необходимости их отсылки. Устные напоминания приказнослужителей для наместника не были достаточным аргументом, письменных приказаний Платона отыскать не удалось, поэтому и ведомости не посылались. В этих условиях митрополит Платон счел виновными наместника, соборных, а более всех приказных служителей. За это наместнику был объявлен выговор, соборные прощены, а приказные наказаны штрафованием. Было приказано удержать из жалованья Туленина 5 р., у Таирова — 4 р., у Жукова и Болдырева — по 3 р. Показательна собственноручная резолюция Платона на прошении приказных о снятии штрафа: «По 1 р. для праздника оставить, а прочее взыскать, чтоб впредь были исправнее: следовательно счастливы» (168). Напомним, что в аналогичной ситуации в ратуше Сер-

гиевского посада за неотсылку ведомости также был наложен штраф. Но он был наложен на бургомистров, ратманов и на секретаря. Младшие приказнослужители — подканцеляристы, копиисты штрафованию не подвергались. Общая сумма штрафа составила 10 р., в то время как здесь 15 (169). Описанная ситуация с положением приказных в системе монастырского управления не уникальна. В книге В. И. Балдина приводится любопытный эпизод 1746 г., связанный с отливкой колокола для строившейся новой лаврской колокольни. За несоблюдение служебной субординации (допустили отливку «без резолюции» настоятеля) на членов Собора и приказных был наложен штраф в размере годичного жалованья. Когда некоторые приказные попытались сослаться на свою непричастность к принятию этого решения, последовало распоряжение настоятеля «взыскать вдвое, а донедже всех штрафных денег не взнесут, держать их в смиренной в оковах без выпускно» (170).

Совершенно ясно, что положение Учрежденного собора в системе духовного правления было ничуть не ниже, чем у ратуши в системе местного управления, но возможности роста в чинах у приказнослужителей собора оказались значительно более скромными. Однако для самих приказных служителей старшего поколения этот недостаток видимо не был существенным. Так, уже упоминавшийся канцелярист Михаил Таиров сделал все, чтобы пристроить своих троих сыновей на считавшиеся «надежными» места в соборе. Они давали некоторые привилегии — служащие не были положены в подушный оклад, получали денежное жалованье, наградные, могли надеяться на получение некоторого пенсиона при наступлении старости. Близость к руководству дала возможность Ивану Жукову и Михаилу Таирову даже обучить детей на казенный кошт в семинарии. К тому же, служба в соборе была престижнее службы в ратуше маленького городка. Но при этом, ради экономии часть жалованья служители предпочитали получать хлебом, а шитье мундиров оказалось для них непозволительной роскошью. Выделение пенсии сопровождалось условиями непременного выполнения хоть каких-то маловажных работ в соборе.

Представитель более молодого поколения Сергей Таиров, сделал попытку радикально изменить свою жизнь. Он, имея чин подканцеляриста и накопленный более чем 10–летний опыт работы,

«просил об уволении… для приискания места в другой команде». Это было воспринято как проступок, оскорбление и обида Лавре. Уже за одну попытку Сергею Таирову пришлось униженно просить прощения, объясняя это своей глупостью и «малым рассуждением» (171).

Таким образом, в Учрежденном соборе существовали особые патриархальные и корпоративные отношений между учреждением и работающими в нем приказнослужителями.

Среди разбираемых в Учрежденном соборе дел встречаются самые разнообразные вопросы. Сюда поступали указы Синода, содержащие информацию о различных изменениях в жизни государства и правящей династии, аналогичные тем, которые Московское губернское правление посылало в ратушу Сергиевского посада. Часть дел приходилась на переписку с Радонежским духовным правлением и другими инстанциями по духовному ведомству, а также с непосредственным начальником — митрополитом Платоном. Кроме этого часть дел касалась подчиненных Лавре семинарии, богадельни и приписных монастырей. Все эти дела составляли от 74 до 84% всей работы собора, т. е. большую часть. Оставляя их в стороне, как не связанные с жизнью Сергиевского посада ни напрямую, ни опосредованно, обратимся к рассмотрению той части работы собора, которая влияла на жизнь прежде всего подчиненных Лавре штатных служителей, а также на деятельность учреждений Сергиевского посада и его остальных жителей. Подобные дела составляли от 16 до 26% всей нагрузки собора. Их численность варьировалась в зависимости от ситуации, но всегда была вполне весомой.

В Учрежденном соборе решались прежде всего кадровые вопросы, связанные с зачислением, переводом на другое место, исключением служителей из штата, распорядке их работы, выдаче жалованья, награждения, штрафования. Сюда же относятся дела, связанные с судьбой служительских детей — зачислением в полуштат, обучение различным ремеслам, оплатой за них до достижении 15–летнего возраста подушных и оброчных денег. Здесь же решались вопросы перехода служителей или их детей в гражданство Сергиевского посада. Штатные служители прибегали к помощи Учрежденного собора и в старости, после исключения их из штатов. Неоднократны случаи обращений от бывших служителей, их вдов,

иногда от престарелых представителей других сословий о зачислении их в богадельню.

Эти управленческие функции Учрежденного собора переплетались с некоторыми полицейскими функциями. По специальному распоряжению собора подпоручик Данила Иванов проводил учет всех служительских домов с проживающими там хозяйскими семьями и жильцами. В обязанности Данилы Иванова входила не только фиксация проживающих в доме лиц, но и выяснение наличия паспортов или других разрешительных документов на право проживания, а также дальнейшее наблюдение за перемещениями жильцов и их заменой. Без его позволения никто из хозяев — штатных служителей не мог селить у себя новых жильцов, а сами жильцы — отлучаться (172). Таким образом, Лавра передала некоторые полицейские функции находившемуся при ней отставному офицеру.

Важной частью работы Учрежденного собора была деятельность по выдаче годичных паспортов и билетов для кратковременных отлучек. Этот вид деятельность охватывал не только штатных служителей и их детей. Такие документы могли выдаваться при необходимости всем категориям подчиненных Лавре людей — монахам, семинаристам и учителям семинарии, послушникам, богаделенным. Эти документы, скорее всего, были рукописными и содержали все обычные для них признаки — данные о владельце, его возраст, приметы, срок действия. Они скреплялись подписями присутствующих и печатью. Документами не зафиксированы случаи присылки или запроса типографских бланков, которые с некоторого времени стали использоваться в ратуше Сергиевского посада.

Лавра в лице Учрежденного собора покровительствовала штатным служителям и отстаивала их привилегии перед остальными жителями. Не удалась попытка раскладки на служителей мирского сбора на содержание соцких. Учрежденный собор следил и за тем, чтоб служители «в солдаты не взяты были». Он не только ограждал подчиненных себе служителей от обычных для жителей расходов и тягла, но и отстаивал их права на занятия торговлей и ремеслами в качестве местных старожилов, добывающих себе дневное пропитание. Иногда приходилось отстаивать привилегии штатных служителей не только перед обывателями, но и перед Московской казенной палатой. В 1795 г. это финансовое учреждение потребовало с Учре-

женного собора взыскать из жалованья штатных служителей или внести от Лавры добавочные к подушному окладу деньги. Из ответа следовало что, так как подушные и оброчные деньги велено платить из казны, то и в случае увеличения платежей порядок остается тот же, «почему собор… деньги из жалованья штатных служителей вычитать не смеет» (173).

В некоторых случаях Учрежденный собор осуществлял следственные действия по отношению к лицам, подлежащим его юрисдикции. В разных конкретных ситуациях эти функции реализовывались по-разному. Учрежденный собор мог дополнять работу официальных судебно-следственных учреждений. В случае необходимости получения свидетельских показаний подведомственные Лавре лица не вызывались в уездные или городские учреждения, а допрашивались во время заседаний Учрежденного собора по присланному списку вопросов, или как тогда говорили «допросным пунктам». Письменные показания заверялись подписями свидетеля, членов собора и в оригинале отсылались по месту требования. В феврале 1791 г. ратуше Сергиевского посада для разбирательства по делу двоих поссорившихся купцов потребовались показания оказавшегося при этом свидетеля, на которого сослались оба участника ссоры. Таким свидетелем оказался служитель Лавры Федор Пустовалов. На просьбу ратуши о присылке свидетеля к допросу, Учрежденный собор ответил: «В ратушу сообщить, чтоб прислала в собор допросные пункты, по которым оному Пустовалову в Учрежденном соборе допрос учинен и в ратушу доставлен быть имеет» (174).

Аналогичная ситуация произошла и по другому случаю. В 1786 г. крестьянин Успенского прихода Василий Гусев схватил с тарелки у гроба Никона-чудотворца горсть денег. Крестьянина тут же задержали, препроводили в монастырскую тюрьму и о происшествии доложили в Учрежденный собор. Там были проведены и первые допросы. Гусев подлежал суду Богородской нижней расправы, куда и был доставлен для принятия законного решения. В нижней расправе обнаружилась нехватка некоторых сведений, для получения которых был сделан запрос в Учрежденный собор. В данном случае требовались показания иеродиакона Иринея, бывшего при этом происшествии. Эти показания иеромонах сделал в присутствии

собора и они были отосланы в Богородскую нижнюю расправу (175). Таким образом, в данном случае Учрежденный собор не только действовал по запросу судебного учреждения, но сам явился инициатором и исследовал происшествие на месте.

В случае необходимости собор мог действовать параллельно с другими городскими учреждениями. В 1786 г. было совершено ночное нападение на учителя семинарии Ореонова и его жену, находившихся в монастырской гостинице. Учитель семинарии обратился по инстанции в Учрежденный собор. Действия собора шли по нескольким направлениям. На месте преступления была сделана опись похищенного, произведены медицинская экспертиза полученных побоев и следственные действия по обнаружению оставленных преступниками улик. Для выполнения всей работы отправлены ризничий, подканцелярист и подлекарь. Для эффективности поиска собор обращается сразу в несколько учреждений — Богородский нижний земский суд, в Богородскую нижнюю расправу и в ратушу Сергиевского посада. Он подсказывает направление поиска: «Также не будет ли кто из здешнего посада обывателей и богородской округи крестьян покраденные вещи продавать или в питейных домах пьянствующих и к воровству признающихся…» (176).

Несколько иной ход могли обретать дела с участием штатных служителей в качестве подозреваемых. Вечером 12 августа 1791 г. дозорный иеродиакон Лазарь увидел как двое штатных служителей, которых он узнал по одежде и в лицо, сделали лаз в воротах Каличьей башни и, взломав палатку, стали выносить железо. Задержать их на месте преступления не удалось. В результате следственных действий выяснились несовпадения в показаниях подозреваемых штатных служителей и свидетелей, на которых они ссылались. К тому же, нашелся свидетель, подтвердивший факт нахождения подозреваемых около Каличьей башни приблизительно во время совершения преступления. Таким образом, вина была доказана. Но обвиняемых не отослали ни в Богородскую нижнюю расправу, ни в Богородский нижний земский суд. Учрежденный собор принял решение исключить их из штата, отослать их к крестьянскому голове и об исключении сообщить в Московскую казенную палату (177). Следовательно, в данном эпизоде Учрежденный собор выступил не

только как следователь, но и принял решение по делу, то есть действовал как судья.

Кроме этого Учрежденному собору приходилось разбирать и выносить решения по различного рода конфликтам, возникающим между подчиненными Лавре людьми. Например, конфликт между вдовой штатного служителя и другим штатным служителем по поводу захвата огорода. Здесь же разбирались дела о разделе наследства, о внутрисемейных конфликтах штатных служителей. Вдова штатного служителя прибегла к помощи этого учреждения в борьбе с пьянством, побоями и непотребными поступками зятя — лаврского служителя Василья Подкрадина (178).

К суду Учрежденного собора обращались и остальные жители Сергиевского посада, если им приходилось действовать против штатных служителей. Так поступили крестьяне Ильинского прихода, когда служитель Антонов отказался выполнить заключенное с ними условие — поставить вольного рекрута за 110 руб. Учрежденный собор внимательно изучил показания обеих сторон и вынес решение о штрафовании Антонова 2 рублями за то, что он заключил договор без дозволения собора, а также “чтоб и прочие на него смотря так чинить не отваживались”» (179).

В отдельных случаях собор мог осуществлять функции контроля, надзора за деятельностью местных судебных органов. Эти действия могли производиться как по делам, касающимся Лавры в целом, так и по делам отдельных лиц. В 1786 г. были вызваны к допросам в Богородскую нижнюю расправу служители Петров и Чалов, обвиненные в повреждении печи в крестьянской избе. Ответ собора гласил: «Когда… к допросам потребуются, тогда при депутате ризничем… присланы быть имеют». Служитель Тихон Петров обратился за профессиональной помощью к Учрежденному собору при расследовании ратушей кражи из его дома с такими словами: «о определении… по незнанию ево порядка в делах одного из присутствующих депутатов». В некоторых случаях такая помощь ограничивалась посылкой письменного запроса, в других — личным присутствием депутата от собора при разбирательстве в другом учреждении (180).

Покровительство Учрежденного собора штатным служителям, их особый статус как в отношениях с другими жителями, так и в

отношениях с учреждениями Сергиевского посада прослеживается в истории штрафования ратушей подканцеляриста Жукова. Он позволил себе бранные выражения во время разбирательства дела своей жилицы в ратуше. В подобных случаях за неуважение к присутственному месту, виновный подлежал штрафованию. Именно по этим причинам и подканцелярист Жуков, по общим для всех правилам, был наказан 10 р. Учрежденный собор усмотрел в этих действиях ратуши превышение власти и в результате с ратушских присутствующих был взыскан аналогичный штраф в пользу Лаврской богадельни. Здесь имеется некоторая неувязка. Об этом последнем штрафе в документах самой ратуши сведений не имеется. Из книги входящих документов Учрежденного собора за 1798 г. следует, что он был взыскан повелением митрополита Платона и внесенная сумма не была возвратом денег Жукова, а принадлежала собственно ратушским присутствующим. Отсюда не совсем ясен механизм взыскания. Получается, что полномочия митрополита Платона простирались и на ратушу Сергиевского посада (181).

Своеобразно складывались отношения Учрежденного собора с учреждениями посада — ратушей и Богородской нижней расправой. Собор, как было отмечено ранее, всегда обращался в эти учреждения, когда испытывал в них нужду. Но полномочия расправы в качестве Управы благочиния воспринимались собором не всегда адекватно. Нижняя расправа не входила в число учреждений, которые могли напрямую запрашивать сведения у Лавры. Так, расправе было отказано в предоставлении сведений о богаделенных. Согласно административной структуре подчинения, богадельни находились в ведении Приказа общественного призрения и все интересующие сведения сообщались туда. Аналогичная история произошла при запросе расправой сведений о числе монахов, бельцов и штатных служителей с их семьями. Ответ гласил: «Учрежденный собор без дозволения вышней команды… требуемое сочинить и доставить не может» (182).

Похожая ситуация произошла в 1785 г. при составлении ратушей обывательской книги, для которой требовались описания дворов всех жителей посада, в том числе и не подсудных самой ратуше, т. е. крестьян, штатных служителей, отставных военных. Для этого ратуше пришлось обратиться с запросами в нижнюю расправу и

Учрежденный собор. Заметим, опись дворов штатных служителей с перечнем всех проживавших там жильцов была проведена отставным подпоручиком Данилой Ивановым еще в 1783 г. Затем, такая опись была составлена в 1785 г. Однако, несмотря на несомненное наличие требуемых сведений, они были получены ратушей после длительной переписки и взаимных ссылок на одни и те же статьи Городового Положения. В результате обывательские книги были составлены позднее нужного срока. В дальнейшем данные о неподсудных ратуше обывателях исчезают из этих книг, так как сведения о них не поступали (183). Таким образом, отсутствие согласованных действий между тремя учреждениями негативно сказалось на составлении такого важного общегородского документа как обывательская книга.

Проблемы хозяйственного управления владениями Лавры находились под пристальным вниманием Учрежденного собора, будь то уборка и продажа сена с лугов, деятельность монастырской гостиницы, продажа свечей, икон и житий Сергия Радонежского или распоряжение торговыми местами на Красногорской площади. В отношении последней Лавра проводила противоречивую политику. С одной стороны, без ее дозволения никто не мог занимать ее никакими торговыми местами. Если таковые имелись, то они существовали с разрешения Лавры и хозяева платили поземельные деньги. В некоторых случаях действия Лавры находились в центре противоречий различных групп торгующих обывателей Сергиевского посада. Так, просьба о постройке каменной лавки на Красногорской площади, высказанная собору купцами Матвеевскими, вызвала коллективное недовольство других купцов, сопровождавшееся их прошением о запрете такого строительства. Но, после длительных размышлений, Лавра дала Матвеевским согласие и на Красногорской площади была построена каменная лавка. С другой стороны, регулярно поднимался вопрос об освобождении площади от шалашей и лавчонок, которые портили вид и мешали проезду богомольцев. Торговые точки сносились, а потом снова поступали прошения купцов и мещан о разрешении их постройки. Выдавая разрешения, Учрежденный собор оговаривал ассортимент разрешенных к продаже товаров: «чтобы он кроме съестных припасов другими товарами не торговал», «овсом торговать, ежели они тем торгуют, то им воспретить».

Была составлена справка «коими товарами вельно купцам и мещанам торговать». Позиция Учрежденного собора объясняется тем, что монастырь сам производил торговлю сеном на своем гостином дворе и поэтому ему не нужны были конкуренты на собственной площади (184). Таким образом, в этом вопросе Учрежденный собор выступал в качестве органа, регламентирующего торговлю в Сергиевском посаде на самой бойком и прибыльном месте.

Монастырь пользовался вольнонаемным трудом жителей посада. Они часто привлекались к подсобным строительным работам: к вывозу мусора, рытью канав и прудов, рубке леса. Учрежденный собор принимая решение о заключении того или иного контракта, руководствовался соображениями экономической целесообразности, то есть не только прямой выгодой, но и надежностью будущего партнера. Процесс их подборки напоминал процедуру продажи с публичных торгов, да и сам назывался торгом. Желающие заключить подряд могли вызываться в собор до трех раз. В феврале 1793 г. к торгам для заключения очередного подряда явились крестьяне Козьма Якимов и Герасим Ершев и штатный служитель Малышев. Якимов просил за работу 78 р., остальные по 75 р. Учрежденный собор так объяснял свой выбор: «Малышев занят в Лавре работами, Ершев ненадежен», а Якимов «и прежде был исправен в работе». В некоторых случаях, оформление подряда сопровождалось подробными инструкциями, как именно выполнять работу, чтобы получилось требуемое Лавре качество. Такие подробные указания были даны мещанину Степану Кордюкову, взявшемуся за окраску дома в Корбухе — загородном имении Лавры. Был подробно описан процесс приготовления краски, подготовки поверхности к окраске, расколеровка различных деталей, количество слоев и даже указание «красить в ведренную погоду». При этом было отмечено: «смотреть хорошенько… ибо они крадут» (185).

Особая роль Учрежденного собора в жизни Сергиевского посада проявилась во время проведения перепланировки. Информация и согласование подготовительных работ поступали в ратушу и Богородскую нижнюю расправу, т. е. в официальные органы, представляющие городское управление. Напомним, что ни ратуша, ни нижняя расправа скорее всего не располагали всем объемом требуемой информации, т. к. у них отсутствовали сведения касающиеся Лавры

и всего с нею связанного. Этими сведениями обладал Учрежденный собор, который формально не имел отношения к подобным властным структурам. К тому же собор часто игнорировал запросы о присылке в ратушу или нижнюю расправу различных сведений. В высших эшелонах власти интересы Лавры представлял знаменитый митрополит Платон. Очевидно, работы по подготовке и реализации проекта перепланировки посада застали врасплох и монастырские власти вообще, и митрополита Платона, в частности. Во всяком случае, информация об особенностях проекта, судьбе монастырских земель и сам экземпляр плана добывались для митрополита Платона не официально, путем переписки с соответствующими учреждениями и должностными лицами, а частным порядком благодаря имеющимся личным связям эконома Лавры.

В переписке митрополита Платона имеется упоминание о роли расправного судьи, которое свидетельствует о характере отношений монастырских властей с этим должностным лицом. Приведем этот текст дословно. Вопрос митрополита: «А при том стараться узнать и о том, что при отводе места не был ли сообщником и советником и здешний расправный судья…». Ответ эконома: «…тамошний судья при отводе и назначении мест сообщником не был и от него никаких советов не требовано… Но сие маловероятно; поелику обыватели учинить сего без расправника, кажется не могут». Попутно заметим, что в официальные учреждения посада — ратушу и нижнюю расправу — план был доставлен только через три года — осенью 1795 г. (186) В результате выяснилось, что часть земель на территории посада, официально отмежеванных Лавре по именному указу, проектом была предназначена под жилую застройку. Естественно, Лавра, в лице митрополита Платона, не могла смотреть сквозь пальцы на такой поворот событий и начала целенаправленно действовать, чтобы защитить свои законные интересы. Лавре удалось добиться выгодного для себя варианта обмена земель. В одном из наставлений митрополита Платона прозвучали не только указания о том, как именно надо встречать приехавшего для межевания землемера, но и пожелание, чтобы межевание происходило при личном присутствии в Лавре самого Платона. В результате этих действий за 57 десятин в центре города было получено 145 десятин за его чертой, в основном заливные луга. При этом Красногорская площадь

перед входом в монастырь так и осталась в собственности Лавры. Обоснование необходимости такого шага прозвучало в письме митрополита Платона: «… чтоб она всегда под смотрением Лавры была в чистоте и никто не мог оную обезображивать лавками, шалашами и торговыми столами, в чем ныне Лавра находит затруднение. А ежели гора не будет в власти Лавры, то может так обезображена быть, что и приезд к Лавре богомольцев может затруднен быть» (187). Были высказаны и другие пожелания, учтенные в ходе доработки проекта. Таким образом, хотя формально Учрежденный собор не имел отношения к городу и его проблемам, но при доработке проекта перепланировки Сергиевского посада интересы Лавры, сформулированные митрополитом Платоном, были решающими.

В дальнейшем работа собора дополнилась выполнением еще одной функции. Для осуществления новой застройки по утвержденному плану хозяева должны были получить необходимый комплект документов — план выделенного участка, разрешение на застройку и проект фасада основного жилого здания. Подчиненные Лавре штатные служители первоначально должны были получать эти документы на общих основаниях вместе с остальными жителями у землемера и предъявлять в ратушу для получения «данных» — документов к вечному и неотторжимому владению. Позднее, в конце 90-х гг. эти функции по отношению к штатным служителям выполняет Учрежденный собор. Штатным служителям были выделены специальные кварталы для застройки, следовательно, собору можно было не согласовывать с другими учреждениями посада порядок застройки и выдачи разрешений на эти участки. При этом выяснилось следующее. Учрежденный собор мог выделить, или как тогда говорили, отвести место для строения, но выдать план и проект фасада оказалось невозможным, т. к. в его распоряжении не оказалось нужного специалиста. Приведем запись на обороте одного из прошений, сделанную соборным писарем Мисаилом: «Место для селения ему, Гервасову, мерою как и прочим отведено… А вновь к построению плана и фасада сочинить я не в состоянии ибо геометрии и архитектуре не обучался» (188). Таким образом, полномочия Учрежденного собора неожиданно были ограничены техническими возможностями его сотрудников.

Подведем некоторые итоги. Учрежденный собор создавался как орган для организации управления внутренней монастырской жизни. Учрежденный собор и после секуляризации 1764 г. сохранил некоторые права и привилегии, оставшиеся с прошлых времен. В этом проявилось одно из отличий в положении Троице-Сергиевой лавры от других монастырей, которые после 1764 г. остались только церковно-религиозными центрами (189). В его практику входило решение административных и хозяйственных вопросов подвластных ему групп населения — монахов, семинаристов, штатных служителей. Кроме этого, он осуществлял, в случае необходимости, следственные и судебные функции, то есть сохранялась некоторая автономность монастыря и всего с ним связанного. Используя имеющуюся земельную собственность в центре посада, монастырь имел возможность влиять на хозяйственную жизнь поселения. Особенно весомо роль монастыря проявилась во время проведения перепланировки поселения. Таким образом, на практике сфера действия Учрежденного собора и решаемые им вопросы были значительно шире и непосредственным образом затрагивали многие стороны жизни Сергиевского посада.

В Тихвинском посаде, на первый взгляд, была аналогичная ситуация. Около поселения находился крупный и влиятельный Тихвинский монастырь, во власти которого были и земельные угодья и подсудное ему население. Сложно сказать, как развивались отношения монастыря и присланных для управления Тихвинским посадом чиновников. Сведения об этом отсутствуют. Скорее всего, монастырь вынужден был подчиняться решениям светских властей. Однако отношения, сложившиеся между монастырем и органом самоуправления посада (в разное время это были ратуша и магистрат поочередно), были совершенно иными. Письменными документами, которыми обменивались ратуша (магистрат) и монастырь были промемории, а не указы и доношения. То есть, монастырские власти и ратуша (магистрат) взаимно воспринимали друг друга как равные по положению на административной лестнице. Но при этом возникающие противоречия между ними, порой, перерастали в конфликты, решить которые собственными силами и властью не могла ни одна из сторон. В результате, их решение переносилось в центральные правительственные учреждения — Берг-коллегию, Главный маги-

страт и даже в Сенат. Конфликты прекратились только после решительных изменений в судьбе и монастыря и посада. После секуляризации монастырь потерял большую часть своих владений и привилегий, а посад спустя некоторое время (в 1773 г.) стал уездным городом (190).

В Сергиевском посаде из имевшихся органов управления — ратуши (как главного органа самоуправления), нижней расправы и Учрежденного собора — только ратуша была предусмотрена законодательно. Эффективность городского управления зависела от согласованности действий всех учреждений. В это время в других городах, например в Тверской губернии в системе местного управления «определилась тенденция подчинения населения городов нескольким всесословным по компетенции учреждениям. Магистраты и вновь создаваемые учреждения начали делить между собой не население города, как предполагало законодательство начала века и как было в практике городской жизни в предшествующий период, а функции по управлению городским населением» (191). В Сергиевском посаде также можно наблюдать зарождение подобной тенденции, но ее развитие сильно тормозилось автономией Троице-Сергиевского монастыря.

Сила и авторитет Лавры и возглавлявшего ее митрополита Платона были так велики, что с ними считались все, начиная от Московского главнокомандующего, кончая местными органами управления. Вероятно именно поэтому отношения Учрежденного собора с нижней расправой и ратушей складывались весьма своеобразно. Эти два учреждения использовались всякий раз, когда это было необходимо Учрежденному собору. В этих ситуациях Учрежденный собор, дефакто, признавал их полномочия. В случае отсутствия такой заинтересованности, Учрежденный собор находил контрдоводы и игнорировал их распоряжения и запросы. Таким образом, решение некоторых общегородских вопросов либо происходило после длительной переписки, либо вообще не удавалось. Стоит добавить, что ратуша никогда не доводила свои отношения с Учрежденным собором до открытой конфронтации. Видимо, эта позиция ратуши позволила ей в дальнейшем сохранять нормальные деловые отношения с монастырем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГАДА. Ф.615. Оп.1. Д.5603. Л.1–26; Ф.828. Оп.1. Д.33. Л.1,3.
2. Там же. Ф.1428. Оп.1. Д.3. Л.16–16 об., 17, 19, 28.
3. Там же. Ф.681. Оп.1. Д.5. Л.140; Д.7. Л.6 об, 86, 86 об.; Д.8. Л.10, 68 об., 98, 99; Д.9. Л.68, 98, 119.
4. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.418. Л.206 об.
5. Там же. Л.207.
6. Там же. Д.451. Л.11.
7. Там же. Д.423. Л.107–107 об.
8. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.433. Л.3 об. — 4 об.
9. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.19322. Л.5.
10. *Шепелев Л.Е.* Чиновный мир России. XVIII — начало XX в. — СПб., 1999. С.22, 23.
11. *Кизеветтер А.А.* Гильдия Московского купечества. Исторический очерк. — М., 1915. С.129; *Козлова Н.В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е-начало 60-х годов). — М., 1999. С.338.
12. РГАДА. Ф.681. Оп.1. Д.7. Л.86, 86 об.
13. ПСЗ. Т. XXП. №16188. Ст. 152.
14. Собрание законов о купцах, мещанах, посадских и цеховых. — СПб., 1827. С.53–55.
15. РГАДА. Ф.681. Оп.1. Д.9. Л.14 об.
16. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.426. Л.93.
17. Там же. Д.462. Л.406.
18. Там же. Д.462. Л.88 об.
19. Там же. Д.414. Л.2.
20. Там же. Д.430. Л.105, 447.
21. Там же. Д.623. Л.185, 185 об.
22. Там же. Д.429. Л.278; Д.445. Л.185; Д.431. Л.127; Д.432. Л.3, 3 об., 16 об., 19 об., 20, 94, 94 об., 349; Д.462. Л.85 об.
23. Там же. Д.436. Л.206 об. — 207; Д.440.. Л.311–312 об.; Д.445. Л.319; Д.444. Л.97.
24. ЦИАМ. Ф.2128. Оп.1. Д.120. Л.98.
25. Там же. Ф.73. Оп.1. Д.427. Л.207 об.; Д.428. Л.183; Д.432. Л.100, 100 об.; Д.436. Л.240 об.; Д.445. Л.297, 408; Д.451. Л.342; Д.462. Л.51 об.
26. Там же. Д.451. Л.342; Д.462. Л.51 об., 123, 123 об.
27. Там же. Д.462. Л.437.; Д.410. Л.8; Д.445. Л.352.
28. Там же. Д.418. Л.10; Д.454. Л.50, 58 об.; Д.458. Л.115.
29. Там же. Д.413. Л.65, 65 об.
30. Там же. Д.431. Л.109; Д.462. Л.162.
31. Там же. Д.417. Л.33; Д.413. Л.103 об., 110, 110 об.
32. РГАДА. Ф.681. Оп.1. Д.7. Л.6 об.; *Шепелев Л.Е.* Указ. соч. С.22.
33. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.410. Л.32; Д.413. Л.27 об.; Д.462. Л.53 об.; Д.429. Л.4, 4 об.
34. Там же. Д.413. Л.68.
35. Там же. Д.423. Л.92 об., 108, 150 об., 152, 174, 178, 220, 224 об.
36. Там же. Д.430. Л.1, 137.
37. Там же. Д.440. Л.87, 278, 289, 350 об., 441.

38. Там же. Д.451. Л.136, 221, 290.
39. Там же. Д.451. Л.136, 221, 268, 317, 358, 407 об., 442, 451 об., 457 об., 474, 479.
40. Там же. Д.451. Л.247 об.
41. Там же. Д.451. Л.387 об.
42. Там же. Д.462. Л.89 об., 90.
43. Там же. Д.448. Л.243; Д.462. Л.127, 179 об.
44. Там же. Д.418. Л.194 об, 195.
45. *Юрьев В.П.* Состояние города Вятки в царствование императрицы *Екатерины II.* — Вятка, 1885. С.32–33.
46. *Каменский А.Б.* Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. — М., 2006. С.173, 176.
47. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.418. Л.70–70об., 74–74об.
48. Там же. Д.454. Л.346–348.
49. Там же. Д.432. Л.341.
50. *Кошелева О.Е.* Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. — М., 2004. С.307–321.
51. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.440. Л.3, 3 об.
52. Там же. Д.423. Л.190; Д.430. Л.385; Д.440. Л.11об., 347, 349, 441; Д.451. Л.197, 242 об., 272 об., 278, 350, 383, 467; Д.462. Л.119, 140, 179, 192, 199, 317, 363, 363 об.
53. Там же. Д.416. Л.1.
54. Там же. Д.434. Л.10 об.,19; Д.464. Л.26 об., 27.
55. *Середа Н.В.* Реформа местного управления последней четверти XVIII века и ее реализация в городах Тверской губернии //Экономика, управление, демография городов европейской России XV–XVIII вв.: история, историография, источники и методы исторического исследования. Материалы Международной конференции. Тверь, 18–21 февраля 1999 г. — Тверь, 1999.
56. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.440. Л.453 об.
57. Там же. Д.451.. Л.313 об.
58. Там же. Ф.73. Оп.1. Д.432. Л.67; Ф.73. Оп.2. Д.7. Л.9.
59. Там же. Ф.73. Оп.1. Д.432. Л.149 об.
60. Там же. Д.418. Л.10.
61. Там же. Д.431. Л.150 об.
62. Там же. Д.426. Л.9 об.; Д.432. Л.15 об.
63. Там же. Д.413. Л.16, 16 об., 32, 38, 59 об., 60, 191, 413.
64. *Середа Н.В.* Термины «гражданство», «мещанство», «купечество», и «посад» в документах городовых магистратов Тверской губернии //Историческое краеведение: Вопросы преподавания и изучения. — Тверь, 1991. С.65–74; *Она же.* Городовые магистраты последней четверти XVIII в.: Источниковедческое исследование по материалам Тверской губернии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — М., 1994. С.19–20.
65. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.451. Л.351; Д.462. Л.37, 245, 307, 335, 345.
66. *Зуева Е.А.* Опека и попечительство у сибирского купечества в последней четверти XVIII — первой половине XIX в. //Социально-культурное развитие Сибири. Бахрушинские чтения 1991 г. — Новосибирск, 1991. С.27; ПСЗ. Т.XX. №14392. Гл.XXI. — О городовом Сиротском Суде. Ст.293–302.
67. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.410. Л.12 об., 13.
68. Там же. Д.410. Л.7, 17 об.; Д.414. Л.3, 3об.; Д.415. Л.13.
69. Там же. Д.413. Л.39, 39 об.; Д.423. Л.44, 88, 97.

70. Там же. Д.427. Л.105.
71. Там же. Д.461. Л.109; Д.462. Л.162; Ф.16. Оп.1. Д.1183. Л.4 об.
72. Там же. Ф.73. Оп.1. Д.444.. Л.179.
73. Там же. Д.427. Л.100 об.; Д.623. Л.71.
74. ПСЗ. Т. XX. №14392. Глава XXI. Ст. 298.
75. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.448. Л.405, 405 об.
76. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1220. Л.13 об., 14.
77. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.451. Л.261; Д.454. Л.259; Д.458. Л.90, 90 об.; Д.462. Л.435; Д.464.
78. *Козлова Н.В.* «На чьей опеке… должны быть воспитаны»…: Опека и попечительство в среде московских купцов в XVIII в. //От древней Руси к России нового времени: Сб. ст. к 70-летию А.Л. Хорошкевич. — М., 2002. С.341–358.
79. *Середа Н.В.* Реформа управления Екатерины Второй. Источниковедческое исследование. — М., 2004. С.357.
80. ПСЗ. Т.XVII. №12721. Указ из Главного Магистрата с приложением инструкции Словесным Судам. Ст. 1–13; Т.XXI. №15379. Устав Благочиния или Полицейский. i. О судьях Словесного Суда. Ст. 161–178.
81. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.418. Л.224; Д.426. Л.93; Д.430. Л.49; Д.432. Л.18, 33, 57; Д.436. Л.16 об., 64; Д.440. Л.105 об., 519 об.; Д.623. Л.3 об.
82. Там же. Д.440. Л.437.
83. Там же. Д.418. Л.13 об., 23, 178; Д.623, Л.14.
84. Там же. Д.623. Л.83.
85. Там же. Д.418. Л.173, 174, 178.
86. Там же. Д.623. Л.83, 85.
87. Там же. Д.427. Л.258 об., 264.
88. Там же. Д.623. Л.57 об.
89. Там же. Д.430. Л.431 об.; Д.523. Л.190.
90. Там же. Д.418. Л.162 об.; Д.523. Л.20 об.
91. Там же. Д.623. Л.55; Д.415. Л.153 об.; Д.430. Л.38; Д.432. Л.203.
92. Там же. Д.415. Л.165; Д.418. Л.162 об.; Д.432. Л.9; Д.623. Л.99.
93. Там же. Д.427. Л.257; Д.623. Л.149.
94. Там же. Д.623. Л.148; Д.454. Л.190.
95. ПСЗ. Т.XX. №14322. Ст. 422, п. 4.
96. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.427. Л.175 об., 215, 250; Д.454. Л.317.
97. *Кошелева О.Е.* Указ. соч. С.399.
98. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.415. Л.153 об., 165, 165 об.; Д.418. Л.174; Д.427, Л.282; Д.454. Л.26.
99. Там же. Д.436. Л.356; Д.440. Л.49; Д.445. Л.211; Д.623. Л.92, 99, 130.
100. О.Е. Кошелева считает, что «факт употребления слова “фискал”» в качестве оскорбительного в обыденной разговорной речи дает возможность предположить существование в обществе морального противодействия, с одной стороны доносительству и изветам, с другой — «государственным интересам». См.: *Кошелева О.Е.* Указ. соч. С.400.
101. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.423. Л.170 об.; Д.430. Л.305, 307, 318; Д.454. Л.25.
102. Там же. Д.430. Л.318; Д.432. Л.283; Д.436. Л.185.
103. *Рабцевич В.В.* Сибирский город в дореформенной системе управления. — Новосибирск, 1984. С.130; *Рафиенко Л.С.* Функции и деятельность Сибирских магистратов в 40–70-х гг. XVIIIв. //Бахрушинские чтения 1966 г. — Новосибирск, 1968. Вып.II. С.57.
104. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.428. Л.3; Д.423. Л.181.

105. Там же. Д.427. Л.226 об.; Д.439. Л.176–178; Д.422. Л.22–22 об.
106. Там же. Д 418. Л.185; Д.422. Л.22.
107. Там же. Д.427. Л.216 об.
108. Там же. Д.623. Л.176; Д.432. Л.91; Д.430. Л.383; Д.431. Л.145, 223.
109. Там же. Д.439. Л.145.
110. Там же. Д.432. Л.46.
111. Там же. Д.623. Л.162; Д.428. Л.73; Д.430. Л.41, 383; Д.431. Л.91, 115, 145; Д.432. Л.33 об.
112. ПСЗ. Т. XXII. №16188. Ст. 156–178.
113. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.418. Л.184, 184 об., 220 об.
114. ЦИАМ. Ф.16. Оп.1. Д.524. Л.4 об.
115. История местного самоуправления на Урале в XVIII — начале XX в.: город, село, деревня. — Екатеринбург, 1999. С.31; *Юрьев В.П.* Состояние города Вятки в царствование императрицы *Екатерины II*. — Вятка, 1885. С.73.
116. *Миненко Н.А.* Черты общественного быта города Шадринска (конец XVIII — начало XX в.) //Уральский город XVIII — начала XX в.: история повседневности. — Екатеринбург, 2001. С.49.
117. *Середа Н.В.* Реформа управления Екатерины Второй… С.129, 362.
118. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.451. Л.2.
119. Там же. Д.459. Л.199 об., 313, 334, 429, 440; Д.458. Л.32, 219–219 об.
120. *Пульхеров А.И.* Великолуцкое городское общественное управление. 1785–1891 г. Историческое обозрение. — Псков, 1892. С.18.
121. ПСЗ. Т.XXII. №16188. Ст. 177.
122. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.458. Л.219 об.
123. Там же. Д.454. Л.449 об.
124. Там же. Д.451. Л.55, 82, 83, 150 об., 208, 226 и т. д.
125. Там же. Д.454. Л.115 об., 199 об. и т. д.
126. Там же. Д.451. Л.336 об., 354.
127. Там же. Д.451. Л.297; Д.454. Л.411; Д.458. Л.219 об.
128. Там же. Д.462. Л.20, 103, 113.
129. Там же. Л.268 об.
130. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.451. Л.353.
131. Стат Московской губернии. — СПб., 1781. Л.8; ПСЗ. Т.XX. №14392; ЦИАМ. Ф.69. Оп.2. Д.46. Л.4.
132. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.413. Л.6.
133. Там же. Д.413. Л.62 об., 63.
134. Там же. Д.426. Л.59 об.
135. Там же. Ф.69. Оп.1. Д.87 Л.3.
136. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.413. Л.16, 38, 59 об., 61 об. и др.
137. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1153. Л.1, 1 об.; ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.413. Л.123, 173.
138. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1198. Л.2; Д.2105. Л.10; ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.415. Л.168 об., 169;
Д.418. Л.130 об., 131.
139. ЦИАМ. Ф.2128. 0п. 1. Д.128. Л.86.
140. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.432. Л.363, 365, 391, 392, 443, 455, 464; Д.439. Л.163 об.
141. Там же. Д.440. Л.255 об, 259; Д.451. Л.432 об.
142. *Анисимов Е.В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. — СПб., 1997. С.292.

143. ЦИАМ. Ф.69. Оп.1. Д.169. Л.1 об., 2, 11, 96 об. — 97 об., 131 об., 131-а, 131-а об.; Д.242. Л.1–2 об., 30–31 об., 48–49, 68–69, 85–87 об., 89–91, 111–113, 128–129, 137–137 об., 163–164, 172, 173; Д.281. Л.4–5 об., 27 об. — 29, 55 об. — 57, 101 об.

144. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.415. Л.195; Д.423. Л.176; Д.428. Л.13; Д.432. Л.123 об., 199, 242.

145. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.415. Л.160, 168 об.; Д.430. Л.255.

146. Там же. Д.413. Л.21; Д.418. Л.13, 55, 71; Д.423. Л.176; Д.623. Л.121.

147. Там же. Д.427. Л.170 об; Д.432. Л.292, 293, 341.

148. Там же. Д.423. Л.131 об., 148 об.; Д.427. Л.139 об., 163, 168 об., 203; Д.430. Л.139; Д.623. Л.86 об.

149. Там же. Д.413. Л.195–196 об.; Д.427. Л.25; Д.430. Л.91; Д.623. Л.19.

150. Там же. Д.423. Л.154 об.; Д.427. Л.117 об.

151. Там же. Д.623. Л.59 об.

152. Там же. Д.423. Л.212–295.

153. Там же. Д.430. Л.136, 331 об., 339, 417 и др.

154. Там же. Д.413. Л.123 об.; Д.423. Л.108; Д.430. Л.331; Д.432. Л.419; Д.451. Л.447 об. и др.

155. Там же. Д.418. Л.115 об., 125 об., 128, 130 об., 163, 222 об.

156. Болото или Болотная площадь – место наказания преступников в Москве.

157. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.428. Л.13; Д.623. Л.137.

158. Там же. Д.426. Л.50 об.; Д.432. Л.109.

159. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.2170; *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. — М., 1997. С.124.

160. РГАДА. Ф.1428. Оп.1. Д.3. Л.16–17, 19, 28.

161. РГАДА. Ф.681. Оп.1. Д.8. Л.87

162. Городские поселения в Российской Империи. — СПб., 1865. Т.5. Ч.1. С.131.

163. *Сербина К.Н.* Указ. соч. С.397.

164. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.2030. Л.26.

165. Там же. Д.2157. Л.34 об.

166. Там же. Д.1121. Л.7, 7 об.; Д.2014. Л.5–5об.; Д.2181. Л.3.

167. Там же. Д.2014. Л.3, 5 об., 8, 9.

168. Там же. Д.1769. Л.1–8.

169. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.451. Л.136, 290

170. *Балдин В.И.* Загорск. — М., 1984. С.180.

171. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.2181. Л.3; Д.2182. Л.2; Д.2281. Л.1, 3; Д.2285. Л.4; Д.2323. Л.1.

172. Там же. Д.1121. Л.4–6.

173. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1101. Л.1–3; Д.1402. Л.41; Д.1769. Л.16; Д.2029. Л.5 об.

174. Там же. Д.1769. Л.25.

175. Там же. Д.1357. Л.1–6; Д.1402. Л.27.

176. Там же. Д.1402. Л.46, 46 об.

177. Там же. Д.1769. Л.58–59, 62.

178. Там же. Д.1769. Л.49, 54 об; Д.1909. Л.43 об.; Д.1912. Л.1 об.

179. Там же. Д.2029. Л.8.

180. Там же. Д.1402. Л.3; Д.1769. Л.69, 72 об.

181. Там же. Д.2149. Л.1; Д.2157. Л.7 об.,.8об.

182. Там же. Д.1294. Л.2 об.; Д.1364. Л.1.

183. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1121, 1288; ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.418. Л.116, 128, 163, 184, 222 об.;

Д.436. Л.306–307.

184. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1208, 1586, 1611, 1692, 1713, 1715; Д.1769. Л.25, 36, 46 об., 48, 59, 60, 70; Д.1789. Л.56.

185. Там же. Д.1769. Л.43, 54 об.; Д.1789. Л.94; Д.1909. Л.8 об., 9 об., 28, 40 об.; Д.2029. Л.32 об.

186. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1789. Л.8–12; ЦИАМ. Ф.73. Д.451. Л.362, 432 об.; *Балдин В.И.* Загорск. История города и его планировки. — М., 1981. С.48.

187. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.2123. Л.10; Д.1789. Л.56; *Балдин В.И.* Указ. соч. С.47.

188. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1789. Л.127 об.

189. *Нечаева М.Ю.* Монастыри и власти: Управление обителями Восточного Урала в XVIII в. — Екатеринбург, 1998. С.16.

190. *Сербина К.Н.* Указ. соч. С.397, 402, 408, 426.

191. *Середа Н.В.* Реформа местного управления последней четверти XVIII века … С.248.

Глава 4

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ СЕРГИЕВСКОГО ПОСАДА

Торговля

Сохранившиеся источники о хозяйственной жизни Сергиевского посада в основном фрагментарны и разрозненны. Главным образом, это информация в журналах и протоколах заседаний ратуши о деятельности того или иного лица, порядке ведения торговли и тому подобных эпизодах. Важными источниками являются сохранившиеся записи условий и контрактов в одноименных книгах, данные вексельных книг. Весьма краткие сведения содержатся в различного рода описаниях посада. К сожалению, до сих пор не обнаружены обывательские книги, способные дать представление об общем количестве недвижимости, в том числе о количестве лавок и амбаров, промышленных и промысловых заведений. Отсутствуют ведомости о торговых местах, фабриках и заводах, составленные ратушей для вышестоящих учреждений, за исключением ведомости 1785 г. Но и в этой ведомости нет количественных показателей (См. Приложение 3. Док. 2). По этой причине не представляется возможным определить общее количество торговых мест, производственных заведений, объемы торгового и производственного оборотов, их соотношение между собой. Между тем имеющиеся источники в своей совокупности позволяют представить общую картину хозяйственной жизни Сергиевского посада, выявить ее характерные черты и особенности. Собранный по крупицам и представленный в данной главе материал, в силу его специфики, рисует, как правило, уколь-

зающую от внимания исследователей повседневную хозяйственную жизнь небольшого городского поселения.

Преобладающей формой хозяйственной деятельности жителей Сергиевского посада была торговля. Торговали местные купцы в лавках, которые в большом количестве стояли вдоль большой Ярославской дороги, на площади около монастыря, у Белого пруда, около Успенской церкви в Клементьеве. В последнем пункте сосредоточилось большое число деревянных лавок. Об их количестве говорит тот факт, что только во время пожара 1783 г. там сгорело до 120 лавок (1). Некоторые купцы владели несколькими лавками одновременно, сколько их было всего — неизвестно. После этого печального события, местное купечество предприняло шаги по достойной организации торговой площади. Для сочинения плана был приглашен профессиональный архитектор. Торговые лавки располагались рядами в соответствии с назначением: щепетильные (2), мясные, калашные (хлебные), рукавишные, сыромятные и другие. При этом, многие купцы нарушали порядок и предпочитали торговать товарами вне своих рядов и лавок (3). Остается под вопросом, насколько удавалось местным торговцам выдерживать специализацию торговых рядов.

Большое количество лавок указывает на то, что местная торговля в это время в основном была сориентирована не на местных жителей, а на потребности более значительного числа проезжающих и богомольцев. По этой причине наиболее выгодным считалось место у часовни на Красногорском рынке, т. к. именно там у самых стен Лавры удобнее всего было покупать товар богомольцам, монахам, семинаристам. В 1784 г. на этом месте, оттеснив конкурентов, выстроил каменную лавку купец Николай Семенов сын Матвеевский (4).

Ассортимент товаров был причудливо разнообразным. «Некоторые купцы и мещане сего посада производят торг шелковыми, бумажными материями, сукнами и другими Российскими и иностранными товарами, также чаем, сахаром, кофе, виноградными напитками, а прочие нужными для употребления съестными припасами, которые покупают в Москве и других городах; а прочие хлебом, дехтем, пенькой и разными крестьянскими изделиями» (5), отмечено в топографическом описании 1800 г.

В лавках на Красногорской площади продавались различные мелочные товары: кушаки, рукавицы, лапти, «красный товар» и напитки. В лавках у Белого пруда шла «мелочная продажа разных съестных вареных и печеных припасов, также конская сбруя, веревки, ремни, деготь и тому подобное, в других — … сахар, чай, виноградные напитки, рыба соленая и свежая, иностранные продукты, щепное всякое изделие» (6).

При необходимости, на местном рынке можно было купить строительные материалы: еловый лес различной длины и толщины, дрань, лубье, гвозди, кирпич (7).

Из местных ремесленных изделий особенно ценилась деревянная посуда. Торговля этим товаром выдвигалась на первое место: «…а прочие лутчей торг имеют деревянной посудой» (8). Кроме посуды, из дерева резали и продавали шкатулки, ларчики, игрушки и т. п. вещи. Они стали своеобразными памятными сувенирами различного назначения, напоминавшими о посещении знаменитого монастыря. Неизвестная образованная путешественница, посетившая в 1804 г. Сергиевский посад во время паломнической поездки по святым местам, отметила следующее: «Потом мы были в рядах. Чрезвычайно странно мне показалось видеть целыя лавки, наполненныя ни чем больше, как только игрушками всякого сорту: каменными, деревянными, ларчиками, коробочками и тому подобными безделицами. И кто здесь побывает, то уже почти за непременной долг щитает накупить этих мелочей» (9). Интересно отметить, что источники не зафиксировали торговлю такими специфическими товарами, как крестики и иконки, без которых невозможно место православного паломничества. Торговля ими была сосредоточена в руках монастыря и церквей, т. к. сакральный характер «продукции» требует обязательного освящения. Даже в наше время крестами и церковной утварью

торгуют церковные лавки, вся прочая торговля — нелегальна.

Наиболее распространенным видом торговли в посаде была торговля съестными припасами и фуражом. Постоянный поток проезжающих на Ярославской дороге позволял вести эту торговлю ежедневно. Для них пекли хлебы, калачи, ситные, сайки, кренделя, готовили обеды, продавали различные напитки, работали блинные — своеобразные «фаст-фуды» своего времени. О размахе торговли

съестными припасами говорит следующий факт. В 1790 г. для этих целей купец Степан Пролубщиков закупил 19 кулей соли, купец Иван Шумихин — 12 кулей, мещанин Иван Молостовкин — 8 кулей, мещанин Игнатий Пастухов — 4 куля. Соль в таких количествах была необходима «по случаю производимых ими разных торгов» — для соления рыбы, мяса, содержания харчевых лавок и постоялых дворов (10).

Места православного паломничества, к которым относился и Сергиевский посад, стимулировали развитие своеобразного «гостиничного» сектора хозяйства. Такое положение наблюдалось и в других населенных пунктах, через которые проходила дорога «на поклонение Святым Угодникам». Почти все дома в деревне Дубна на пути из Сергиевского посада в Ростов имели особую конструкцию: «Две избы, между ими вороты, а над воротами светелка, так они называют летнюю горницу, потому что она без печи. …проезжающие богомольцы (я потому так их называю, что проезжающих богомольцов в Ростов гораздо более, нежели других каких путешественников) всегда останавливаются там, где чистая горница и берут тут все принадлежащее для них и для екипажа; а у протчих крестьян не имеют уже права взять, кроме своего хозяина» (11). В этом маленьком фрагменте записок очевидца обращают на себя внимание несколько моментов. Во-первых, фиксация самого факта преобладания паломников среди проезжих на данном направлении. Во-вторых, их (богомольцев) влияние на сложившийся здесь тип построек. Третье, популярность холодных светлиц косвенно указывает на сезонность их использования — теплое летнее время. И, наконец, последнее — бытовавший обычай содержателей ночлега предоставлять и другие сопутствующие услуги своим постояльцам. Обычай, который дополнялся условием запрета для постояльцев пользоваться услугами других лиц. Последнее было характерно не только для России, в более ранние времена такой порядок существовал и в Западной Европе (12).

В Сергиевском посаде можно было найти ночлег, удовлетворявший разнообразным требованиям комфорта. Самый значительный каменный гостиный двор (несохранившийся до настоящее времени), принадлежал Троице-Сергиевскому монастырю и располагался вне стен Лавры в центре поселения. В его описании от

1796 г. зафиксировано, что «имеется 9 покоев жилых, при нем кухня, приспешня и палата для поваров каменные, а прочие все службы деревянные. Построен сей каменный дом и службы возобновлены в 1777 г.» (13). Пользоваться услугами такой гостиницы могли, скорее всего, лица привилегированных сословий. Представители более демократических слоев находили приют у рядовых жителей посада.

Содержание постоялых дворов с продажею фуража было одним из традиционных занятий местных жителей (14). Для этих целей использовались обычные жилые постройки, полностью или частично выделенные для этих целей. Подсчитать количество подобных заведений не представляется возможным, т. к. случаи использования собственных дворовладений в качестве постоялых дворов сохранившимися документами не учитывались.

Среди содержателей были лица разных сословий, в том числе и иногородние жители. Серьезным конкурентом местных жителей стал московский 3 гильдии купец Иван Михайлов Дерюзинский, у которого для этих целей «каменное строение при котором имеется постоялой двор». В 1792 г. местные жители — крестьяне, из-за угрозы переселения за пределы городской черты предпочли на невыгодных для себя условиях двойного налогообложения перейти в городские сословия ради сохранения своих дворов на старых местах, так как основной доход получали именно от содержания постояльцев (15).

В это время содержатели постоялых дворов могли предоставить своим постояльцам следующие услуги: ночлег и питание для людей, стойло и фураж для лошадей, место в амбарах или ледниках для хранения поклажи или товара с обеспечением их сохранности от воровских людей. В некоторых случаях при длительном пребывании сроком до нескольких недель постояльцу предоставлялась возможность пользоваться баней. Цена «за пожилое, за стол и промойное за неделю» составляла по 1 р. с человека, а с супружеской пары — 1,5 р. (16)

Сохранившиеся в книгах записи условий и контрактов ратуши Сергиевского посада документы иллюстрируют случаи найма недвижимости для этих целей. Наиболее ранний контракт относится к 1792 г. Сергиевского посада купец П. Ф. Антипин нанял у мещанина А. И. Селецкого «постоялый дом со всяким хоромным и дворовым

строением» сроком на 2 года за 102 р. В контракте указывается расположение двора. В первую очередь оговаривалось обязательство «подозрительных и безпашпортных людей не держать и тот дом от пожарных и прочих случаев беречь». В качестве противопожарной меры предписывалось «не ходить во двор с лучиной, а ходить с фонарем и со свечой». Подробно описывается порядок поддержании чистоты в доме, во дворе и рядом с ним: «зимним временем снег с крышек скидывать, …к святой недели потолок, стены и пол вымывать и трубу в год чистить шесть раз, …против своей усадьбы загородою вновь загородить, также и канавы на дворе и около двора прочищать и мостовую чистить». Здесь отмечены показатели определенного уровня комфорта: в помещении топившаяся по-белому — с трубой печь и благоустроенный двор. Нанимателю предоставлялось право пользования огородом. Вместе с правами на него же накладывалось обязательство исполнять постойную повинность по обывательской очереди. При этом запрещалось «заповеданными напитками» торговать (17).

В 1793 г. для этих же целей экономические крестьяне Углического уезда наняли у купца Сергиевского посада Я. С. Низяева половину «выстроенного вдвойне дому жилую избу… со всею к ней принадлежностью и к оной… двором». Контрактом оговаривались срок (5 мес.), цена (50 руб.), а также условия соблюдения паспортного режима («заведомо… беглых не принимать») и противопожарной безопасности («постояльцев поздно встречать и провожать когда огонь потребен, с оным быть осторожным») (18).

Другой подобный контракт относится к 1795 г. Мещанин Сергиевского посада Н. Г. Крохин нанял у купца П. А. Селецкого дом «со всем к нему принадлежавшим деревянным строением и усадебною землею» сроком на 1 год за 40 руб. Как ни парадоксально, в данном случае срок найма более чем в 2 раза длиннее, а цена — меньше. При этом, более подробно и тщательно оговариваются условия эксплуатации наемных площадей: «летним временем на дворе канавы проводить, а зимним путем снег с крышек скидывать, також и трубу чистить в год три раза, а к Святой Пасхе избу выскоблить и мостовую чистить против прочих». Условия соблюдения паспортного режима дополняются запретом «корчемных и скрытно привозимых питей не покупать и не продавать». По существу, усло-

вия этого контракта совпадают с аналогичными условиями ранее приведенного договора от 1792 г. Текст контракта позволяет сделать еще одно наблюдение — для успешного функционирования постоялого двора мещанину Н. Г. Крохину был необходим наемный работник (19). Таким образом, в затраты мещанина Н. Г. Крохина при эксплуатации наемного постоялого двора надо включить не только арендную плату, но и жалованье работника. О его возможном размере дает представление сохранившийся контракт, по которому в 1808 г. купеческий сын Петр Тарбинский нанял мещанина Петра Лошкарева «в работники и во всякую их дому постоялого двора должность» сроком на 13 месяцев за 65 р. Кроме того, наемный работник обязывался во время работы использовать собственную одежду и обувь (20). Аналогичная работа могла оцениваться и дороже. В 1810 г. тот же мещанин Петр Лошарев «порядился… в работники постоялого двора» сроком на 14 месяцев за 120 р. При этом указанные деньги должны выдаваться частями ежемесячно (21). Возможно, это свидетельство не только роста расценок на рынке труда, но также возросшей квалификации работника и объема выполняемых им работ. Для сравнения, заработок нанятого в 1808 г. для исправления должности в лавке знавшего грамоту купеческого сына Я. Н. Хоркова составляла 100 р. в год. Правда, дополнительно Я. Н. Хоркову предоставлялись обувь и рукавицы, на одежду выделялось 70 р., а также предусматривались премиальные в размере 30 р. за беспорочную службу в течение 3 лет (22).

Интересные условия соблюдения паспортного режима содержатся в договоре 1797 г. мещанской жены А. Ф. Верещагиной с мещанином П. С. Баклановым: «пускать всякого звания людей для ночлега и более 3 суток не держать» (23). Проживание на постоялом дворе более трех суток сопровождалось обязательной отметкой паспорта постояльца в полицейской части. Эта процедура не требовалась при краткосрочной остановке в пути для ночлега, отсюда и срок — не более трех суток.

Наиболее подробно приходилось расписывать условия в случае найма части дома. Дьячок Пятницкой церкви Андрей Попов сдал на 2 года за 190 р. большую часть своего дома и двора, кроме амбара, купцу А. И. Чернохвостову. При этом хозяин оставался проживать в этом же доме в проходной теплой комнате, а арендатор получил

право не только беспрепятственно ходить через нее в чулан, но и пользоваться в ней печью. Своеобразно был поделен погреб — три четверти арендатору и лишь одна четвертая часть хозяину. Хозяину оставалось право принимать своих собственных родственников и гостей в своем покое, а во дворе выделялись места для пяти лошадей. Дополнительно, в определенные контрактом дни, купец А.И. Чернохвостов мог временно использовать маленькие общие сени и светелочку (видимо, холодную без печи комнату), а также «ежели понадобится для лучшего постоя зделать поруб на дворе… пристойным образом… на свой щет». Время, когда купец мог использовать дополнительные площади — это ярмарки (на девятой и десятой неделе после Пасхи и Успенская — 15 августа), а также дни наиболее значимых общенациональных и местных религиозных праздников «три дни Троицина, Петрова, обретения и Сергиевой памяти» (24). Все это бывало летом и в начале осени, в теплое время года, что в свою очередь позволяло использовать для постоя и холодные покои — светелочку и поруб, повышало прибыль владельцев при сравнительно минимальных затратах. Уровень предоставляемых услуг был разнообразным, учитывал потребности и материальный достаток представителей различных сословий. Следствием было вовлечение в сферу услуг инициативных людей разного достатка.

Продажа съестных припасов производилась в лавках и в «шалашах». Описание этих построек имеется в договоре об аренде купцами и мещанами земли у Лавры. Конструкция шалашей состояла из подвижных полок с крышей из лубья для защиты от дождя и снега. В среднем, каждый шалаш имел размеры от 1,5 до 2 саженей. Арендная плата составляла 1 р. в год с каждой сажени. В 1785 г. 27 человек выплатили Лавре 46 р. 50 к. поземельных денег (25).

Торговля съестными припасами была выгодной и привлекала не только местное население, но и торгующих из других мест. В арендованных лавках рыбой, калачами, блинами и тому подобным торговали крестьяне разных губерний и уездов (26).

Своеобразно организовал свою коммерцию в Сергиевском посаде оптовый торговец рыбой ростовский 2–й гильдии купец Никита Хлебников. Способность местного рынка поглощать значительные партии товара привлекала иногороднего торговца. Но чтобы обосноваться здесь, надо было обзавестись складскими помещениями, ра-

ботниками для охраны и отвеса товара и т. д., а это требовало дополнительных расходов и уменьшало прибыль. Одним из вариантов была быстрая продажа крупной партии товара мелким розничным торговцам в кредит. Рыба — это товар скоропортящийся и налаженная сеть реализации позволяла извлекать доход без дополнительных расходов.

Его деятельность прослеживается с самого начала функционирования ратуши. В 1782 г. Никита Хлебников первым зарегистрировал в книге векселей 3 векселя на общую сумму 58 р. 20 к. Эти векселя были выданы местными купцами и мещанами в качестве оплаты за полученные мелкие партии рыбного товара. Следовательно, к этому моменту Хлебников уже установил коммерческие отношения с некоторыми торговцами. Один из его должников, Иван Афанасьев Абакшин, задолжал сумму в 639 р. 97 к. К 1784–1785 гг. Никита Хлебников сумел организовать сеть мелких торговцев, которая насчитывала до 33 человек. В эти годы Хлебников реализовал через них партии рыбы на 551 и 1181 р. соответственно (27).

Но даже и в этих условиях, купцу Хлебникову требовались и амбары и люди, способные честно выполнять доверенные им функции. Одним из таких подходящих людей, к тому же успевшим задолжать, оказался купец Сергиевского посада Иван Чернохвостов. В обмен на «любезность» Хлебникова, обещавшего не торопить с возвращением денег, Чернохвостов согласился принимать, складывать в свой амбар и сторожить приведенный из Ростова рыбный товар. Хлебников обещал «не обидить» платежом за оказанные услуги, но договоренность была устной. В обычных ситуациях подобные услуги в посаде оценивались следующим образом. Наем амбара стоил 10 р. в год, его охрана — 24 р. В случае отпуска товара — за использование весов полагалось платить их хозяину по 1 к. с пуда. Таким образом, даже без учета отпуска товара, цена составляла 34 р. в год, а Чернохвостов объявил Хлебникову цену по 30 р., да и этих денег в течение 9 лет не получал. При этом Хлебников неукоснительно брал с Чернохвостова векселя в тех случаях, если товар отпускался ему лично, и даже подавал их ко взысканию вместе с остальными. В итоге за свои девятилетние труды Чернохвостов получил в 1793 г. только 50 р., но его векселя так и остались у Хлебникова и позднее были предъявлены в судебном порядке ко взыска-

нию (28). Таким образом, отсутствие точного расчета запутало дела Чернохвостова и помогло Хлебникову использовать эту ситуацию к своей выгоде.

Проблемы возникли и у самого купца Никиты Хлебникова. Дела, шедшие с таким размахом (к 1785 г. было роздано рыбного товара на 1790 р.), стали давать сбой. Возникли сложности с получением денег по векселям. Далеко не все мелкие партнеры смогли вовремя или после первого вызова в ратушу оплатить свои долги. Дело затянулось на годы. В 1797 г. Хлебников все еще продолжал взыскивать через ратушу посада по векселям, полученным в 1785–1787 гг. При этом, несмотря на сокращение числа партнеров, Хлебников сумел продолжить рыбную торговлю в этом поселении. Более мелкие партии рыбного товара он реализовал через своих посредников в 1790 и 1793 гг. на суммы в 212 и 531 р. соответственно (29).

Кроме этого, Хлебников для организации собственной розничной торговли в посаде использовал финансовые затруднения купца Афанасия Курылдина. Курылдин был одним из торговых партнеров Хлебникова. Он получал рыбный товар под векселя и старался производить оплату не допуская их до протеста. Позднее эти 5 векселей на сумму более чем в 200 р. предъявила вдова Курылдина во время разбирательства дела в ратуше. Хлебников неоднократно во время приездов в посад останавливался в доме Курылдина без какой-либо оплаты за постой и питание. Хозяин дома предоставлял не только ночлег гостям, но и охраняемый амбар для их товара. Курылдин, в соответствии с письменной инструкцией, заботился «о приеме и о складке хорошенко посылаемой от него Хлебникова рыбы у себя в лавке и в наемной полатке, чтоб всякая уложена по сортам… и о продаже того рыбного товару, отдавая цену оной рыбы более на его Курылдина попечение, как он сам разсудит». Со временем, добавилось указание о взыскании с должников денег. За выполнение этой ответственной и хлопотливой работы, купец А. Курылдин никакой платы с Н. Хлебникова не получал, «полагаясь на его совесть», но последний никаких определенных письменных или устных обязательств не давал, сохраняя неоплаченные векселя партнера. После смерти купца Курылдина, его вдова продолжала предоставлять для торговых операций Хлебникова дом и другие помещения бесплатно. В течение пяти лет систематически по 3–4 раза в год сроком до ше-

сти недель каждый раз от Хлебникова для продажи рыбного товара приезжали поверенные, приказчики с членами своих семей и работниками. Использование амбаров и проживание работников вообще не оплачивалось, а приказчики и поверенные за себя платили половину обычной цены. Естественно, все это совершенно не учитывалось при взыскании долгов, т. к. по мнению Хлебникова вдова «доброволно из своих выгод прикащиков ево содержала, следовательно и росплату от них за все получала не касаясь до него и с ним дела не имела» (30). Надо ли говорить, что словесные доводы вдовы при решении денежного вопроса силы не имели.

Приведенные примеры — это случаи неравноправных торговых отношений между кредитором и его должниками. Отношение купца-оптовика и мелких розничных торговцев привели к возникновению пережиточной формы зависимости последних от первого. Такие ситуации были характерны не только для Сергиевского посада, они наблюдались и в других городах (31). Насколько часто кредит приводил к возникновению такой зависимости, сказать невозможно. Попутно отметим, что кредитование, как денежное, так и товарное, всегда было сложным видом коммерческой деятельности с высокой степенью риска. Вернуть выданные деньги иногда было очень непросто. Мещанин Герасим Комков красочно описал такую ситуацию: «дано бобылю, что ныне мещанин Спиридону Дужихину для торгу взаем кои обратно еще доныне не получены 100 р., …мещанину Петру Шарову дано на торговлю 300 р., оные денги не возвращены. Дано мещанину Михаилу Комкову для торгу 47 р., кои также не получил, бобылю, что ныне мещанин Ивану Филипову по заемному письму взаим 22 р., кои и обратно не получал» (32).

Из съестных припасов, как продукт специфический, характерный именно для Сергиевского посада, выделяются блины. Купец Григорий Бурдуньин так объяснял приверженность к этому товару. Многие богомольцы привозят с собой различные продукты и покупают лишь то, что с собой привезти нельзя. Особенностью блинов является то, что они готовятся очень быстро, на глазах у заказчика. Это горячее и питательное блюдо. В свою очередь, богомольцы говорили, что пришли в монастырь на богомолье, помянуть усопших родителей, а блины как раз и являются традиционной поминальной

едой (33). Об их популярности свидетельствует сохранившееся в топографии посада название — Блинная гора.

Желание продать горячий товар, приводило иногда купцов и мещан к самовольным поступкам. Так без соответствующего разрешения на монастырской земле были построены при шалашах избушки с печами «для поклажи хлебов и калачей, чтоб не замерзли» (34).

Кроме съестных товаров ежедневно требовался фураж для корма лошадей. Торговля сеном и овсом велась местным и иногородним населением, а также монастырем. Продажа монастырского фуража проводилась в монастырской гостинице и в арендованных у монастыря лавках. Арендаторы в своих договорах обязывались «торговать своими товарами кроме сена и овса, которые продавать от лавры». Чтобы понизить конкуренцию со стороны торгующих купцов и мещан, монастырем вводилось ограничение номенклатуры товаров, которыми разрешалось торговать в шалашах у Белого пруда: «Чтобы им ни изб, ни печей не иметь и овсом и дехтем не торговать». Для большего привлечения богомольцев монастырское сено продавалось дешевле (35).

Особое место в Сергиевском посаде занимала виноторговля. Здесь, как и в других местах Российской империи, монополия на продажу вина принадлежала государству и передавалась отдельным лицам за специальную плату в казну. Торговавших вином в посаде было множество. В лавках вино составляло один из товаров наряду с другими. Были и специальные питейные дома, в которых шла торговля водкой, вином, пивом и полпивом. С 1783 г. среди содержателей были купец Григорий Матвеев Бочкин, с 1798 г. — купец Петр Медведев. В герберге (кабаке) Григория Бочкина дозволялось «продавать вино, водку, пиво, полпиво… а равно кофе, чай, шекалад и курителный табак … с запрещением игры играть». Несколько неожиданно было прочитать информацию о продаже «целительного рижского бальзама… кувшинами и мелочью» (36).

Ведущее положение в этой отрасли торговли заняли крупные иногородние купцы, именитые граждане Орла, Рязани, богатые откупщики питейных сборов, которые торговали в арендуемых у монастыря помещениях. За период с 1783 по 1799 гг. сумма арендных платежей повысилась ровно вдвое — с 65 до 130 р. в год, но это не ослабило конкуренцию среди крупных купцов (37).

Виноторговля иногородних купцов, по местным масштабам, велась с размахом. Объем продаж в 1785 г. составил 82 бочки различных крепких напитков, за которые в казну было внесено 10 463 р. Контрактом предусматривалось: «торговать и иметь выставки в рогожах, в чарошной, австерии, в кабаке, в Какуеве, в Разгуляе, в Троице-Сергиевой лавре, в Клементьевской дистанции, в Воздвиженском, в Рахманове, в Талицах, в Братовщине, в селе Нагорном, в Пушкине, в Павлове, в Купавне, в Сваткове». Из этого списка 8 пунктов находились в самом городе и монастыре и 9 пунктов в округе по селам и деревням, в том числе в таких довольно отдаленных от посада как Пушкино и село Нагорное. Состояние арендуемых помещений признавалось хорошим: «В оных покоях полы, окончины и лавки исправлены». Во время пожара 1783 г. сгорел питейный дом «называемой австерией». Компенсировать временную утрату этого пункта должно было каменное строение бывшего соляного магазейна (склада). При этом, откупщики не только получили разрешение вышестоящих властей на использование этого здания, но и добились, чтобы за счет посада были сделаны ремонтные работы. Требовалось сделать окна с затворами, выломать одну стену, сделать стойку и ледник — иными словами приспособить помещение для торговли. Стоимость этих работ по оценке купца Петра Балашова, взявшегося за их исполнения, составила 339 р., а оплата производилась из собираемых с купечества доходов. В конце XVIII — начале XIX в. этих помещений стало уже недостаточно. Дополнительно арендуются наиболее подходящие дома местных жителей, оборудованные ледниками и другими подсобными помещениями (38).

Размах ежедневной торговли выгодно отличал Сергиевский посад от многих уездных городов, в которых постоянная стационарная торговля была незначительной. Жители многих уездных городов нередко не могли купить в лавках необходимых продуктов и изделий. Часто, в таких городах лавки открывались только в базарные дни (39).

Базарные дни в посаде бывали по воскресеньям и понедельникам. На них устанавливался строгий порядок. Для поддержания порядка ведения торговли присутствовал «исполняющий должность полиции». Начало и окончание торговли, как во всех городских поселениях, сопровождалось подъемом и спуском знамени. В это

время разрешалось вести только розничную торговлю. Это делалось для того, чтобы местные жители могли закупить более дешевые товары у непосредственных производителей, минуя перекупщиков. К полудню торги заканчивались, спущенное знамя служило разрешением для проведения оптовых операций. Этот порядок распространялся и на торговую площадь, и на все поселение в целом. В 1788 г. были пресечены факты оптовой продажи хлеба во дворе у цехового мастера Ивана Изотова в 8–м часу утра и на постоялом дворе у Сергея Лошкарева (40).

За право торговать в понедельник на Клементьевском рынке полагался особый сбор. Его налагали, согласно общему приговору, на всех торговцев. Местные купцы и мещане, торговавшие вне своих лавок, платили по 25 к. за место, с иногородних кузнецов, пряничников и калашников собирали по 25 к. и по 50 к. с холщевников, щепетилников, рукавишников, сыромятников. Торговавшие со своих возов съестными припасами, посудой и овощами платили по 3 к., другими товарами — по 10 к. Зимой с лычных, санных и горшечных торгов деньги собирались с «доброхотных дателей» (41).

Местное купечество и мещанство настойчиво добивалось запрещения крестьянам вести перекупную и розничную торговлю. Им разрешалось привозить и продавать возами только собственный, а не перекупной «всякой хлеб, живность, рыбу и прочие съестные мелочные товары, рогатую скотину, сено, дрова». Для этого использовались различные способы борьбы — официальные публикации со ссылками на законы о запрете розничной крестьянской торговли, обходы рынка соцкими и старостами, изъятие товара у нарушителей, физическая расправа. Эти случаи регулярно повторялись в различные годы. В 1783 г. по показаниям старосты Никитина, «незнамо чей крестьянин, торгующий в розницу постным маслом, ослушался и бранился. За то староста оставшееся у него от продажи в судне масло… пролил на землю, а бою никакого не чинил». В 1789 г. у крестьянина из близлежащего села был отобран кусок белого сукна (42).

Кроме приезжих крестьян, конкурентами местных городских сословий являлись проживавшие в этом же поселении экономические крестьяне и штатные служители. Их торговля создавала конкуренцию цеховым ремесленникам, а также купцам и мещанам, кото-

рые торговали скупленными у ремесленников изделиями. Торговля штатных служителей отрицательно сказывалась и на их собственной службе. Служители перестали выходить на монастырские работы в понедельник, так как на этот день приходился один из двух недельных торгов. В результате настойчивых требований ратуши, некоторые экономические крестьяне перешли в городские сословия, но торговлю штатных служителей прекратить не удалось (43).

Успешная коммерческая деятельность местного купечества была бы невозможна без ведения отъезжей торговли. В одних случаях это были поездки в другие города для закупки товара. Для них достаточно было взять билет — документ для кратковременных отлучек. В журналах за 1782 г. выдача паспортов сопровождалась указанием места отлучки. В этот год из 27 человек, получивших документы сроком на 1–3 месяца, 9 (т. е. 33%) отправлялись в Москву, 4 — в Харьков, по одному человеку в Санкт-Петербург, Семенов, Кострому, Касимов, Ярославль. Еще 10 человек отправлялись в разные города, в том числе один из них не далее 50 верст (44). Подобные отлучки на два-три месяца продолжались и в другие годы. Местные купцы ездили в Москву, Санкт-Петербург, Саратов, Ростов. Ведомость ратуши 1785 г. свидетельствует, что жители посада занимались «маркитентерством и торговлею в отдаленных городах и при полках разными припасами». В других случаях купцы организовывали стационарную торговлю или даже целую торговую сеть в отдаленном крупном городе. Такую деятельность развернул в Киеве купец Сергиевского посада Иван Игнатьев сын Горбунов, обосновавшийся там с 1770 г. В мае 1786 г. он просил паспорт на полтора года, т. к. «по той ево коммерции наступило время ему иметь сщеты с ево кореспондентами и работнами людми и собрания долгов с ево должников». Имел свой торговый промысел в г. Валке Рижской губернии купец Василий Курылдин. Там, в его лавке, в качестве работников находились жители Сергиевского посада мещане Емельян Лазарев, Сергей Никитин Свиньин, Алексей Шунбин, Афанасий Камаев, купеческий сын Иван Бурдуньин и др. В город Пярну ездил купец Андрей Никифоров Ерофеев. Видимо именно для этих поездок ему потребовались несколько кредитов на общую сумму в 575 р., зарегистрированных в 1795 г. В Саратове имел свои торги бургомистр Иван Трегубов. Купцы Федор Заблиновский, Иван Пи-

рогов, Григорий Панов, Сергей Прохоров сын Москалев имели постоянный мясной торг в обеих столицах. Для торговых операций в Санкт-Петербурге купеческий сын Афанасий Тарбинский набрал в 1788 г. товара на сумму 2231 р. 81 к. (45). Кроме этого в ареал торговой деятельности местных купцов попали города Московской, Владимирской, Тверской, Тульской и Калужской губерний (Ростов, Александров, Калязин, Дмитров, Углич, Белгород, Богородск, Калуга, Тула, Звенигород, Зарайск, Вязьма, Переславль-Залесский) (46).

Часто купцы привозившие в другой город партии товара, вынуждены были сбывать их в кредит, т. к. покупатели не имели необходимого количества наличных денег, чтобы расплатиться немедленно. В таких случаях в качестве платежного средства выступали векселя. Для оформления векселя не требовались поручители или свидетели. Достаточно было подписи заемщика, чтобы кредитор мог безусловно требовать выплаты по векселю по истечению срока. Информация о местах получения торговцами векселей содержится в Вексельных книгах. Исследователи обращают внимание, что «до нас дошли сведения о сделках, которые по разным причинам были не вполне удачными, вели к протесту векселей и судебному разбирательству». Хотя они не дают полной картины коммерческого кредита и вексельного обращения, но, тем не менее, достаточно интересны и представительны (47). В 1793 г. Афанасий Петров сын Володимиров (числившийся то купцом, то мещанином) зарегистрировал пять векселей (35, 60, 85, 380 и 46 р. 50 к.) на общую сумму 606 р. 50 к., полученных им от дмитровских купцов, мещан и посадских в этом уездном городе. В 1795 г. он же зафиксировал вексель в 140 р., в 1798 г. — 5 векселей (22, 50, 140, 106 и 8 р. 50 к.) на общую сумму 326 р. 50 к., полученных там же (48). Яким Федоров сын Жуков, также числившийся то мещанином, то купцом, в 1795, 1796 и 1798 гг. получал векселя в Туле (пять на 399 р.), Вязьме (один на 28 р.), Звенигороде (три на 280 р.) (49). Эти факты, скорее всего, свидетельствуют о проведенных жителями Сергиевского посада торговых операциях в разных городах, о попытках наладить коммерческие связи. Полученные векселя служили платежным средством за проданный товар, поэтому суммы не круглые и с копейками. По мнению В.Н. Захарова «В векселях, выдаваемых купцами друг другу, проставлялась только сумма, которую должнику следо-

вало вернуть кредитору. Как правило, это была цена товаров, продаваемых в кредит под вексель. Она была выше обычной рыночной цены, что и составляло прибыль по кредиту. Насколько выше сказать трудно, поскольку это было коммерческой тайной» (50). В целом, товарный кредит был средством ускорения торгового оборота.

Большое значение для местной торговли имели годовые ярмарки. Они являлись своего рода универсальным магазином того времени. Источники предоставляют противоречивую информацию. М. Д. Чулков, а за ним и Х. А. Чеботарев свидетельствуют о трех ярмарках: «Ярмарки бывают: 1) в десятую пятницу, 2) в Троицын день, 3) Августа 15; и продолжаются по одной неделе; товары привозят из Москвы и разных городов немецкие полотна, парчи, атласы, тафты, канфы, разныя бумажныя и шерстяныя товары, сукна немецкия, кожи и щепетильныя мелочи, а из селениев привозится хлеб и съестные припасы» (51).

«Историографическое описание городов Московской губернии» (приведенное в книге А. И. Аксенова) также говорит о существовании 3-х годовых ярмарок: «на Пасху в 10–ю пятницу, в день сошествия Святого духа и 15 августа. Из многих городов (приезжают — *Н. Ч.*) купцы с парчой, сукнами, кожами, хлебом, съестными припасами» (52).

Документы ратуши, рукописное топографическое описание Московской губернии приводят данные о 2-х годовых ярмарках — на 10 неделе после Пасхи и 15 августа. Традиционно, первая ярмарка — в 10–ю пятницу после Пасхи — располагалась на Красногорском рынке, принадлежавшем монастырю, в пользу которого производились денежные сборы. Она продолжалась одну – две недели. Это была многолюдная ярмарка, привлекавшая множество купцов из Москвы, Дмитрова, Переславля-Залесского, Александрова, Киржача, Богородска и других городов. На ней торговали «разными парчевыми, шелковыми, бумажными материями, сукнами и прочими Российскими и иностранными товарами, также и шляпами, шапками, рукавицами, чугунами, косами, брусьями и другими мелочными товарами, большей же частью крестьяне с холстом и нитками; и народное собрание на оной бывает многочисленное». Вторая ярмарка проходила один день — 15 августа (иногда ее называли Успенской) и располагалась на Клементьевской площади. Сбор с торго-

вавших по 25 к. шел в пользу общества (ратуши). «На оную съезжаются из близ лежащих селений крестьяне с хлебом, пенькой, льном, колесами и прочими деревенскими изделиями». Кроме крестьян, «съезжаются из разных городов купцы и другого звания люди с разными товарами и припасами» (53).

Попробуем разобраться. Сведения «Историографического описания» соответствуют 1783 г. (54). Книги М. Д. Чулкова и Х. А. Чеботарева, изданные в 1786 и 1787 гг. соответственно, также содержат данные первой половины 80-х гг. Топографическое описание из РГВИА датировано 1800 г. Сведения из документов ратуши относятся к концу 80-х — 90-м гг.

Обратим внимание на датировку ярмарок. Здесь существуют вместе даты по переходящему календарю церковных праздников и даты по гражданскому календарю. Троица — это праздник, наступающий на 50 день после Пасхи, на 8–й неделе. День сошествия Святого Духа (в просторечии Духов день) бывает на второй день после Троицы. При этом Троица наступает не только раньше Духова дня, но и раньше, чем 10–я пятница после Пасхи. Но в документах ярмарка на Троицу (или на Духов день, что в плане срока ярмарки одно и то же) значится второй, после 10–й пятницы. Возможно, такое перечисление соответствовало важности, значимости ярмарок, а не их хронологическому порядку.

Разночтения источников касаются не только числа ярмарок, но и их продолжительности. По данным Х. А. Чеботарева все ярмарки продолжались по одной неделе. По свидетельству топографического описания 1800 г. первая ярмарка длилась одну-две недели, вторая — 1 день. Если ярмарка на Троицын день шла неделю, то следующая за ней ярмарка — в десятую пятницу — начиналась практически сразу же. Вполне возможно, что приведенные в более ранних документах две первые ярмарки в реальной жизни слились в одну, длительность которой увеличилась. Это тем более вероятно, что купцы имели обыкновение на важные ярмарки съезжаться загодя, и покидали их не все одновременно, а после распродажи своих товаров. То есть, на практике длительность ярмарок не была жестко фиксированной и имела тенденцию в одних случаях увеличиваться, а в других — уменьшаться.

Б. Н. Миронов, исследуя ярмарочную торговлю по всей стране, отмечает следующее. Продолжительность ярмарки зависела, главным образом, от масштаба ее торговых операций, категории ярмарки, ее назначения. Чем больше стягивала ярмарка товаров из разных губерний страны, чем большим был ее оборот, тем дольше она действовала. По мере роста оборотов ярмарок, наблюдается тенденция уменьшения их числа по всей стране (55). Разночтения источников зафиксировали эти изменения в Сергиевском посаде, которые произошли на рубеже 80–90 гг. XVIII в.

Одну — две недели продолжались узловые ярмарки. Во время таких ярмарок, свозимые иногородними купцами мануфактурные товары особенно охотно покупались местными купцами небольшими партиями для последующей розничной торговли в своих лавках. Кроме этого, купечество скупало и накапливало для последующей продажи предлагаемый крестьянами товар — холст и нитки. Другими словами, здесь реализовывались промышленные и мобилизовывались крестьянские товары. Узловая ярмарка укрепляла межрайонные связи. Именно такой можно считать ярмарку на 10–ю пятницу. Вторая ярмарка — 15 августа — кратковременная, которую можно отнести к разряду розничных. Такая ярмарка способствовала укреплению связей внутри района. Отметим, что в данном случае в историографии встречаются другие варианты классификации ярмарок в Сергиевском посаде. Г. В. Вартанов относит их к городским местным ярмаркам (56).

Проведенный анализ ежедневной, еженедельной и ярмарочной торговли в Сергиевском посаде свидетельствует о существовании в посаде различных и развитых форм торговли. К их числу относятся ежедневная розничная торговля в лавках, периодическая розничнооптовая торговля во время базарных дней, рознично-оптовая разъездная и ярмарочная торговля. Сергиевский посад как торговый пункт давал возможность для успешной коммерческой деятельности как местных жителей, так и иногородних. Попытки граждан посада ограничить торговлю своих конкурентов не всегда давали желаемые результаты. В некоторых случаях, в виноторговле, например, это было невозможно в принципе.

Разнообразие и развитость форм торговли объясняется особым положением посада рядом с крупнейшим монастырем страны, куда

стекались толпы богомольцев. К тому же, после 1764 г. сам монастырь стал крупным оптовым потребителем товаров и услуг. Объективную картину этого процесса дают сохранившиеся приходо-расходные книги. Среди них имеются книги выданные из Учрежденного собора Лавры казначею. Они сохранились с 1786 г. Попытаемся проанализировать расходы монастыря, исключив доходы.

Многочисленные статьи расходов можно условно объединить в 4 группы: 1) на жалованье и денежное награждение монахам, послушникам, богаделенным, штатным служителям и их детям; 2) на братскую провизию и конюшню; 3) на строительные работы и стройматериалы; 4) на специфические товары монастырского обихода.

Начнем с анализа расходов на братскую провизию и конюшню. Некоторая сложность связана с тем, что иногда закупки провизии заносились не только в упомянутую статью, но и в другие. Например, в небольших количествах мука, крупы и другие припасы закупались для питания косцов во время сенокоса, для поминовения покойных и т. д. По этой причине они занесены в расход по другим статьям. Чтобы избежать путаницы и неизбежных накладок, ограничим анализ расходов на приобретение провизии именно теми закупками, которые были записаны в статью расходов на братскую провизию и конюшню. Закупки продуктов питания, значащиеся по другим статьям расходов, в таблице 15 не учитывались. Точно также здесь не учитываются расходы на приобретение фуража для монастырской гостиницы.

Таблица 15

Динамика расходов на братскую провизию и конюшню (в рублях)

Ассортимент	Годы				
	1786	1789	1792	1795	1798
Мука разных сортов	**780**	**786**	**701**	**1070**	**810**
В т. ч. куплено у жителей посада	–	146	143	635	187
Крупы разных сортов	**129**	**304**	**140**	**163**	**152**
В т. ч. куплено у жителей посада	–	55	–	–	–
Масло разных сортов	**163**	**125**	**178**	**163**	**135**

Ассортимент	Годы				
	1786	**1789**	**1792**	**1795**	**1798**
В т. ч. куплено у жителей посада	–	–	–	–	135
Рыбный товар	**628**	**638**	**901**	**748**	**829**
В т. ч. куплено у жителей посада	29	571	822	673	741
Солодовенный товар	**103**	**118**	**102**	**153**	**150**
В т. ч. куплено у жителей посада	103	118	102	94	150
Дрова	**344**	**526**	**420**	**525**	**406**
В т. ч. куплено у жителей посада	–	–	–	300	–
Овес	**300**	**604**	**267**	**679**	**720**
В т. ч. куплено у жителей посада	–	–	–	–	–
Другие расходы	**121**	**120**	**468**	**277**	**270**
В т. ч. куплено у жителей посада	24	54	50	101	84
ВСЕГО	**2559 100%**	**3222 100%**	**3180 100%**	**3781 100%**	**3473 100%**
В т. ч. куплено у жителей посада	157 6,1%	945 29,3%	1117 35,1%	1803 47,7%	1297 37,3%

Таблица составлена по материалам: РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.19298. Л.14–19; Д.19303. Л.18–32 об.; Д.19309. Л.15–26 об.; Д.19314. Л.14–22; Д.19319. Л.14–24 об.

Данные таблицы 15 показывают постоянное возрастание монастырских расходов на братскую провизию и конюшню в течение всего периода. Одновременно с этим, растет объем монастырских покупок у жителей посада и в абсолютных и в относительных цифрах. Резкий скачок происходит в самом конце 80-х гг. К этому времени посад удовлетворял монастырские потребности по этой группе расходов на 29,3%, другими словами почти на треть. В дальнейшем это положение сохраняется, а в отдельные, особо удачные для жителей годы цифра вырастает до 47,7%, т. е. почти до половины всех расходов на братскую провизию и конюшню. Следовательно, за эти годы торговцы посада сумели, говоря старинным языком, расторговаться, то есть имели товар конкурентоспособный, по приемлемым ценам и качеству. Для достижения этого потребовалось менее 10 лет (считая с момента получения поселением статуса посада).

Анализ данных таблицы 15 показывает, что наиболее серьезные позиции жители Сергиевского посада сумели занять в торговле рыбным товаром. Спрос на различную продукцию, такую как вязига, рыба свежая, сушеная, коренная, теша, икра, был постоянным на протяжении всего периода. Наиболее значительными были поставки привозной рыбы — коренной, сушеной, теши и икры. Коренная рыба — это красная рыба осеннего улова, просоленная особым образом в течение 3-х месяцев до затвердения и закупаемая в запас большими партиями (57). «Первой ласточкой», предложившей рыбный товар Лавре, был купец Сергиевского посада Алексей Иванов сын Трегубов. В 1786 г. он поставил в монастырь более 11 пудов икры зернистой на сумму в 29 р. 25 к. Следующий серьезный прорыв был осуществлен в марте 1789 г. его отцом Иваном Савельевым сыном Трегубовым. Он продал монастырю 188 пудов коренной рыбы, 45 пудов теши, 58 пудов судаков сухих и 10 пудов зернистой икры. Общая сумма составила 564 р. 15¾ к. (58) С этого момента ежегодные поставки крупных партий рыбного товара становятся регулярными. Следствием этого стал тот факт, что монастырские потребности в этом товаре практически полностью удовлетворялись местными торговцами. Небольшая разница в цифрах монастырских закупок рыбы и закупок у местных торговцев объясняется следующим образом. В приходо-расходных книгах имеются записи о сделанных мелких покупках отцом экономом или кем-то другим у анонимных торговцев. Вполне возможно, что эти покупки делались на местном торгу у местных торговцев, но точно это определить нельзя. По этой причине мелкие розничные покупки свежей или сухой рыбы у анонимных торговцев не причислены к закупкам, сделанным у жителей Сергиевского посада.

Таблица 16

Крупные разовые поставки рыбного товара в Лавру местными торговцами (в руб.)

Персоналии	Годы											
	1789	1790	1791	1792	1793	1794	1795	1796	1797	1798	1799	1800
Иван Савельев сын Трегубов	564	449		805		720	673	615	260			

Петр Федоров сын Балашов	581	685										
Матвей Трегубов									496	112		
Семен Мокеев								393	221			970

Таблица составлена по материалам: РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.19303. Л.20; Д.19305. Л.16; Д.19307. Л.17; Д.19309. Л.16 об.; Д.19311. Л.15 об.; Д.19312. Л.21 об.; Д.19314. Л.17–17 об.; Д.19315. Л.19; Д.19317. Л.16, 16 об.; Д.19319. Л.16 об.; Д.19321. Л.18 об., 19 об.; Д.19324. Л.17 об., 19.

В числе поставщиков рыбного товара в Лавру выявлены следующие лица: Иван Савельев сын Трегубов, Матвей Алексеев сын Трегубов, Петр Федоров сын Балашов и Семен Мокеев. Причем, если в первой половине 90-х гг. действовали попарно Иван Трегубов и Петр Балашов, то во второй половине 90-х гг. — Матвей Трегубов и Семен Мокеев. Эту ситуацию демонстрирует таблица 16. В целом, в этом виде торговли доминирующее положение занимали Трегубовы — дед и внук. Их позиции представляются еще более прочными при сравнении динамики цен на поставляемый товар (См. табл. 17). Практически ежегодный рост цен, увеличившихся за весь период в 1,5–2 раза, не заставил Лавру подыскивать других поставщиков, хотя в посаде действовали и другие торговцы рыбой — например, ростовский 2–й гильдии купец Никита Хлебников. Следовательно, и цены и качество предлагаемого местными торговцами товара были вполне удовлетворительными и конкурентоспособными. Вполне вероятно, что такое положение стало возможным благодаря личным усилиям купцов в доставке товара прямо из мест добычи, минуя посредников. Во всяком случае, известно, что в 1789 г. Иван Трегубов отлучался по делам торговли в г. Саратов.

Таблица 17

Ассортимент и цены (за пуд) на поставляемый в Лавру рыбный товар

Ассортимент	Годы											
	1789	1790	1791	1792	1793	1794	1795	1796	1797	1798	1799	1800
Коренная рыба	1р 70к	1р 90к	1р 90к	2р 40к	2р 35к	2р 10к	2р 25к	2р 25к	2р 20к		2р 40к	2р 70к
Теша	2р 77к		3р 30к	3р 90к	3р 48к	3р 10к	3р 25к	3р 35к	3р 50к		3р.80к.	4р 20к

Судаки сухие	1р 50к	1р 50к	1р 60к	1р 50к	1р 60к	1р 60к	1р 70к	1р.65к	2р	2р.
Икра	3р 30к 3р 80к	4р	4р	4р	4р 20к	4р 60к	5р	5р 30к		6р.

Таблица составлена по материалам: РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.19303. Л.20; Д.19305. Л.16; Д.19307. Л.17; Д.19309. Л.16 об.; Д.19311. Л.15 об.; Д.19312. Л.21 об.; Д.19314. Л.17–17 об.; Д.19315. Л.19; Д.19317. Л.16,16 об.; Д.19319. Л.16 об.; Д.19321. Л.18 об., 19 об.; Д.19324. Л.17 об., 19.

Сложно сказать, по какому принципу делались эти поставки в Лавру — по предварительной с ней договоренности, по договоренности купцов между собой или же они действовали конкурируя, обгоняя друг друга. В 1793 г. партия рыбного товара была поставлена в Лавру П.Ф. Балашовым, но и Иван Трегубов в этом же году имел в своем амбаре в посаде партию этого товара — коренной рыбы на 250 р. и икры зернистой 2 бочки на 200 р. (59) Вполне возможно, что в некоторых случаях существовали предварительные договоренности. Во всяком случае, в 1794 г. запись в приходно-расходной книге гласит: «выдано Сергиевского посада купцу Ивану Савельеву Трегубову за поставленную им рыбу… 710 р. 83¾ к.» (60) Заметим, не «за купленную у него», а «за поставленную им» рыбу. Это говорит о прочных и доверительных отношениях обеих сторон — заказчика и подрядчика.

Следующее место по постоянству торговых операций составляли закупки солодовенного товара у местных жителей (См. табл. 15). Солод — это продукт переработки зерновых, полуфабрикат, необходимый для варки пива или кваса. Для производства — ращения солода использовались специальные помещения — солодовни и нехитрое оборудование. Объемы торговли этим видом товара значительно скромнее, чем в рыбной торговле, зато они на все 100% удовлетворяли монастырский спрос. Исключение составляет только 1795 г. В этом году часть солода была приобретена у купца Петра Петрова Медведева на сумму 94 р. 50 к. За другую часть солода деньги в размере 59 р. 20 к. получил подъэконом. У кого он приобрел солод, хмель и другие необходимые компоненты для варки пива — не известно. Вполне возможно, что эта покупка была сделана подъэкономом у одного из местных производителей за наличный расчет, а потом записана в книгу без упоминания его имени (61).

Таблица 18

Объем поставок солодовенного товара в Лавру местными купцами (в руб.)

Персоналии	Годы													
	1786	1788	1789	1790	1791	1792	1793	1794	1795	1796	1797	1798	1799	1800
Петр Никитин сын Солодовников	103	162	118	109	103	102								
Никита Михайлов сын Солодовников							81	87						
Петр Петров сын Медведев									94	148	187	191	251	208

*Таблица составлена по материалам: РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.19303. Л.18об., 19; Д.19305. Л.20; Д.19307. Л.17–17 об., 20; Д.19309. Л.18–19; Д.19311. Л.15 об.; Д.19312. Л.20об., 22; Д.19314. Л.16; Д.19315. Л.15об.; Д.19317.Л.17,107 об.; Д.19319. Л.17–17 об., 95об.; Д.19321. Л.16; Д.19324. Л.15,16об.

Таблица 18 содержит данные об объеме поставок солодовенного товара в Лавру и персоналиях, совершивших их. Разница в цифрах о закупленном солоде в таблице 15 и таблице 18 объясняется тем, что в последнюю таблицу вошли и те закупки, что были записаны не только по статье расходов на братскую провизию, но и по другими статьям. Среди торговцев, продававших монастырю солодовенный товар (солод ячный, пшеничный, ржаной, хмель и т. д.) были купцы Петр Никитин сын Солодовников, Никита Михайлов сын Солодовников (сын и отец) и Петр Петров сын Медведев. Солодовниковы поставляли товар до 1794 г. включительно. С 1795 г. начинаются покупки у Петра Медведева. Более того, Медведеву удалось расширить ассортимент. В 1799 и 1800 гг. он продал Лавре не только полуфабрикат — солодовенный товар, но и конечный продукт — пиво и полпиво. В связи с этим заметим, что Никита Солодовников владел в посаде собственным солодовенным заводом. У Петра Медведева в 1794 г. выпиской из обывательской книги не отмечено ни солодовенного завода, ни пивоварни. Вполне возможно, что в своей коммерческой деятельности этот купец использовал субподряды (62).

Третье место, судя по значимости, занимала торговля мукой разных сортов. Сложность освоения хлебного рынка заключалась в следующем. Жители Сергиевского посада сами хлебопашеством не

занимались. Зерновые покупались ими в Москве или в других местах у перекупщиков. По свидетельству местных торговцев печеным хлебом (хлебами, калачами, ситными сайками и кренделями) «всякой хлеб (имеется ввиду зерно или мука — *Н. Ч.*)… для продажи здесь покупают в Москве и с провозом оной гораздо становится дороже в здешнем месте нежели в тамошнем» (63).

Это положение было хорошо известно монастырским властям. В 1782 г. рожь в большом количестве поступила на рынки Александрова и Сергиевского посада (в Клементьево). Монастырь провел квалифицированный «маркетинг». Для пробы рожь была куплена и на том, и на другом рынке. После помола, были произведены тщательные расчеты о том, сколько муки выходит из одной четверти ржи, купленной в Александрове и Клементьеве. Высчитана стоимость каждого пуда с учетом помола и провоза. Выяснилось, что одна четверть ржи из Александрова обойдется Лавре по 1 р. 31 к., а пуд муки — 15 к. Одна четверть ржи с Клементьевского рынка стоила 1 р. 92 к., а пуд муки — 16 к. Расчеты показали выгодность закупки ржи в Александрове, где и была заключена сделка на 505 р. (64) Этот эпизод наглядно показывает, каким расчетливым и умелым хозяином был Троицкий монастырь.

Не имея возможности конкурировать в торговле зерновыми, местные жители пытались вести торговлю важным продуктом первичной переработки зерновых — мукой. С конца 80-х годов жители посада регулярно продают Лавре муку разных сортов в небольших количествах. Они удовлетворяли приблизительно $^1/_5$ часть потребностей монастыря в этом товаре. В некоторые, особо удачные годы, в 1795 г., например, эта доля превысила половину всех закупок муки (См. табл. 15).

Таблица 19

Объем продаж муки в монастырь жителями Сергиевского посада (в руб.)

Персоналии	Годы											
	1789	1790	1791	1792	1793	1794	1795	1796	1797	1798	1799	1800
Иван Хвастунов	146	22	20	28	135	153	148	173	156			
Михаил Лаптев			11									
Матвей Трегу-				114	13							24

бов												
Алексей Епифанов	2											158
Алексей Никитин			482	485								
Захар Михайлов							30	27	41			
Василий Дудин								159				192
Петр Балашов									152			
Василий Герасимов									248			

Таблица составлена по материалам: РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.19303. Л.20об.; Д.19305. Л.15; Д.19307. Л.15об.; Д.19309. Л.19–19об.; Д.19311. Л.16об.,18; Д.19312. Л.22 об.; Д.19314. Л.14об.,17 об., 18 об.; Д.19315. Л.14об.,15,19; Д.19317.Л.19–19 об.; Д.19319. Л.15 об.; Д.19321. Л.16, 19 об.; Д.19322. Л.3. Д.19324. Л.15,17; Д.19325. Л.3

Персональный состав местных продавцов и объем продаж муки в Лавру представлен в таблице 19. Самые значительные — это поставки на 482 р. и 485 р. в 1794 и 1795 гг. местного крестьянина Алексея Никитина, перешедшего позднее в купечество. Складывается такое впечатление, что почти для всех торговцев в этом списке, продажа муки не стала основным занятием. Скорее всего, это случайно подвернувшиеся выгодные сделки, которые они не упустили. Своеобразным исключением является купец Иван Степанов Хвастунов, который в период с 1789 по 1797 гг. ежегодно продавал муку в разных количествах. Суммарная стоимость этих продаж составила 981 р. — довольно значительную сумму.

Имеющиеся записи в приходо-расходных книгах раскрывают механизм некоторых торговых операций. В 1799 г. были выданы деньги «Сергиевского посада купцу Петру Балашову за купленную им для просфир муку крупичетую 80 пудов», а в 1800 г. — «мещанину Алексею Епифанову за купленную им в Москве для просфир муку крупичетую за 80 пуд… да ему ж за провоз оной муки крупичетой по 8 коп. с пуда». Складывается такое впечатление, что в обоих случаях и тот и другой торговец действовали по прямому поручению Лавры. Недаром были закуплены одинаковые объемы товара,

причем самой высокой пробы. В записях отразилось место первоначальной закупки — Москва. А во втором случае торговец сумел получить деньги даже за доставку товара. Этот расход значится отдельно, а не вошел, как обычно, в цену товара. Кстати, аналогичные записи встречаются и в случаях с другими товарами. В 1786 г. купец Николай Матвеевский получил деньги «за купленный им в Ростове на конюшню для смазки колес деготь». Десятью годами ранее — в 1776 г. он же закупал в Ростове для монастыря партию гвоздей. Провоз гвоздей был оценен отдельно (65). Подобные записи позволяют предположить, что отдельные закупки делались по предварительной договоренности — заказу монастыря. И в этом случае Лавра использовала местных торговцев как своих торговых агентов к обоюдной выгоде обеих сторон.

Возвращаясь к таблице 15, отметим товар, который у местных торговцев никогда не становился объектом продажи в монастырь. Это — овес. Он обычно поставлялся либо торгующими крестьянами, либо помещиками, т. е. практически напрямую от производителя, минуя перекупщиков.

Эпизодически отмечены закупки у местных жителей крупы, масла и дров. В 1789 г. крупу продал Алексей Епифанов. Масло постное и коровье продавал в Лавру Петр Федоров Балашов. Среди них своим объемом выделяется сделка 1799 г. на сумму в 1241 р. Дрова в течение нескольких лет (1794–1796, 1800 гг.) продавал Прохор Бакланов. Общая сумма составила 635 р. Постоянно закупались мелочным числом другие продукты — специи, уксус, мед, говядина, вино церковное, сало и др. Среди них выделяется закупаемый для нужд конюшни деготь. Эти данные сведены в таблицу 20.

Таблица 20

Объем закупок дегтя у жителей Сергиевского посада (в рублях)

Персоналии	Годы				
	1786	1789	1792	1795	1798
Николай Матвеевский	20 р.				
Иван Савельев сын Трегубов		23 р.			

Петр Федоров сын Балашов	43 р.	54 р.	59 р.

Таблица составлена по следующим материалам: РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.19298, 19303, 19309, 19314, 19319.

Отметим появившееся снова имя купца Петра Федорова сына Балашова. В 90–е годы деготь покупался у него. Объемы продаж в рублях достаточно скромные, но регулярные. Этот купец не занимал ведущего положения в торговле каким-то одним товаром, зато умел предложить разнообразные товары в течение всего периода. Здесь и крупные партии рыбного товара, масла разных сортов, постоянные поставки дегтя, разовые поставки муки и других товаров.

Купечество Сергиевского посада сумело завоевать серьезные позиции в торговле с местным оптовым потребителем — Лаврой. Ассортимент предлагаемых товаров, первоначально скромный, постепенно расширялся, так же как и увеличивался объем продаж. Складывался определенный, постоянный круг торговых партнеров монастыря. В то же время, Лавра не ограничивала себя однажды выбранными поставщиками. Умелое использование рыночных механизмов открывало доступ к оптовому потребителю многим торговцам, способным предложить конкурентоспособный товар. Это в свою очередь способствовало процветанию торговли в посаде.

В конце XVIII в. внутри монастыря и в его близлежащих владениях велись активные строительные и ремонтные работы. Сведения об этой группе монастырских расходов содержатся в таблице 21. Основную массу строительных материалов и наиболее квалифицированных работников Лавра находила вне посада.

Таблица 21

Динамика расходов Лавры на строительные работы и стройматериалы (в рублях)

	Годы			
	1786	**1789**	**1792**	**1795**
Строительные работы	**1502**	**380**	**414**	**1140**
В т. ч. с участием жителей посада	442	59	163	393
Стройматериалы	**1372**	**8020**	**539**	**612**

В т. ч. купленные у жителей посада	219	295	203	84
В том числе:				
Кирпич	**211**	**271**	**49**	**67**
В т. ч. купленные у жителей посада	211	271	49	67
Гвозди	**8**	**33**	**16**	**17**
В т. ч. купленные у жителей посада	8	24	16	17
Другие стройматериалы	**1153**	**7775**	**474**	**527**
В т. ч. купленные у жителей посада	_	_	138	_
ВСЕГО	**2874 100%**	**8400 100%**	**953 100%**	**1752 100%**
В т. ч. купленные у жителей посада	661 23%	354 4%	366 38%	477 27%

Таблица составлена по материалам: РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.19298, 19303, 19309, 19314, 19319.

Жители посада привлекались в качестве поденных рабочих для разборки старых строений, вывоза мусора, подвозке щебня, извести, песка, воды — т. е. необходимых для нового строительства материалов. Все эти работы не требовали особой квалификации. Оплата труда на них составляла по 5–10 к. в день. Поденные рабочие могли работать артельно или единолично. При артельной организации сложно установить принадлежность каждого работника к тому или иному поселению и выделить среди них жителей посада. Здесь могли оказаться и крестьяне из окрестных сел и деревень. В 1786 г. артель мещанина Леонтия Шмакова с товарищами 8 раз получала деньги за работу по насыпке земли в общей сумме 146 р. 35 к. (66).

Кроме строительных работ, Лавра привлекала местных жителей к ежегодным работам на монастырских лугах во время сенокоса. Помимо денежной оплаты труда, вольным косцам предоставлялось ежедневное питание и традиционное угощение после окончания работ. Женщины привлекались на прополку огородов, мытье скатертей и салфеток. Все перечисленные здесь работы относятся к числу черной, неквалифицированной и низкооплачиваемой работы.

Из строительных материалов в посаде регулярно приобретались гвозди на очень скромные суммы. Другим востребованным товаром

был кирпич. Этот материал обычно изготавливался на монастырских кирпичных заводах силами вольных подрядчиков, среди которых были и жители посада. В случае необходимости Лавра могла дополнительно приобретать кирпич с заводов других владельцев. В 1797 г. дополнительно была закуплена партия кирпича в 77 тыс. штук по цене 5 р. 15 к. за тыс. на сумму 396 р. 55 к. у купца Петра Тарбинского (67).

Лавра владела двумя кирпичными заводами. Один из них представлял собой сарай «мерою в длину на 80 саженях, поперечнику на 4 саженях», снабженный необходимым оборудованием. Другой завод стоял рядом или недалеко от первого, т. к. на них одновременно работали одни и те же подрядчики и в документах они значатся как «лаврские кирпичные заводы» (68).

Работа оплачивалась по числу сделанного кирпича. Подсобные работы — подвозка воды, глины, песка — выполнялись самими подрядчиками и отдельно не оплачивались. Оговаривались цены и качество продукции — количество кирпича половинками на 1 тыс. шт. Объем зависел от потребностей Лавры и менялся в разные годы.

Постоянный спрос и растущие цены способствовали возникновению конкуренции среди «охочих людей». В 1799 г. монастырю потребовалось 400 тыс. шт. кирпича. Выполнить этот подряд вызвались два человека — купец Сергиевского посада Никита Иванов и крестьянин графа Салтыкова Гаврила Лаврентьев. Из них первый предложил цену по 3 р. 10 к. за 1 тыс. шт., другой — по 2 р. 80 к. за каждую тысячу. Понятно, что предпочтение было отдано не местному жителю. На следующий год монастырю требовались 250 тыс. шт. кирпича. Свои услуги предложил только Лаврентьев, других предложений не было. Воспользовавшись этим, Лаврентьев поднял цену за кирпич до 3 р. 10 к. В итоге, крестьянин Лаврентьев заработал в 1799 г. 1120 р., а в 1800 г. — 775 р. (69) Таким образом, иногородние подрядчики, используя рыночные механизмы, выдавливали местных жителей из выгодных сфер производства.

Таблица 22

Динамика расходов Лавры на специфического церковные товары (в руб.)

Ассортимент	Годы				
	1786	1789	1792	1795	1798
Воск	**1020**	**1738**	**931**	**937**	**1133**
В т. ч. куплено у жителей посада		–	–	–	1133
Иконы	**764**	**628**	**764**	**856**	**938**
В т. ч. куплено у жителей посада	–	–	–	–	–
Ткани	**550**	**3599**	**494**	**1195**	**–**
В т. ч. куплено у жителей посада	–	–	–	–	–
Церковная утварь	**–**	**–**	**–**	**2200**	**1160**
В т. ч. куплено у жителей посада	–	–	–	–	–
ВСЕГО	**2334**	**5965**	**2189**	**5188**	**3231**
В т. ч. куплено у жителей посада	–	–	–	–	1133

Таблица составлена по материалам: РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.19298, 19303, 19309, 19314, 19319.

Среди товаров специфического церковного обихода были воск, иконы, необходимые для шитья риз и других церковных облачений шелковые, бархатные и другие ткани и драгоценная церковная утварь.

Иконы постоянно в течение всего периода в Лавру поставлялись крестьянами села Холуй, известного своими иконописными традициями. Ткани для церковных облачений закупались оптом непосредственно на фабриках. Предметы церковной утвари, например серебряное паникадило в 1795 г., изготовили столичные ювелиры по заказу Лавры. Таким образом, иконы, ткани и утварь попадали в монастырь напрямую от производителей минуя посредников.

Другое дело воск. Лавра потребляла 50–60 и более пудов воска в год. Такое количество приобреталось за 3–4 раза у поставщиков, умевших организовать накопление более или менее крупных партий товара. Жители посада делали в разные годы попытки проникновения в эту сферу торговли. В 1768 и 1773 гг. подмонастырских слобод бобыль Василий Ростовцев несколько раз продавал воск по 5 и более пудов на сумму более 50 руб. каждый раз. В 1788 г. купец Николай Матвеевский продал воска на сумму в 91 р. 52 к (70). Но это были

эпизодические поставки данного вида товара. Систематическими они становятся с 1793 г. и связаны с именами Ильи Тимофеева Мурыгина, Петра Федорова Балашова и Ивана Степанова Хвастунова.

Таблица 23

Поставки воска в Лавру жителями Сергиевского посада (в рублях)

Персоналии	Годы						
	1793	1794	1795	1796	1797	1798	1799
Илья Тимофеев сын Мурыгин	332	–	–	931	901	890	1071
Петр Федоров сын Балашов	50	101	–	48	–	–	–
Иван Степанов сын Хвастунов	43	278	–	–	—	242	–

Таблица составлена по материалам: РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.19311; 19312; 19315; 19317, 19319; 19321.

Илья Мурыгин во второй половине 90-х гг. стал наиболее востребованным поставщиком воска в Лавру. Его поставки в отдельные годы удовлетворяли потребности монастыря в этом товаре на все 100%. С 1800 г. И. Мурыгин продает в Лавру другой, не менее важный специфический церковный товар — ладан. За три года (с 1800 по 1802 г.) он поставил ладана на общую сумму в 703 р. (71).

Экономические отношения Лавры и посада не ограничивались только сферой потребления Лавры. Последняя сама в свою очередь предоставляла посаду имеющуюся у себя недвижимость, главным образом землю в центре поселения для ведения торговли различными товарами. Ежегодные поступления поземельных денег фиксировались в тех же приходно-расходных книгах и представлены в таблице 24.

Таблица 24

Поступления в Лавру денег от жителей посада за использование монастырской недвижимости.

Наименование доходных сумм	Годы				
	1786	1789	1792	1795	1798
Шалашные суммы	96	188	203	235	241

За наемные огороды	21	30	–	–	–
За проруби	8р. 25 к.	12	10	12	10
ВСЕГО	**125 р. 25 к.**	**230**	**213**	**247**	**251**

Таблица составлена по материалам: РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.19298; 19303; 19309; 19314; 19319.

Данные этой таблицы неоспоримо свидетельствуют об изменении этих доходов Лавры. Скачок доходов произошел в конце 80-х гг. Обратим внимание, что к этому же времени жители посада достигли значительных успехов в торговле с самим монастырем. Позднее, эти доходы стабилизировались. Монастырю в посаде принадлежало самое выгодное в торговом отношении место — Красногорская площадь. Там стремились установить свои лавки, трактиры, шалаши, полки, овсяные лари местные торговцы. В зимнее время источником дохода стали сдаваемые внаем проруби на Келарском пруду, используемые для пойла лошадей проезжающими и богомольцами. Дополнительной статьей дохода становились сдаваемые внаем жителям посада монастырские огороды. В летнее время большой доход давала ежегодная летняя ярмарка, проходившая на площади перед монастырем. В 1789 г. ее на это время, видимо на правах откупа, арендовал купец Петр Федоров Балашов за 50 р. (72)

Удавалось Лавре успешно продавать и ставшие ненужными строения, материалы и т. п. вещи. В 1789 г. за 50 р. было продано для ратуши старое деревянное здание бывшей мужской богадельни близ Вознесенской площади. Посредником в этой операции стал бывший в то время бургомистром купец Иван Савельев Трегубов (73).

Удачной была для монастыря операция по обмену бумажных ассигнаций на серебряные монеты. В 1792 г. за промен 4000 р. ассигнациями было получено по 30 к. с рубля, что составило 1200 р. с известных нам купцов Ивана Трегубова и Петра Балашова (74). Купцам подобная коммерческая сделка давала преимущества легкой транспортировки значительных сумм, так необходимых при дальних поездках за товарами. Таким образом, выгода была обоюдная.

Еще более крупная сделка состоялась в 1795 г. Купец Петр Федоров Балашов приобрел у Лавры 92 пуда блочной меди на сумму 1036 р. (75).

Таким образом, хозяйственные отношения Лавры и посада были разнообразными и взаимовыгодными. За этот период жители посада сумели занять достойное место в торговле с монастырем. Среди них выделились несколько купцов, сумевших организовать доставку в Лавру значимых для нее товаров и оказывавших ей другие услуги. Некоторые купцы поставляли партии разнообразных товаров, как Петр Федоров сын Балашов. Другие отдавали предпочтение какому-то одному товару. При этом надо иметь в виду, что специализация торговли имела весьма относительный характер. Так, Иван Савельев сын Трегубов продавал Лавре не только рыбу, но и деготь, а в 1792 г. вдобавок к другим товарам продал еще и цветной ковер. Еще большее разнообразие продаваемых товаров у его внука — рыба свежая и коренная, мед, крупы, постное масло, специи, сало, веревки и т. д.

Динамика торговых отношений Лавры и посада имела следующую тенденцию. В основном значительный успех был достигнут к концу 80-х гг. В это время монастырь осуществлял закупки до 30% всех необходимых для содержания братии и конюшни товаров внутри посада у местных торговцев. К концу 90-х гг. удалось сделать значительные успехи в торговле таким специфическим товаром непродовольственной группы как воск.

При этом жители посада не могли конкурировать в поставке товаров, требовавших большого художественного мастерства, высокой квалификации и хорошо организованного производства — икон, драгоценной утвари и шелковых тканей.

Своеобразными были успехи местных жителей в организации строительных работ и поставках стройматериалов. Отсутствие квалификации компенсировалось способностью выполнять тяжелые земляные работы, дававшие заработок многим жителям. Подряды на изготовление кирпича, длительное время выполнявшиеся местными жителями, в конце века стали источниками доходов крестьян из соседних волостей и губерний.

Наличие крупного Троице-Сергиева монастыря способствовало развитию оптовой торговли, т. к. монастырь был крупным оптовым

потребителем товаров и услуг. С конца 80-х гг. местные торговцы заняли прочное положение среди лаврских поставщиков. Местные купцы и мещане сумели приспособиться к требованиям монастыря и предоставить разнообразные конкурентоспособные товары. В целом, монастырь являлся фактором развития хозяйственной и в первую очередь торговой жизни Сергиевского посада.

Своеобразие торговли в Сергиевском посаде заключалось в том, что главными розничными потребителями, наряду с местными жителями, были проезжающие и богомольцы, а сам монастырь стал оптовым потребителем товаров на местном рынке.

Ремесло и мелкотоварное производство

Сергиевский посад был поселением, где издавна существовало ремесленное производство. Ведомость ратуши 1785 г. (Приложение 3. Док. 2) приводит довольно внушительный список различных специальностей, которыми владели жители посада. Среди них мастера занимавшиеся изготовлением и золочением восковых свечей, литьем сальных свечей, иконописным и живописным мастерствами, изготовлением мелкой деревянной раскрашенной посуды, золотых, серебряных и медных изделий, ремонтом («скавыванием») разбитой фарфоровой посуды, переплетом книг, размоткой шелка, тканьем шелковых платков и позументов, портным, сапожным, шапочным, рукавичным, скорняжным, слесарным ремеслами. Были столяры, оконнишники, каретники, кузнецы, штукатуры, изразешники, кирпичники, повара, садовники (76).

Особое место занимало ремесленное производство для нужд Лавры, осуществлявшееся силами штатных служителей. К услугам монастыря были мастера 19 специальностей: повара и пирожники, квасовар, пивовар, медовар. Имелись кузнецы и слесари, каменщики, печники, штукатур и изразешник, столяр и плотники. Для обслуживания монахов и семинаристов работали портные и сапожники. Ими исполнялись работы по ремонту старых и шитью новых священнических облачений и прочих, необходимых для богослужения вещей. Были представители ремесел, требовавших особого та-

ланта и искусства — живописцы, серебряники и золотых дел мастера. Как правило, они обучались не только у местных ремесленников, но и у московских. Обучение ремеслам других специальностей обычно проходило у своих близких — отцов или братьев (77). Ремесленники — служители работали почти полностью только на нужды Троице-Сергиевой Лавры. Их производство является одним из примеров вотчинного ремесла в натуральном хозяйстве крупного феодала.

В 1785 г. портные, сапожники и кузнецы были объединены в 3 ремесленных цеха (по числу специальностей), о чем говорилось ранее. К этому времени в посаде проживало 16 портных, из которых двое занимались изготовлением одежды нового, европейского образца, остальные шили одежду традиционного русского кроя. Сапожники так же делились на специалистов европейской (двое) и традиционной русской (одиннадцать) обуви. Часть ремесленников, видимо, специализировались на изготовлении рукавиц. Рукавицы были ходовым товаром. В 80–е годы мастера торговали ими сами на рынке Сергиевского посада. Рукавицы продавались и в купеческих лавках. Приведем любопытное мнение Г.Г. Поварнина, изучавшего этот промысел в начале XX в.: «Характерным условием для рукавишников является почти всегда отсутствие маломальски емкаго местного рынка, так как единица продукта (пара) в общем дешева и рукавишник сделает товара гораздо больше в единицу времени, чем сапожник сапог: 1 мастер в 1 день может сшить 6 пар голиц, а сапожник с подручным в 1 день — одну пару сапог, между тем товар в обоих случаях одинаково нужен крестьянину. Поэтому уже незначительная по видимости концентрация промысла в рукавишном деле ведет неминуемо к работе на внешний рынок, а следовательно и к преобладанию капиталистических отношений в форме сбыта» (78). Сохранился годичный контракт 1799 г., заключенный купцом Иваном Гавриловым Репиным с сыном цехового мастера Федором Герасимовым Мироновым на производство рукавишного мастерства работы (79). Она оценена в 25 р. Объем производства, место работы и принадлежность сырья в контракте не оговорены. Сам же факт наличия годичного контракта позволяет сделать вывод об ориентации продукции рукавишников не только на потребности местных жителей, но и на более широкий круг потребителей.

Одежда шилась индивидуально, на заказ «единственно толко на здешних жителей, а продажи онаго в торговые лавки никакой не имеют». Скорее всего, также делали и «немецкую» обувь, круг потребителей которой был весьма ограничен в таком небольшом поселении, как Сергиевский посад. Русские сапоги шли в розничную продажу, которая производилась мастерами либо лично в торговые дни, либо через купеческие лавки. Поставка сапог в лавки, скорее всего, осуществлялась на основе устной договоренности, т. к. за весь период сохранились только два контракта на поставку этого товара (80). Один из них заключен с цеховым мастером, а другой с проживавшим в посаде московским мещанином. Цеховой мастер Петр Горбунов подрядился поставлять бахилы — т. е. мужскую рабочую, промысловую обувь в течение года в лавку купеческому сыну Алексею Ерофееву. К сожалению, в документе не проставлены объем и цены на производимый товар. Московский мещанин Петр Ракулин обязался поставлять русские сапоги из собственного сырья на общую сумму 120 р. по 5 пар в неделю. Объем такого производства, возможно, позволял мастеру справляться с работой собственными силами. Цена за каждый 5 пар — 1 р., следовательно срок действия контракта — 120 недель, или более 2 лет. При этом, контрактом оговаривалась ситуация, при которой мастер мог продавать свои изделия другим.

Наличие большого количества богомольцев и проезжих по Ярославской дороге стимулировало развитие кузнечного промысла. В 1785 г. в кузнечном цехе насчитывалось 19 мастеров, некоторые из которых «свое рукоделие производят… своими же семействами, а другие с наймом и упражняются в делании топоров, серпов, хлебопахотных сошников, подков и всяких других для домашних надобностей мелочных железных поделок и в подковке лошадей» (81). Два мастера владели искусством изготовления замков. Кузнецы работали на заказ и для продажи в мелкую розницу. В некоторых случаях, владевшие кузнечным мастерством подряжались выполнять различные работы за пределами посада. В 1798 г. мещанин Илья Кривошеин выполнял «всякую кузнечную работу, как то подковку лошадей, также касающееся до экипажей и домовых всяких поделок» в имении графа Варфоломея Толстого за 50 р. в год. Мещанин

Иван Петров Растригин жил в Москве и Коломне, прокормление имел слесарным своим мастерством (82).

Кузнечное дело принципиально отличается от некоторых других ремесел. Оно требует специальных, отделенных от жилья производственных помещений и значительного набора инвентаря — наковальни, горна, молотов, клещей и других инструментов. Цена на этот инвентарь могла быть весьма значительной. Одна наковальня могла весить до 7 пудов и стоить до 20 р. Кузницы переходили по наследству, взимались за долги, становились объектами купли-продажи. По этой причине владельцами кузниц могли становиться люди различных сословий. Купец Николай Михайлов Кумачев организовал работу своей кузницы с привлечением наемных работников. В 1796 г. он нанял двоих — купеческого сына Ивана Гаврилова Шишкина и мещанина Ивана Сидорова сроком на 1 год, причем первому было положено 65 р., а второму — 45 р. Через несколько лет, в 1800 г., купец Н. Кумачев снова нанимает мещанина Ивана Сидорова на год, но уже с меньшей оплатой — 40 р. Договором оговаривается трудовая дисциплина на производстве: «в случае прогулу… в понедельничные и другие работные дни, то за понеделник вычесть Кумачеву из договорных денег 50 копеек, а за другие дни по прошествии года за каждой день заработать два дни» (83). Обращает на себя внимание разница в оценке прогулов в зависимости от дня недели. Видимо, первый день недели после выходного был наиболее вероятным и нежелательным для срыва рабочего графика. Кроме этого, понедельник — это традиционный торговый день в посаде, когда работа кузницы могла быть особенно необходима приезжим торговцам. Таким образом, штрафные санкции, существовавшие в двух видах — денежном и отработочном, должны были поддерживать стабильность работы кузницы.

Среди жителей посада проживали мастера-изразешники. Это были и штатные служители Лавры и подсудные ратуше жители. Технологию изразешного производства приводит в своей статье Маргарита Александровна Гра, длительное время работавшая в Коломенском музее: «Изразцы изготовлялись обычно из красных глин. …Сырая, хорошо промятая и вылежанная глина оттискивалась в деревянную резную негативную форму. После формовки изразец подвергался сушке и затем уже обжигу. На обожженный изразец

наносилась полива: или прозрачная, или по рельефу рисунка глухие непрозрачные эмали. Эмаль, с одной стороны, своей стекловидной поверхностью защищала черепок от различных разрушительных влияний, с другой стороны, придавала изразцу нарядный, блестящий вид. Четкость рисунка изразца зависела от формы, в которой он оттискивался. Резали деревянные формы для рельефных узорных изразцов резчики по дереву, некоторые из них — народные таланты… Наносили рисунок на дерево, "знаменили" деревянную форму, вероятно, специалисты "знаменщики" (такое разделение труда мы можем проследить при письме икон, при резьбе по белому камню и т. д.)» (84). Таким образом, даже очень небольшая мастерская по производству изразцов это своего рода синтез труда и мастерства не только керамиста, но и изготовителя форм — резчика по дереву, а также стекловара-стеклодела. Существует предположение, что при изготовлении глазурей для поливы использовались промышленно изготовленные полуфабрикаты (85). Л. А. Беляев считает, что в XVII в. все изразцы были рельефными; в XVIII — имели плоскую лицевую поверхность, расписанную по белой эмали; а в середине XIX в. — появился фабричный печной кафель. При этом существовали переходные варианты, в которых соединялись две традиции поливного (рельефного) и расписного (плоского) изразца (86). Сложно сказать, какие именно изразцы производились в Сергиевском посаде. В XVII в. местные мастера производили рельефные изразцы с хорошим четко исполненным рисунком (87). В одном документе среди печей в доме купца Прокофьева описывается «печь голанская изращатая желтых израсцов» (88). Желто-зеленые поливы были издавна знакомы московским мастерам. Скорее всего, в посаде продолжали пользоваться спросом нарядные изразцы с цветной поливой и рельефным рисунком, которые как своеобразный ковер покрывали все пространство зеркала печи.

Сохранился контракт 1801 г. на изготовление 16 комплектов изразцов для печей с фронтонами, двумя лежанками «со всяким надлежащим к ним карнизным, сухарным и прочим прибором». Этот договор был заключен между мещанином Василием Алексеев Боковым и помещиком из ближайшей округи капитаном П. И. Черкесовым (89). Цена варьировалась в зависимости от сложности каждого экземпляра продукции. Простые изразцы стоили по

30 руб. за тысячу штук, углы прямые в двух вариантах — в полтора и в три раза дороже, цоколи, элементы фронтона из дуг — в полтора раза, «сухари» — в три раза дороже. Контрактом предусматривались предварительный просмотр специально изготовленных образцов для этого заказа по 5 штук каждого сорта, срок выполнения и штрафные санкции. В задаток выдано 10 руб.

Активно развивались и другие ремесла. Имеются сведения, что в этот период обучались серебрянному, золото-сусальному, кукольному, свечному, ленточному, токарному и портному ремеслу (90). При этом, портному (цеховому виду ремесла) обучал мещанин Петр Гаврилов, а мастер портного цеха Михаил Никитин сын Жуков отдал сына в обучение кукольному мастерству. Парадоксальный факт — обучение ремеслам производили представители разных сословий, кроме цеховых ремесленников.

Совершенно особое место, с точки зрения исторической перспективы, занимала художественная обработка дерева. С древних времен поселение славилось своими мастерами, производившими красивую деревянную расписную посуду (91). В конце XVIII в. среди деревообработчиков были мастера токарного дела. Этот промысел требовал наличия токарного станка — инструмента гораздо более сложного и дорогого, чем набор традиционных резцов. Может быть, по этой причине среди мастеров выступают представители купеческого сословия. В 1801 г. купеческий сын Гаврила Петров сын Воронин взялся обучать купеческого сына Григорья Васильева сына Телицына «токарному деревянному и костяному мастерству, чему сам научен или есть мастер» (92). Следовательно, к этому времени купеческий сын Воронин не только владел этим ремеслом в достаточной степени и мог обучать других, но в его распоряжении были и другие знающий специалисты. Его заведение вполне можно назвать мастерской, где вместе с владельцем-мастером трудились ученик и другой мастер, работавшие в разных материалах — дереве и кости.

Конец XVIII в. — это время постепенного угасания посудного промысла, которое сменяется искусством резьбы и росписи в игрушке. Этот процесс прослеживается не только в Сергиевском посаде. А. К. Чекалов отмечает закономерность смены одного ремесла другим под влиянием изменяющихся требований рынка: «К игрушке как к последнему шансу выжить, как к единственному ходовому

товару обратились бывшие посудники, иконостасники, резчики пряничных досок» (93). Упомянутая ранее ведомость ратуши 1785 г., достаточно подробно перечисляя различные ремесла горожан, свидетельствует об изготовлении в посаде мелкой раскрашенной посуды, но не упоминает игрушечников (94). Связь посудного и игрушечного производства прослеживается в самом конце XVIII в. В 1797 г. житель Сергиевского посада крестьянин Петр Козмин Подмастерьев взял для выучки «раскрашивать посуду и прочия забавочные вещи, чему он сам искусство знает, мещанского сына Николая Хрустачева» (95). Обратим внимание на использованный термин для обозначения игрушек — забавочные вещи.

На рубеже XVIII–XIX вв. в Сергиевском посаде возникает принципиально новый ходовой товар, ставший позднее характерной особенностью местного производства. Современники называли его «куклами». Позднейшие исследователи на этом основании причислили их к детским игрушкам. В музейных коллекциях сохранились некоторые экземпляры начала XIX в. Это деревянные резные раскрашенные фигурки дам, офицеров, всадников («седочков») и другие. Иное мнение о назначении и роли этих вещей выразил В. М. Василенко: «Надо думать, что дошедшие от первой половины XIX в. деревянные фигурки были не игрушками, а своеобразными статуэтками». Он любил говорить о сергиевских барынях и гусарах как о «накомодных украшениях» и проводил параллель с существовавшей тогда модой на фарфоровую скульптуру (96). О. А. Соснина, исследуя описи имущества и убранства дворцов XVIII в., сделала следующее наблюдение. В это время термином «кукла» обозначались прежде всего фигурки из порцелина, бронзы, алебастра, гипса («лепные») или из воска («вощаные»). Документы с использованием этого термина обычно составлялись малоискушенными в литературной стилистике управляющими. «Слова *кукла, статуйка, штука* представляют терминологический ряд наиболее употребимый в XVIII столетии для обозначения мелкой пластики» (97).

Сохранилось предание о происхождении кукольного производства в Сергиевском посаде. Оно впервые приводится в статье И. П. Боголепова, затем воспроизведено в книге Г. Л. Дайн, диссертации Н. Н. Мамонтовой и других публикациях. Некий глухонемой Татыга вырезал из липы куклу высотой в 9 вершков (примерно

40 см) и отдал купцу Ерофееву за 7 гривен. Она была выставлена в лавке Ерофеева как украшение для лучшей торговли. Вскоре на нее нашелся покупатель, и тогда догадливый торговец сделал Татыге заказ на деревянные резные куклы. Татыга тоже понял, что дело выгодное и стал набирать учеников из посадских детей. Новое мастерство быстро переняли другие мастеровитые и предприимчивые жители. Н. Н. Мамонтова убедительно доказывает историчность персонажей этой легенды, по крайней мере, купца Ерофеева. Она идентифицирует его с личностью Алексея Егорова сына Ерофеева (1777–1850 гг.) — одного из крупнейших предпринимателей посада первой половины XIX в., владевшего Гостиными рядами на Красной горе — самом бойком торговом месте посада. Анализируя легенду, она приходит к убеждению, что в ней «акцентированы принципиальные моменты истории сергиевского промысла, а именно, что в основе дела была личная творческая изобретательность; что залогом развития дела стало личное предпринимательство; что важной особенностью ситуации была связь ремесла и торговли, так как за продажей куклы последовали новые заказы купца Ерофеева мастеру. В предании сообщается, что Татыга развивал свою деятельность, набирая учеников, — это указывает на реальную, значительную роль института ученичества в промысле. Как существенный эмоциональный момент в предании отмечено “открытие” Ерофеева, что кукла работы посадского мещанина может стать серьезным предметом выгодной торговли» (98).

Имеющиеся в нашем распоряжении договоры и контракты позволяют дополнить и старую легенду, и реконструкцию Н. Н. Мамонтовой.

Наиболее ранний из обнаруженных — контракт 1796 г. о поставке «разного мастерства штук» отставным канцеляристом Петром Сидоровым сыном Ленковым купеческому внуку Степану Афанасьеву сыну Тарбинскому (99). Петр Ленков — сын живописца Сидора (Исидора) Ленкова, бывшего штатным служителем Лавры. Об уровне живописного мастерства отца говорит тот факт, что в 1764 г. он был отправлен монастырскими властями в Петербург для копирования портрета наследника Павла Петровича, в 1786 г. им были написаны «два высочайших портрета» для местного священника Фадеева. Сидор Ленков руководил не только местными, но и мос-

ковскими живописцами во время поновления Троицкого собора Лавры в 1777 г. Представитель другой стороны — Степан Тарбинский — внук Дмитрия Семенова сына Тарбинского, бывшего ратманом в 1782–1785 гг. и бургомистром ратуши в 1795–1798 гг., владевшего в 1800 г. кирпичным заводом. Отец и дядя С. А. Тарбинского — Афанасий и Петр Дмитриевы дети Тарбинские занимались различной коммерческой деятельностью, в т. ч. шелковым промыслом и имели при доме фабрику, но к 1798 г. разорились. Сам Степан Тарбинский с середины 1790-х гг. ведет активную коммерческую деятельность. Его имя встречается в приходо-расходных книгах Троице-Сергиевой Лавры среди контрагентов. В числе продаваемых им товаров кирпич, свечи, скипидар, хрусталь, специи, краски, то есть всего понемножку. Суммы варьируются от 4р. 90 к. в 1795 г. до 397 и 548 р. в 1800 и 1803 гг. соответственно (100).

В контракте указывается ассортимент, закупочная цена каждого вида изделий, используемые краски («шевервенс, аглицкая желтая, киноварь, ярь виницейская, шижгиль немецкая, белилы») и лак, а также обязательство поставки необходимых для мастера материалов заказчиком. В числе оговоренных контрактом изделий имеются «кони разные с седоками» и «кони большие как то Александр Македонский» по цене 1 р. и 1 р. 50 к. соответственно. Обратим внимание, указанная цена не учитывает стоимость использованных материалов, а только труд мастера. Это закупочная, а не розничная цена, и она достаточно высокая. В это время пуд куличной муки стоил 1 р. 30 к., подрукавной — 1 р. 15 к., ржаной — 58 к. (101)

Обычно всадники и лошади для них изготовлялись разными мастерами. Точность и мастерство сборки были так высоки, что на качестве фигурки это не сказывалось. В данном случае из договора не следует, что для изготовления данного вида изделий привлекались другие люди. Сохранившиеся в музейных коллекциях всадники на конях, или используя местное название — «седочки», относятся к более позднему времени — к первой трети XIX в. Это дало основание соответственно датировать возможное время появление такого типа игрушек. Деревянные резные фигурки тщательно окрашены и покрыты лаком. Их высота варьируется. Она составляет у одних 19–21 см, у других — 36–45 см. Это вполне соответствует градации приведенного документа — кони и кони большие. Обращает на себя

внимание название больших всадников из контракта — Александр Македонский. Скорее всего, образ Александра Македонского навеян лубочными листами, популярными в народе, что свидетельствует о знакомстве мастера с этим видом изобразительного источника, об уровне культуры и производителя и потребителя одновременно. Позднее, после Отечественной войны 1812 г., обычно изображались гусары и казаки, ставшие символами мужества и удали в народной традиции. Таким образом, налицо трансформация типажей в сергиевской игрушке, а кроме того, восстановлен начальный этап формирования традиции. По мнению Н. Н. Мамонтовой, крупные фигурки всадников раннего периода отличаются особенно тщательной и искусной работой. Возможно, в окраске применялась яичная темпера, характерная для старинных ремесел посада (102). Сложно удержаться от соблазна идентифицировать неизвестного мастера с личностью Петра Ленкова, происходившего из семьи профессионального монастырского живописца.

Кроме этих фигур, договор предусматривал изготовление «конопе 1 сорта…, конопе 2 сорта…, конопе двойные» по не менее значительной цене — 1 р., 70 к. и 1 р. 50 к. соответственно. Канапе — это диван с приподнятым изголовьем, обитый мягкой материей или кожей, но, возможно, по терминологии местных мастеров это могло означать и что-то другое. Упоминаются и совсем загадочные «штуки одинакие большия и штуки второго сорта» по цене 35 и 30 к. и «прочие всякого звания штуки», цена на которые устанавливалась бы по рассмотрении каждого экземпляра «полюбовно». По мнению О. А. Сосниной, этот термин употреблялся для обозначения предметов декоративно-прикладного искусства, в частности фарфоровых фигурок и посудных форм (103).

Обратим внимание на следующий момент договора. Все перечисленные наименования являются названиями целых серий товара, производимого какими-то партиями, скорее всего небольшими. В каждом наименовании товара имеются градации по размеру и сорту. В зависимости от этих показателей варьируется закупочная цена. Следовательно, в это время в промысле уже существовала разработанность сюжетов в разных вариантах, которая не препятствовала дальнейшему творчеству мастера. К похожим выводам приходит Н. Н. Мамонтова, попытавшаяся определить хронологические рамки

сложения типов сергиевской резной пластики на основании изучения истории костюма. Это позволило ей утверждать, что «сергиевские мастера основывались на изобразительных источниках, относящихся ко времени не ранее середины 1790-х годов, а скорее к самому рубежу XVIII–XIX вв.» Кроме того, исследовательница отмечает еще одну особенность — «… бальное платье не нашло отражения в сергиевских фигурах. В них представлена, в основном, выездная, прогулочная одежда, причем в ней отразилось московское направление моды» (104). Последнее утверждение наводит на следующую мысль. Местные мастера имели возможность наблюдать приезжую чистую публику, говоря современным языком, в режиме реального времени. Эта публика, в основном московская, и не могла использовать в поездках иную одежду кроме прогулочной. Отсюда — отсутствие бальных нарядов в изображении одежды деревянных резных кукол.

Аналогичный товар — «разные штуки» обязался делать для этого же купеческого внука мещанин Павел Иванов сын Дрождин в 1802 г. (105). Причем контрактом оговаривалось место работы — «у Тарбинского в дому», срок — 1 год, сумма — 105 р. с пищей и одеждой. Причем часть суммы — 35 р. — Дрождин получил авансом для оплаты имевшегося на нем долга купцам Ерофееву (!) и Губину (!) (106). Обратим внимание на величину размера оплаты труда. В это время наем на годичный срок в кузнечную работу оценивался от 45 до 65 р.

Теперь об Алексее Ерофееве. Он был одним из сыновей Егора Павлова сына Ерофеева, бывшего дважды городским головой Сергиевского посада — в 1782–1786 и 1798–1799 гг. В 1798 г. Ерофеев-старший имел «при доме хлебный и на Красногорском рынке в лавке кукольным товаром торг», занимался ращением солода и его поставками. За поступок, недостойный звания городского головы и купца (избил палкой солдата) снят с должности и переведен в мещанство. После этого его сыновья вступают в купечество с условием, что их отец останется в мещанстве (107). В 1798 г. А. Е. Ерофеев, еще в качестве купецкого сына, заключает годичный контракт с мещанином Никитой Михайловым сыном Бурдуньиным на поставку «разного сорта кукол». Ассортимент, к сожалению, в документе не перечисляется, но определяет его заказчик по своему вкусу и

потребностям –«какие ему угодно», оговорены монопольные права заказчика «работать на одного Ерофеева». Оплата сдельная — «по цене какая именно штука стоит», но и она в документе не проставлена. При этом выдан аванс — 50 р. Через несколько лет, в 1802 г., А. Е. Ерофеев, уже в качестве самостоятельного купца, вновь заключает договор с тем же мастером, но уже на 2 года. Условия договора похожие, но происходит ужесточение монополии Ерофеева на реализацию произведенного Бурдуньиным товара. Неустойка за каждый проданный Бурдуньиным на сторону экземпляр составляет огромную сумму — 25 р., за нарушение двух годичного срока договора — 50 руб. При этом выдан аванс — 115 р. Так жестко свои права заказчики оговаривали далеко не всегда. В 1803 г. в договоре мещан Ракулина и Ананьина о поставке русских сапог сказано: «если будет оставаться лишние и он их не купит, то волен продавать кому хочу» (108). Следовательно, у купца Алексея Ерофеева не возникала мысль о затоваривании, тем более что он сам определял ассортимент производимых изделий. Реализация их в собственных лавках позволяла купцу быстро реагировать на изменение спроса и делать ставку на наиболее ходовой товар. Таким образом, и сохранившаяся легенда о первой кукле и купце Ерофееве и приведенный документ с участием реального А. Е. Ерофеева, подтверждают важную определяющую роль заказчика новых фигурок. Более того, Ерофеев делает все, чтобы интересующий его товар данного мастера не попал к другому продавцу и не составил ему конкуренции. Это свидетельство конкурентоспособности и высокого качества производимых Бурдуньиным фигур.

Рассмотрим еще один сохранившийся договор. Мещанин Игнатий сын Рощин в 1801 г. «нанялся в работники» к купцу Андрею Семенову сыну Оконнишникову сроком на 1 год ценою за 40 р., «работу ж производить ремесленную резьбу кукол, а в летнее время во отправлении синокоса… вспоможении без оговорочно, словом что приказано будет, всякую работу без малейшего отрицания» (109). Заметим, в приведенных ранее контрактах работа оценивалась либо сдельно, либо, как в случае с мещанином Дрождиным, в 2,5 раза выше. Дополнительные обязанности по оказанию помощи в ведении домашнего хозяйства вовсе отсутствовали. Следовательно, в данном случае, оценивалась не резная работа по производству

кукол вообще, а именно индивидуальный уровень мастерства, который мог быть различным у разных мастеров. Кроме того, возможно, и ассортимент изготавливаемых изделий отличался по сложности.

На рубеже XVIII–XIX вв. в Сергиевском посаде в ремесленных изделиях стали применять лепку. Начало производству лепной игрушки было положено, согласно преданию, штатным служителем Троице-Сергиева монастыря Чирковым. Он освоил производство кукол, воспользовавшись опытом монаха, занимавшегося скульптурными работами в обители (110). Н. Н. Мамонтова установила, что А. М. Чирков — реальное лицо, бывшее в составе штатных служителей в 1785 г. По всей видимости он обращался в своих опытах лепки к вязким материалам, которые в ту пору применялись для изготовления крестиков в монастыре — алебастру, гипсу, «мастике», а через них возможно и к бумажной массе (111). В пользу последнего материала говорит тот факт, что в 1812 г. в посаде выполняли «лепную кукольную бумажную работу» (112). «Мастикой» называли особый состав из мучной пыли, бумаги, мела и клея (113).

В это время в Лавре не только занимались лепными работами, но и обучали им посадских детей. В 1799 г. штатный служитель Петр Чумаков взялся обучать лепному мастерству сына местной крестьянки Варвары Григорьевой. Однако к этому времени лаврские служители не были монопольными владельцами навыков лепного производства. Уже упоминавшийся крестьянин Петр Подмастерьев годом ранее зафиксировал в ратуше договор о выучке «лепному кукольному» мастерству сына мещанской вдовы Мавры Барановой Максима (114).

Технология производства лепных изделий из бумажной массы следующая. Имеющуюся модель — «болвашку» — оклеивали в несколько слоев бумагой. Просушенный слой бумаги надрезался и снимался с «болвашки». Снятые половинки вновь склеивали, шкурили, окрашивали грунтовкой, расписывали и, наконец, покрывали лаком. При таком способе лепки процесс изготовления был простым, быстрым и дешевым. Он сосредоточивался в руках одного мастера и результат зависел полностью от его искусства. При этом процесс лепки — механический, не требующий особых художественных способностей. Творчество проявляется во время отделки товара — росписи изготовленного полуфабриката. Напомним, кре-

стьянин Подмастерьев владел техникой росписи. В приведенном ранее договоре 1797 г. он брался обучить ремеслу «расписывать посуду и прочая забавочные вещи» (115). Видимо аналогичным производством — лепной расписной игрушкой — занимался местный житель Ильинского прихода крестьянин Иван Алексеев сын Шкунов. В 1800 г. он взялся обучить «раскрашиванию куколного мастерства» сына портного цехового мастера Алексея Жукова (116). Кстати, в тексте договора нет упоминания об обучении технике лепки игрушки, речь идет только о росписи. Это может означать что, либо обучение лепке подразумевалось само собой, либо началось разделение труда в производстве, когда одни мастера делали заготовки, а другие расписывали их. И то, и другое вероятно. Как было замечено Н. Н. Мамонтовой «обучение молодых мастеров было подчинено производственным нуждам мастерских» (117). Обучение навыкам одной только росписи было оправдано при условии существования мастерских, где требовались мастера более узкой специализации, благодаря чему можно было организовывать поточное производство с большой производительностью труда.

Особую роль в производстве лепной игрушки играет деревянная резная «болвашка». Это первооснова изделия, модель для последующего повторения в другом материале. «Болвашки» делали наиболее квалифицированные мастера, лучшие резчики по специальным заказам. Стоили они дорого, и, как правило, мастера долго пользовались ими, смена ассортимента происходила не часто. При этом конечный продукт стоил дешево и был весьма доступен различным слоям населения. В собрании Государственного Русского музея сохранились четыре «болвашки», в том числе две из них приписывают одному из мастеров кон. XVIII в. — «Фигурке» (Фигуркину) (118).

Итак, производство деревянных резных и лепных кукол в Сергиевском посаде существовало уже в конце XVIII в. Промысел охватывал представителей разных сословий посада. Непосредственно изготовлением кукол занимались и мещане, и крестьяне, и разночинцы, и штатные служители. Перспективность этого промысла осознавалась жителями разных сословий, которые отдавали своих детей для обучения разнообразным приемам работы и изготовления кукол. Показательно, что в этом виде производства получил разви-

тие такой принцип цехового ремесла как ученичество, который, как ни парадоксально, в цеховом ремесле Сергиевского посада вовсе отсутствовал. Видимо, эти примеры свидетельствуют и о существовании первых мастерских, в которых наряду с мастерами работали их ученики. Игрушечный промысел предоставлял более широкие возможности для личного, сравнительно независимого предпринимательства, важного для городских жителей. Таким образом, уже в конце XVIII века кукольным промыслом занимались представители разных сословий посада. Купечество также входило в их число, т. к. производство и реализация товара были связаны между собой на разных этапах. Некоторые купцы определяли ассортимент и обеспечивали мастеров необходимыми материалами. Другие организовывали производство в своих собственных домах, что можно рассматривать как мастерские с использованием наемной рабочей силы. И, конечно, готовая продукция реализовывалась ими в собственных и наемных лавках. Среди торговцев кукольным товаром, кроме упоминавшихся ранее, были Василий Герасимов сын Дудин, Иван Семенов сын Матвеевский (119). Следовательно к этому времени промысел не только возник, но успел завоевать прочные позиции. Высокий уровень мастерства объясняется многовековым опытом обработки дерева и творческой изобретательностью. По оценке специалистов, в изделиях раннего периода сконцентрированы высшие художественные достижения. Именно конкурентоспособность товара способствовала с одной стороны, привлечению стольких людей в промысел, с другой стороны, стремлению отдельных лиц сохранить и закрепить за собой монополию на выгодный товар. Промысел активно развивался. Кроме деревянных резных кукол, требующих большого мастерства от изготовителя, и по этой причине дорогих и не для всех доступных, в посаде производились дешевые аналоги — лепные расписные игрушки, дававшие возможность изготовлять одно изделие за другим по одной модели, серийно и массово.

В Сергиевском посаде уже к 1782 г. существовали мелкие промышленные предприятия, среди которых были некоторые, использовавшие наемный труд. Это положение было зафиксировано составителями различных описаний Московской губернии. В книге А. И. Аксенова имеются сведения о существовании в Сергиевском

посаде «6 шелковых, 2 суконных, 2 бумажных, 3 ситцевых, 3 полотняных, 1 сахарная фабрика; 1 медный, 2 пороховых завода; 4 суконовальных и 1 крупчатая мельница» (120). К сожалению, приведенные сведения другими, имеющимися в распоряжении исследователя источниками, не подтверждаются. Более того, «Описание Московской губернии» 1781 г. перечисляет все эти заведения, но в составе всего Богородского уезда. Из этого количества в поселении вокруг Лавры значились только две полотняных фабрики и два купоросных завода на восьми колодах (121). Ведомость ратуши 1785 г. перечисляет следующие промышленные заведения: кирпичные заводы, фабрики «для мотания забираемого от московских купцов шелку сырцу… да сверх того… посторонних людей фабрики для мотания шелку сырцу 4, для делания из меди купороса 3, да полотняная тканием тику, ревендуку и протчего одна» (122). К 1796–1797 гг. согласно приведенному И. В. Мешалиным списку текстильных предприятий в Сергиевском посаде было 6 купеческих заведений (4 шелковых и 2 полотняных) (123).

Из них одна — полотняная — это существовавшая с 1779 г. фабрика московского мещанина Василия Волостного (124). Топографическое описание 1800 г. сообщает, что производство велось в собственном доме хозяина на 16 станах и в год производилось продукции на 1050 р. (125) Организовать такое производство без привлечения рабочих было невозможно. Для этих целей Волостнов приобрел по верющим письмам на имя своего брата господина порутчика Николая Васильева сына Советникова дворовых людей (126), которые проживали при фабрике в Сергиевском посаде. Кстати, мещанин Волостнов в 1791 г. приобрел в Сергиевском посаде 4 участка огородной земли на общую сумму в 18 р. (127) Скорее всего, эти приобретения были напрямую связаны с функционированием фабрики, т. к. давали возможность содержать работников за счет подсобного хозяйства — огородов.

Важной отраслью шелкового производства является шелкомотание. Чистота, блеск, упругость, однородность и другие качества шелковой нити определяются размоткой коконов. Для этого коконы бросают в горячую воду, где растворяется клейкое вещество, скрепляющее нити между собой. После этого шелковые нити возможно отделить друг от друга и размотать в мотки на мотовиле. Первосте-

пенное значение имеют сортировка коконов, запаривание их, качество и температура воды, в которой производится размотка, сушка нити и прочие работы. В заведениях кустарного типа температура воды часто не соответствовала требованиям, очистка вод почти не практиковалась и размотка шелка велась в жесткой воде, сообщавшей жесткость самому шелку. Получаемая таким способом нить была грубой, неровной, толстой и шишковатой. Именно она, по мнению К. А. Пажитнова, и называлась шелком-сырцом. К тому же, он утверждает, что в XVIII в. обработка коконов на мануфактурах не производилась, а пользовались привозным шелком-сырцом (128).

Следующей операцией была перемотка нитей из мотка на катушки с последующим кручением и трощением (соединением в одну нескольких нитей). В этом производстве использовался простейший инструмент для «навивания» шелка. В документах часто упоминается его название — «карась» («на карасе») (129).

Крупные московские мануфактуристы организовывали подготовительные работы — сортировку, кручение и трощение не внутри промышленного здания, а на стороне. В 1773 г. в поселении около Троице-Сергиевой лавры разматывали шелк для фабрики дворянина Лазарева. Позднее, в 1797 г. в документах ратуши вновь упоминается фабрика дворянина Ивана Лазарева. Дворяне Лазаревы занимались шелковыми мануфактурами с начала XVIII в. В 1804 г. их фабрика в селе Фрянове Богородского уезда была признана наиболее заслуживающей внимания (130).

Не позднее 1773 г. проявил свой интерес к потенциальным возможностям поселения московский купец и мануфактурист Панкрат Васильев сын Колосов. Он приобрел у Троице-Сергиевой лавры за 80 рублей состоявший на житенном дворе монастыря пустующий амбар (131). В документах не сказано, с какой целью сделана эта покупка и какова ее дальнейшая судьба. В 1786 г. в Сергиевском посаде функционировала шелковая мануфактура московского купца Ивана Колосова (132). Это известная в шелковом производстве XVIII в. фамилия. Первая мануфактура московского купца Колосова возникла в Москве в начале XVIII века. В 80–е гг. XVIII в. в Москве продолжали действовать шелковые производства Василия и Ивана Панкратьевых Колосовых. На них вырабатывали парчу, штоф, саржу, платки, производили окрашивание шелка (133). В Сергиев-

ском посаде мануфактура помещалась в его собственном доме и функционировала под руководством приказчика купца Попова. В доме хранили шелк-сырец и шелк крашеный. Текстильных изделий из шелка в доме не зафиксировано. Скорее всего, это было производство по размотке и окраске шелка, которые были необходимы для функционирования московских заведений. Возможно, в организации мануфактуры сочетались раздача шелка на размотку разным людям и централизованное окрашивание размотанного шелка в собственном помещении. К 1797 г. это заведение перестало функционировать. Реестр из обывательской книги указывает, что у московского купца Ивана Колосова дом в Нижней слободе был «бес промысла» (134).

Кроме иногородних купцов, местные жители также занимались «содержанием в домах фабрик для мотания забираемого от московских купцов шелку сырцу» (135). Разматывание шелка на карасе было распространенным в Сергиевском посаде занятием. В 1789 г. московский купец Егор Петров сын Фомин заявил, что он «из давных лет те шолки в здешний посад купцам и мещанам раздает и приложил при том подписанное ими свидетельство». Среди московских поставщиков встречаются несколько фамилий: купцы Матвей Козмин, Ермолай Гусев, Савва Иванов, Иван Крюков, а также капитан Абрам Алабов (136). Метрические книги Введенского прихода зафиксировали, что в 1782 г. восприемником при крещении дочери дьячка Стефана Иванова был «находящийся при оной Лавре для размотки шелку Московской купец Петр Иванов Шелковников» (137).

Среди сортов шелка назывались турецкий, кизлярский и «долгий невареный». Упоминание «долгого невареного» шелка позволяет сделать предположение, что в данном случае имели место поставки не только шелка-сырца, но и коконов. Шелк выдавался посредникам различными партиями на вес. Обычно, кроме веса, указывалась и цена взятого товара. Московский купец Фомин выдал купцу из посада Григорию Сергееву сыну Полыньину партию в 2 пуда 29 фунтов 20 золотников на сумму 600 р. Возможно, такая партия объясняется давними партнерскими связями, тем более, что у Фомина брал шелк еще отец Григория Полыньина — Сергей Леонтьев. Другие упоминаемые в документах партии шелка скром-

нее:1 пуд на 250 р., 23 фунта 13 золотников на сумму 115 р. 60 к. Исключительной является партия шелка на сумму в 1236 р., забранная купеческими детьми Афанасием и Петром Тарбинскими у капитана Абрама Алабова (138). В данном случае неясно, был ли это шелк-сырец, который необходимо было размотать, или это был уже готовый для ткачества шелк, т. к. Тарбинские содержали шелковую фабрику для делания лент.

В качестве посредников, получающих шелк у московских купцов и раздающих его на размотку местным жительницам, выступали купцы и мещане посада. Это уже упоминавшиеся купцы отец и сын Сергей и Григорий Полыньины, Петр Селецкий, Константин Латкин, Яким Суслов, Иван Баранов, Петр и Василий Ремезовы, Петр Килин, Михаил Телегин, мещане Дмитрий Деревщиков, Дмитрий Степанов, Федор Морозов, Сергей Толстухин. Кроме местных жителей, занимались размоткою шелка на карасе проживающие в посаде в собственных домах московский мещанин Иван Сергеев и крестьянин деревни Матренки Аника Иванов. Из документа не ясно, занимались ли они собственно размоткой шелка или были посредниками, так как обычно шелк разматывали женщины. Посредники не только раздавали шелк на размотку разным людям, но и сами могли набирать его разными партиями у разных московских поставщиков. У мещанина Дмитрия Деревщикова было около 3 пудов шелку, взятого у разных хозяев, в том числе и партия в 23 фунта 13 золотников, полученная у московского купца Ермолая Гусева (139).

Посредники раздавали шелк на размотку маленькими порциями представительницам разных сословий посада: крестьянкам, мещанкам, женам штатных служителей. Мещанин Сергей Толстухин выдал крестьянской вдове Наталье Ивановой 1,5 фунта с осьмухою шелка. При этом женщины могли одновременно набирать шелк для размотки у нескольких посредников. Упомянутая крестьянская вдова Наталья Иванова в доме имела одновременно шелк от троих, как минимум, посредников — от Толстухина, Василия Ремезова и Михаила Телегина. Это приводило к путанице, разбирать которую приходилось в судебном порядке (140).

Неизвестно, сколько получали непосредственные работницы за размотку шелка, но посредники получали по 30 или 36 р. за пуд. Разница в цене объясняется сортом шелка, более тонкий стоил до-

роже, «в разсуждение того, что оной размотывать мешкотнее». Упоминается и другая цена — 70 к. за 1 фунт (141).

Необходимо учесть еще один технологический момент. Из 1 пуда шелка-сырца в результате размотки получается только 29 фунтов размотанного шелка. Следовательно, выдавая и принимая шелк, необходимо было не только точно сверять вес, но делать необходимые поправки в изменении веса. Математические вычисления в цифрах с дробями производились на счетах, при этом не все купцы знали грамоту и могли вести свои торговые книги. Нередко посредники уличали своих размотчиц в недоносе шелка по весу. В 1789 г. в этом обвинялись мещанки Анна Крашенинникова, Вера Васильева и Марфа Зверева (142).

Таким образом, для успешного ведения дел, посредники должны были вести очень точный учет поставок, раздачи и приема шелка. Только точно поставленная бухгалтерия позволяла не запутаться в таком деле. К тому же, в случае возникновения конфликтов, доказательством могла служить не просто книга с какими-то записями о шелке, а только заполненная с соблюдением определенных правил, т. е. содержать сведения только за один год, иметь пронумерованные и подписанные листы, разграфленные страницы и т. д. Другим условием было наличие у всех участников правового сознания, без которого не возможны честные сделки. К сожалению, такое сознание было не у всех. Мещанка Вера Васильева заложила взятый на размотку шелк, хотя он не являлся ее собственным имуществом. Купец Василий Ремезов самовольно, минуя процедуру взыскания через официальные органы, забрал шелк в доме крестьянки Натальи Ивановой. Не брезговали скупать краденый шелк купец Алексей Ремезов, жена штатного служителя Анна Матвеева и крестьянка Авдотья Григорьева (143).

Могли подвести посредника и московские поставщики. Мещанин Дмитрий Деревщиков получил шелк-сырец от московского купца по весу и именно вес шелка был указан в выданной им расписке. Дом Деревщикова во время отлучки ночью обокрали. Возвратить взятый шелк натурой он уже не мог, могла произойти только денежная компенсация. Московский купец, воспользовавшись ситуацией, завысил цену на 15 р. (144)

Все многообразные запутанные и конфликтные ситуации, говорят о том, что промысел размотки шелка в Сергиевском посаде существовал давно и успешно, а отдельные неудачи не отталкивали остальных.

Следствием установившейся культуры работы с шелком стало существование в посаде квалифицированных мастеров, способных работать на шелкоткацких фабриках. Уже в 1773 г. клементьевскими крестьянами были получены из Мануфактур-Коллегии: 1 билет на 4 стана для производства шелковых изделий (Афанасий Алексеев), 1 билет на 3 стана для производства позументов (Алексей Манин) и 1 билет на 1 стан для производства шерстяных тканей (Иван Сергеев). Некоторые жители Клементьева в 1773–1774 гг. получали билеты для устройства своих заведений в других поселениях в наемных и собственных домах (бобыли Герасим и Петр Никифоровы, Иван Сергеев, Мавра Ерофеева) (145). Шелковые платки и позументы ткали в Сергиевском посаде по домам и в 1785 г. (146) В 1786 г. мещанин Прохор Хрустачев, имея «лентошное мастерство», пытался перейти в московский цех. Через 10 лет, в 1796 г., мещанская девка Марья Офремова объявила, что имеет в Москве шелковую фабрику по тканью лент в собственном доме. Находились в пятилетнем обучении «лентошному мастерству» мещанки Уханова и Семенова. Производству шелковых материй в 1793 г. обучался мещанин Герасим Кривошеин. Купеческий сын Никита Супичев подрядился на шелковое производство на 1 год за 34 р. (147)

Обратим внимание на конечный продукт упоминаемого производства — ленты. По мнению И. В. Мешалина, «первые русские шелкоткацкие мануфактуры занялись производством наиболее простых изделий — шелковых лент, спрос на которые усиленно предъявлялся как со стороны населения городов, так и деревень. В ткачестве лент как станы, так и самый процесс производства были весьма несложны. Поэтому крестьяне, приходившие в Москву на шелкоткацкие мануфактуры, очень скоро обучались ткачеству лент и становились квалифицированными рабочими-ткачами» (148).

В самом Сергиевском посаде было несколько шелкоткацких фабрик, принадлежавших местным и иногородним жителям. Самая крупная и успешная из известных по документам — это фабрика московского купца Ивана Андреева сына Жирнова. Она находилась

на Ильинской улице, в отдельном помещении. Производство велось под руководством приказчика. В 1782 г. это был Иван Антипов (149). Существование фабрики отмечено и в 1797 и в 1800 гг. В 1800 г. техническое оснащение фабрики составляли 11 станов, позволявшие вырабатывать платки разного размера. Объем производства составлял 500 руб. в год, продукция поступала на реализацию в Москву. Видимо, владелец практиковал и раздачу шелка на размотку. Мещанин Василий Андреев Естифеев в разные годы набрал его на сумму в 325 руб. Книги записи условий и контрактов за 1804 г. зафиксировали два договора местных жителей с купцами Иваном и Петром Жирновыми о размотке шелка (150). Кстати, в Москве в 80–е годы XVIII в. успешно функционировала крупная мануфактура на 100 станах купца Андрея Андрианова Жирнова (151). Скорее всего, имевшаяся в Сергиевском посаде фабрика Ивана Жирнова была связана с аналогичной московской фабрикой этой семьи и помогала решать проблемы снижения себестоимости продукции и повышения ее конкурентоспособности за счет более дешевой рабочей силы.

Шелковой фабрикой меньшего размера владел мещанин Сергиевского посада Иван Хрустачев. В его распоряжении было только 2 стана по производству платков одного размера. Объем производства был достаточно велик — 300 р. в год. Сравним, у Жирнова на 11 станах вырабатывали в год платков на 500 р., т. е. в среднем производительность 1 стана — 45 р. 45 к. в год. У Хрустачева — 150 р. в год, или выше более чем в 3 раза. Фабрика Хрустачева была непосредственно связана партнерскими отношениями с располагавшейся в Дмитровском уезде шелковой фабрикой московского купца Ивана Яковлева Калугина. Именно оттуда поступало сырье и туда же отправлялась готовая продукция (152).

Кроме этих фабрик, в Сергиевском посаде существовали еще шелковые фабрики местного купца Андрея Антипова с наемным работником, а также фабрика по производству лент в доме купца Дмитрия Тарбинского (153). Сколько времени существовали эти фабрики неизвестно. Топографическое описание 1800 г. их не упоминает. Сведений о продукции фабрики Андрея Антипина нет. Скорее всего, это был обычный набор шелковых изделий небольшой

фабрики — ленты, платки, бахрома, тесьма или что-то одно из перечисленного несложного ассортимента.

Фабрика, расположенная в доме купца Дмитрия Тарбинского, принадлежала его взрослым, неотделенным сыновьям Афанасию и Петру. Первоначально отец оказывал материальную поддержку предприятию детей и вложил в нее 6000 руб. Но увидев, что производство не приносит ожидаемой прибыли, возможно, даже не окупает сделанных затрат, перестал участвовать в ее финансировании и не давал детям своего официального письменного разрешения на ведение этого рискованного с финансовой точки зрения, производства. Напомним, это происходило в посаде, где жили люди, имевшие навыки в обращении с шелком. К тому же, конъюнктура в посаде была весьма благоприятна для ткацкого производства, что было отмечено московским мещанином, организатором полотняного производства В. Волостновым. Однако Афанасий и Петр Тарбинские попали в ситуацию чудовищного банкротства. В 1796 г. с них взыскивалась астрономическая сумма в 15 429 р. 41 к., из которых только за взятый шелк 1236 р. Как объяснить такой провал? Недостатком коммерческого чутья, которым обладал их отец? Мотовством и амбициозностью, свойственным иногда купеческим сыновьям? Стихийным бедствием? Или, может быть, отсутствием должных профессиональных, в том числе и бухгалтерских знаний? Сами себя братья Тарбинские характеризовали так: «В торговле они не есть обманщики, потому что на несколько тысяч представили плаченных ими разным людям не доводя даже до протеста, а в срок векселей». Причину экономического краха они видели в стихийном бедствии — весной 1791 г. у них утонула барка с товаром на реке Нерль (154).

Подтверждением факта недостаточных бухгалтерских знаний у представителей купечества Сергиевского посада служит экспертиза ратушей книги купца Полыньина. Поводом для этого послужил иск за взятый на размотку и невозвращенный шелк. Приведем этот пространный фрагмент оценки купеческой книги полностью. «Явилась та книга совсем безпорядочною и такою, которую доказательством оному, якобы от того Полыньина купцом Фоминым сработанного шелку принятию, поставить было бы совсем противно узаконению. Для того, что в той книге все листы имеются не перемеченными и на каждом из оных для верности написанием им Полыньиным своего

имени не скреплено. Также и не одного та книга году, но многих. Да и записываемо в оной не одно обстоятельство, то есть бы, один прием в работу от разных людей шелку или отдача того шелку в размотку на катушки или уже один же отпуск к хозяевам сработанного шелку. Но значатся писанными в ней обстоятельствы разные, и не только чтобы уже, по крайней мере, касалось до производимого им Полыньиным шелкового промыслу, но даже вмешен записыванием в той же одной книге и домашней расход денег, и покупка для дому разных съестных припасов, и питей, и платья, также и отдача работникам за заработанныя дни денег. При всем том и не на всех в той книге листах имеются графы, но на многих писано без всякаго разграфования и многия написанныя в той книге строки, имяна и в графах цифирныя отметки вычеркнуты. Да и немало ж встречается того, что на одной странице между чернением значится прием от хозяев и отпуск к оным шелку. В трех же по той книге местах значутся вырезанными многия листы, почему никак не можно чтоб ту книгу не щитать за черную так как в оной на 9–м и 10–м от начала листах и партикулярное вчерне от имени Полыньина х какому то Дмитрию Кирилову писмо имеется написанным. На 26, 27 и 29 листах где однако ж найдено, что 1789 год писан прежде 1788–го и на 29 листу два отпуска к тому Фомину шелку явствует без года, месяца и числа, но токмо оная в книге записка. За вышеписанными открывшимися по оной безпорядками так что книга та не иначе почтена быть может, как толко за черную и писанною для одного домашнего памятования» (155). Эта путаница в записях как нельзя лучше демонстрирует низкий уровень бухгалтерской практики у конкретных купцов, а оценка ратуши свидетельствует об общей осведомленности купечества о правилах ведения торговых книг.

Подводя итог, можно сказать, что Сергиевский посад являлся одним из центров активного освоения шелкового производства в различных вариантах — шелкомотального, шелкоткацкого и ленточного. Среди добившихся успеха были как иногородние, так и местные жители.

Значительных успехов достигло местное купечество в организации солодовенного производства. Солод в больших количествах отправлялся как в ближайшие «окрожные посада города», так и в отдаленный Санкт-Петербург (156). Весь производственный процесс

изготовления солода делился на четыре операции. В специальном помещении зерно проращивали, затем сушили, перемалывали в муку на мельнице, и наконец, замачивали. По этой причине солодовенный завод состоял из нескольких помещений — солодовни для «рощения» солода из зерна, овина, где это зерно просушивали и мельницы с жерновами. Овины обычно располагали отдельно от жилья, т. к. они были источником пожарной опасности. Это можно наблюдать на плане посада 1800 г. Здесь обозначены специальные места для расположения пожароопасных производств — кузниц, пивоварен, солодовен (157). К 1800 г. в посаде было 4 солодовенных завода, причем все их владельцы были купцами Сергиевского посада: Никита Солодовников, Савва Лукин Прокофьев, Иван Григорьев Садовников и Сергей Леонтьев Полыньин. Самым крупным по объему производства был завод С. Л. Прокофьева — там ежегодно выращивалось до 1500 четвертей солода. 1000 четвертей солода выращивалось на заводе С. Л. Полыньина, 500 четвертей — на заводе Н. Солодовникова и 300 четвертей на заводе И. Г. Садовникова. Сырье для производства — зерно, покупалось в посаде или в ближайших местах (158).

Наиболее процветающим был, вероятно, солодовенный завод Саввы Лукина Прокофьева. Подтверждением служат два сохранившихся подряда — за 1796 и 1803 гг. В 1796 г. он обязался поставить более 500 четвертей солода двух сортов и 240 пудов муки пшеничной на пивоварни уполномоченному питейных сборов поверенному Василию Изергину на общую сумму свыше 2000 р. Контракт 1803 г. предусматривал поставку более 600 четвертей солода и не ограниченное количество муки для пивоварни дмитровских содержателей питейных сборов (159).

Одним из наиболее старых являлся завод Сергея Леонтьева Полыньина. Это предприятие было унаследовано от отца — Леонтия Васильева Полыньина и располагалось при собственном деревянном доме «в улице называемой Болото». В 1787 г. за поставленный им в Переславль солод было получено 1100 р. — сумма значительная. Кроме солода, в заведении Полыньина занимались изготовлением крахмала. В 1791 г. Леонтий Полыньин растил солод по заказу купца Василия Сергеева Прокофьева. Кстати в 1798 г. зафиксирован вексель, полученный купцом В.С.Прокофьевым от московского купца

Василия Иванова Прохорова (основателя Трехгорной мануфактуры) на сумму 600 рублей за проданный солод (160).

Завод Никиты Солодовникова в 1800 г. занимал третье место по объему производства. Видимо, это было одно из давних заведений владельца. Во всяком случае, среди торговцев, продававших Троице-Сергиевой Лавре солодовенный товар (солод ячный, пшеничный, ржаной, хмель и мука) были купцы Петр Никитин Солодовников и Никита Михайлов Солодовников (сын и отец). За период с 1786 по 1794 г. они поставили солода на общую сумму свыше 865 р. (см. табл. 18 «Объем поставок солодовенного товара в Лавру местными купцами»).

Вполне возможно, что кроме 4-х солодовенных заводов, указанных в топографическом описании 1800 г., существовали и другие. На это указывают сохранившиеся подряды на поставку значительных партий солода другими купцами: Егором Павловым Ерофеевым, Иваном Егоровым Ерофеевым (отцом и сыном) и Петром Петровым Медведевым (161). Купец Петр Медведев в конце 90-х гг. XVIII в. поставлял солод также и в Лавру. Но документально точных указаний на существование этих заводов пока не обнаружено.

Топографическое описание 1800 г. зафиксировало еще 2 предприятия: завод по производству медной проволоки и кирпичный. Медный завод был построен в 1790 г. при доме купца Никиты Солодовникова. Это предприятие силами наемных рабочих выпускало в год до 150 пудов медной проволоки, которая отправлялась на реализацию в Москву. Выписка из обывательской книги за 1793 г. зафиксировала два кирпичных завода этого хозяина — один на улице Подпаниной, другой — на Дмитровке. К началу XIX в. один из них продолжал оставаться в его владении. Кирпичный завод принадлежал купцу Дмитрию Тарбинскому. Выпускаемую продукцию до 50 000 шт. кирпичей обычно продавали в посаде (162).

В Сергиевском посаде длительное время существовала купоросная фабрика. В 1785 г. она принадлежала анонимному иногороднему жителю. Существование этого предприятия в черте поселения приводило к тяжелым экологическим последствиям. Красноречивое описание привел в донесении гр. Брюс: «…есть в самом городе купоросный завод по привилегиям данным от Мануфактур-Коллегии, от которого жители претерпевают в разсуждении здоровья великий

вред, потому что дым из тех варниц быв едовитой, делающийся из медной ржавы, падает даже на огородный их овощ. А они самой тот воздух глотают и тот овощ едят. Ядовитость сего дыма тем неоспоримо доказывается, что даже в домах их металл и серебро чернеет, да и позолоченье в монастыре глав почернит…». В 1790 г. проживавший в посаде местный житель, ставший московским купцом, Егор Иванов Бурдуньин построил деревянное здание купоросной фабрики на арендованной земле за пределами посада. Среди наемных работников значились приказчик и рабочие из числа экономических крестьян разных территорий. Эта фабрика продолжала функционировать и спустя 10 лет после основания — в 1800 г., но владельцем значился уже купец Иван Савельев Трегубов, получивший ее за долги от Е. И. Бурдуньина (163). В 1797 году выпиской из обывательской книги зафиксировано наличие в посаде белильной фабрики московского купца Алексея Емельянова (164).

Кроме частновладельческих заводов, существовали 2 кирпичных завода, принадлежавших Лавре. О них говорилось ранее. Здесь же напомним, что продукция этих предприятий шла полностью на нужды монастыря и являлась частью натурального хозяйства Лавры.

Вовлечение купечества в сферу производства было вполне закономерным и происходило в масштабах всей страны. «С развитием торговли, укреплением всероссийского рынка и падением купеческой монополии разница между ценой купли и продажи падала. В этих условиях купец мог увеличить прибыль только снижением стоимости товара, но для этого он должен был заняться производством… Заняться процессом производства не всегда означало для купца обязательную постройку собственного завода или фабрики. Он мог влиять на производство товара и снижать его стоимость путем раздачи сырья на дом, организацией сбыта и т. д… превращаясь из простого купца в так называемого раздатчика» (165). История Сергиевского посада иллюстрирует этапы вовлечения купечества в производственную сферу в XVIII столетии.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что мелкотоварное производство Сергиевского посада включало в себя ремесленное и промышленное производство. Ремесленное производство было значительно шире цехового ремесла. Это работа цеховых, штатных

служителей монастыря, жителей других сословий, поселившихся здесь иногородних жителей. Ремесленное производство было достаточно разнообразным, оно обслуживало потребности монастыря, местных жителей и богомольцев. На основе старых традиций возникло и успешно развивалось новое направление — производство кукол, что, в свою очередь, способствовало развитию экономики города. Ремесленное производство давало возможность для личного, сравнительно независимого предпринимательства, что было важно для жителей городского поселения. Имелись в посаде мелкотоварные предприятия, производившие различную продукцию с использованием наемных работников. Некоторые предприятия посада были связаны партнерскими отношениями с московскими фабрикантами. Наиболее тесные связи прослеживаются в организации шелкомотального и шелкоткацкого производства. Их продукция являлась сырьем для шелковой промышленности вне посада и на местном рынке она не появлялась. По этой причине шелковое и шелкомотальное производство оставалось как-бы «невидимым» для многочисленных посетителей посада. Их внимание акцентировалось на изделиях местных ремесленников, которыми был насыщен местный рынок. Наиболее заметным на нем стал, со временем, кукольный товар. Многие владельцы мастерских и промышленных предприятий относились к верхушке местного купечества, занимали выборные должности в ратуше, вели оптовую и розничную торговлю, другими словами активно влияли на хозяйственную жизнь Сергиевского посада.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГАДА. Ф.16. Д.575. Л.89 об.
2. Щепетильные товары — иголки, нитки, булавки, наперстки, пуговицы, бисер, туалетные принадлежности и т. д.
3. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.418. Л.93; Д.427. Л.163.; Д.430. Л.321 об.; Д.433. Л.13, 18; Д.435. Л.185 об; Д.447. Л.89.
4. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1172.
5. РГВИА. Ф. ВУА. Д.18862. Л.236 об.
6. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.2696. Л.15 об.
7. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.423. Л.108 об.; Д.466. Л.22–23.
8. Там же. Ф.16. Оп.1. Д.524. Л.13 об.
9. Мои записки во время поездки в Ростов 1804 года. — Тверь, 1814. С.75.
10. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.444. Л.102–103.
11. Мои записки… С.22–23.

12. *Ястребицкая А.Л.* Западная Европа XI–XIII веков. Эпоха. Быт. Костюм. — М., 1978. С.22.

13. Краткое историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы Лавры с приложением знатных произшествий случившихся в оной. — М., 1796. С.40.

14. ЦИАМ. Ф.45. Оп.1. Д.311. Л.32 об.

15. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.440. Л.383; Д. 450. Л. 17, 17 об.

16. Там же. Д.444. Л.129.

17. Там же. Д.441. Л.7 об.

18. Там же. Д.446. Л.8.

19. Там же. Д.452. Л.1об., 2.

20. Там же. Оп.2. Д.17. Л.26 об. — 27.

21. Там же. Д.21. Л.1.

22. Там же. Д.17. Л.1.

23. Там же. Оп.1. Д.459. Л.6.

24. Там же. Оп.2. Д.4. Л.10 об. — 11.

25. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1713. Л.4, 4 об.; Д.1208. Л.12–14.

26. Там же. Д.1611. Л.2–4; ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.435. Л.41.

27. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.422. Л.21.

28. Там же. Д.430. Л.403; Д.444. Л.127 об.,128; Д.457. Л.11–11 об.

29. Там же. Д.428, Л.199; Д.457. Л.11; Д.434. Л.3–5; Д.443. Л.4–12.

30. Там же. Д.444. Л.129 об. — 130; Д.457. Л.12.

31. *Бойко В.П.* Томское купечество конца XVIII — XIX веков. Из истории формирования сибирской буржуазии. — Томск, 1996. С.44.

32. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.429. Л.70–71.

33. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1715. Л.6–6 об.; *Голубинский Е.* Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. — М.,1909. С.320.

34. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1692. Л.3.

35. Там же. Д.1379. Л.3; Д.1611. Л.2; Д.1713. Л.4.

36. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.413. Л.192 об. — 193; Д. 429. Л. 150; Д.458. Л.298–298 об., 325 об.

37. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1093. Л.1; Д.2004. Л.1.

38. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1 Д.413. Л.126, 133 об., 167; Оп.2. Д.4. Л.22 об. — 23; Д.7. Л.7–8, 11, 21 об.

39. *Миронов Б.Н.* Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. — Л., 1981. С.181, 191.

40. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1702. Л.6 об. — 7; ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.428. Л.1, 1 об.; Д.427. Л.217, 240; *Чеботарев Х.А.* Историческое и топографическое описание городов Московской губернии… — М., 1787. С.117.

41. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.439. Л.161 об.

42. Там же. Д.412. Л.8, 8 об.; Д.429. Л.42–44; Д.430. Л.91; Д.431. Л.183–185 об.

43. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1702. Л.6 об. — 7; Д.1400. Л.2; Д.1960. Л.1. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.413. Л.20 об., 33, 39; Д.414. Л.46; Д.423. Л.177–177 об.

44. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.410. Л.14 об., 15 об., 18, 19 об., 20 об., 21 об., 22–22 об., 23 об.

45. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.413. Л.7, 14, 31.; Д.415. Л.130; Д.423. Л.109–109 об.; Д.429. Л.20, 220, 230, 308; Д.457. Л.65, 67; Д.462. Л.123; Д.623. Л.83; Ф.45. Оп.1. Д.311. Л.32 об.

46. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.411, 420, 424, 442, 449, 464.

47. *Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. — М., 2005. С.487, 489.

48. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.443. Л.20, 23, 28 об., 32 об., 35; Д.449. Л.6; Д.464. Л.15–16.

49. Там же. Д.449. Л.2–3; Д.455. Л.22, 22 об. — 23 об.; Д.464. Л.21 об. — 22 об.

50. *Захаров В.Н.* Указ. соч. С.530.

51. *Чулков М.Д.* Историческое описание Российской коммерции. Т.6. Кн.4. — М., 1786. С.159; *Чеботарев Х.А.* Указ. соч. С.117.

52. Цит. по: *Аксенов А.И.* Очерки генеалогии уездного купечества XVIII века. — М., 1993. С.51.

53. РГВИА. Ф.ВУА. Д.18862. Л.236 об.; ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.426. Л.71; Д.429. Л.196; Д.431. Л.113.

54. Атрибуция автора. Приведенные в описании данные о численности купечества и мещанства, размере объявленного капитала соответствуют сведениям ратуши за 1783 г.

55. *Миронов Б.Н.* Внутренний рынок России … С.135,162.

56. *Вартанов Г.Л.* Городские ярмарки в центральной части европейской России во второй половине XVIII в. //Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. — Л., 1958. Вып.194. С.150.

57. Живописная Россия. — СПб., 1901. Т.8. Ч.1. С.46.

58. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.19238. Л.10; Д.19303. Л.20.

59. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.429. Л.230; Д.444. Л.22 об.

60. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.19312. Л.21 об.

61. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.19314. Л.16.

62. РГВИА. Ф. ВУА. Д.18161. Л.84 об.; ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.447. Л.89, 89 об.

63. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.429. Л.62 об.

64. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1017. Л.6–6 об.; *Шитова Л.А.* Экономическое положение Троице-Сергиева монастыря во второй половине XVIII в. //Труды по истории Троице-Сергиевой Лавры. — Сергиев Посад, 1998. С.102–103.

65. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.19278. Л.4; Д 19322. Л.3; Д.19325. Л.3; Д.19398. Л.16 об.

66. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.19298. Л.26 об. — 33 об.

67. Там же. Д.19318. Л.15.

68. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.2115. Л.8; Д.1569, 1615, 2064, 2115.

69. Там же. Д.2253. Л.1 об., 4–4 об.; Д.2335. Л.1 об.

70. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.19269. Л.27; Д.19275. Л.2 об.

71. Там же. Д.19325. Л.6.

72. Там же. Д.19303. Л.98.

73. Там же. Д.19303. Л.34.

74. Там же. Д.19309. Л.109.

75. Там же. Д.19314. Л.116.

76. ЦИАМ. Ф.45. Оп.1. Д.311. Л.31 об. — 32 об.

77. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1639. Л.1–2 об.; Д.1487. Л.2 об., 4 об.; Д.1221. Л.18; Д.2105. Л.5,7; Д.2166. Л.2–2 об.

78. *Поварнин Г.Г.* Промыслы по обработке животной шкуры //Кустарная промышленность России. Т.1. — СПб., 1913. С.149.

79. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.466. Л.30.

80. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.458. Л.172 об.; Оп.2. Д.7. Л.23.

81. Там же. Оп.1. Д.417. Л.44 об.

82. Там же. Д.453. Л.101 об.; Д.463. Л.18.

83. Там же. Оп.1. Д.456. Л.14–15; Д.457. Л.84 об. — 85; Оп.2. Д.2. Л.5 об.

84. *Гра М.А.* Печи Коломенского деревянного дворца XVII века //Коломенское. Материалы и исследования. Вып.5. Ч.2. — М., 1993. С.276. Автор приносит искреннюю благодарность научному сотруднику Сергиево-Посадского музея-заповедника В.В.Щербакову за любезное указание этого издания.

85. *Щапов Ю.Л.* Некоторые наблюдения над технологией изготовления изразцов //Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 5. Ч.1. — М., 1993. С.23, 26.

86. *Беляев Л.А.* Московские печные изразцы до начала XVIII века (Опыт археологической систематизации) //Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 5. Ч.1. — М., 1993. С.13.

87. *Розенфельд Р.Л.* Серия изразцов мастерской Троице-Сергиева монастыря //Славяне и Русь. Сб. ст. — М., 1968. С.463–467.

88. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.401. Л.35–36.

89. Там же. Оп.2. Д.4. Л.4 об. — 6.

90. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.459. Л.18–19; Д.466. Л.3–3 об.; Д.456. Л.11 об. — 12, 16; Д.463. Л.18 об. — 19.

91. *Полунин Ф.А.* Географический Лексикон… — М., 1773. С.400.

92. ЦИАМ. Ф.73. Оп.2. Д.4. Л.20.

93. *Чекалов А.К.* Народная деревянная скульптура Русского Севера. — М., 1974. С.119.

94. ЦИАМ. Ф.45. Оп.1. Д.311. Л.32 об.

95. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.459. Л.18.

96. *Василенко В.М.* Деревянная мелкая пластика //Русское декоративное искусство. В 3-х т. — М., 1965. Т.3. С.245; *Мамонтова Н.Н.* Художественные ремесла и промыслы Сергиева Посада (XV–XX вв.): к проблеме возникновения и развития русских художественных промыслов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. — М., 1998. С.78.

97. *Соснина О.А.* К вопросу терминологии пластики малых форм (Опыт глоссария) //Научные чтения памяти В.М. Василенко. — М., 1998. С.27, 34–35.

98. *Боголепов И.П.* Игрушечный промысел //Промыслы Московской губернии. — М., 1880. Вып.2. С.4.; *Дайн Г.Л.* Русская народная игрушка. — М., 1981. С.73.; *Мамонтова Н.Н.* Указ соч. С.73,74.

99. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.456. Л.8, 8 об.

100. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1402. Л.17 об.; Д.19317, 19335, 19339; ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.413; 451; Д.462. Л.166–166 об.; Д.446. Л.11 об.; *Шитова Л.А.* Троицкая эмальерная школа XVIII — начала XX в. //Сергиево-Посадский музей-заповедник. Сообщения. — М., 1995. С.174, 182, 183.

101. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.19314. Л.14 об., 17 об., 18 об.

102. *Мамонтова Н.Н.* Указ. соч. С.120–121.

103. *Соснина О.А.* Указ. соч. С.32, 33.

104. *Мамонтова Н.Н.* Указ. соч. С.87, 98.

105. ЦИАМ. Ф.73. Оп.2. Д.5. Л.1 об., 17.

106. В 1791 г. Алексей Губин собирался торговать посудой в лавке на Красной горе. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1769. Л.60.

107. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.413, 451; Д.463. Л.12 об.; Д.456. Л.4 об.

108. Там же. Д.463. Л.13 об.; Оп.2. Д.5. Л.21 об. — 22; Д.7. Л.23.

109. Там же. Оп.2. Д.4. Л.17–17 об.

110. *Боголепов И.П.* Указ. соч. С.5.

111. *Мамонтова Н.Н.* Указ соч. С.127.
112. ЦИАМ. Ф.73. Оп.2. Д.24. Л.3–3 об.
113. *Погрузов А.Д.* Кустарная промышленность России. Ее значение, нужды и возможное будущее. Т.1. Ч.3. — СПб., 1901. С.23.
114. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.466. Л.3, 3 об.; Д.463. Л.18 об. — 19.
115. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.459. Л.18.
116. Там же. Оп.2. Д.2. Л.11 об. — 12.
117. *Мамонтова Н.Н.* Указ соч. С.147.
118. *Каменская М.Н.* Государственный Русский музей. Русская народная деревянная скульптура. — Л., 1948. С.13.
119. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.466. Л.26, 26 об., 28, 28 об.
120. Цит. по: *Аксенов А.И.* Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. — М., 1993. С.51.
121. Описание Московской губернии //Источник. 1994. №4. С.118.
122. ЦИАМ. Ф.45. Оп.1. Д.311. Л.31 об., 32 об.
123. Материалы по истории крестьянской промышленности. Т. II. Текстильная промышленность Московской губернии в XVIII и начале XIX в. / Подг. *Мешалин И.В.* — М.–Л., 1950. С.450.
124. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.457. Л.138 об.
125. РГВИА. Ф. ВУА. Д.18161. Л.84 об.
126. ЦИАМ. Ф.2128. Оп.1. Д.16. Л.134.
127. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.437. Л.9 об., 10, 16 об. — 17, 18–18 об.
128. *Пажитнов К.А.* Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Хлопчатобумажная, льно-пеньковая и шелковая промышленность. — М.,1958. С.306, 343, 346.
129. Возможно, это тот самый инструмент, который был помещен на гербе Богородского уезда, находившегося в центре круглой печати ратуши посада. Герб был утвержден 20 декабря 1781 г. и в его нижней части находился «инструмент, которым навивается шелк, в золотом поле, в знак многих шелковых фабрик, находящихся в сем уезде». Цит. по: *Винклер П.П.* Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи. — СПб.,1900. С.15.
130. Материалы по истории крестьянской промышленности. Т. II.… С.446–447; *Пажитнов К.А.* Указ. соч. С.314,315, 341. *Зябловский Е.* Статистическое описание Российской империи. Т.2. Ч.V. — СПб., 1808. С.16–17; ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.457. Л.136–136 об.
131. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.503. Л.2, 3.
132. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.502; ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.423. Л.183.
133. *Слесарчук Г.И.* Ведомости к Московским атласам как источник по истории промышленности Москвы конца XVIII в. //Города феодальной России. Сб. статей памяти Н.В. Устюгова. — М., 1966. С.500; *Пажитнов К.А.* Указ. соч. С.304, 308, 311, 314.
134. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.457. Л.136–136 об.
135. ЦИАМ. Ф.45. Оп.1. Д.311. Л.32 об.
136. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.430. Л.233; Д.431. Л.99; Д.435. Л.175; Д.447. Л.64; Д.454. Л.230, 311 об.
137. Там же. Ф.2128. Оп.1. Д.16. Л.37 об.
138. Там же. Ф.73. Оп.1. Д.430. Л.233; Д.435. Л.175; Д.444. Л.60 об.; Д.447. Л.64; Д.454. Л.311 об.
139. Там же. Д.435. Л.175 об.; Д.457. Л.136–136 об.

140. Там же. Д.430. Л.201.
141. Там же. Д.431.. Л.99; Д.457. Л.37.
142. Там же. Д.430. Л.191.
143. Там же. Д.430. Л.417; Д.429. Л.128, 148, 204.
144. Там же. Д.451. Л.303–303 об.
145. *Мешалин И.В.* Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII — первой половине XIX в. — М., 1950. С.247, 248; Материалы по истории крестьянской промышленности. Т. II…. С.146–147, 172–173, 184–185, 220–221, 448, 449.
146. ЦИАМ. Ф.45. Оп.1. Д.311. Л.32.
147. Там же. Д.422. Л.12; Д.444. Л.33; Д.454. Л.366; Д.466. Л.3; Оп.2. Д.2. Л.21–21 об.
148. *Мешалин И.В.* Текстильная промышленность крестьян… С.60.
149. ЦИАМ. Ф.2128. Оп.1. Д.54. Л.28.
150. ЦИАМ. Ф.73. Оп.2. Д.9. Л.21 об.,28 об.
151. РГВИА. Ф. ВУА. Д.18861. Ч.3. Л.84 об.; *Слесарчук Г.И.* Указ. соч. С.500.
152. РГВИА. Ф. ВУА. Д.18861. Ч.3. Л.84 об
153. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.457. Л.136–136 об.; Д.466. Л.3. Д.454. Л.143, 311 об.
154. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.454. Л.143, 311 об.; Д.462. Л.224–227.
155. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.444. Л.63.
156. ЦИАМ. Ф.45. Оп.1. Д.311. Л.31 об.
157. РГВИА. Ф. ВУА. Д.18861. Ч.9. Л.148.
158. Там же. Л.84–84 об.
159. Там же. Д.456. Л.5; Оп.2. Д.7. Л.3–3 об.
160. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.430. Л.13 об.; Д.437. Л.22–24; Д.439. Л.224–224 об.; Д.435. Л.185 об.; Д.464. С.23.
161. Там же. Д.456. Л.4об., 5 об.; Оп.2. Д.7. Л.27, 27 об.
162. РГВИА. Ф. ВУА. Д.18861. Ч.9. Л.84 об.; ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.432. Л.15; Д.444. Л.139.
163. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.418. Л.37 об.; Д.433. Л.4 об., 5; Д.443. Л.20 об., 21; Д.444. Л.149; Оп.2. Д.2. Л.13 об.; РГАДА. Ф.16. Д.576. Л.152.
164. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.457. Л.136–136 об.
165. *Яковцевский В.Н.* Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. — М., 1953. С.172, 181.

Глава 5

УКЛАД ЖИЗНИ СЕРГИЕВСКОГО ПОСАДА

Городское пространство

К моменту получения поселением статуса посада, в масштабе всей страны активно проводилась политика упорядочения городской застройки, выработка особого, отличного от сельского, внешнего облика городского поселения. Сергиевский посад, хотя и не имел статуса уездного города, находился постоянно под пристальным наблюдением не только уездного, но и губернского начальства: в центре поселения находилась знаменитая Лавра — объект обычных посещений важнейших и знатнейших особ государства всех рангов, в том числе и членов императорской фамилии. Естественно, внешний вид таких мест посещений находился под надзором властей разного уровня. К тому же имелись вполне определенные предписания о соответствии облика поселений их официальному статусу. Добиться этого, не затрачивая больших денежных средств (которых не предусматривалось), было невозможно. Обычно, поводом для осуществления перепланировки уже сложившихся городов были пожары, т. к. именно они освобождали «строительную площадку», на которой формировался новый внешний облик города.

Сергиевский посад исторически сложился из разновременных, обособленных друг от друга поселений. Застройка этих поселений происходила стихийно, с учетом местного ландшафта и сложившихся земельных владений. К XVIII в. эта ситуация закрепилась формированием 6 приходов. К концу века в поселении было 6 каменных и 2 деревянные церкви (1). Почти вся застройка состояла из деревян-

ных зданий. Только в центре вне стен Лавры стояли каменные конный двор, частично сохранившийся до наших дней (2), и несохранившийся гостиный двор, принадлежавшие монастырю (3).

Гражданская застройка поражала современников своей пестротой. «Смешение домов крестьянских с купецкими, так что хорошей купецкой иногда каменной дом стоя близ крестьянского соломою покрытого, а инде и близ гумна и подвержен был всегдашней опасности» пожара (4). Дома стояли вперемежку хорошие и совсем ветхие, крытые тесом — и крытые соломой, топившиеся по-черному и дома с печными трубами, жилые дома — рядом с хозяйственными постройками, например с гумнами, которые представляли особую пожарную опасность.

Первые работы по перепланировке Сергиевского посада, по проведению упорядочения застройки начались после случившегося в 1783 г. пожара в Клементьеве — одной из важнейших частей посада. Решение о необходимости участия в восстановительных работах профессионального архитектора принималось Московским губернским правлением со ссылкой на сенатский указ от 1722 г. (5) Для работы был отправлен находившийся в ведомстве Московской управы благочиния архитектор прапорщик Данилевский ([6]). Его работа принципиально отличалась от работы его коллег в Сергиевском посаде в предыдущее время. Надо было произвести не только обмеры, зафиксировать реальную застройку, вернее то, что от нее осталось после пожара — именно это делалось и раньше. Главное — необходимо было создать план застройки погорелого места соответствующий новому, городскому статусу поселения. Одним из обязательных требований городской застройки являлось условие постройки домов фасадами на улицу, непременно строго соблюдая одну линию. Такой план был сделан и, вероятно имелся в ратуше, т. к. губернатор Н. П. Архаров, побывавший в посаде осенью того же года, настаивал на обязательном соблюдении застройщиками этого требования, «не отступив от плану, каковой дан». Этим документом регламентировалась не только жилая застройка, но и застройка торговых мест. Заметим, что осенью застройка велась интенсивно и, видимо, по старинке. Темпы застройки объясняются особенностями деревянного домостроения. Так, штатные служители Лавры, в ожидании разрешения, закупили готовые срубы. По своему типу они,

вероятно, не отличались от обычных домов, бытовавших в это время как в городе, так и в деревне. В документе говорится о срубах «для хатин», т. е. о самых обыкновенных избах-хатах (7).

Следующим шагом в 1784 г. стала инициатива ратуши об отмежевании посаду выгонных земель для скота отдельно от крестьян. Она встретила понимание вышестоящих властей и привела к принятию решения об очередности проведения этого мероприятия. Сергиевский посад входил в состав Богородского уезда, поэтому межевание в нем должно было произойти после окончания аналогичных работ в уездном центре — городе Богородске (8). В 1786 г. купцы и мещане Сергиевского посада выступили с инициативой заведения новой торговой площади. В результате переписки, возникшей по этому поводу между ратушей, Московским губернским правлением и Богородской нижней расправой, оформилась мысль о необходимости участия архитектора в выборе и планировке новой площади.

Возможно, что переписка по этому вопросу в течение 1786–1788 гг. способствовала принятию Московским главнокомандующим решения о «сочинении генерального плана» Сергиевского посада. Кстати, планы 14 уездных городов Московской губернии были еще в 1783 г. представлены на высочайшее утверждение императрицы. Предварительный сбор данных «для сочинения здесь в посаде строения генерального плана» по присланной губернским землемером анкете был произведен в октябре 1788 г. Далее работа продолжалась с перерывами в течение нескольких лет. Непосредственно на месте работы стали проводиться весной–летом 1791 г. подольским уездным землемером Володимировым по приказанию губернского землемера Хомякова. В этих работах принимали участие в качестве чернорабочих и местные жители. Володимиров провел обмеры и снял план реальной застройки. Вероятно, это тот самый план, ставший подосновой известного проекта (1792 г.). Дальнейшая работа продолжалась в чертежной губернского землемера. Туда из ратуши доставлялись необходимые статистические данные о числе дворов, дворовых мест и т. д. (9) Осенью 1791 г. проект был готов и даже представлен императрице вместе с предложением о переводе посада в разряд уездных городов (10). В начале мая 1792 г. губернский землемер Григорий Хомяков лично прибыл в Сергиевский посад для

проведения разбивки новых кварталов в соответствии с утвержденным планом .

В историографии закрепилось мнение, что поводом к появлению проекта послужил пожар 1792 г. Именно так трактуют это событие В. И. Балдин и К. А. Филимонов. Приведенные здесь сведения из журналов заседаний ратуши позволяют сделать существенные уточнения. Возникновение идеи перепланировки, сбор сведений и подготовительные работы на местности произошли значительно раньше этой даты.

Архитектор В. И. Балдин высоко оценивает достоинства проекта и его значение для формирования индивидуального облика города (11). Проект представлял собой характерный для конца XVIII в. пример решения градостроительных задач. За основу была принята прямоугольно-параллельная система разбивки улиц. Их основные направления совпадали с главными дорогами, проходящими через посад. Было запланировано существование двух центров, находившихся на одной магистрали. Один — исторически сложившийся центр города — архитектурный ансамбль монастыря. Другой — к югу от Лавры у Вознесенской церкви — торговый и административный с присутственными местами и торговыми лавками. Границы города обрамлялись городским валом, на въездах планировалось поставить деревянные будки кордегардии со шлагбаумами. Расселение жителей предполагалось по имущественному и сословному признаку. Прилегающие к центру кварталы предназначались только для каменного строения. В целях улучшения экологической обстановки кожевенные заводы, скотобойни и некоторые другие заведения предполагалось вывести за городскую черту.

К. А. Филимонов обратил внимание на некоторые детали, ускользнувшие от внимания В. И. Балдина. В проекте Хомякова Сергиевский посад распланирован как уездный город с соответствующими зданиями для присутственных мест, суда, дворянской опеки, городничего (12). Это свидетельство не осуществившейся инициативы А. А. Прозоровского по переводу посада в разряд уездных городов. Но, хотя императрица не поддержала это предложение, на плане так и осталась традиционная для уездных центров планировка. При этом в посаде ни таких учреждений, ни соответствующих им сооружений не было и быть не могло. Они остались на плане,

скорее по недосмотру, по инерции. В этом проявились своеобразная стандартизация, единообразие требований к застройке городов.

В. И. Балдин подробно рассматривает обстоятельства, связанные с реакцией монастырских властей на появление и реализацию этого проекта. Лавре удалось добиться выгодного для себя варианта. Красногорская площадь перед входом в монастырь осталась в собственности Лавры (13).

Вероятно, именно этими действиями объясняется приостановка в посаде работ по разбивке новых кварталов и выдаче «данных» на постройку домов по плану в 1793 г. В 1792 г. за период с 14 мая по 12 октября в ратушу поступило 13 прошений о выдаче «данных». Просители предъявили планы на дворовые места и постройки с проектом обязательного фасада, сочиненные губернским землемером, подтверждающие факт соответствия просимых мест новому плану (14). В 1793 г. — только одно прошение, а в 1794 г. — более 30, причем в этом числе оказались просители предыдущих двух лет. Они как бы вновь просили себе те же места, вернее подтверждали свое на них право.

Полная реализация первоначального проекта грозила серьезными материальными потерями не только Лавре, но и многим рядовым жителям посада. Обязательным моментом работы было спрямление и расширение дорог, улиц и переулков, образование новых административных и торговых площадей. Для этого необходимо было сносить старые дворы, «которые препятствуют свободному проезду по Московской и другим улицам». К 1793 г. 5 дворов были уже снесены. В некоторых случаях одного словесного приказания не хватало, приходилось прибегать к насильственным действиям. Например, ратуша приняла решение сломать печи в доме мещанина Килина. Дом стал непригоден для проживания в зимнее время и своевременный снос дома со всеми дворовыми постройками был обеспечен (15). Подобная перспектива ожидала и других дворовладельцев, которые, надо полагать, осаждали вышестоящие власти с прошениями о сохранении их построек от сноса, во избежание неминуемого разорения.

В результате 1 января 1796 г. в ратушу поступило пространное предложение Московского главнокомандующего с изложением утвержденных им изменений в проекте перепланировки. Было ре-

шено уменьшить размеры улицы и площади у Вознесенской церкви, т. к. это давало возможность сохранить от сноса большое число крепких домов. Были учтены и пожелания митрополита Платона, направленные на улучшение вида Лавры как архитектурного и градообразующего центра поселения. Для этого освобождалась от застройки территория, прилегающая к Пятницкой церкви, а церковнослужителям выделялись другие места, находящиеся невдалеке от церкви. Кроме этого, было решено не переселять экономических крестьян за пределы посада на Углицкую дорогу, а разместить их в четырех кварталах на окраинах, иначе крестьяне лишились бы обычных для жителей посада доходов от проезжающих и богомольцев. Но при этом предписывалось специфические крестьянские постройки — гумна — поместить за городским валом, т. е. вне города. Здесь же отменялось решение о перенесении кожевенных заводов за черту города, т. к. в этом случае пострадали бы лаврские рыбные пруды. Эти изменения были не единственными. Позднее, по ходу застройки, происходила корректировка первоначального проекта, касающаяся таких элементов как глубина некоторых кварталов, ширина дворовых участков вдоль главной улицы, судьба отдельных «проулков» (переулков) и т. д. Обычно такие изменения появлялись после визитов Московского главнокомандующего на место застройки, где можно были реально, а не на бумаге увидеть некоторые несообразности проекта. Таким образом, доработка проекта продолжалась в «рабочем порядке» еще некоторое время после его утверждения (16).

Промедления, возникшие при застройке посада по новому плану, были вызваны не только реакцией монастырских властей. Немалую роль в этом сыграла и занятость губернского землемера Хомякова. Застройка могла производиться только после того, как на местности происходила разбивка на новые кварталы, и просители получали от него профессионально выполненную документацию — план участка с проектом застройки и указанием фасада. То есть, регламентировался порядок застройки внутри двора и внешний вид жилых построек, выходящих фасадом на улицу. Такой пакет документации надо было предоставить каждому застройщику отдельно, а их число возрастало.

В некоторых случаях создавались драматические ситуации. Дом купеческой вдовы Авдотьи Москвиной пришел в аварийное состояние и стал совершенно не пригоден ни для жилья, ни, тем более, для использования в качестве постоялого двора. Освидетельствование ратушей зафиксировало следующее: «В лице 13 бревен выпятились от чего и от давней постройки окны вместе с бревнами на месте едва ли могут держаться. Взошед в избу по левую сторону передней и задней углы так ветхи, что сверх умазания глиной каждой и всякого бревна к падению склонен. Оная сторона от низу даже до верху бревны иные в избу а другие и ко двору выпятились отчего не упали б все и также и потолок подперты. На передней избе, как оная выстроена в два етажа, верхней от того что слишком осела человеку установиться особливо рослому никак не можно. Почему как она держит постоялый двор постоялцев пускать совсем опасно ибо задавить может множественное число народа… но всем… сего посада обывателям отводить без землемера никак не удобно» (17). При этом, ни перестраивать на старом, ни строить дом на новом месте купеческая вдова не могла, т. к. без участия землемера невозможно было проводить межевание участков и, тем более, выдавать владельцам необходимый комплект документации. Для ускорения процесса застройки к этой работе привлекались уездные землемеры. Например, на рузского землемера Евреинова возлагалась обязанность по разбивке на кварталы одной из частей города в 1794 г., а осенью 1795 г. — отведение мест для штатных служителей в специально отведенных им кварталах. Осенью 1795 г. губернский землемер Григорий Хомяков и уездный землемер Иван Евреинов действуют в посаде практически в одно и тоже время. Отдельных, разовых приездов в посад было недостаточно. В июне 1797 г. в посад был откомандирован дмитровский уездный землемер Карл Фогт. Для его проживания и профессиональной деятельности была определена квартира в доме мещанина Афанасия Камаева. Но и он часто бывал в отлучках, поэтому работы по разбивке кварталов задерживались. Таким образом, в подготовке и реализации проекта на местности принимали участие несколько человек. Среди них не только губернский землемер Г. Хомяков, но землемеры разных уездов Московской губернии (18). Это вполне соответствует общей ситуации с перепланировкой русских городов. Р. М. Гаряев отмечает, что «даже

при наличии в губернии архитектора, планы городов, не только фиксационные, но и проектные делали в большинстве случаев землемеры… Характерно, что в начале XIX в. корректура “конфирмованных” планов также осуществлялась землемерами» (19).

Любопытную информацию о перепетиях перепланировки города Дмитрова сообщает Иван Алексеевич Толченов: «…в 1782 году в июне месяце прислан был от главнокомандующего тогда в Москве графа Захара Григорьевича Чернышева для учинения прожекта плану дмитровскому подполковник Щелин и коим и сочинен оной. … В течении последующих годов успеху в перестройке города никакого не было, ибо по смерти графа Чернышева бывшие главнокомандующие граф Яков Александрович Брюс и Петр Дмитриевич Еропкин, хотя и были в Дмитрове, но касательно перестройки оного не входили. Тако-ж и губернатор Московской Петр Васильевич Лопухин, многажды бывший в городе, снисходил на все просьбы граждан и ничем тревожены не были… Наступил 790-й год и в начале онаго определен в Москву главнокомандующим князь Александр Александрович Прозоровский и в августе посетил наш город и как в нем особая склонность к регулярной постройке водворена, то с самого приезду вид разбросанных порознь улиц и домов и малой успех в постройке по плану, причинил ему недовольствие… При том, по своим мыслям, предвидя некоторые неудобности в плане, разсудил сделать новой план и для того в октябре прислан был губернский землемер Ключарев и сочинил новой план, хотя во многом с прежним высочайше конфирмованным сходной, однако-ж и не без важных перемен. А 791 года в генваре оной прислан к городничему при укзе и землемером Стасовым разставлены вехи и столбы новых улиц и кварталов. В майе-ж прислано повеление непременно улицы и площади новые открыть и более 50 домов, кои препятствуют открытию главной Клинской улицы, сломать. … в начале октября последовал вторичный приезд главнокомандующего,… и тут, не видя ничего учиненного по собственным его приказаниям, оказал безмерное неудовольствие… и предписал быть из Москвы для исследования и распоряжения вице-губернатору Николаю Ефимовичу Мясоедову, которой в том-же октябре и приезжал и все разбитые линии чрез землемеров поверил и несколько домов, расположенных от моего дому по новой дороге сломано…В 792 году с самого открытия

высны множество домов сломано, кои открытию улиц препятствовали и план городу чрез губернского землемера Хомякова еще несколько поправлен и главнокомандующим опробован и позволено по нему раздавать места под строение. Между тем большая Клинская дорога, начиная от Ильинской до Введенской церкви, мостилась камнем и одна сторона совершенно вымощена… Построились сего года к осени немногие домы, а многия, кои потерпели разрашение домов, приготовляли материалы к новой постройке и разбирали места». (Журнал или записка жизни и приключений Ивана Алексеевича Толченова. М., 1974. С. 282-285.)

Определенные сложности возникали с порядком расселения жителей по новому плану. Провозглашенный планом принцип сословного и имущественного расселения на территории посада плохо сочетался со сложившимися земельными отношениями жителей. Многие не считали законным тот факт, что принадлежавшие им дворы должны были отойти другим застройщикам. Особенно тяжело было лишиться такого участка в центре города — самом выгодном месте. Такие участки назначались для застройки каменными домами. Их могли получить самые оборотистые и состоятельные купцы, способные не только закрепить их за собой, но и быстро произвести застройку. Прежним владельцам предлагалось либо решить этот вопрос «полюбовно», либо перенести свои строения на вновь выделяемые им места. Мещанская вдова Гробова выразила свое несогласие с действиями губернского землемера, который отвел купцу Солнышкову участок земли, на котором ранее находился двор ее покойного мужа. Этот участок земли мещанка считала принадлежащим ее семье и именовала его «родовым». При рассмотрении жалобы в ратуше, претензии мещанки на право называть участок «родовым» были признаны необоснованными. Ее муж, хотя и владел домом и умер в нем, но на тот момент являлся экономическим крестьянином, а, следовательно, согласно Межевой инструкции 20 главы пунктов 10 и 12, его земли нельзя было назвать наследственными, делить на части, отдавать в приданое дочерям и т. д. К тому же, мещанке Гробовой отвели уже другое место. При этом указывалось на тот факт, что с увеличением размеров участков всем застройщикам пришлось сдвигать свои дворовладения с прежних мест (20).

Таким образом, в момент проведения перепланировки проявилась разница в специфике земельных отношений в сельском и городском поселении. Эта разница была подчеркнута в 1792 г. при массовом переходе Клементьевских крестьян в купечество и мещанство. Им было предложено при наличии планов на участки, полученных от землемера, подать прошения для получения документов, т. н. «данных», закрепляющих права собственности на эту землю. Одновременно было решено отобрать уже выданный план у крестьянина Ивана Гусева, который был признан недостойным перевода в городское гражданство из-за имевшегося случая наказания плетьми (21). В итоге выявилась разница в правах на городскую недвижимость у крестьян и представителей других сословий даже в том случае, когда речь шла об одном поселении.

Другая характерная история произошла при переселении причетников Пятницкой церкви. Их прежние дворовые места освобождались от строений, т. к. это улучшало вид на Лавру. Взамен назначались места под горой, с другой стороны дороги. Сложность ситуации заключалась в том, что на определенных по новому плану местах уже имелись обывательские дома. Следовательно, прежним владельцам этих дворовых мест требовалось отвести новые участки, и кроме этого решить судьбу их дворовых построек. Участь построек могла быть решена двояко. Деревянные строения можно было разобрать и перенести на новые места, а можно было при взаимном согласовании цены уступить их новым владельцам. Потребовались несколько лет, переписка, увещевания, работа ценовщиков и тому подобные согласования, чтобы реализовать решение главнокомандующего об улучшении вида Лавры со стороны Пятницкой церкви.

Не все идеи, заложенные в проекте, удалось реализовать. Так, в силу объективных причин, не могла быть застроена запланированными присутственными местами площадь у Вознесенской церкви. Проектом здесь предполагались обычные для уездного города постройки — дом городничего, дворянская опека, суд и тому подобные учреждения. Но посад так и не стал центром уезда, следовательно, таких построек и быть не могло. Из учреждений в посаде существовали лишь ратуша и до 1797 г. нижняя расправа.

Идея расселения жителей по сословному признаку воплощалась в жизнь очень медленно. Места для постройки домов штатным слу-

жителям выделялись строго в отведенных кварталах. В этих кварталах не разрешалось строиться вновь, покупать или чинить старые дома лицам других сословий. Даже штатным служителям, имевшим дома в этих кварталах, требовалось специальное разрешение не только на застройку, но и на починку ветхого дома. В некоторых случаях штатные служители предпочитали вместо возведения нового дома заменить подгнившие бревна и таким образом избежать материальных затрат. В результате таких действий в этих кварталах к 1800 г. было построено только 10 новых домов, остальные были старыми. При этом, из 55 домов, только 28 принадлежали штатным служителям, а 27 — лицам других сословий. Таким образом, половина владельцев домов в этих кварталах не соответствовала заявленному сословному признаку. С другой стороны, в это же время штатные служители владели в посаде 62 домами, т. е. их большая часть (34) располагалась в нарушение принципа в купеческих и мещанских кварталах. Это объясняется многими житейскими причинами — отсутствием материальных средств на постройку нового или перенесение старого дома на новое место по плану, вступлением в наследство, переходом в другое сословие и т. д. (22).

Другой проблемой расселения по сословному признаку явилась история с крестьянством. Экономические крестьяне села Клементьева были старожилами поселения. Многие имели старые, «насиженные» обустроенные дома с дворовыми постройками, которые, кстати, могли находиться в очень удобных местах. Перспектива переселения на окраины города привела к тому, что многие предпочли перейти в городские сословия, лишь бы сохранить за собой прежнее дворовладение.

Не удалось реализовать некоторые противопожарные и экологические идеи проекта. Пришлось отказаться от размещения за городской чертой некоторых ремесленно-промысловых заведений. Участок для скотобоен был выделен на территории посада. У многих обывателей посада во дворах продолжали стоять овины, таившие пожарную опасность. Только нескольким купцам были выделены отдельные места для этих сооружений (23).

Проведение перепланировки дало возможность представителям дворянства без излишних материальных затрат обзавестись в посаде собственными домами. До 1782 г. это было в принципе невозможно

из-за специфики общинного владения землей в сельском поселении. Изменение статуса дало право дворянам, иногородним купцам и мещанам приобретать в собственность недвижимость в посаде. Первыми из дворян поселились собственным домам сестры-княжны Наталья и Настасья Голицыны в 1789 г. Они приобрели деревянный дом у штатного служителя за 150 р. Это средняя для посада цена дома. В эти же годы в посаде можно было купить дом и за 250, 400, 500 и даже за 960 р. Возможность проживать в посаде собственным домом привлекала местных помещиков. За 5 лет (с 1794 по 1798 гг.) подали прошения о выделении мест для постройки домов подпорутчица Селиванова, капитан Рубецков, примьер-майор Павлов и даже представитель титулованного дворянства князь Михаил Петрович Волконский. Все они планировали построить деревянные дома. Площадь их дворовладений колебалась весьма существенно. Например, у подпорутчицы Селивановой двор на 500 кв. саж. (средний размер для посада), а у примьер-майора Павлова — 1440 кв. саж., т. е. практически в три раза больше. На территории одного дворянского двора кроме господского дома стояли людские избы, конюшни, сараи и другие необходимые хозяйственные постройки. Наличие постоянно проживающих в посаде дворянских семей оказывало некоторое влияние на формирование городского облика поселения (24).

Несмотря на некоторые промедления, возникшие в реализации застройки по новому плану, самые оборотистые, состоятельные и предприимчивые купцы уже к 1795 г. осуществили застройку своих участков. Например, купец Алексей Мокеев «построил (каменный — *Н. Ч.*) дом с двумя выездами, так что можно назвать двумя дворами». Кроме этого по правую руку от каменного дома стояла деревянная постройка. Размер участка по линии улицы — 16 саженей, вместо обычных 10 у других. У купца Саввы Лукина Прокофьева на участке шириной в 18 саженей разместился комплекс каменных и деревянных построек, оцененный хозяином в 3500 р. Попутно заметим, что у Прокофьева и раньше был весьма солидный каменный дом с оштукатуренными стенами (25).

В своих прошениях многие жители указывали, какой дом они желали бы выстроить — каменный, деревянный или деревянный на каменном фундаменте. Вот как объясняла свое желание купеческая

жена Татьяна Москалева: «первый этаж каменный с помещениями для лавок, второй этаж деревянный жилой» (26). Видимо, таким же был дом купца Дмитрия Семенова Тарбинского «на каменном фундаменте о 2-х етажах, в одной полате пол каменной» (27).

Таблица 25

Прошения, полученные ратушей, о постройке домов по новому плану

	Годы						
	1792	**1793**	**1794**	**1795**	**1796**	**1797**	**1798**
ВСЕГО (в %)	13 100%	1 100%	37 100%	12 100%	56 100%	17 100%	31 100%
В том числе:							
Каменных двухэтажных	4 31%	–	4 11%	–	–	–	–
Деревянных на каменном фундаменте	8 61%	–	12 33%	4 33%	9 17%	1 6%	–
Деревянных	1 8%	1 100%	21 56%	8 67%	47 83%	16 94%	31 100%

Таблица составлена по материалам: ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.440, 445, 448, 451, 454, 458, 462.

Данные о числе таких прошений сведены в таблице 25. Она демонстрирует, как постепенно менялось соотношение между желающими построить себе каменные, деревянные и деревянные дома на каменном фундаменте. Среди первых застройщиков, подавших свои прошения в 1792 г., только один планировал построить деревянный дом. В дальнейшем ситуация меняется с «точностью до наоборот». В относительных цифрах количество деревянных домов постоянно увеличивалось по отношению к другим. Это объясняется тем, что самые состоятельные купцы построили свои каменные дома сразу же, как только представилась такая возможность. Желание построить каменные дома в 1792 и 1794 гг. высказали купцы Сергиевского посада Савва Лукин сын Прокофьев, Алексей Мокеев, Андрей Ерофеев и московский купец Иван Дерюзинский (происходивший из

местных жителей). Купец Андрей Ерофеев в 1795 г. переехал с семьей в город Пярну Рижской губернии, скорее всего, так и не успев построить каменный дом: на конец века в посаде их имелось только 3. В посаде в это время были и другие не менее состоятельные купцы, но каменные дома построили только трое вышеперечисленных. Возможно, это говорит об устоявшейся традиции ограничиваться минимумом для удовлетворения личных потребностей, а также отсутствием желания демонстрировать возросший материальный уровень по разным житейским соображениям. К тому же в это время строительство или наличие каменного дома в большей степени, попрежнему, было делом престижа, чем удобства. В условиях русской зимы обогрев каменного дома стоил неизмеримо дороже, чем бревенчатого.

Судя по прошениям, поданным в ратушу, немало домов в посаде возводилось на «каменном фундаменте». Из объяснения купеческой жены Москалевой видно, что это дома двухэтажные, из которых первый этаж был каменным, второй — деревянным. Таким образом, слово «фундамент» могло означать не только техническую конструкцию, на которой возводится основная постройка, а полноценный нижний этаж, который можно использовать в хозяйственных целях. С годами доля домов «на каменном фундаменте» уменьшалась, т. к. и потенциальные владельцы таких домов постепенно удовлетворяли свои потребности. Новых существенных приращений капиталов, без которых невозможно дорогостоящее строительство, за этот короткий период не произошло. Поэтому в посаде увеличивалось число застройщиков, которые могли позволить себе лишь относительно дешевый деревянный дом. Показательно здесь то, что другие источники — отчеты проверяющих, описания посада — не отмечают ни одного дома на каменном фундаменте, не выделяют их из числа просто деревянных (28). Важно отметить, что и каменные дома, и дома на каменном фундаменте — это строения нового, городского типа, ранее в посаде не встречавшиеся.

Обратим внимание на некоторые технические моменты, связанные с застройкой посада в этот период. При межевании участков земли по новому плану на территорию двора могли попасть часть старой мостовой, остатки снесенных построек — фундаменты, погреба и тому подобное, которые надо было засыпать, заровнять,

около двора на улице замостить образовавшийся участок новой мостовой. Это приводило к удорожанию обычных строительных работ и ложилось дополнительным бременем на застройщиков (29).

Важным моментом была заготовка стройматериалов. В некоторых случаях их отсутствие в сочетании с промедлением застройки могло повлечь ликвидацию выданных документов на дворовладение. Именно так мотивировала ратуша свое решение о ликвидации документов, выданных купцам Петру и Прохору Балашевым и Михаилу Матвеевскому, которые не застроили свои участки в течение трех лет. В качестве стройматериалов хозяева покупали бревна, кирпич, тес, заборник, слеги, металлические жуковины, петли, кручья и другие необходимые компоненты (30). Использование таких материалов, а не готовых срубов, давало возможность большей индивидуализации в строительстве и реализации возросших личных вкусов и амбиций. К тому же ситуация предоставляла возможность осуществлять застройку постепенно, основательно, без излишней поспешности, т. к. сама застройка по новому плану растянулась на несколько лет.

*Таблица 26**

Площадь дворов по «данным» 1796 г.

Всего дворов		Площадью от 230 до 300 кв. саж.		От 301 до 500 кв. саж.		От 501 до 1000 кв. саж.		Свыше 1000 кв. саж.	
Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%
36	100%	3	8%	28	78%	4	11%	1	3%

ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.453.

Во время проведения перепланировки власти решали проблему уменьшения плотности застройки. Для этого увеличивалась площадь двора. Вот как описывает действия землемера купеческая жена Марья Селецкова в 1796 г.: «Учинено им, землемером, назначение… вместо того у кого было прежде 7 сажен на 10 и 12 саженях» (31). В данном случае имеется в виду размер дворового участка по линии улицы. Обратимся к протоколам ратуши за 1796 г. В них зафиксированы 36 «данных» с указанием размеров дворовых участков. Из них

29 имели ширину именно 10 сажен, 2 — менее 10 (8) сажен и 5 — более 10 сажен. Эти сведения подтверждают факт существования общей нормы или как, тогда говорили, «10 саженной пропорции». Вспомним размеры участков купцов Прокофьева и Мокеева — 18 и 16 саженей. Они в 1,5–2 раза больше. Эти участки находились в самом центре, на самых выгодных местах. Следствием были конфликты с соседями, которые удалось решить полюбовно.

Глубина квартала, а вместе с ним и длина участка колебалась. Это сказывалось на общей площади участка. В этот год самые маленькие участки имели площадь от 230 до 300 кв. саженей. Их набралось всего 3 (8%). Абсолютное большинство участков имело площадь от 300 до 500 кв. саж. Таких было 28 (78%). 4 участка (11%) имели площадь более 500 кв. саж. Один участок (3%) имел беспрецедентные размеры 1440 кв. саж. (18×80 саж.). Этот участок принадлежал представителю дворянства — примьер-майору И. И. Павлову (32). В качестве контраста укажем размер участка, на котором стояла черная изба цехового Миронова, оставшаяся от старой застройки: 3¼ на 30 саж. или 97,5 кв. саж. (33)

Деревянная застройка, теснота, наличие соломенных крыш и соседство с опасными хозяйственными постройками делали пожары настоящим бичом посада. В течение исследуемого периода их было несколько — в 1783, 1784, 1792, 1794 гг. Они возникали от различных причин. Пожар, бывший 12 июня 1783 г. в Клементьеве, уничтожил более 60 дворов, до 120 лавок, нанес урон казенным заведениям. Пострадала и приходская Успенская церковь. На ней сгорели крыша и деревянные перекладины, на которых крепились колокола. В результате — упали несколько колоколов. Во время этого пожара погибли две женщины — крестьянки Татьяна Никитина Волкова 58 лет и Прасковья Сергеева Беляева 36 лет (34). Последствия этого пожара долго сказывались на застройке. В одном из донесений ратуши говорились: «В Клементьеве 120 сажен земли после пожара 783 г. стоит впусте… да и постройки на оной земле по опасности пожарных случаев за утеснением быть не можно» (35).

Пожар 25 мая 1784 г. начался в доме купца Родиона Кривошеина «во время топления женой ево в избе печи от выкинутия из трубы сажи с огнем на крышку».

О пожаре 1792 г. в журнале заседаний присутствия ратуши за этот год не обнаружено ни одного сообщения или упоминания, поэтому нет сведений о размере причиненного им ущерба. Такое игнорирование пожара в делопроизводственных документах ратуши на какой то момент заставило усомниться в самом факте его существования. Подтверждение реальности этого события обнаружилось в прошениях жителей в другие годы. В протоколах ратуши за 1795 г. при разбирательстве жалобы мещанки Гробовой приводится следующая информация: «по втором пожаре бывшем в 792 году отведено ей господином московским губернским землемером для построения вновь дома (место- Н.Ч.)». В «Деле о разделе имущества умершего купца Саввы Прокофьева между наследниками» в одной из описей написано: «Каменной дом болшой двуетажной оной в 1792-го году не совсем обгорел… а имущество все и пожитки сундуки дедовы и бабкины уцелели в пожаре не сгорели». То же самое можно и сказать о пожаре 1794 г. Объяснения такому умолчанию нет, т. к. о пожаре 1783 г. в журнале имеется 7 информаций разного объема и характера, о пожаре 1784 г. — 2 сообщения (36).

Для обеспечения противопожарной безопасности обычно соблюдались следующие меры, зафиксированные в договорах сдачи домов в аренду — это обязательная чистка труб несколько (до 6) раз в году, запрещение ходить во двор с лучиной, а только с фонарем, обязательство соблюдать осторожность при пользовании огнем в доме. Для тушения пожаров использовались подручные инструменты — ведра, топоры крючья, вилы и ухваты. Наличие таких инструментов объясняется технологией тушения пожаров в то время — обычно горящие деревянные постройки растаскивались по бревнам, чтобы не допустить распространения огня. В июле 1790 г. в посаде появляется специальная пожарная труба ценою в 61 р. 90 к. Но сами по себе, отдельно от людей, средства пожаротушения не могли справиться с пожарами. Они эффективны лишь при соответствующей организации заинтересованных лиц, т. е. самих жителей. Письмо главнокомандующего 1792 г. свидетельствует об отстраненном отношении жителей к этому бедствию: «Многие и на пожар не идут, а из пришедших болшее число составляют толко одних зрителей и не делают никакого вспомоществования» (37). Поэтому разрабатывается специальный порядок поведения людей на пожаре — «расписав

ис которого двора выходить на пожар с каким инструментом и были бы для воды бочки». Необходимо было также решить вопрос о порядке доставки заливной трубы к месту пожара — на специальных «нарочных» лошадях или на назначенных по очереди обывательских. Кроме этого, необходимо было изготовить щиты, заграждавшие трубу и людей около нее от опасности возгорания (38). Однако пожары случались и после этого. В апреле 1794 году пострадали дома штатных служителей на Переславской улице (39).

Другой заботой городских властей было содержание дорог и мостов в посаде. Они были в плачевном состоянии. В одном из писем, адресованном ратуше из Учрежденного собора Лавры, давалось их описание: «На Переславской Большедорожной улице, по коей никак за теснотбе, рытвинами, ямами и выбоинами, проезжать не можно…». Обычная практика того времени возлагала заботы по содержанию дорог на обывателей, которые за собственный счет должны были мостить участки около своих домов, лавок и других построек. К 1786 г. жители привели в порядок до 260 сажен деревянной мостовой. Иногда источники уточняют, что улица мостилась накатом, т. е. бревнами округлой формы. Процесс был трудоемкий и дорогостоящий. Рядом с дорогой необходимо было рыть и содержать в порядке канавы («каналы») для стока воды (40). Для сравнения. В уездном городе Великие Луки в это же время использовался «другой способ: более топкие места настилались жердями, которые связывались между собой прутьями и представляли сплошной деревянный помост. При проезде эти жерди под экипажем опускались и поднимались как фортепианные клавиши» (41).

В посаде одновременно проживали люди разных сословий, имевшие разное административное подчинение. Этот факт отрицательно сказывался на состоянии дорог на спорных участках. Такая мостовая в 60 сажен была около Белого пруда, практически в самом центра посада. Расправный судья не смог заставить ратушу замостить спорную часть ни собственными силами, ни действуя через Московское губернское правление, хотя угрожал «с ослушниками против полицейской должности поступить по законам, а в случае упорства — неминуемого штрафования». Ратуша следующим образом мотивировала свой отказ: «Купечество и мещанство около Белого пруда мосту мостить не согласуются, потому что жительством и

владением пашенной и сенокосной землею (имеют) крестьяне, а к тому около оного имеютца купецкие и мещанские лавки, построенные на лаврской земле, с коих оная Лавра и оброк сбирает, кои и следует замостить по збору оброка оной Лавре». Расправному судье удалось убедить крестьян замостить 16 сажен. Монастырь, владел участками земли, лавками и другими постройками на территории посада. Государство, отпускало на нужды монастыря полагающиеся по штату суммы, но статьи расходов на ремонт мостовых не предусматривало. Лавра, имевшая кроме штатных сумм постоянное дополнительное денежное финансирование из различных источников, и подавно не считала возможным принимать участие в подобных работах. «Убийственные» доводы ратуши в адрес Лавры, привели к тому, что Лавра переложила заботы о содержании мостовой возле принадлежащих монастырю участков на плечи арендаторов, т. е. опять же на подсудных ратуше купцов и мещан (42). Правда, в этом случае, эта дополнительная обязанность падала не на все сословие в целом, а на конкретных арендаторов, что вполне соответствовало обычной практике того времени.

Другой проблемой были два моста через реку Кончуру и через пруд «к которым с имеющихся при них по обоим сторонам накатаной бревнами мостовою простираются не менее как на 200 сажен». До 1764 г., т. е. до секуляризации возведение мостов производилось усилиями крестьян многочисленных монастырских вотчин. После секуляризации к этим работам привлекались все крестьяне, находившиеся в ведении одного из казначеев Коллегии Экономии (43). По доношению казначея секунд-майора Фонвизина от 1766 г., для починки мостов требовалось казенного леса «до восьми тысяч пятьсот дерев, в том числе пятьсот двадцать пять дерев мерою четыре сажени с половиною» (44). После обретения поселением статуса посада, это стало невозможно. Налицо исключительный случай утраты некоторых преимуществ от перехода в разряд городских поселений. Но потребность в починке, а иногда и в возведении новых сооружений осталась. Местные жители, часто были не в состоянии выполнить работы, тем более, что разовое выполнение их грозило перейти в разорительный обычай. Например, в 1786 г. из-за ветхости Пятницкого моста, находившегося на Веденской (Введенской) дороге, было предложено сделать хороший плот. Ратуша рас-

судила, что так плавучего моста здесь никогда прежде не было, то и быть не может. Но в виде исключения решили совместно с крестьянством сделать новый мост с условием «дабы оной не мог… навсегда подпасть к починке и вновь постройке».

Прошло несколько лет, и этот вопрос возник вновь. В январе 1792 г. вновь пришедший в ветхость мост был осмотрен архитекторским помощником Богдановым при участии местных жителей в качестве рабочих людей. Была составлена смета с указанием цен на лес, которая составила 450 р. 80 к. При этом в очередной раз выяснилось, что работы должны производиться за счет самих жителей, так как этих мостов «в Казенной палате в окладе нет, равно и суммы на них ниоткуда не ассигнуется». Таким образом, опасения местных жителей подтвердились. О низком качестве производимых работ свидетельствует тот факт, что мост через реку Кончуру снова пришел в негодность уже через 4 года — в 1796 г. Провалились несколько бревен, и он снова стал негоден к проезду. Итак, за десятилетний период с 1786 по 1796 гг. эта проблема вставала дважды (45).

Подобная ситуация складывалась и в других городах. Вот что, например, читаем о состоянии мостов в уездном городе Бежецке Тверской губернии в 1798 г.: «Самое больное и беспокойное место представляли мосты. Их было восемь… Плохо ли эти мосты были сделаны, езды ли много было по ним, но все они в течение года чинились и чинились часто. Остреченский мост, например, чинился до шести раз. То вколачивалась свая, то делались отводы, то поправлялись перила, поправлялось одно место в мостовой, через неделю другое и т. д. Все это требовало расхода на сто с лишком рублей» (46). В Великих Луках с 1785 по 793 гг. на мосты было израсходовано 907 р. 30 к., т. е. по 240 р. в год (47). Таким образом, практика строительства в Сергиевском посаде вполне соответствовала сложившемуся к тому времени общему уровню.

Завершить перепланировку посада к началу XIX в. не удалось. К этому времени из 600 домов только четверть домов (140) была построена по новому плану, остальные остались от старой застройки.

Для сравнения обратимся к истории перепланировки другого посада — Тихвинского в 1770 г. В этом году посад сгорел дотла и тогда же был срочно сделан новый план, утвержденный губернато-

ром Я. Е. Сиверсом, после чего началась активная застройка. Она проходила под наблюдением и при постоянном присутствии в посаде специалиста — прапорщика от архитектуры В. Поливанова. Для облегчения участи пострадавших от пожара и ускорения процесса застройки, жители получили существенные льготы — освобождение на 6 лет от уплаты подушных и на 3 года от гражданских служб. В итоге, Тихвинский посад в течение 2–3 лет был полностью отстроен (48). Жители другого новоучрежденного подмонастырского города этого региона — Кирилова — после пожара в 1782 г. были пожалованы суммой в 2000 рублей и освобождались на 5 лет от платежа государственных податей (49). Объяснением этому может служить личность губернатора Я. Е. Сиверса, усилиями и энергией которого были созданы условия для успешной застройки поселений. К тому же, у губернатора была цель — преобразовать Тихвинский посад в уездный город, и для ее реализации он использовал все доступные способы. Парадоксально, но печальные последствия пожара привели к быстрому обновлению внешнего облика поселения.

Пожары часто были поводом для проведения перепланировки. В 1777 г. в Норском посаде после случившегося там пожара, было решено новую застройку осуществлять только после разработки нового плана. Это решение было принято воеводой со служителями 2 июля на совместном заседании в Норской ратуше. Правда, получить новый план не удалось ни летом, ни осенью. Погоревшие жители, опасаясь близких зимних холодов, просили разрешения до получения плана построить свои дома (в документе — «хижины») на прежних местах, но сочувствия со стороны губернского начальства не находили. Чем закончилась эта история в 1777 г. в Норском посаде неизвестно (50).

Условия, при которых осуществлялась перепланировка в Сергиевском посаде, коренным образом отличались от условий и Норского и Тихвинского посадов. Меньший ущерб от случившегося пожара, способствовал сохранности большего числа домов, и одновременно консервации старой застройки. Наличие крупного и посещаемого монастыря помогло привлечь внимание руководящих чиновников губернии к внешнему облику поселения. Но роль государственной власти ограничилась разработкой проекта и не сопровождалась выделением материальных субсидий или налого-

выми льготами для осуществления быстрой и качественной застройки. Не было возможности обеспечить постоянное присутствие специалиста при ее проведении.

Но удалось главное — заложить основы развития посада как единого поселения, ликвидировать обособленность отдельных его частей. Со временем утрачивалась путаность улиц и переулков, приобреталась регулярность застройки, исчезала одноэтажность построек. Облик поселения, во всяком случае, центральной его части, приобрел городской вид, чему способствовали как сам принцип постройки домов — строго в одну линию, так новые дома — каменные и деревянные на каменном фундаменте. Приобретает городской облик въезд в город. В 1798 было построено 4 деревянные будки кордегардии со шлагбаумами (51). Эти сооружения были обязательным штрихом городского пейзажа конца XVIII — нач. XX вв. Добавим, что при условии отсутствия материальной поддержки со стороны государства, жители не имели возможности осуществить запланированные изменения за короткое время.

Школа

Изменения, происшедшие в Сергиевском посаде после 1782 г., коснулись не только внешнего вида поселения. Специфика городской жизни, связанная с функционированием органов самоуправления, требовала большого количества грамотных людей. Так, например, купеческий и мещанский старосты вносили в особые приходные книги записи о сборе различных денежных поступлений, причем записи должны были быть сделаны по особой форме и в момент события, а не задним числом, иначе они теряли достоверность документа. Из числа купечества могли быть выбраны и ценовщики для описи и оценки дворового имения и пожитков несостоятельных должников. Сочинение городских обывательских книг также было делом горожан. Да и самим купцам и торгующим мещанам приходилось не только надеяться на собственную крепкую память, но и делать записи в книгах поступления и отпуска товаров, ведь эти

книги не только позволяли уточнить ту или иную сделку, но в спорном случае даже стать доказательством собственной правоты (52).

Таким образом, проблема грамотности была вопросом насущным, тем более, что даже в ратуше среди весьма уважаемых людей (иначе их бы и не выбрали), как уже было отмечено, встречались неграмотные, вынужденные вместо подписей удостоверять документы своими печатями. За первые 10 лет существования ратуши от одной третьей до половины ее выборного состава были неграмотными (53).

Уровень грамотности населения во многом зависит от организации школьного дела. До 80-х гг. XVIII в. общеобразовательной школы, как единой системы, где могли бы обучаться дети непривилегированных сословий, в России не было. Грамоте учились или у местных грамотеев, или, иногда, у собственных родителей. Практически возможностью научиться грамоте у собственных родителей могли воспользоваться лишь единицы. В основном, это дети церковнослужителей приходских церквей и приказнослужителей нескольких учреждений в посаде. Канцелярист Учрежденного собора Лавры Михаил Таиров научил грамоте своих четверых сыновей. Его дети умели читать и писать, были обучены «письму приказных дел с порядочным правописанием и слогом». Заметим, что существует некоторая разница между просто грамотным человеком, т. е. умеющим писать и читать, и человеком, обученным приказному делу. В последнем случае требуется еще и умение бегло писать хорошим почерком — ведь требовалось переписывать множество списков, деловых бумаг, может быть, даже и составлять их. Таким образом, в среде жителей, связанных с делопроизводством, существовала стойкая мотивация к получению детьми образования в разном объеме. Аналогичную традицию в городах Сибири прослеживает А. А. Люцидарская на материалах XVII — начала XVIII вв. (54). Более того, один из сыновей Таирова, тезка отца Михаил Таиров, в течение 9 лет с 1790 по 1799 гг. учился в семинарии Лавры. В 1799 г. ему было 19 лет, следовательно, в учебное заведение он поступил в возрасте 10 лет. За это время студент Михаил Таиров обучался «латинскому, греческому и еврейскому языкам, также арифметике, географии, истории, поэзии, риторике и философии, которую слушал 2 года». После этого он выразил желание продолжить обучение

в Московской медико-хирургической академии в качестве лекарского ученика (55). Это, безусловно, случай исключительный, но не единичный. Историк и археограф Семен Башилов, бывший сыном лаврского канцеляриста, получил образование вначале в семинарии, затем с 1758 по 1763 гг. в Московском университете. Обучался в семинарии, а потом получил медицинское образование сын подканцеляриста Жукова Егор Жуков. Был принят в семинарию на казенное содержание племянник лаврского подканцеляриста Ивана Титова. Из числа местных жителей в семинарии обучались несколько детей церковнослужителей приходских церквей Сергиевского посада. В 1783 г. — в классе философии был сын бывшего Клементьевского священника Сергей Григорьев 19 лет, в 1786 г. — сын диакона Воскресенского прихода Илья Михайлов, в 1789 г. — сын местного оценщика Степан Ступаков (56).

Сохранилось любопытное свидетельство Г. Ф. Миллера, посетившего семинарию в 70–е годы XVIII в., о некоторых сторонах организации обучения и быта студентов в этом учебном заведении. «Мы начали с нижних классов, и проходили через учительские и ученические покои. Учители, суть воспитанники семинарии, молодые знающие люди и, кроме двух главнейших, светского звания… Они живут в семинарии, и каждой имеет особый покой, но ученики или семинаристы живут по 5 и 6 в одной горнице, у каждого своя постеля, под которой такой же величины и ширины сундук для поклажи платья, белья и книг, а возле онаго стоит маленький столик. Ученые языки и все словесные науки преподаются здесь основательно». Мнение Миллера подтверждается навыками студента Михаила Таирова, который умел читать, писать и переводить по латыни (57). Кроме удобств, описанных Миллером, студенты имели возможность питаться, пользоваться учебными книгами, бумагой и даже одеждой за счет семинарии. Упоминавшиеся ранее семинаристы содержались за счет Лавры. Им выдавались казенные сертуки с камзолами и штанами, сапоги. Ежегодно отпускались средства на приобретение и починку тулупов, обуви, рубашек и белья для неимущих семинаристов (58).

Разумеется, обучение в семинарии было недоступно для абсолютного большинства жителей Сергиевского посада, которые не

только не могли попасть в число семинаристов, но даже не имели возможности просто научиться читать и писать.

Ситуация стала меняться в конце 1785 г. (т. е. до утверждения Устава о народных училищах). Московский приказ общественного призрения в полном согласии со статьей 384 Учреждений для управления губерний, стал организовывать во всех уездных центрах народные училища. Сергиевский посад, хотя и не являлся центром уезда, также попал в сферу деятельности этого учреждения. Предполагалось, что сами жители должны приискать и наемное помещение для школы, и средства для ее содержания, и учителей, которых могло быть двое. Один — церковнослужитель для преподавания Закона Божьего и другой — из людей способных для обучения российской грамматике и арифметике. Сам же приказ кроме моральной поддержки, обещал на первый случай выслать в каждую школу до 50 экз. учебных азбук и катехизисов (59). Правда, из документов не видно были ли обещанные книги получены или обещание так и осталось на бумаге.

Непосредственные заботы по устройству школы в Сергиевском посаде легли на плечи городского головы Егора Павлова. Благодаря его усилиям школа была открыта 10 декабря 1785 г. Она насчитывала 11 учеников и помещалась в доме диакона Вознесенской церкви Алексея Григорьева, который стал учителем (60). В школе обучались купеческие и мещанские дети, но имели право получать образование и дети всех остальных жителей посада — экономических крестьян, штатных служителей Лавры (61). Программа обучения скорее всего была традиционной — обучение по Часослову и Псалтыри самым простейшим знаниям — чтению, письму, счету, Закону Божьему. В таких школах обычно учитель давал задания и спрашивал уроки. Шум в классе был нормальным явлением, так как каждый зубрил свою часть предмета вслух. Одни уходили вперед, другие отставали, поэтому срок обучения для каждого ученика был неопределенным и зависел от его собственных успехов.

С этого момента городской голова и ратуша начинают систематическое общение с приказом общественного призрения. Туда регулярно посылаются ежемесячные ведомости об учителе и учениках и ведутся хлопоты об ассигновании денег на содержание школы (62). В ярких красках живописуются тяготы жителей по содержанию

этого полезного учреждения: «более имеется бедных и неимущих, в том числе отданных в рекруты и умерших, и за всех оных мещанство за убылые души по ревизии в казну от платежа и по нынешней дороговизне хлеба пришло в великое разорение и убожество, отчего не токмо содержать учителя и наемной для учеников дом, дрова и прочие потребности, но подати… платить елико могут» (63).

К 1788 г. диакон Алексей Григорьев был произведен в священники и отбыл из посада. Школа без учителя перестала существовать (64). Однако, к этому времени в масштабах всего государства была проведена огромная работа по подготовке и внедрению в жизнь школы нового образца с профессионально подготовленными учителями, специально разработанной программой и методикой обучения и обязательным набором учебников и других учебных пособий (65). Одним из шагов была подготовка профессиональных учителей. В 1783 г. при организации учительской семинарии при Главном народном училище в Санкт-Петербурге для комплектования нового учебного заведения из лаврской семинарии были отправлены 8 студентов, в том числе упоминавшийся ранее сын Клементьевского священника Сергей Григорьев. Все отправляемые студенты были сыновьями церковнослужителей в возрасте от 19 до 22 лет, хороших способностей, прилежания и поведения. Кроме этого, «имели некоторой дар сообщения, которой учителю в ученике легко приметить можно из ответов на его вопросы», а также «положили уже основание в арифметике, географии, катихизис, грамматике российской и письменных сочинениях». Их переезд в Санкт-Петербург происходил за казенный счет, сопровождался выдачей денег, казенной одежды. Весьма вероятно, дальнейшее обучение также было за счет казны (66).

Новая система народных училищ включала в себя главные четырехклассные училища в губернских и малые двухклассные училища в уездных городах. Для предполагаемых училищ Московской губернии учителей готовили в 1786–1787 гг. в Московском главном народном училище из числа 20 семинаристов, переведенных туда из духовных семинарий. Продолжение их учебы происходило за казенный счет. Будущие учителя знакомились с новым методом преподавания во время посещений уроков в 1 и 2 классах, изучали «Руководство учителям» И. И. Фельдбигера. Для них был прочитан курс

математических наук (67). Таким образом, во время подготовки сочетались практические и теоретические занятия. Итогом подготовки были экзамены, после которых выпускнику вручался аттестат, удостоверявший право преподавать согласно высочайше утвержденной методике. При этом выпускник, получивший подготовку на казенном коште, лишался права менять род своей деятельности, единственно возможной для него оставалась только служба в должности школьного учителя.

В Сергиевский посад профессиональный учитель прибыл 1 марта 1788 г. Сюда он был прислан богородским городничим для организации народного училища, переведенного из Богородска в Сергиевский посад (68). Его появление вовсе не обрадовало посадское общество, наоборот оно наотрез отказалось содержать и учителя и предполагаемое училище. В подтверждение своего решения посадским головой Михаилом Лаптевым в ратушу был представлен мирской приговор. Его текст не сохранился, но можно предполагать, что причиной такого неприятия училища явилась экономическая несостоятельность. Об этом решении было сообщено и в Московский приказ общественного призрения, и в Московское губернское правление (69).

Но в итоге все закончилось благополучно, т. к. 6 апреля деньги на содержание училища в количестве 85 р. были получены из приказа общественного призрения (70). Они предназначались для покупки дров, свечей, бумаги и прочего. Расходование денег должно было происходить по требованию учителя, утверждаться резолюциией ратуши и обязательно фиксироваться в шнурозапечатанной книге. Ратуша должна была подыскать дом, «в котором свободно было бы вместить два класса учеников, а также для житья учителю квартиры» (71). Наиболее подходящим оказался уже знакомый дом церковнослужителя Вознесенской церкви, нанятый за 24 р. в год. Для поддержания чистоты и порядка в училище определили сторожа из мещан и обязали ратманов «надзирание иметь» по очереди каждую неделю по пятницам (72). Смотрителем училища был выбран сначала мещанин Иван Коптелин «по ево честному поведению», которого сменил Федор Дмитриев (73). Жалованье учителя Гаврилы Тимофеева, выделенное из приказа общественного призрения, составляло 150 р. (74)

Новое Богородское народное училище в Сергиевском посаде было открыто 2 апреля 1788 года (75). В училище доставили часы, деревянный шкаф и другую мебель. Существовало несколько проблем — приспособление помещения под школьные нужды и сложности с комплектацией школы учениками и учебниками.

Устав народным училищам гласил: «Училищные домы в уездных городах должны состоять из 2 больших покоев для классов и 2 таких же для учителей, с 2 кухнями и чуланами. Наблюдать, чтобы из классов ни в учительские покои, ниже в кухни прохода не было, и при том стараться, чтоб покои были чисты, не угарны и не сыры» (76). В Сергиевском посаде первоначально, в теплое время, занятия проходили в одном покое (комнате), другой — холодная горница, пустовал (77). Следовательно, в этом единственном теплом покое проходили занятия и он же служил жильем для учителя. Таким образом, на практике не удалось сразу реализовать предполагаемые правительством условия. Однако, по сравнению с положением школ в других городах, условия были прекрасными. В Великих Луках в 1793 г. при освидельствовании школы выяснилось следующее: «Первое, при входе на крыльцо, лестница от ветхости совсем обломилась и подперта колом, чтобы не упала, по которой с великою опасностью ходят; на том же крыльце лотоки совсем сгнили и опасно, чтобы нечаянным образом, упавши не сделала обучающим убивства. Второе, в задней избы пол совсем обломился и печь опасна, во многих местах расколовшись, да и во всех покоях печи пришли в ветхость; и крыша во всех покоях обветшала, и во время ненастных погод в покоях бывают течи, так что в них жити не можно, а паче опасно, чтоб от ветхости печей не последовало пожарного случая, а от ветхости крыш подением их не сделало убийства» (78).

Постепенно, количество учеников увеличилось настолько, что для их обучения одного покоя стало не хватать. Потребовалось произвести некоторые переделки — отремонтировать окна и сделать новую печь в холодной горнице. Ратуша посодействовала в приобретении некоторого необходимого инвентаря — стола и линейки, но работы по дому производить отказалась, сославшись на то, что дом частный и его ремонт является обязанностью хозяина (79). К тому же, полученные на содержание училища казенные деньги не предназначались на наем и поправление обывательских домов. Возможно,

именно по этой причине новый хозяин дома — священник церкви Вознесения Андрей Иванов, повышает арендную плату на 10 р. (80). Позднее, был заключен договор на аренду дома сроком на 3 года ценою по 42 р. в год (81). Казенная сумма была израсходована уже к 11 февраля 1789 г., а хлопотать о выделении следующей выборные члены ратуши совместно с посадским главой стали только в ноябре 1791 г. после окончания срока аренды. Всего к этому времени, сверх выделенных первоначально из казны 85 р., было израсходовано 195 р. 8 к. из общественных денег (т. е. расходы посадского населения в 2 с лишним раза превысили выделенную сумму) (82). Важным аргументом, обосновывавшим требования ратуши был один из пунктов Устава о народных училищах, содержащий сведения о размере содержания малых народных училищ (83). Благодаря этим усилиям следующая сумма была получена из приказа общественного призрения в феврале 1792 г., но на какой срок и какого размера неизвестно (84). После окончания срока аренды названного дома, делались попытки убедить начальство в необходимости выстроить здание для училища за казенный счет, т. к. в посаде подходящее сыскать было трудно. Эта попытка успеха не имела. Зато удалось найти подходящий дом у купца Сергея Москалева и договориться о более приемлемой цене — 35 р. в год, в которую включались и расходы на отопление дома дровами (85).

Постепенно решалась проблема приобретения для учеников учебных пособий — книг по разным предметам. Московский приказ общественного призрения неоднократно присылал в Сергиевский посад учебные книги для продажи желающим. В 1790 г. поступил 91 экз. книг по разным предметам, причем специально оговаривалось, что они должны продаваться по указанной на обложке цене (86). Ратуша обязывалась убеждать население в необходимости покупки учебных книг для детей. Для успешной их продажи давались специальные объявления и в школе, и в семинарии Троице-Сергиевой Лавры во всех классах, и даже на площади в торговый день (87). Правда, из документов неясно сколько книг все-таки было продано или они лежали мертвым грузом. Кроме этого, учителю было предложено сделать отдельный список для обеспечения детей малообеспеченных родителей бесплатными книгами и сообщить по команде в Московский приказ общественного призрения (88).

Но, пожалуй, самой сложной оказалась проблема комплектования училища учениками. В посаде продолжали действовать частные домашние школы, хотя открытие училища сопровождалось одновременным их запрещением. Закрытие частных школ для комплектования новых государственных — обычная мера того времени. Местные грамотеи всячески сопротивлялись и уклонялись от выполнения этого указа. Так, крестьянин Алексей Евдокимов запугивал своих учеников перспективой неминуемой солдатчины для учащихся в новом училище (89). Соцких неоднократно обязывали объявлять всем подсудным ратуше людям, чтоб детей своих приводили в училище без отговорок. В качестве важного аргумента приводилось следующее: «Поелику тут (в народном училище – Н.Ч.) их дети самым желаемым и преполезнейшим для юношества способом обучаемы будут» (90). Таким образом, в качестве преимущества выступала методика преподавания. В чем конкретно она заключась из документа не видно. Но во вновь созданных народных училищах обучение должно было производиться с целым классом одновременно, а не с каждым учеником по отдельности. Для этого необходим одинаковый комплект учебников у всех учеников, т. к. в ходе урока все читают один и тот же фрагмент текста, сначала вместе с учителем, потом поочередно, затем хором и в результате все одновременно выучивают один и тот же материал. Домашние задания отсутствовали. Упоминание о новой методике преподавания, а также время появления учителя — 1788 г. — подтверждают, что Гаврила Тимофеев был одним из подготовленных в Московском главном народном училище специалистов (91).

Вернемся к школе в Сергиевском посаде. Не совсем ясно когда начинался учебный год. Первый набор, в силу случая, произошел весной 1788 г. В дальнейшем объявления о приеме новых учеников производились через ратушу и в январе, и в июле–августе (92).

Сохранившиеся документы не позволяют раскрыть содержание учебного процесса в училище Сергиевского посада. «Устав народным училищам» четко определял и программу обучения и комплект обязательных учебных пособий. Для успешной реализации задуманного, на государственные средства были изданы не только специально подготовленные учебники, но и переводная книга И.И. Фельбигера «Руководство учителям перваго и второго класса

народных училищ Российской Империи». В ней не только описывалась новая методика преподавания, но и доказывалось ее преимущество перед старой: «Дети избавляются от жалостного мучения, когда им под угрозами различных наказаний задаются для учения наизусть определенные на известное время уроки, без всякого облегчения. Дети научаются всему, так сказать, играючи». При этом запрещались вообще все виды телесных наказаний. Разрешались только словесные увещевания, предостережения и угрозы. Но за «слабоумие, худую память и природную неспособность» нельзя было ругать. В качестве поощрения «к благородному соревнованию» в учебе можно было использовать публичное оглашение в конце полугодовых «открытых испытаний» имен учеников, отличившихся своими успехами (93).

При обучении письму, учитель должен был обратить особое внимание учеников на правильную осанку и показать как надо держать перо в пальцах. Для выработки хорошего почерка использовались прописи и линованная бумага. Перья для письма требовалось готовить заранее и вне школьного помещения. Это условие было вызвано как заботой о предотвращении увечий от неумелого пользования перочинным ножом, так и сохранением от порчи школьного имущества.

Для активизации учебного процесса учителю предписывалось использовать различные пособия, в том числе таблицы азбучные, таблицы складов (слогов) и прописи. В случае «недостатка печатных прописей» рекомендовалось «или писать на большой доске … мелом для списывания всем ученикам, или каждому прописывать на бумаге» (94). Школьное обучение грамоте и счету не должно было быть оторвано от обычной нормальной жизни. По этой причине нужно «выбирать наипаче такие случаи, которые попадаются в общежитии, в хозяйстве, в ремеслах, художествах, купечестве и других честных промыслах, в мере, в весе и монете употребительной». Оригинальный методический прием приведен в Уставе народным училищам: «иногда и на доске написать нарочно с ошибками, чтобы чрез то узнать, понимают ли они исправно сказанное, примечают ли ошибки и умеют ли их исправить» (95).

Обычно в малых двухклассных училищах в первом классе преподавались чтение, письмо, знание цифр, краткий катехизис, свя-

щенная история и начатки русской грамматики. Во втором классе — катехизис с текстами, объяснение Евангелия, арифметика, книга «о должностях человека и гражданина», чистописание и рисование. В числе обязательных пособий необходимо было иметь не только буквари, катехизис, священную историю, арифметику, но и таблицы азбучную и складов (слогов), а так же прописи (96). Мог ли один учитель преподавать все эти предметы своим ученикам в условиях отсутствия должной материальной базы? Скорее всего, эта программа реализовывалась в усеченном варианте.

Итогом занятий в училище были публичные экзамены. О дате и времени их проведения местные жители официально оповещались через ратушу. Это важное для училища событие оформлялось соответствующим образом — из ратуши доставлялись стол с красным сукном, портрет императрицы и прочие вещи, подчеркивающие значительность происходящего. Впервые подобные испытания были проведены 22 декабря 1788 г., т. е. менее чем через год после начала обучения (97). В дальнейшем такие экзамены проводились регулярно дважды в год — зимой и летом (98). «Руководство учителям…» И.И. Фельдбигера подробно описывает процедуру подготовки и проведения публичного экзамена. Его обязательными элементами были речи при открытии и в окончании экзамена. Причем специально оговаривалось, что сочинять речи должен учитель, а говорить их — ученики (99). При этом ни слова нет о таких торжественных атрибутах как стол с красным сукном и портрет правящей императрицы. Вместе с тем, в народных училищах Сибири в помещениях, где проводились экзамены, обязательно имелся портрет правительницы (100). Видимо, в использовании этих предметов учитель следовал установившемуся ритуалу обставлять это важное для училища событие самым подобающим образом.

Для учеников, отличившихся во время экзаменов, Московский приказ общественного призрения неоднократно присылал в качестве наград учебные книги — в январе 1789 г. — несколько штук, в июле 1790 г. — 14, в январе 1791 г. — 23 экземляра (101). Поступали наградные книги и позднее с завидной регулярностью.

По результатам экзаменов в конце срока обучения выдавались свидетельства о получении образования с указанием изученных предметов за подписью директора Главного и малых народных учи-

лищ господина коллежского советника и кавалера Тимофея Григорьевича Мисловского. Первый выпуск состоялся в марте 1790 г. (т. е. примерно через 2 года после открытия училища) и насчитывал 7 человек (102). Эти свидетельства выдавались в ратуше родителям учеников под расписку в присутствии ратушских членов, учителя и учеников.

Публичность экзамена, сама атмосфера, в которой он проводился, наградные книги, и, наконец, самое главное — документ, скрепленный высокой подписью, все это должно было способствовать повышению престижа училища, его большей конкурентоспособности по сравнению с местными домашними школами, увеличению числа учеников. В этой ситуации кажется парадоксальным тот факт, что частные домашние и церковные школы продолжали существовать. Именно о них докладывал в ратуше в августе 1789 г. учитель Гаврила Тимофеев, а в 1791 г. он же сообщил о существовании подобного заведения под руководством дьякона Успенской церкви, что в Клементьеве (103). Отметим кстати, что с 1795 г. преподавание по новому методу было сделано обязательным во всех «домашних училищах» в Москве. Не только русские, но и иностранные учителя допускались к преподаванию только в том случае, если имели свидетельство от главного народного училища в знании нового метода преподавания (104). Вероятно, эта мера не успела распространиться на Сергиевский посад.

Ситуация осложнялась тем, что не только священнослужители самовольно набирали себе учеников, а ратуша не могла им запретить, но и тем, что сами купцы и мещане не видели большого смысла в училищном обучении для своих детей. Сохранилось любопытное доношение купца Алексея Мамаева и прочих купцов и мещан, в котором они просят не принуждать их к отдаче детей в училище, т. к. дети их неспособны учиться в нем подолгу и успехи имеют весьма малые (105). Скорее всего, не дети не имели способностей, а родители не видели смысла в долгом обучении по государственным программам. Гораздо привычнее было обучение грамоте по Часослову и Псалтыри у дьячка (106). К тому же, обычным явлением среди купечества было привлечение мальчиков к непосредственному участию в торговых операциях своих родителей. Именно поэтому количество учеников в училище в 1791 г. составляло всего 6 человек

— трое мещан и трое крестьян. Ни одного купеческого сына среди них не было (107).

Такая ситуация не была исключением, подобные ей возникали и в губернских и в уездных городах. На Урале в уездном городе Шадринске после открытия в 1789 г. малого народного училища купцы и мещане предпочитали своих детей отдавать в обучение частным лицам. Городские органы самоуправления не «истребляли» частные школы, а в 1797 г. выступили с ходатайством о закрытии училища, требовавшего немалых затрат, но ничего не дающего «к пользе общей». К этому времени в училище из 9 учеников только один принадлежал к городским сословиям (108). В тихвинском училище сразу же после открытия в 1788 г. из 68 учеников разбежались 54. А обыватели Лебедяни, Шацка, Спасска и Темникова подали прошения о закрытии училищ (109).

Возникает вопрос, как объяснить существенную разницу между количеством присланных наградных книг, учебных книг для продажи и количеством учеников в училище при условии обязательных отчетов и даже проведенной в январе 1790 г. проверки училища членом приказа Шапкиным (110). Возможно, контроль со стороны приказа общественного призрения носил достаточно формальный характер и его действия не соотносились с реальной ситуацией на местах. Показательно, что столь малое количество учеников не только не привело к закрытию училища, но такой вопрос вообще не поднимался ни посадским обществом, ни приказом общественного призрения. Но может быть, в этой ситуации большое количество наградных книг при малом количестве учеников рассматривалось как своего рода пряник, способный если ни сию минуту, то хотя бы, со временем приохотить население к учению в училище. Во всяком случае, нечто подобное было высказано в ответ на одно из прошений о закрытии старших классов Витебского главного училища: «Известно из опытов, что вкус к наукам не вдруг, но со временем приобретается, без поддержания ж оного со стороны начальства не уповательно, чтоб приращение к наукам могло само по себе возникнуть, а тем менее распространиться» (111). Этот пример показывает позитивную роль коронной администрации, контролировавшей деятельность органов городского самоуправления, так как действия выбор-

ных властей не всегда были дальновидными и правильными с точки зрения исторической перспективы.

Училище в Сергиевском посаде было не единственным в поселениях такого типа. Чуть ранее, в 1769 г. губернатор Новгородской губернии Я. Е. Сиверс выступил с инициативой заведения школ для обучения грамоте в городах губернии, в том числе и в Холмском посаде. Для этого проводилась предварительная работа — выяснялось количество мальчиков школьного возраста, количество обучаемых грамоте детей, а также наличие в поселении человека, способного обучать детей чтению, письму и арифметике. Школа должна была содержаться за счет посадского населения, причем форма оплаты — за каждого ученика или за всех вместе — должна была быть определена на месте (112). В результате оказалось, что в Холмском посаде было 76 мальчиков в возрасте от 7 до 12 лет (113). Из них своим коштом обучались читать и писать 21 человек, что составляло 27%. Кроме этого, находились еще желающие обучать своих детей грамоте, но среди них многие не имели финансовой возможности и не располагали временем из-за отлучек по торговому промыслу. Принимая во внимание материальные затруднения холмского купечества, губернатор Я. Е. Сиверс выслал 50 экз. букварей для бесплатной раздачи в качестве своего вклада в дело организации школы. Из этого числа практически сразу же были розданы 36 шт., в т. ч. 2 букваря взяли купеческие вдовы для обучения своих детей. И затем, в августе 1771 г. холмским купечеством была дана подписка в том, что они обязуются организовать школу и содержать учителя за свой собственный счет. Под этим документом поставили подписи 8 купцов и 1 купчиха (114). В документах не сохранилась дата начала функционирования школы, но учитель был найден, учебники имелись, получено было и согласие населения.

Сложно сравнивать уровень грамотности в Холмском и Сергиевском посадах из-за отсутствия некоторых данных по Сергиевскому посаду. Но вряд ли в последнем был такой же уровень грамотности среди мальчиков школьного возраста. По мнению М. Я. Волкова «распространение грамотности в городах XVII — нач. XVIII в. было тесно связано с торгово-промышленными занятиями посадских людей и их службами. При этом торговые занятия, сравнительно с ремесленными, в большей мере способствовали ее распростране-

нию» (115). Это наблюдений вполне подходит и для более позднего периода. В данном случае мы рассматриваем городские поселения второй половины XVIII в. И здесь с одной стороны, мы имеем давно существующий посад, население которого не только занималось торговлей, но и активно использовалось в разных, в том числе и в отъезжих службах, для выполнения которых грамотность была обязательна. С другой стороны — посад, образованный недавно и к тому же в условиях ликвидации служб как таковых.

Позднее, в первой четверти XIX в. в Дубовском посаде Саратовской губернии существовало приходское училище, помещенное по найму в обывательском доме. Оно содержалось за счет посадского населения. К сожалению, на этом и заканчиваются все имеющиеся сведения о Дубовской школе (116). В Гавриловской слободе в 1760 г. была открыта школа для детей работников дворцового конного завода. В ней обучались 40 мальчиков. Учитель получал жалованье в денежной и натуральной форме — 20 руб. и 10 четвертей ржи в год (117). Сведений о ее функционировании после преобразования слободы в 1789 г. в посад пока не обнаружено.

Остается добавить, что училище в Сергиевском посаде просуществовало до ликвидации Богородского уезда в 1797 г.

Показателем состояния школьного дела в Сергиевском посаде является судьба местного учителя Гаврилы Тимофеева. Начало его жизни до момента появления в посаде не известно. Скорее всего, он происходил из семьи церковно- или священнослужителя и начал получать духовное образование в одной из семинарий Московской губернии. Осенью 1786 г. произошел решительный поворот в судьбе Гаврилы Тимофеева — его перевели в Московское главное народное училище для подготовки к должности народного учителя, и духовная карьера сменилась светской. Условия жизни 20 семинаристов, проходивших подготовку в этом учебном заведении, были достаточно комфортными. Было устроено скромное общежитие, где у каждого была своя кровать с тюфяком, двумя подушками и байковым одеялом. Дополняли оборудование столы с двумя дюжинами стульев. Обратим внимание — не скамьи, а стулья. При таком комплекте возможно более индивидуализированное многовариантное использование мебели. В распоряжении жильцов общежития были кухонная утварь и столовая посуда, ежемесячно выдавались деньги на

продовольствие. Для будущих учителей было «построено» казенное платье.

Сложно сказать, каких успехов в учебе добился Гаврила Тимофеев, но его имени нет ни в числе отличившихся успехами, ни среди отчисленных за неспособность к обучению и преподаванию (118). Зимой 1787–1788 гг. Гаврила Тимофеев получил назначение во вновь открываемое двухклассное училище Богородского уезда и прибыл на новое место службы — в город Богородск., уступавший по размерам Сергиевскому посаду. В нем не нашлось места для самой скромной школы. Городничий своей властью направил учителя в более подходящее городское поселение своего уезда — Сергиевский посад. Но он оказался не очень нужным и на новом месте. Мирской сход Сергиевского посада решительно отказался содержать школу с учителем. Камнем преткновения стал щекотливый финансовый вопрос. Потребовался месяц для его решения. Еще месяц был затрачен на подготовку школы к открытию. Условия работы и жизни учителя были достаточно спартанскими. На первый взгляд, общество должно было предоставить ему вполне сносные условия, но реальность оказалась суровей. Учитель столкнулся с косностью населения, не желавшего отдавать детей для обучения по новым программам, со скудостью материальной базы, отсутствием должных учебных пособий, с необходимостью борьбы с конкурентами и своей беспомощностью в этом вопросе. Каковы были профессиональные способности учителя Гаврилы Тимофеева неизвестно, но жалобы или какие-то порочащие его лично факты не известны. Зафиксирован только случай неудовольствия программой и длительностью обучения, но отнюдь не учителем. Некоторые факты косвенно свидетельствуют о старательности Гаврилы Тимофеева — например, организация проведения публичных экзаменов, периодичность объявлений о наборе учеников, борьба за ликвидацию частных училищ. К тому же, за первые два года, в условиях становления новой школы он сумел подготовить выпуск из 7 учеников, что было немало для такого поселения.

Жизнь текла своим обычным порядком. 7 февраля 1789 г. в приходской церкви Вознесения Господня в Сергиевском посаде Гаврила Тимофеев сочетался браком с дочерью священника из села Фрянова Елисаветой Ивановой (119). Поиск невесты духовного зва-

ния косвенно подтверждает предположение о происхождении учителя из этой же среды. Вместе с молодыми доживала свой век престарелая мать учителя вдова Анисья Васильева. Появление детей (Василия, Николая, Сергея, Матроны, Павла и Алексея) сопровождалось установлением новых связей (кумовства) с жителями посада, среди которых были священник Вознесенской церкви Андрей Иванов, штатный служитель Иван Иевлев, купец Степан Антонов и его сын Иван Степанов. Радости семейной жизни сопровождались невосполнимыми потерями. В 1796 г. в январе месяце один за другим умерли два сына — полугодовалый Павел и шестилетний Василий. В мае 1797 г. «по христианской должности и в покаянии» умерла 72–летняя мать учителя (120). Проработав на одном месте около 10 лет, Гаврила Тимофеев после закрытия училища, видимо покинул посад, так и не обзаведясь собственным домом.

Итак, за очень короткий временной период в Сергиевском посаде поочередно существовали две школы. Первая — это школа старого образца, при церкви, без специально подготовленного учителя, с преподаванием по Часослову и Псалтыри, содержащаяся полностью за счет посадского общества. Вторая — новая школа, с профессионально подготовленным учителем, с более широкой программой образования, имеющая материальную и моральную поддержку со стороны государства. В обоих случаях государство своей инициативой способствовало созданию школы, во втором случае его роль была более значительной. Именно оно определяло школьную программу, готовило и назначало учителя и выделяло некоторую сумму на содержание учебного заведения. Но основное бремя по содержанию училища — поиск и содержание школьного помещения, организация набора учеников, а самое главное — материальное обеспечение — ложилось тяжелым бременем на население города.

Другой особенностью явилось то, что купечество игнорировало государственное училище, хотя в среде городского населения остро чувствовалась необходимость получения элементарных знаний чтения и письма. Продолжали функционировать частные школы при церквях, программа обучения и методика которых удовлетворяли потребности мелкого купечества.

И, наконец, третье. Как ни малочисленны были обе школы, но они все-таки существовали в поселении, не являвшемся администра-

тивным центром, к тому же лишь недавно получившим статус городского, в то время как в уездном городе и вовсе не нашлось возможности для организации училища. Таким образом, развитие такого специфического элемента городской жизни как школа не всегда зависело от статуса городского поселения — т. е. от того был ли это уездный город или посад.

Домашний быт

Источники сохранили очень немного сведений о бытовой стороне жизни Сергиевского посада. Это — единичные описания домов, приданого, а также сведения, содержащиеся в прошениях о кражах домашнего имущества, конфликтах и т. д. Тем не менее, эти редкие упоминания дают возможность хотя бы частично осветить некоторые моменты повседневного уклада жизни и предметы домашнего обихода рядовых горожан.

Обычно дворовые участки ограждались бревенчатыми заборами в несколько прясел с воротами и калиткой. Прясло представляло собой деревянную конструкцию из двух вертикально врытых в землю столбов. В каждом из них выбирали пазы определенной глубины, в которые вставляли затесанные и пригнанные друг к другу бревна, образовывавшие глухую стенку забора. Так, у купца Мокеева забор был в 4 прясла, а у цехового Миронова в 6 прясел (121). Пример устройства такого двора можно увидеть на сохранившемся рисунке из Архитектурного альбома Лавры. По нижнему краю рисунка просматривается гражданская застройка жителей посада. Хорошо видно двор в правом нижнем углу.

Исследователь городской материальной культуры М. Г. Рабинович отмечает, что в XVIII в. «кроме жилого дома, на дворе стояли хозяйственные постройки: амбар, сеновал, хлев, конюшня, погреб… Собственно баня как дворовая постройка (была — *Н. Ч.*) не во всяком городе…. Почти не стало во дворах горожан таких сельскохозяйственных построек как овин и гумно с током… Углубление разделения труда, развитие хлебной торговли делали эти постройки ненужными» (122).

В Сергиевском посаде во дворах стояло множество построек различного назначения. Например, у прапорщицкой вдовы Марфы Николаевой Федоровой «собственной свой дом с людской избой, конюшней, погребом, житницей, анбаром, хлевами скотскими, банею и овином». Во дворе дома купца Дмитрия Семенова Тарбинского «ледник, конюшня на 6 лошадей, анбары, людская изба, баня». Обращает на себя внимание наличие таких специфических построек как овины. В цитированном документе овин является одной из дворовых построек. Овин — это хозяйственная постройка, предназначенная для просушки хлеба в снопах. Для этого, там устраивалась специальная яма, в которой разводился огонь, дым которого и способствовал быстрой просушке снопов. Такие сооружения из-за большой пожароопасности, обычно ставили в отдалении от жилой застройки. Другой особенностью построек в посаде были собственные обывательские бани. Они имелись во многих домах и располагались в конце хозяйственного двора или огорода. Такое расположение зафиксировано в планах дворов церковнослужителей приходских посадских церквей. Общественные бани построить не удалось. Учрежденный собор Лавры не дал своего согласия на постройку общественных бань как не сообразных правилам благочиния (123).

Количество дворовых построек находилось в прямой зависимости от промыслов своих хозяев. Во дворах многих купцов имелись мелкие промысловые заведения — солодовенные, салотопенные, купоросные заводы, полотняные и шелковые фабрики. У купца Никиты Солодовникова «в ряд своего дома заедино постройка каменная сделана и для медного завода согласно Межевой инструкции», у купца Леонтия Полыньина «деревянный дом при нем солодовенной завод». Кроме этого, «в здешнем посаде имеются и посторонних людей фабрики для мотания шелку и делания из меди купоросу да полотняная» (124). Другие дома использовались в качестве постоялых дворов, что также сказывалось на назначении и количестве их дворовых построек. Торговые занятия многих жителей требовали наличия не только лавок, но и амбаров для хранения товаров. Рыбные амбары, возможно с приспособлениями для хранения такого скоропортящегося продукта, были у купцов Чернохвостова и Курылдина. Мещанская вдова Татьяна Верещагина сдавала свой дом

под питейную продажу, поэтому в ее дворе были «ледник, погреба, винный магазин с воротами» (125).

Различали погреб «теплый», т. е. без льда и ледник. В первом случае это четырехугольная яма, закрепленная срубом из относительно тонких бревен, а иногда и из пластин, с земляным полом. Глубина такой ямы метра полтора. Ледник имел специальное устройство для охлаждения. Пол был выложен кирпичом, у одной из стен вымостки не было, специальный желоб вел от этого места к поглощающему колодцу. В стене погреба имелось отверстие — отдушина. Здесь было прохладно, но не сыро (126).

Материалы не дают возможности определить конструкцию жилых построек. Скорее всего, это были двух– и трехкамерные постройки. Некоторые элементы конструкции можно восстановить благодаря сведениям о помещениях, сдаваемых в аренду. Так, например, школа в Сергиевском посаде, располагалась в помещении, состоящем из избы, сеней и неотапливаемой горницы без окон. Секретарь ратуши Афанасий Овчинников первоначально снимал комнату, в которой были печь, 4 окна и чулан, т. е. это скорее всего была одна из частей постройки в несколько камер. У купца Якова Семенова Низяева дом выстроен «вдвойне». В нем по правую руку — жилая изба, которую сдают внаем. Дом священника Введенской церкви Андрея Федорова состоял из «двух горниц с проходными комнатами, с сенми и в них светлица и кладовая чулан». У купеческой вдовы Авдотьи Москвиной был двухэтажный бревенчатый дом. Черная изба цехового Миронова состояла из двух камер — избы и сеней, а для входа было крыльцо о трех ступенях.

Более сложную конструкцию имели дома, построенные во время проведения перепланировки. Купец Савва Лукин Прокофьев имел несколько домов, в том числе двухэтажный каменный и 2 деревянных. Описания двух деревянных домов сохранились. Их конструкция с дощатыми перегородками, насчитывает несколько смежных помещений различного назначения. Все окна в этих домах с рамами и стеклами. В одном из них крыльцо, сени, 4 комнаты, различного назначения чуланы и даже «два нужных места». В другом крыльцо, сени, прихожая, кухня, две горницы и зала, а также два чулана (127). В деревянном с дощатой перегородкой доме купеческой вдовы Татьяны Додиной в пристроенных к горнице бревенча-

тых сенях кроме обычного чулана было и «нужное место» (128). Создание дополнительных помещений в доме путем перегораживания основного сруба было одним из вариантов улучшения комфортности, получения дополнительных полуизолированных смежных помещений. Другим свидетельством изменения представлений об удобствах служит упоминание прозаического «нужного места». Это вполне соответствует наблюдениям исследователей на материалах других городов: «Прежде “нужное место” у небогатых людей находилось во дворе, устройство его в основном объеме дома стало свидетельством новых представлений о комфорте» (129).

При описании жилища, особое внимание обращалось на металлические предметы, использованные при оборудовании дома — дверные петли, жуковины (жиковины), замки, пробои, задвижки, печные заслоны и др. аналогичные вещи. Из этого следует, что такие детали дома как двери и окна были традиционной плотницкой (топорной) работы. В них широкие доски скреплялись накладными петлями — жиковинами. Столярная работа, т. е. изготовленные с применением забивных шпонок оконные рамы и двери, была большой роскошью и всегда особо фиксировалась (130).

Важное место в любом русском доме занимала печь. Большой многокомнатный дом не всегда было возможно отопить одной печью. В этих случаях в доме было несколько печей, причем одна из них обязательно русская печь, которая служила для приготовления пищи и обогрева. Дополнительные — различные лежанки и голландские печи — только для обогрева помещения. Таким образом, наличие в доме нескольких печей косвенно указывает на более сложную конструкцию дома. В посаде жили мастера-изразешники, которые могли предложить потребителю унифицированные наборы печных изразцов «с карнизным, сухарным и протчим прибором». В их число входили стенные изразцы, карнизные, угловые, «сухари», языки и даже фронтоны с дуговыми полукруглыми впадинами (131). Корпус печи обычно делился по высоте на все более сужающие отрезки — на несколько уступов. Они ограничивались друг от друга карнизными или поясковыми изразцами разного профиля и меньшего формата, чем изразцы зеркала печи. Низ такой печи, по желанию заказчика, мог покоиться на фигурных ножках, объединенных арочками с «гирьками» в середине последних или же на плоском цоколе. Верх

печи обычно украшался «городками» — изразцами с вычурными краями или даже фронтоном по новой моде. Их назначение было единственное — украшение печи (132). В домах купца Прокофьева были изразцовые лежанки, которые всегда делались в чистых комнатах («печь голанская изращатая желтых израсцов»). В кухне была русская кирпичная печь с одной «изращатой» стеной, выходившей в жилую комнату. Аналогично была устроена печь в доме купчихи Додиной «печь русская кирпичная с одной стороны изращатая» (133). Таким образом, подчеркивалось сугубо утилитарное назначение печи в кухне и утилитарно-декоративное в более парадной части дома. Людям XVIII в. практицизм был свойственен в большей мере, чем нашим современникам. Отсюда стремление не украшать те помещения, которые в этом не нуждались, сосредоточившись на декоре более парадной части дома. Можно предположить, что во многих домах состоятельных горожан печи делали полностью или наполовину «изращатыми».

Источники почти не сохранили описаний внутреннего интерьера дома. Скорее всего, в Сергиевском посаде, лишь недавно ставшим городским поселением, внутреннее убранство дома было традиционным для крестьянского жилища. Самое почетное место в доме отводилось иконам. «Божие благословение» всегда стояло на первом месте при перечислении различных ценностей и домашних вещей. Количество икон, богатство их украшений зависели от материального достатка. Так, у мещанки Комковой в приданом было 20 образов в серебряных окладах, и еще в золотых ризах складень и одна икона. В каменном доме купца Саввы Лукина Прокофьева было 28 икон. Почти все были разнообразно украшены: «венец серебряной вызолоченой, убрус жемчужной», «венец и оплечье серебряные и убрус жемчужной», «оклад и венцы серебряные». Можно предположить, что аналогичные иконостасы могли быть и в домах других богатых купцов. Подтверждением служит документ о разделе имущества купца Серебренникова. Никифору, внуку купца Серебренникова, в числе 7-й части имущества достались 8 образов окладных и неокладных, да две книги — Псалтырь и Страсти Господни. Следовательно, до раздела, общее количество икон и книг было значительно больше, т. е. икон могло быть до 50, а книг более 7 (134). В доме купца Саввы Лукина Прокофьева было 15 книг, многие из

которых достались ему от родителей. В их числе несколько Псалтырей, Четьи-минеи, Часовник, Святцы, жития святых и другие богослужебные и «душеполезные» книги (135).

Для сравнения. М.В. Ворожбитова, изучающая религиозное сознание московских обывателей XVIII в. на материалах описей конфискованного имущества, отмечает следующее: «У большинства (54%) жителей старой столицы количество святых образов, хранимых в домах, не превышало 10, у 31,5% москвичей число икон колебалось от 10 до 20, и лишь у немногих (14,5%) оно было более 20» (136). В Сергиевском посаде гораздо чаще встречаются упоминания о наличии 1–3-х икон. Бобыль Николай Панов получил от матери при разделе имущества 3 образа, из которых один был в серебряном окладе, два неокладных. Купец Семен Оконнишников завещал сыну Андрею Распятие в серебряном окладе и икону в серебряном, позолоченном. В доме копииста Семена Ястребкова была икона в серебряном окладе за 15 р. и складень (видимо тоже серебряный) за 30 р. Один окладной образ был в приданом жены купеческого сына Ильичева (137).

Кроме традиционных живописных икон бытовали и графические листы духовного содержания. В имуществе разорившегося купца Андрея Абакшина было несколько «бумажных божественных ветхих и изодранных картин» (138). Эти предметы вполне можно отнести к произведениям светского искусства на библейские сюжеты, тем более что даже источник классифицирует их как картины. Священник Христорождественной церкви протоиерей Стефан Фадеев получил за венчание сына монастырского живописца Исидора Ленкова два живописных портрета высочайших персон за 2 рубля (139), что очень необычно. В небольших городах такие портреты, как правило, были принадлежностью присутственных мест. В Сергиевском посаде четыре портрета императрицы Екатерины II находились в разных помещениях ратуши (140). К числу предметов светского назначения и содержания нужно добавить учебные книги, которые были у жителей посада, обучавших своих детей грамоте. Такие книги регулярно присылались из приказа общественного призрения для награждения отличившихся учеников (141). Таким образом, у жителей посада были книги «душеполезные» и познавательные, развлекательной литературы не зафиксировано. По замеча-

нию М. В. Ворожбитовой, «присутствие предметов светского искусства в обиходе рядовых обывателей, с одной стороны, свидетельствует о переменах, коснувшихся в XVIII в. материальной, вещной стороны их быта, а с другой стороны, отражает коренные изменения, затронувшие мировосприятие и мировоззрение, духовные потребности и культурные запросы, т. е. свидетельствует о незаметных, как правило, для стороннего наблюдателя сдвигах в наиболее консервативной области человеческого существования» (142).

В жилом помещении обязательно были врубленные в стену лавки. Иногда они опоясывали все помещение кругом, а иногда устраивались только с двух или трех сторон. Обязательной частью меблировки помещения были столы. В некоторых случаях (например, в доме вдовы Додиной) были полати — специальные настилы под потолком возле печи, где изба остывала меньше всего. Из других предметов мебели, источники зафиксировали посудный шкаф мещанки Комковой. Среди предметов домашнего скарба упоминаются сундуки, лубяные коробы, кадки, квашни. Несколько иначе были убраны комнаты в каменных особняках богатых купцов. Среди имущества упоминавшегося купца Саввы Прокофьева были шкаф красного дерева с посудою разною, шкапики со стеклами, три больших зеркала, столовое зеркало, кресла домашние и столы (143).

Лавки служили не только для сидения, но и для ночного сна. Из постельных принадлежностей в домашнем обиходе встречаются перины, подушки, простыни, наволочки, а роль одеяла могла выполнять и шуба. У канцеляриста Петра Туленина в сундуке было белье совершенно иного рода: «три скатерти болшие камчатые, пять скатертей салфеточных, пять банберековые, восемь салфеток камчатых болшей руки, пять салфеток камчатых же средней руки, …полдюжины полотенец личных галанскаго полотна, две простыни галанскаго полотна с кружевом, шесть простынь полотняных простых, две наволочки ивановского полотна» (144). Для изготовления столового и постельного белья канцеляриста Туленина использованы разнообразные льняные (простое полотно, ивановское полотно, голландское) и шелковые (банберек, камка) ткани.

В одном помещении на ночь нередко укладывались на ночлег и хозяева и наемные работники. Спали и на полу. В доме купца Петра Медведева так располагались на ночлег: работница спала на лавке,

вдовые мать и сестра купца спали в том же помещении особо, а сам купец спал на полу с маленькой девочкой. Причем дело было не жарким летом, а зимой в начале Рождественского Филиппова поста. Заметим, что в это же время, студенты семинарии в Лавре все спали на отдельных кроватях (145). Понятно, что купец выбрал себе место на полу не от нужды, а потому что ему там было удобно, комфортно. Привычки купца Медведева не были исключительными. В провинции быт купечества во многом напоминал крестьянский уклад жизни. В воспоминаниях о своем пребывании в Иркутске в 1805 г. Вигель так описывал местных купцов: «Между иркутскими купцами, ведущими обширную торговлю с Китаем, были миллионщики… но все они оставались верны старинным, русским, отцовским и дедовским обычаям… ежились в двух-трех чуланах, спали на сундуках…» (146).

Источники не сохранили сведений о бытовании в Сергиевском посаде такой обычной для приготовления в русской печи кухонной утвари как глиняные горшки и вообще глиняной посуды. Разумеется, это не значит, что такая посуда у жителей отсутствовала. Видимо она была настолько обычной, что само ее наличие было как бы фактом само-собой разумеющимся, и поэтому не достойным особого упоминания. Но имеются сведения об использовании в хозяйстве деревянной посуды. Она в больших количествах продавалась в посаде и на ярмарках с возов и при ежедневной торговле в лавках. Деревянная посуда — это посуда столовая, которая использовалась для сервировки стола. Такая посуда встречалась в приданом крестьянских дочерей, в числе имущества штатных служителей, в купеческом и мещанском обиходе.

Документами зафиксировано бытование металлической — медной и оловянной посуды. Как правило, ассортимент такой посуды не перечисляется или же указывается только ее вес. Подробное описание того, что имелось в виду под общим обозначением металлической посуды встречается в описании приданого жены мещанина Комкова. У нее были оловянная кружка и медные — кумган, 2 ендовы, 10 стаканов, 1 поднос, 3 сковородки, таз, рукомойник, 2 котла, братина, черпок и плошка. Кроме этого имелась деревянная посуда и посудный шкаф (147). Медная и оловянная посуда была у бобыльской вдовы Пановой. Купец И. С. Оконнишников получил от матери

медную, оловянную и деревянную посуду. У мещанина Ивана Щепетилникова были медные таз, кунган и рукомой весом в 9 фунтов. У канцеляриста Петра Туленина были «шесть стаканов серебряных пивных на виноградной вид, …оловянной посуды блюд дюжина, мис дюжина, торелок оловянных полторы дюжина» (148). При разделе имущества купец Гаврила Серебряников выделил внуку «посуды оловянной разной» 16 фунтов, медной 10 фунтов, да еще и хрустальной посуды более чем на 1 рубль. При этом выделенная металлическая посуда составляла 7–ю часть, а хрустальная — 4–ю часть от общего числа. До раздела, таким образом, в семье Серебренниковых было оловянной посуды — 112, медной — 70 фунтов и хрустальной более чем на 4 рубля. Обратим внимание на сам факт наличия хрустальной посуды. Может быть, в крестьянском быту медная посуда встречалась, но хрустальная посуда не могла быть у крестьянина в принципе. Это свидетельство знакомства с бытом высших сословий, стремление подражать ему даже в мелочах. Здесь мы встречаемся с примером переплетения старых и новых обычаев, с влиянием городского уклада на быт населения (149). Наличие хрустальной посуды в обиходе горожан, видимо, не было чем-то экстраординарным. Так у жителя г. Бежецка И. И. Постникова было «шесть хрустальных рюмок, три хрустальных стакана, “кувшинчик” и “графинчик”», у подъячего Н. И. Сусленникова — «хрустальной посуды: стаканов, рюмок, один бакал — сщетом дватцать, да хрустальной штоф, ценою восемьдесят копеек…». Даже в кабаке г. Бежецка благородным посетителям пиво подавали в хрустальных стаканах (150). Возвращаясь к Сергиевскому посаду добавим, что Серебреников не относился к числу самых богатых купцов — владельцев каменных домов, торговых заведений и мелких промышленных предприятий как, например, купец Савва Прокофьев. Последний получил в 1792 г. после смерти отца: 6 стаканов больших серебряных вызолоченных, 7 стаканов больших серебряных гладких, 9 чарок серебряных, 3 больших медных «кургана» (кумгана), 3 большие ендовы, большой кувшин, дюжину больших блюд, 80 столовых тарелок, 4 больших судка, «фаянцовой прибор большой синей», 3 медных таза, 3 печных котла (151). Упоминание в ведомости ратуши 1785 г. мастерства по ремонту разбитой фарфоровой посуды, позволяет предположить ее употребление жителями посада (152).

Часть посуды была столового назначения. Это кумган — сосуд, похожий на кувшин, но с высоким как у современного кофейника носиком. Ендова — сосуд округлой формы с удлиненным носиком-сливом. Братина — сосуд с шаровидным туловом, служивший для питья вкруговую (153). Среди столовой посуды оказались экземпляры для индивидуального пользования (стаканы, чарки, кружка, столовые тарелки) и для пользования коллективного (братина, ендовы, кумган, большие блюда, мисы, поднос). Другая часть посуды — кухонная утварь — 3 сковородки, таз, рукомойник, 2 котла и черпок. Из других предметов утвари встречается упоминание о кухонных ножах — большом и складном с вилками (154). По мнению М. Г. Рабиновича, металлические сковородки встречались в богатых домах. Горожане чаще пользовались глиняными сковородками — латками, а котлы у них почти не встречались. Он это объясняет особенностями приготовления пищи в русской варистой печи, обычной в каждом доме. В такой печи посуда с приготовляемой пищей находилась на одном уровне с горящими дровами и обогревалась сбоку. Котлы же требовалось поместить над огнем — повесить или вмазать в печь так, чтобы огонь оказался под ними. Котлы встречались как принадлежность поваров и хлебников, а также использовалась для варки различных напитков. Но такая утварь широко встречалась в Сибири и использовалась для варки пива, браги. Такие котлы были разных размеров, что указывает на дифференциацию их использования. Возможно, они использовались для приготовления вареной пищи на открытом огне в летнее время, когда запрещалось топить печи в домах из-за опасности пожаров (155).

Все перечисленные здесь виды и формы кухонной и столовой утвари являются традиционными для русского обихода. Но перемены коснулись и этой сферы. В XVIII в. вначале на русском флоте, а затем и в домах городских жителей появляются кастрюли — утварь, предназначенная для готовки на плите, а не в русской печи. Эти новшества проникли в конце XVIII в. в быт рядовых обитателей Сергиевского посада — купец Сергей Стромынцев имел две медные «кострули».

Металлическая посуда считалась очень ценной. Ее могли забрать в первую очередь в счет погашения долга, а также потребовать в качестве залога для материального обеспечения займа.

Имела хождение и стеклянная посуда. Это используемые содержателями гербергов (трактиров) стеклянные штофы, полуштофы и четверти. Штофы — квадратные в сечении бутылки из мутно-зеленого стекла.

Источники не сохранили сведений о рационе жителей посада. Наличие такой кухонной утвари как котлы и сковороды указывает, что в обиходе была и вареная и жареная пища. В приходо-расходной книге Троице-Сергиева монастыря зафиксирован ассортимент продуктов, купленных для питания наемных работников во время сенокоса. Среди косцов были жители посада различных сословий. Для их питания использовались: хлеб ржаной, говядина, каша гречневая, снетки (рыба), масло коровье и постное, вино горячее (156).

В одном из источников сохранилось описание гостевания в Сергиевском посаде. Оно происходило у проживавшего в посаде ученика землемерного 2–го класса Ивана Алексеева Бочкарева. «По знакомству де с ним сего посада купец Петр Алексеев сын Селецков хаживал к ним на квартеру и с купцом Петром Медведевым неоднократно, и имели с ним якобы дружбу. Подчивал принося с собою водкою и вином не по один раз, а когда не принесет, тогда давая в знак к своим поднощикам платок и перстень, посылал… за вином и водкою и побратавшись с ним крестами поменялись, по которой надежде оной Селецкой с Петром Медведевым вместе и просили у него в заем денег 500 р.». Таким образом, в этом документе зафиксирован случай гостевания между людьми разных сословий и не связанных между собой узами родства. Кроме этого, описан обычай братания, сопровождавшийся обменом нательными крестами. Возможно, поводом для этого стал благородный поступок Селецкого. Он нашел Бочкарева пьяным на Келарском пруду с большой суммой денег — 390 р. Видимо, он довел пьяного человека до дома и таким образом сохранил его жизнь и имущество. Свой поступок Селецкий использовал для установления не только близких, но и выгодных для себя отношений — просил деньги взаймы (157).

Ходили в гости друг к другу не только представители разных сословий посада. В документах Лавры зафиксированы случаи посещения жителями посада монахов в их кельях, гостевания с ночевкой монаха в доме у купца. Ночевка была незапланированной, т. к. была вызвана похмельем от неумеренного потребления сивухи. Таким

образом, для угощения использовались не только покупные вино, водка, пиво или полпиво, но бытовало угощение крепкими напитками домашнего изготовления (158).

Ходили в гости и женщины. Купчиха Васса Родионова дочь Балашова пришла в гости в дом в ратману в нарядной одежде и кокошнике. При этом источником не зафиксировано присутствие в этот момент мужа Балашовой. Следовательно, женщина могла посещать знакомых не только в сопровождении мужа, но и без него (159).

Дружеские угощения могли происходить не только в собственных домах, но и в многочисленных мелких питейных заведениях посада. В двух гербергах Сергиевского посада кроме вина, водки, пива и полпива могли подавать кофе, чай, шоколад, курительный табак. Присутствие женщин в подобных общественных заведениях было не принято. Но по-настоящему в Сергиевском посаде разгуляться было нельзя, возможно из-за постоянного контроля со стороны близких людей. Такие возможности предоставляла Москва, находившаяся поблизости. Именно там сумел «распутно истратить» полученные за солодовенный товар 1100 р. купеческий сын Григорий Полыньин (160).

Одежда жителей была разнообразна. Основой мужского и женского костюма были рубашки. Рубашки шили из полотна или покупной пестряди. У мужчин рубашки были в комплекте с портами — короткими неширокими штанами, носившимися заправленными в сапоги. Обычной уличной одеждой был кафтан. Его шили из плотной, относительно хорошей материи на подкладке. В некоторых случаях источник указывает цену ткани за аршин, например по 1 р. 50 к. Кафтан был распашной одеждой на пуговицах. Он шился с таким расчетом, чтобы полы спереди были несколько короче. Поэтому полы кафтана не мешали шагу, а сапоги были приоткрыты. Простота покроя не приводила к унификации этого вида одежды. Местные жители могли издали узнавать друг друга по кафтанам. Так вечером в августе 1791 г. были опознаны по кафтанам Семен Паникадильщиков и Дмитрий Семенчинсков (161).

В конце XVIII в. в Сергиевском посаде одновременно бытовали два вида кафтанов — традиционный русский кафтан, который иногда называли крестьянским, и кафтан европейского образца или

«немецкий». В некоторых случаях немецкие кафтаны перешивались в русские.

Кафтаны могли предназначаться для ежедневной носки и работы. Именно такой был у мещанина Ивана Щепетилникова — «кавтан крестьянского калибера сермяжный», т. е. из грубого домотканого сукна. Русский кафтан купца Ивана Иванова Ремезова явно выходной, он и стоил целых 20 р. Мещанину Комкову жена принесла в приданое яркий суконный кафтан вишневого цвета, да еще кафтан смурой и китайчатое полукафтанье. Полукафтанье — это короткая в талию одежда, которая могла одеваться под кафтан. У купца Саввы Прокофьева были «кафтан русской синего аглинского сукна на голубой крашенине, кафтан галанского сукна пунцовой на голубой крашенине полы опушены зеленым гризетом, кафтан синего шпанского сукна на крашенинной по пояс подкладке», оцененные в 60, 50 и 25 руб. соответственно (162). Таким образом, достаточные горожане могли щеголять в кафтанах из дорогих фабричных и даже привозных сукон.

Кроме основной, существовала дополнительная верхняя одежда халатообразного покроя — халаты и озямы. Они надевались поверх кафтана, были большей длины и ширины, обычно не застегивались, а плотно запахивались и подпоясывались кушаками (163).

При этом некоторые данные позволяют думать, что в посаде были купцы, носившие европейское платье. Н. Н. Мамонтова, которой пришлось изучать костюм сергиевских кукол для уточнения их датировки, отметила превосходное знание местными жителями таких специфических деталей модного костюма как воротнички, пояса, расположение линии талии и т. д., последовательно сменявших друг друга. По ее мнению, это результат знакомства с изобразительными источниками (164). Хочется добавить, что местные жители имели возможность наблюдать изменения моды говоря современным языком «в режиме реального времени», т. к. их демонстрировали многочисленные представители высших сословий приезжавшие в Лавру на богомолье. К тому же, среди жителей были люди подолгу бывавшие по торговым делам в обеих столицах и других городах империи. У упоминавшегося купца Ивана Ремезова кроме русского кафтана был комплект суконной одежды крапивного цвета — сертук и камзол ценою за 13 р. Камзол — это деталь мужского костюма в

виде куртки с рукавами или без рукавов, надевавшейся под кафтан. Камзол появился в России в начале 1700-х гг. одновременно с другими типами западноевропейской одежды (165). Следовательно, комплект, принадлежавший купцу Ивану Ремезову, был сшит по европейской моде. В посаде в это время жили портные, специализировавшиеся на шитье немецкого платья, которое изготавливали только на заказ для местных жителей.

В это время роль моды в общественном сознании усилилась. Европейское платье, надо полагать, носили мелкие чиновники, служившие в разных учреждениях посада, школьный учитель, а также проживавшие в посаде дворяне. Штатный служитель Сергей Таиров считал необходимым для выполнения своих обязанностей в Учрежденном соборе Лавры иметь подходящий «сертук, приличный его званию». Сюртуки с камзолами и штанами были форменной одеждой семинаристов, среди которых были дети штатных служителей и местных священников. Форменная одежда, как вариант мундирной, могла быть только европейского образца. Сюртуки можно было встретить в качестве товара в местной лавке. Сюртук имел много общего с кафтаном, но был длиннее, имел двубортный прямой крой и обязательный отложной воротник. Его носили купцы различного положения и достатка. Повседневный суконный сюртук надевали вместо кафтана, в том числе и как уличную верхнюю одежду (166).

Пеструю картину жителей посада дополняли и люди, одетые в мундиры. Это, прежде всего, расправный судья и команда солдат, бывших в его подчинении. В самой ратуше в должности вахмистра обычно был отставной нижний чин, обязательно в мундире и желательно с какими-то воинскими наградами. Были отставные солдаты и в Лавре. Для капрала, возглавлявшего команду, и его солдат были сшиты новые зеленые суконные мундиры за счет Лавры. А для лаврских конюхов существовали кафтаны с камзолами и синие суконные шинели (167). Кстати, шинель как форменный вид одежды, вошла в русский быт только в конце XVIII в. (168). Это был вид одежды нового, если не сказать больше — новомодного образца.

Но, пожалуй, самый значительный комплект европейской мужской одежды был у послушника Троице-Сергиева монастыря Николая Доброхотова. В составе его имущества числились кафтан немецкий темнозеленый, синий суконный сюртук, 2 жилета — шитый

золотом атласный и полосатый, кисейная рубашка с манжетами и 4 пары батистовых манжет, 2 галстука, платок шелковый черной саржи, черные шелковые чулки и 2 пары сапог (169). Не совсем ясно, хранил ли все эти вещи хозяин просто так, про запас, или продолжал пользоваться. Ведь хозяин — человек, готовящий себя к пострижению в монахи, т. е. отрекающийся от мирской жизни, которому ее атрибуты как бы и не нужны.

Одежда европейского образца кроме функционального назначения, несла на себе и знаковую нагрузку. Такую же знаковую роль играли и часы. В Сергиевском посаде документами зафиксированы случаи наличия часов у представителей купечества. У владельца суконного комплекта купца Ивана Ремезова были серебряные часы ценою в 20 р. Другие карманные, тумпаковые серебряные часы за 35 р. были у купеческого сына Михаила Медведева. Среди имущества купца Саввы Прокофьева также упомянуты «чесы карманные серебряны» (170). Иногда жители посада имели совершенно неожиданные вещи, например, пистолет у штатного служителя Ленкова (171).

Использование купечеством не только национальной русской одежды но и европейской или как тогда говорили «немецкой» к этому времени было уже достаточно распространенным явлением. В Брянске уже в 1748 г. среди имущества купцов, вновь приписанных к городу из числа слободских крестьян, перечисляются предметы одежды явно европейского фасона: кафтаны с камзолами и штанами, «немецкие сапоги», «немецкие башмаки» и «немецкие чулки». Сами купцы, по мнению М. В. Брянцева и А. М. Дубровского, относились к среднезажиточным слоям городского населения и черты их предметного мира были характерны для сравнительно широкого круга жителей русской провинции. Следовательно, вновь приписанные провинциальные купцы из уездного города не были чужды веяниям, шедшим из Западной Европы. Скорее всего, «немецкая одежда» была праздничной, официальной, а ежедневная была национального покроя (172).

Национальная, традиционная русская одежда предполагала для мужчин обязательное наличие бороды как символа зрелого возраста. В начале XVIII в. ношение бороды запрещалось представителям дворянского сословия, военным, чиновникам и горожанам. Борода

стала символом мужика, священнослужителя и старообрядца. Невозможно представить себе в нормальной ситуации человека в европейском платье и с бородой. «Всем бородачам вменялось в обязанность носить исключительно “старое” т. е. национальное платье (“а именно, зипун с стоячим клееным козырем, ферези и однорятку с лежачим ожерелком”)…. от лиц при бороде, но не в том платье, запрещалось принимать челобитные» (173). Вполне возможно, что в Сергиевском посаде европейское платье мужчин дополнял обычай брить бороду. Однако, В.П. Успенский замечает, что на гравюрах конца XVIII в. довольно часто можно встретить купца с бородой и усами, одетого в сюртук (174).

Среди бытовавшей в Сергиевском посаде обуви документы зафиксировали сапоги русские и немецкие, бахилы, башмаки и валенки. Сапоги, как правило, были принадлежностью мужского костюма. Иногда голенище сапог служило карманом. Там хранили деньги, мелкие вещи. Они входили в гардероб представителей самых различных сословий. Для семинаристов сапоги шил по особому контракту штатный служитель. Судя по всему, они были достаточно общедоступной обувью. Для сравнения. Купец Григорий Полыньин купил 2 пары сапог на 5 р. и на 12 р.50 к. пестряди на рубаху. То есть, одна пара сапог стоила 2 р. 50 к. В сапоги был обут даже опустившийся мещанин, осуществивший кражу со взломом пола в лавке. Его обнаружили пьяным по оставшимся следам на снегу. Бахилы — это мужская рабочая, промысловая обувь. Шились бахилы на прямую колодку, т. е. без различения правого и левого сапога (175).

В зимнее время жители посада носили валенки. Словарь Академии Российской отмечает, что это «простым народом употребляемая обувь» (176). В историографии закрепилось мнение, что в городах валенки появляются и становятся привычными к середине XIX в. В 1847 г. определенные сведения о валяной обуви зафиксированы только в северных городах Кадникове, Туринске, Пудоже, причем с оговоркой, что их носят недавно (177). Приведем и другое мнение: «Валенки — обувь для русских сравнительно молодая. Они появились в Сибири в середине XVIII в., а в европейской России в начале XIX в. В XIX в. они были обувью зажиточных крестьян, надевавшейся только по праздникам» (178). В Сергиевском посаде валенки были ходовым товаром и делались не на заказ, а продавались в лав-

ках. В 1794 г. в лавке у купца Василия Герасимова монастырем для караульных были куплены 4 пары валенок по цене 50 коп. за пару, на следующий год — еще 4 пары в лавке купца Петра Балашова по цене 75 коп. за пару (179). Видимо, в факте использования валенок в Сергиевском посаде сказалось то, что он лишь недавно стал городским поселением.

Зимой состоятельные горожане пользовались шубами, остальные носили полушубки, тулупы. Полушубок шили короче шубы, с отрезной спинкой, со сборами или клиньями. В большом употреблении был тулуп — одежда прямого кроя с шалевиным воротником на овчином меху. Верх тулупа делали матерчатым. Тулуп, сшитый без матерчатого верха, из одной овчины, называли нагольным. Носили его без застежек, запахиваясь. У купца Саввы Прокофьева среди имущества указан тулуп синей голанского сукна на калмыцком черном меху ценою в 60 руб. Крытые тулупы были обязательной принадлежностью зимней экипировки звонарей и караульных в Лавре.

Среди головных уборов у жителей посада встречались плисовые и поярковые шапки, однажды упоминается пуховая шляпа. Цена пуховой шляпы — 3 р. 50 к., т. е. дороже пары сапог. Обычно пуховая шляпа завершала европейский костюм. В данном случае она принадлежала мещанину Костину. Остается предположить, что этот мещанин мог носить и остальную одежду европейского покроя (180).

Таким образом, жители Сергиевского посада одевались разнообразно. Одежду европейского образца носили люди, так или иначе связанные с государственной и военной службой, а также некоторые штатные служители. Встречалась она у представителей городских сословий, стремившихся самим фактом наличия модной одежды подчеркнуть свое более высокое положение и возможности. Ношение мужчинами европейской одежды требовало соблюдения другого европейского обычая — брадобрития. В первую очередь это касалось военнослужащих и чиновников.

Одежда купчих, мещанок, крестьянок была традиционной. Сергиевский посад входил в зону распространения северно-русского, сарафанного комплекса женской одежды. Его обязательными частями были рубаха и сарафан. Поверх сарафана надевали душегрею — короткую нагрудную одежду на лямках, в холодное время — шугай

в талию с рукавами и воротником. Сарафанный комплекс женской народной одежды сложился на рубеже XVII — XVIII вв., но сам этот термин в народе употреблялся редко. Существовало множество наименований одежды сарафанного типа: сукман, касталан, ферезь, шушун (181). В. И. Даль приводит следующие названия: «однорядные, двурядные, закрытые, открытые (грудь), круглые (узкие), прямые, клинчатые, триклинки, растегаи (распашные), шубки (московские), с рукавами, с проймами (с помочами), сборчатые, гладкие, с лифом, без лифа» (182).

В Сергиевском посаде для обозначения этого типа одежды использовали три названия: сарафан, шубка и растегай (разстегай). Один из них — прямой или московский, иногда его называли «шубка». Видимо, такой сарафан — китайчатая шубка, был у крестьянки Анны Сергеевой. Такой сарафан шили из 5–7 прямых полотнищ, заложенных в мелкую складку под обшивку. К узкой обшивке пришивались и узкие лямки. Такой сарафан украшали по подолу и обязательно подпоясывали высоко под грудью. То есть, шубка — это комнатная, надеваемая через голову (накладная) женская одежда (183).

Другим видом женской одежды был растегай. Это распашная одежда, имевшая застежку на пуговицы. Скорее всего, это был тип косоклинного сарафана, распространенного в это время. Шился он из трех полотнищ, зауживавшихся в верхней части — двух спереди и одного сзади. Подол его расширяли несколько вшитых клиньев. Узкие лямки сарафана либо выкраивались со спинкой, либо делались пришивными. Передние полы украшались продольными декоративными полосами галуна, кружева или лент, крупными серебряными или металлическими пуговицами и тесьмой, образовывавшей петли-застежки. Позднее, составитель словаря В. И. Даль заметил, что «растегай едва ли ныне шьется» (184). Видимо, в Сергиевском посаде такие сарафаны были популярны. У мещанки Комковой было целых 4 растегая на серебряных пуговицах, у штатного служителя Петра Петухова среди украденных женских вещей числился растегай китайчатый новой. Среди имущества купца Саввы Прокофьева назван растегай китайчетой новой на крашенинной кирпичной подкладке с медными пуговицами оцененный в 20 руб.

Для шитья сарафанов всех типов в посаде обычно использовали крашенину, холст и китайку. Крашенина и холст — это ткани домашнего изготовления. Китайка — хлопчатобумажная ткань фабричного производства, гладкого крашения, шелковистая на ощупь с глянцевой лицевой поверхностью. Вырабатывалась китайка в основном синего цвета, но были и другие цвета: черный, красный, вишневый, голубой, зеленый, желтый, белый. Яркая, нарядная, мягкая и легкая по сравнению с домашним полотном изо льна и конопли, а главное «городская», китайка широко использовалась для изготовления народного костюма, особенно сарафанов (185). Дорогие материалы использовались для отделки, например, «китайчатой сарафан, обложенный по борту шелковой тесмой» (186).

Другие материалы использовались для одежды богатых купчих. У матери купца Саввы Прокофьева купчихи Аксиньи Васильевой, были «4 шубки китайчетые новые, душегрейка парчевая, душегрейка штофная на меху». Более разнообразный набор дорогой одежды у первой жены купца Саввы Прокофьева: душегрейка сквозная, 2 душегрейки парчевые, шубка малиновая с золотой бахромой, шубка гарнитуровая с «прозументом», 2 шубки китайчатые с серебряными пуговицами, «пара штофная малиновая с празументом», «пара французская с прозументом», «пара объяринная с прозументом», 2 шубы штофных малиновых на лисьем меху, шуба гарнитуровая зимняя, епанча парчевая на лисьем меху (187). Ткани, использованные в перечисленных нарядах — дорогие шелковые, разных сортов, в том числе и привозные. Для украшения использовались серебряные пуговицы, меха, позумент, бахрома. Но особенно обращают на себя внимание три наряда, названных «парами». Обычно «парой», «парочкой» называли комплект женской городской одежды, сшитой из одной ткани и состоящий из юбки и кофты (душегреи) или сарафана и душегреи. Считается, что женский костюм «парочка» стал распространенной городской одеждой в XIX в. Однако, приведенный пример демонстрирует более раннее появление этой модели в арсенале женской одежды.

Дополняла комплекс традиционной женской одежды телогрея, которая встречалась и в Сергиевском посаде, например телогрея китайчатая на заячьем меху. У мещанки Ильичевой был пониток — верхняя одежда, надевавшаяся поверх комнатного платья (188).

Иногда, в сундуках можно было обнаружить совершенно не типичные для маленького поселения наряды. В 1776 г. у канцеляриста Лавры Петра Туленина было похищено «собственных ево разного звания пожитков … лаброн пукетовый, юбка золотая по белой земле, балахон кофейной тафтяной, розовая грезетовая юбка, балахон пунцовой люстриновой, завес тафтяной алой обложен галуном мишурным белым, … рубах мужских галанского полотна с манжетами камардковыми полторы дюжины, семь рубах женских галанскаго полотна с манжетами» (189). Упомянутый «лаброн» — это роброн, европейское платье, обычное для обитательниц дворцов. Роброн был одним из наиболее нарядных распашных платьев, модных в 60–70 гг. XVIII в. Его шили в комплекте с юбкой из одной ткани и украшали одинаковыми отделками. Начиная от талии полы платья расходились (190). Остальные наряды также вполне соответствуют европейской моде (в том числе и рубашки), к тому изготовлены из дорогих отечественных и привозных тканей. Термин «балахон» использовался для обозначения различных типов одежды — и рабочей и уличной. В данном случае, балахоны перечислены в одном ряду с модной женской одеждой из шелковых тканей. Видимо, права М. В. Ворожбитова, предположившая, что «в середине XVIII в. балахоном называли разновидность женской плечевой одежды, носимой с юбкой. Но в остальном, описания балахонов… не позволяют конкретизировать представление о покрое этого вида одежды» (191). Остается только гадать, использовались ли эти вещи по назначению и какими судьбами эти дворцовые наряды могли оказаться в сундуке у канцеляриста.

Для зимы существовали разного кроя женские шубы: одни в длину доходили до колен, другие до пят. Наибольшим разнообразием отличалась теплая одежда состоятельных горожанок. Купчиха Екатерина Прокофьева зимой щеголяла в собольих шапке и муфте. У мещанки Комковой были шуба китайчатая, шуба белая, шапка новая, 4 полушубка с серебряными пуговицами, рукавицы лосиные. И. Г. Георги приводит описание рукавиц: «рукавицы шьют длинные кожаные, достигающие почти локтей, в которые вложены для зимы, варежки или шерстяные валеные рукавицы, которые покороче кожаных». Напомним, среди ремесленников посада были специалисты рукавишники (192).

Завершал женский костюм головной убор, полностью закрывавший волосы, что было связано с верованиями и древними обычаями восточных славян. В Сергиевском посаде отмечены два типа женских головных уборов — повойник и кокошник.

Повойник — легкая мягкая шапочка из цветной материи, под нее убирались заплетенные в косы волосы женщины. Это ежедневный головной убор, который женщина носила даже дома. Для повойника использовались самые разные ткани. У жены штатного служителя Тихона Петухова повойник был из штофной ткани с позументом. Штоф — это шелковая ткань, позумент — отделка в виде ленты, с использованием золотой или серебряной нити, выложенной в виде узора разной сложности. Таким образом, повойник служительской жены был вещью нарядной и дорогой.. Позумент был дорогостоящей деталью, им обычно украшалась передняя часть повойника Когда сам головной убор от ежедневной постоянной носки снашивался, позумент спарывался и использовался для другого изделия. Крестьянка Фекла Миронова оценила кусок в пол аршина, т. е. приблизительно в 35 см, в 2 р. При этом, принадлежавший ей кусок был не новым, а споротым со старого повойника (193).

Праздничным вариантом женского головного убора был кокошник. Это цельный головной убор, где мягкая шапочка из ткани и нарядный верх соединены в одно целое. Этим он отличается от южнорусского головного убора — сороки, состоявшей из нескольких частей, последовательно надевавшихся друг на друга. Основа кокошника — твердый каркас, обтянутый парчовой, шелковой тканью или бархатом. Подкладку делали из набойки, пестряди, ситца. Для отделки использовали золотую или серебряную нить, позумент, жемчуг, рубленый перламутр и т. п.

Источники зафиксировали наличие кокошников у представительниц разных сословий посада. Кокошник за 5 р. 50 к. был у крестьянки Алексеевой. У купеческой жены Вассы Балашовой он оценивался в 10 р. У жены штатного служителя Федора Осипова был «кокошник пукетовый». Возможно, это указание на использованную шелковую ткань с изображением букетов, или же этот кокошник был украшен аналогичной вышивкой. У матери мещанина Федора Сазонова было два кокошника. Один простой, другой — с китайским жемчугом. У купчихи Екатерины Прокофьевой было 4 штоф-

ных повойника, парчовый и бархатный кокошники, а также кокошник жемчужный в девять золотников и «лента золотая низанная жемчужная в пять городов в тритцеть золотников». Судя по всему, последний — девичий головной убор. Но самый представительный комплект кокошников был у мещанки Комковой — 9 штук, в том числе один жемчужный с жемчужной лентой (194).

Исследовательница русских кокошников Л. М. Молотова считает, что сложный по конструкции и украшению головной убор не могла изготовить для себя любая женщина. Богатое убранство, которое было характерно для кокошников XVIII в., требовало наличия дорогого материала и умения с ним обращаться. Мастерство шитья жемчугом считалось одной из сложных женских работ. Жемчуг редко нашивали прямо на ткань. Чаще его сажали на настил из белых ниток — бель. Шитье обшивалось золотым шнуром, скрученным из нескольких золотых нитей. Шитье жемчугом, как и золотое шитье, высоко ценилось и нередко с обветшавшей ткани шитье спарывали и перешивали на другой предмет. На кокошниках жемчугом в основном зашивали очелье и реже затылочную часть. Нередко, в качестве дополнительного декора к выемке на очелье прикреплялась поднизь — нешироκая сетка, опускающаяся до глаз и низанная жемчугом (195). Такие поднизи были на кокошниках купчихи Вассы Балашовой и мещанки Комковой. Цена такого дополнения была весьма значительной. Поднизь Балашовой стоила 70 р., а вместе с кокошником — 80 р. Это стоимость половины среднего дома в Сергиевском посаде. Купец Василий Федоров сын Шишкин приобрел жемчужную поднизь за 100 р. Мещанка Комкова, умершая бездетной, завещала этот предмет в приходскую церковь для украшения особо чтимой иконы (196).

Дополнениями к кокошнику служили фата и покрывало, крепившиеся сзади и спускавшиеся на плечи и спину женщины. Полушелковая фата и два белых покрывала были у мещанки Сазоновой, у жены служителя Петрова была кисейная фата. Две фаты коноватных были у купчихи Екатерины Прокофьевой. Кроме этого, входили в обиход и головные платки, разнообразные образцы которых были среди имущества упомянутой купчихи. Дополнительным компонентом женского праздничного костюма был шелковый платок. Мещанская вдова Наталья Тенешева заложила часть своего имущества и

занятые таким образом деньги истратила на приобретение таких платков к свадьбе дочери (197).

Жительницы Сергиевского посада любили украшения. Наиболее популярными были украшения из жемчуга. О жемчужных кокошниках, поднизях и даже жемчужной ленте было сказано выше. Дополняли жемчужный комплект жемчужные серьги, ожерелья. У жены штатного служителя Елизаветы Сергеевой были продолговатые жемчужные серьги, на каждой из которых было по 12 зерен, перла жемчужные в 8 ниток и еще 30 крупных зерен жемчуга. Двое жемчужных серег было у мещанки Комковой. У крестьянки Феклы Мироновой были серебряные с жемчугом цепи. Торговавший в Санкт-Петербурге бобыль Николай Панов купил своей жене «немалое число» жемчуга. У первой жены купца Саввы Прокофьева были перлы жемчужные в девять золотников крупные, 6 пар серег жемчужных разнообразных фасонов и рассыпного жемчуга 28 золотников. В отдельных случаях хранили у себя жемчуг и одинокие мужчины. У проживавшего в посаде ученика землемерного 2–го класса Ивана Алексеева Бочкарева было 10 ниток жемчуга посредственного (198).

Кроме жемчужных бытовали различные украшения из серебра. Три серебряных цепочки с зототыми крестами были у мещанки Комковой. У нее же имелась еще одна вещь, названная в источнике словом «переденка». Возможно это обозначение женского шейного украшения, которое носилось спереди, на груди. Украшали костюм Комковой серебряные пуговицы, которые были нашиты на распашную одежду. Вариантом пуговиц служили запонки. Они могли быть просто серебряными или с какой-нибудь вставкой. У крестьянки Феклы Мироновой были 9 серебряных пуговиц, 2 серебряные запонки, в том числе одна с хрусталем, 3 серебряных перстня с разными вставками — с сердоликом, с мелкими простыми камешками. У жены штатного служителя Тихона Петрова были 20 мелких и 13 крупных серебряных пуговиц, серебряный перстень и узкая плоская серебряная цепочка. В семье купца Прокофьева у матери и первой жены были 4 цепочки и 7 крестов серебряных, 9 перстней серебряных и 2 золотых, 1 жемчужная и 2 золотых запонки. У крестьянки Алексеевой — 6 серебряных пуговиц. Почти все перечисленные

пуговицы хранились отдельно, возможно они были спороты со старой сносившейся нарядной одежды.

По мнению А. А. Люцидарской, именно по пуговицам скорее всего можно было определить достаток и положение владельца кафтана. Как правило, серебряные, сканые или с позолотой пуговицы свидетельствуют о зажиточности хозяина одежды, тогда как медные или оловянные пуговицы почти наверняка указывали на то, что кафтан принадлежит горожанину средней руки (199).

Кроме пуговиц своеобразным индикатором имущественного положения служили и другие серебряные украшения, например перстни. Их могли покупать готовыми или делать на заказ у местных мастеров серебряников. Серебряные перстни носили и мужчины и женщины. Эта вещь могла выступать и в качестве почетного подарка — подношения. В числе подарков, которыми обменивались Иван Бочкарев и его гости были платок и перстень (200). У канцеляриста Петра Туленина были «перстень золотой болшей, в нем камень суровик и с алмазами, перстень малинкой золотой с яхонтом и с алмазными искрами» (201).

Интересная история произошла с перстнем крестьянки Феклы Мироновой. Она отдала свой серебряный перстень осыпной простыми камушками со своей руки купеческому сыну Алексею Ремезову за недовес взятого на размотку шелка. Этот перстень на руке у Алексея Ремезова увидала жена его брата Матрена Петрова и попросила поносить. Именно на руке Матрены Петровой увидала свой перстень его хозяйка Фекла Миронова. В этот момент на руке купеческой жены было надето сразу три серебряных перстня (202). Обратим внимание на одну деталь — во всех трех случаях вещь не просто была у того или иного человека, она была именно на пальце руки. Таким образом, один и тот же серебряный перстень поочередно побывал на пальцах трех человек — женщины, мужчины и снова женщины. Получается, что либо конструкция (возможно несомкнутое, разрезанное кольцо) и декор этого перстня были такими, что его могли носить и мужчины и женщины, либо женские и мужские перстни вообще мало отличались друг от друга. Это несколько противоречит ранее известным фактам. Обычно женские перстни отличались от мужских. Они были менее массивны и украшены мелкими камушками или сердоликами. Кстати, этот случай, как и предыду-

щие описания, показывают отсутствие различий в украшениях среди представителей разных сословий Сергиевского посада.

По мнению А. Б. Каменского, изучавшего повседневную жизнь г. Бежецка, «в городской среде были весьма распространены преимущественно изделия из серебра, в то время как золотые украшения встречаются значительно реже. Широко распространен был жемчуг, но драгоценные камни практически не упоминаются. Золото, яхонты, изумруды, алмазы были бежечанам явно не по карману. Зато одежду они носили яркую, самых разных цветов и оттенков. Понятие моды было им при этом, конечно же, еще незнакомо, но элементы франтовства, во всяком случае, в одежде местных чиновников уже присутствовали» (203).

Приверженность к старой одежде диктовалась условиями быта и обычаями, свойственными этой среде. Принципиальной разницы в одежде разных городских слоев не было. Зажиточные люди шили себе одежду из тканей лучшего качества, представители бедных слоев довольствовались сермягой. Не было различий и в декоре праздничной одежды, украшениях между представителями разных сословий. Жемчужные и серебряные украшения, серебряные пуговицы на одежде были у представителей всех сословий и демонстрировали имущественное неравенство, а не сословные различия.

В то же время, некоторые детали быта говорили о проникновении в их жизнь новых веяний в одежде и других знаковых деталях (европейская одежда, часы, хрустальная посуда, произведения светского искусства, учебные книги). Костюм и его аксессуары были в это время одними из ведущих знаковых элементов бытовой культуры. При этом складывается такое впечатление, что мужчины оказались более подверженными влиянию европейской моды. Видимо, это объясняется особенностями их более открытого общественного быта, связанного с поездками и общением с представителями разных слоев и чиновничеством различных учреждений. Одежда европейского образца в больших городах, в столицах внушала большее уважение. Ее обладатель мог рассчитывать на улучшение коммерческих дел, повышение собственного престижа.

Сергиевский посад в XVIII в., как и другие русские города, был местом, где происходило переплетение старого и нового. Новшества начинались постепенно. В первую очередь усваивались те, что гар-

монично вписывались в традиционный быт, не разрушая его. В домашнем обиходе старинные обычаи и привычки соседствовали с новыми элементами в утвари, одежде. В некоторых случаях, изменения могли касаться каких-то деталей, но не затрагивали общего целого. Тем не менее, в городе невозможно было сохранять старый привычный образ жизни, полностью огражденный от внешних влияний.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Каменные церкви: Рождества Христова с двумя приделами (1736), Успенская с двумя приделами (1769), Вознесенская с двумя приделами (1779), Введенская с одним приделом (1547), Пятницкая с одним приделом (1547), Ильинская с одним приделом (1773). Деревянные: Казанская (1752) и Воскресения Христова с одним приделом. По указу Св.Синода 1749 г. Рождественская церковь наименована была собором и велено при ней состоять протопопу. (См.: Снегирев И.М. Путевыя записки о Троицкой Лавре, содержащия в себе обзор достопримечательностей Троицкой дороги, Лавры и Вифании. М., 1840. С. 34.)

2. *Филимонов К.А.* Из истории конюшенного хозяйства Троице-Сергиевой Лавры XV–XIX вв. //Труды по истории Троице-Сергиевой Лавры. — Сергиев посад, 1998.

3. Краткое историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы Лавры с приложением знатных произшествий случившихся в оной. — М., 1796. С.40.

4. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1789. Л.59.

5. РГАДА. Ф.16. Д.575. Л.89, 89 об.; ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.413. Л.96 об., 112 об., 118.

6 Персональные сведения о Данилевском см.: *Дьяконов М.В.* К биографическому словарю московских зодчих XVIII – XIX вв. (извлечения из архивов) // Русский город (исследования и материалы). Выпуск 2. – М., 1979. С. 271-272.

7. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.413. Л.173; Д.415. Л.194; РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1153. Л.1.

8. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.415. Л.157; Д.418. Л.94.

9. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.423. Л.87, 131 об., 148 об.; Д.427. Л.14 об., 163; Д.623. Л.10 об., 179, 182; Д.436. Л.192 об., 246, 305–307; *Гаряев Р.М.* Из истории перепланировки русских городов во второй половине XVIII века //История СССР. 1986, №6. С.147.

10. Инициатива не была поддержана «во отвращении встречающагося замешательства в разделении селений и разчислении душ по новому расположению уездов». РГАДА. Ф.16. Д.582. Ч. П (3). Л.199, 219.

11. *Балдин В.И.* Загорск. История города и его планировки. — М., 1981. С.42–45.

12. *Филимонов К.А.* Сергиев посад. Страницы истории. XVI — начало XX века. — М., 1997. С.73.

13. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.2123. Л.10; *Балдин В.И.* Указ. соч. С.46–49.

14. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.450. Л.90.
15. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.445. Л.175, 175 об.; Д.462. Л.233.
16. Там же. Д.454. Л.3–4, 356 об., 357; Д.451. Л.326, 331.
17. Там же. Д.451. Л.243, 243 об.
18. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.451. Л.314, 326, 333; Д.458. Л.122 об., 161 об., 168, 245.
19. *Гаряев Р.М.* Указ. соч. С.149.
20. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.450. Л.80–81.
21. Там же. Д.440. Л.485.
22. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1789. Л.142; Д.2317. Л.3 об.,4; Д.2326. Л.3.
23. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.445. Л.358 об.; Д.451. Л.463 об.; Д.452. Л.8, 8 об.; Д.454. Л.188–189; Д.462. Л.279; Там же. Оп.2. Д.4. Л.22 об., 23.
24. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.430. Л.385; Д.448. Л.191, 201; Д.451. Л.338; Д.623. Л.141; РГАДА. Ф.1204. Оп.2. Д.19. Л.3.
25. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.430. Л.431; Д.454. Л.18, 188–189.
26. Там же. Д.450. Л.84.
27. Там же. Ф.73. Оп.2. Д.4. Л.22 об., 23.
28. РГВИА. Ф. ВУА. Д.18861. Ч.3. Л.84; Д.18862. Ч.3. Л.236; ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.451. Л.40.
29. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.454. Л.188–189.
30. Там же. Д.454. Л.188–199; Д.458. Л.190 об.
31. Там же. Д.454. Л.386.
32. Этот план сохранился. См.: РГАДА. Ф.1204. Оп.2. Д.19. Л.3.
33. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.451. Л.463 об., 464.
34. ЦИАМ. Ф.2128. Оп.1. Д.18. Л.24.
35. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.430. Л.395.
36. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д. 401. Л. 82; Д.413. Л.112–113, 118, 121, 124 об., 173; Д.415. Л.113 об., 114 об.; Д. 450. Л. 80 об.; РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1789. Л.96, 100.
37. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1789. Л.1 об.
38. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.413. Л.112 об.; Д.415. Л.114 об.; Д.441. Л.7 об.; Д.432. Л.263 об.; Д.623. Л.59 об.; Д.440. Л.255 об.
39. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1789. Л.96, 100.
40. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.2265. Л.1 об.; ЦИАМ. Ф..73.. Оп..1.. Д..413. Л..96. об.,.98,.101; Д.423. Л.86 об., 94, 114; Д.427. Л.117 об.
41. *Пульхеров А.И.* Великолуцкое городское общественное управление. 1785–1891 г. Исторический очерк. — Псков, 1892. С.25.
42. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.423. Л.154 об., 155, 164, 190 об., 199.
43. Там же. Д.440. Л.286, 286 об.
44. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.130. Л.2 об.
45. ЦИАМ. Ф.73. Д.440. Л.34, 248, 285; Д.423. Л.147; Д.454. Л.342; РГАДА. Ф.16. Д.582. Л.122 об.
46. *Постников И.Н.* Записки бежецкого городового старосты. Черты городского общественного быта конца XVIII столетия. — Тверь, 1914. С.9.
47. *Пульхеров А.И.* Указ. соч. С.24.
48. *Сербина К.Н.* Указ. соч. С.425.
49. ПСЗ. Т. XXI. №15531; Городские поселения в Российской Империи. Т III. — СПб., 1863. С.369.
50. РГАДА. Ф.1428. Оп.1. Д.5. Л.53, 57, 61, 65, 66.
51. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.427. Л.241 об.; Д.462. Л.113.

52. Там же. Д.415. Л.13; Д.418. Л.17, 40 об.; Д.430. Л.43 об., 73, 76; Д.623. Л.88; Д.413. Л.13 об.; Д.415. Л.72; Д.418. Л.114 об., 222 об.; Д.430. Л.28; Д.623. Л.230 об.; Д.623. Л.86.

53. Там же. Д.410, 423, 430.

54. *Люцидарская А.А.* Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки. XVII — начало XVIII в. — Новосибирск, 1992. С.173.

55. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.2285. Л.1, 4.

56. Там же. Д.1145. Л.5; Д.1381. Л.36; Д.1641. Л.28 об.; Д.22508. Л.43; *Штрангe М.М.* Историк и археограф XVIII в. Семен Башилов //Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сб. статей к 70-летию академика М.Н. Тихомирова. — М., 1963.

57. *Миллер Г.Ф.* Путешествие г. Действительного Статского советника Миллера к Святотроицкому Сергиеву монастырю //Новые ежемесячные сочинения. — СПб., 1789. Ч.XLI. Месяц ноябрь. С.20; РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.2285. Л.1; Д.1145. Л.4 об., 5.

58. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1145, 2322.

59. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.418. Л.212 об.

60. Там же. Д.418. Л.224; Д.423. Л.146 об., 207.

61. Там же. Д.423. Л.153 об., 154.

62. Там же. Д.423. Л.146 об., 152 об., 178, 207, 233 об.

63. Там же. Д.428. Л.41.

64. Там же. Л.41 об.

65. Подробнее об этом см.: *Артамонова Л.М.* Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII — начала XIX вв. (Юго-восточные губернии Европейской России). — Самара, 2001.

66. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1145.

67. *Эйнгорн В.О.* Московское главное народное училище в конце XVIII века //Журнал Министерства народного просвещения. — СПб., 1910, апрель. С.129–168.

68. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.623. Л.42, 48, 50, 70.

69. Там же. Л.48, 50.

70. Там же. Л.70.

71. Там же. Д.428. Л.47, 47 об.

72. Там же. Л.47 об., 157.

73. Там же. Д.623. Л.90, 171.

74. Там же. Ф.56. Оп.5. Д.2. Л.38.

75. Там же. Ф.73. Оп.1. Д.436. Л.461 об.

76. ПСЗ. Т. XXII. №16421. Ст. 97, 98.

77. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.623. Л.82, 171, 194.

78. *Пульхеров А.И.* Указ. соч. С.28.

79. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.623. Л.81 об., 171.

80. Там же. Д.428. Л.157.

81. Там же. Д.436. Л.461 об.

82. Там же. Д.436. Л.462.

83. Там же. Л.463 об.

84. Там же. Д.440. Л.43.

85. Там же. Д.436. Л.465.

86. Там же. Д.430. Л.39 об., 215; Д.432. Л.109 об.

87. Там же. Д.432. Л.109 об.

88. Там же. Д.430. Л.215.

89. Там же. Д.428. Л.67.
90. Там же. Д.432. Л.425 об.
91. *Эйнгорн В.О.* Указ. соч. С.141.
92. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.430. Л.13, 285 об.; Д.432. Л.11, 239.
93. *Фельбигер И.И.* Руководство учителям перваго и второго класса народных училищ Российской Империи. — СПб., 1783. С.11, 106–107, 113.
94. Там же. С.55,57,60.
95. Там же. С.72; ПСЗ. Т.22. №16421. П. 32.
96. ПСЗ. Т. XXП. №16421. П. 2–5; *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т.2. Ч.2. — М., 1994. С.269.
97. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.623. Л.238, 239.
98. Там же. Д.432. Л.229, 468.
99. *Фельдбигер И.И.* Указ. соч. С.112–114.
100. *Копылов А.Н.* Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX в. — Новосибирск, 1974. С.199.
101. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.432. Л.243, 476; Д.451. Л.452; Д.430. Л.451; Д.435. Л.20 об.
102. Там же. Д.432. Л.105 об.
103. Там же. Д.430. Л.285 об.; Д.436. Л.172 об.
104. *Эйнгорн В.О.* Указ. соч. С.167–168.
105. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.436. Л.320.
106. Там же. Л.334.
107. Там же. Л.455.
108. *Миненко Н.А.* Черты общественного быта города Шадринска (конец XVIII — начало XX в.) //Уральский город XVIII — начала XX в.: история повседневности. — Екатеринбург, 2001. С.52.
109. *Милюков П.Н.* Указ. соч. С.272–273.
110. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.432. Л.9.
111. *Рождественский С.В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. — СПб., 1912. Т.1. С.608.
112. РГАДА. Ф.681. Оп.1. Д.5. Л.90.
113. Там же. Д.7. Л.73 об.
114. Там же. Л.4, 4 об., 74–75 об., 77, 77 об.
115. *Волков М.Я.* О грамотности посадских людей Торжка в начале XVIII века //Историографические и исторические проблемы русской культуры. — М., 1982. С.81.
116. РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.1389. Л.1 об.; Ф.1356. Оп.1. Д.5114. Л.1.
117. *Антонов И.П., Очков В.В.* Гаврилов Посад. (Историко-краеведческий очерк). — Ярославль, 1989. С.17.
118. *Эйнгорн В.О.* Указ. соч. С.133, 139, 141, 147.
119. ЦИАМ. Ф.2128. Оп.1. Д.54. Л.65 об.
120. Там же. Д.54. Л.77, 85, 108 об.; Д.128. Л.104 об., 111 об., 116, 116 об., 124.
121. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.413. Л.65, 65об.; Д.441. Л.15 об.; Д.450. Л.8.; Д.451. Л.463 об. — 464; Д.623. Л.171.
122. *Рабинович М.Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. — М.,1988. С.94.
123. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1789. Л.117; Д.2650. Л.3 об.; Оп.2. Д.29, 29а, 29б, 29в.; *Рабинович М.Г.* Указ. соч. С.51–52.
124. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.418. Л.37 об.; Д.454. Л.193, 196 об.

125. Там же. Д.441. Л.7 об.; Д.449. Л.128–129; Там же. Оп.2. Д.7. Л.11–11 об.
126. *Рабинович М.Г.* Указ. соч. С.55.
127. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.401. Л.35, 36
128. Там же. Д.406. Л.8.
129. *Тыдман Л.В.* Изба. Дом. Дворец. Жилой интерьер России с 1700 по 1840-е годы. — М., 2000. С.275.
130. Там же. С.182–183.
131. ЦИАМ. Ф.73. 0п. 2. Д.4. Л.4 об. — 6.
132. *Немцова Н.И.* О стилях архитектуры русских изразцовых печей XVII–XVIII веков //Коломенское. Материалы и исследования. Вып.5. Ч.1. — М., 1993. С.30–41.
133. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.401. Л.35, 36; Д.406. Л.8.
134. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.429. Л.73 об.; Д.428. Л.7–10.
135. Там же. Д.401. Л.83 об.
136. *Ворожбитова М.В.* К характеристике религиозного сознания московских обывателей XVIII в. (на основе состава домовых икон) //Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и ранее новое время (X1-XVIII вв.). Материалы Третьей научной конференции. Муром, 17–20 мая 2000 г. — М., 2003. С.235–236.
137. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.439. Л.49; Д.414. Л.10, 26; Д.437. Л.22 об.
138. Там же. Д.429. Л.143.
139. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1402. Л.17, 17об.
140. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.462. Л.220.
141. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.432. Л.243, 476; Д.451. Л.452; Д.430. Л.451; Д.435. Л.20об.
142. *Ворожбитова М.В.* Светская живопись в повседневном быту московских обывателей середины XVIII века //Города Европейской России конца XV — первой половины XIX века: Материалы международной научной конференции 25–28 апреля 2002 г., Тверь–Кашин–Калязин: В 2 ч. — Тверь, 2002. Ч.2. С.323.
143. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.401. Л.83 об.
144. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.603. Л.2, 2 об.
145. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.414. Л.26; Д.423. Л.162–163; Д.461. Л.11 об., 12; *Миллер Г.Ф.* Указ. соч. С.20.
146. Цит. по: *Козлова Н.В., Тарловская В.Р.* Торговля //Очерки русской культуры XVIII в. Ч.1. — М., 1985. С.255–256.
147. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.429. Л.68 об., 69.
148. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.603. Л.2.
149. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.414. Л.11 об.; Д.418. Л.7–10; Д.428. Л.12, 12 об.; Д.439. Л.49; Д.457. Л.84 об., 85.
150. *Каменский А.В.* Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. — М., 2006. С.187, 332.
151. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.401. Л.83, 83 об.
152. ЦИАМ. Ф.45. Оп.1. Д.311. Л.32.
153. *Рабинович М.Г.* Указ. соч. С.256, 257.
154. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.437. Л.22 об.
155. *Рабинович М.Г.* Указ. соч. С.251, 252; *Люцидарская А.А.* Указ. соч. С.156–157.
156. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.19309. Л.105–106.
157. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.429. Л 8, 32, 32 об.
158. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1402. Л.27.
159. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.427. Л.197 об.

160. Там же. Д.413. Л.192 об.; Д.430. Л.13 об.

161. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.423. Л.162–163; Д.414. Л.26; Д.429. Л.68 об., 69; Д.418. Л.12, 12 об.; Д.458. Л.112 об.; Оп.2. Д.2. Л.12; РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1769. Л.58; Д.1295. Л.1; *Рабинович М.Г.* Указ. соч. С.147,148.

162. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.402. Л.130.

163. *Белогорская Р.М., Ефимова Л.В.* Одежда //Очерки русской культуры XVIII в. — М., 1985. Ч.1. С.360; ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.423. Л.162–163; Там же. Оп.2. Л.11 об.

164. *Мамонтова Н.Н.* Указ. соч. С.87.

165. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.458. Л.112 об.; *Кирсанова Р.М.* Костюм в русской художественной культуре XVIII — первой половины XX в. Опыт энциклопедии. — М., 1995. С.111.

166. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.2014. Л.3; *Белогорская Р.М., Ефимова Л.В.* Указ. соч. С.348–349, 361.

167. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1909. Л.26.; Д.19314. Л.21 об., 65 об.

168. *Кирсанова Р.М.* Костюм в русской художественной культуре XVIII — первой половине XX в Автореферат на соискание ученой степени доктора искусствоведения. — М., 1995. С.39.

169. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.2029. Л.14.

170. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.401. Л.83 об.; Д.413. Л.187; Д.417. Л.44–45; Д.435. Л.127–128; Д.458. Л.112 об.

171. Там же. Д.413. Л.189 об.

172. *Брянцев М.В., Дубровский А.М.* Предметный мир провинциального купечества XVIII века //Теоретическая культурология и проблемы истории отечественной культуры. — Брянск, 1992. С.53,54,56.

173. *Юркин И.Н.* Старообрядец и его костюм в русском городе второй четверти XVIII века //Общественная и культурная жизнь Центральной России в XVII — начале XX века. Сб. научн. Трудов. — Воронеж, 1999. С.120.

174. *Белогорская Р.М., Ефимова Л.В.* Указ. соч. С.361.

175. *Соснина Н., Шангина И.* Русский традиционный костюм. Иллюстрированная энциклопедия. История в зеркале быта. — СПб., 1998. С.27.

176. Словарь Академии Российской. — СПб., 1789. Часть 1. С.485.

177. *Кирсанова Р.М.* Указ. соч. С.59. *Рабинович М.Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. — М., 1988. С.138.

178. *Соснина Н., Шангина И.* Указ. соч. С.39.

179. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.19312. Л.69; Д.19314. Л.67.

180. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.413. Л.131 об.; Д.440. Л.31 об.; Д.454. Л.347; РГАДА. Ф.1204. Оп.1.

Д.1151. Л.31 об., 32; Д.1909. Л.5; *Белогорская Р.М., Ефимова Л.В.* Указ. соч. С.348.

181. Там же. С.363.

182. *Даль В.И.* Толковый словарь живаго великорусского языка. — М., 2000. Т.IV. С.34.

183. *Белогорская Р.М., Ефимова Л.В.* Указ. соч. С.364; ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.414. Л.26; Д.431. Л.162;

Д.436. Л.86; Д.440. Л.381.

184. *Соснина Н., Шангина И.* Указ соч. С.262–263; *Даль В.И.* Указ. соч. Т.IV. С.34.

185. *Арофикин Е.В.* Фольклор как источник изучения материальной культуры (Ткань «китайка» в поэтическом творчестве украинского народа) //Советская этнография.

1978, №5. С.121, 122, 126; *Зайцев К.* Очерк развития и настоящего положения китаечного производства. — Казань, 1858. С.21.

186. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.454. Л.347

187. Там же. Д.401. Л.84, 84 об.

188. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.414. Л.26; *Рабинович М.Г.* Указ. соч. С.164.

189. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.603. Л.1, 2.

190. *Белогорская Р.М., Ефимова Л.В.* Указ. соч. С.354.

191. *Ворожбитова М.В.* Повседневный уклад жизни московского населения середины XVIII в. (По материалам Канцелярии конфискации). Дисс. … канд. ист. наук. — М., 2004. С.197.

192. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.401. Л.84; *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. — СПб., 1776. Ч.4. С.128.

193. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.439. Л.85 об.; РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.1242. Л.1.

194. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.401. Л.84; Д.436. Л.143; Д.427. Л.197 об.; Д.423. Л.162 об.; Д.429. Л.69.

195. *Молотова Л.Н.* Русские кокошники — памятники народного искусства //Труды Государственного Эрмитажа. — Л., 1974. Вып.15. С.182–184.

196. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.427. Л.197 об.; Д.439. Л.44.

197. Там же. Д.423. Л.162 об.; Д.437. Л.17 об.

198. Там же. Д.401. Л.84; Д.414. Л.9 об.; Д.429. Л.8 об., 68 об., 69; Д.439. Л.62об., 63.

199. *Люцидарская А.А.* Указ. соч. С.136.

200. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1. Д.429. Л.51, 71 об.

201. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.603. Л.2.

202. ЦИАМ. Ф.73. Оп.1 Д.439. Л.71 об. — 73.

203. *Каменский А.Б.* Указ. соч. С.338.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ законодательных актов, посвященных посадам, позволяет выделить несколько общих для этого типа поселений параметров. Посады, как и города, располагались обязательно на государственной или приближающейся к ней по статусу земле. Жители, составлявшие посадскую общину, принадлежали к городским сословиям. В их числе в разные годы были купечество и посадские; купечество, мещанство и цеховые. В таких поселениях непременно проживали представители церковно- и священнослужителей, составлявшие штат приходских церквей. Обязательными для посадов были выборные органы самоуправления, среди них в разное время были ратуши, сиротские и словесные суды, градские думы. При организации полицейского управления посады структурно не выделялись из состава уезда. Эти функции возлагались на земского исправника, в обязанности которого входило наблюдение за порядком по всему уезду в целом. Все эти показатели позволяют отнести посады к городским поселениям. Главным отличием посадов от городов (уездных) было отсутствие подсудной территории вне поселения (уезда), делавшей поселение административным центром. Остальные отличия — структура административного и полицейского управления, разница положения между ратушами и магистратами, застройка центра поселения административными зданиями — были следствием.

Юридическое получение статуса посада поселениями вокруг знаменитой Троице-Сергиевой лавры означало не просто фиксацию происшедших социально-экономических перемен в поселении сельского типа. Это было начало формирования специфических городских форм общественной жизни. Формирование некоторых особых городских форм — городских сословий — началось сразу же после опубликования именного указа, т. е. еще до официального открытия посада и его учреждений. Существование в одном поселении крестьян, городских тяглых, а также немногочисленных представителей привилегированных и полупривилегированных сословий в посаде

аналогично положению в городах. Такая ситуация повторялась в крупных, экономически развитых посадах — Тихвинском, Дубовском, и входила в противоречие с принципом сформулированным в законе о выгонных землях для посадов.

К моменту официальных церемоний были избраны необходимые для функционирования ратуши и сиротского суда бургомистры, ратманы, городской глава. Деятельность ратуши не финансировалась государством в отличие от аналогичных органов (магистратов) в уездных городах. Реальная роль ратуши для Сергиевского посада не ограничивалась функциями сословного суда для представителей городского гражданства. Она была занята решением разнообразного комплекса городских дел. Выполнение нотариальных функций превращали ее во всесословный орган. Сохранившиеся источники позволяют сделать вывод, что ратуша была главным органом в этой системе. В этом качестве ее воспринимали и местные жители, и другие городские учреждения, и вышестоящие московские власти. Позднее, число выборных учреждений в посаде увеличивалось вместе с усложнением форм городской жизни. Показательно, что один из наиболее активно действовавших органов — словесный суд — был создан благодаря инициативе самих граждан. К середине 90-х гг. структура выборных органов самоуправления стала соответствовать обязательному для всех городских поселений комплекту и включала в себя общую и градскую шестигласную думы.

Существование ратуши, наделенной особыми нотариальными функциями, облегчало жизнь не только городским сословиям посада, но и многим жителям близлежащей округи, не исключая и местных помещиков. Возможность быстрого оформления различного рода документов без дальних отлучек постепенно способствовала превращению поселения в центр своей округи де-факто.

Организация управления в посадах не предусматривала наличия такого органа как Управа благочиния во главе с городничим. Именно так было устроено полицейское управление в Холмском посаде и в посаде Погорелое Городище. Особенностью же Сергиевского посада в этот период являлось наличие в поселении непредусмотренной законодательством нижней расправы, дополненной наделением расправного судьи функциями городничего.

Другой особенностью структуры местного управления Сергиевского посада явилось особое положение Учрежденного собора Лавры. Этот орган, предназначенный для управления монастырем, на деле имел более широкие полномочия и влияние на внутригородские дела. Такое положение внутримонастырской администрации не было характерным для других православных обителей. Ситуация в Тихвинском посаде немного напоминала структуру управления в Сергиевском посаде, но соотношение сил при решении различных вопросов, авторитет монастырской власти у жителей посада были совершенно иными. Таким образом, структура управления в Сергиевском посаде не была характерна ни для посадов вообще, ни для подмонастырских поселений, в частности. Это уникальный вариант, не имевший аналогов.

Происходили изменения и в хозяйственной жизни Сергиевского посада. К моменту приобретения поселением статуса посада Троице-Сергиев монастырь превратился из организатора торговых экспедиций и поставщика на рынок свезенных из своих вотчин различных товаров, в потребителя. К тому же, отношения с жителями перешли из сферы феодальных повинностей в сферу рыночных отношений. Свобода передвижений, обеспеченная законодательством купеческому сословию, способствовала увеличению экономического потенциала, расширению сферы приложения пусть даже небольших капиталов, и как следствие — расширению торговли между посадом и монастырем. Другой особенностью торговли в Сергиевском посаде, сложившейся еще в предыдущий период, оставалась розничная торговля, ориентированная на потребление как местных жителей, так и огромного числа приезжих богомольцев. Последнее обстоятельство стимулировало функционирование многочисленных харчевен и постоялых дворов. Развитие ежедневной торговли в разных формах привело к изменению количества и длительности функционирования в посаде ярмарок. Количество ярмарок сократилось, но при этом длительность одной ярмарки выросла с одной недели до двух, а другой — сократилась до 1 дня.

Важные изменения произошли в организации и структуре ремесленного и мелкотоварного производства. Особенностью ремесленного производства явился тот факт, что только одна часть ремесленников была объединена с 1785 г. в цехи, другая часть входила в

состав монастырских штатных служителей. Кроме них, различными ремеслами занимались и представители других сословий посада. При этом, как и в остальных городах Российской Империи, цеховым ремесленникам не удалось добиться реализации своего преимущественного права на занятия ремеслом в посаде. Симптоматичным является тот факт, что в число цеховых ремесленников не вошли мастера по обработке дерева — традиционного местного промысла. По этой причине вне цеховой организации произошло возникновение и развитие нового вида ремесленного производства — кукольного, ставшего позднее визитной карточкой посада как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Этот вид производства в конце XVIII в. переживал только свое зарождение, а наиболее распространенным в это время был шелковый (шелкомотальный) промысел. Следствием этого факта стало существование небольших шелкоткацких заведений, производивших ленты и платки. В целом, промышленное производство в посаде в это время не стало ведущим видом деятельности. Существовавшие мелкие промышленные предприятия можно было пересчитать по пальцам, а объем их производства выражался в достаточно скромных денежных суммах.

Постепенно стал меняться внешний вид посада и уклад жизни его жителей. Перемена статуса поселения своеобразно сказалась на его благоустройстве. Ремонт мостов, до этого момента производившийся объединенными силами крестьян многих, принадлежавших монастырю поселений, после этого, как и другие работы по благоустройству, превратился в повинность населения посада. Одной из особенностей города этого времени было обязательное соблюдение правила застройки улицы фасадами домов в одну линию. Именно это правило начинает реализовываться в Сергиевском посаде практически сразу же после получения нового статуса, а именно после случившегося в 1783 г. пожара в одной из частей города — в Клементьеве. Другой особенностью внешнего вида городов было оформление въездов обязательными будками со шлагбаумами, означавшими границу городского поселения. Именно такое оформление въездов в посад был сделано в конце 90-х гг.

Сергиевский посад попал в сферу действия государственной политики придания регулярного внешнего вида городам и стал объектом проведения перепланировки. Это событие, ставшее обычным

в городах XVIII в., выявило разницу в праве крестьян и горожан на владение земельными (дворовыми) участками в пределах одного поселения. Пока поселение было сельским, все права на землю принадлежали крестьянской общине, а не отдельным жителям. После перемены статуса все жители посада, кроме крестьян, получили возможность зафиксировать свои права на них в полном объеме, т. е. перевести их в разряд частной собственности. К тому же, именно переменой статуса можно объяснить самую возможность поселиться собственными домами в посаде представителям разных сословных групп, в том числе и представителям дворянства.

Проводимая в Сергиевском посаде перепланировка предполагала осуществление преимущественно каменной застройки центра поселения купечеством. Выделение особых кварталов для домов штатных служителей было выражением все того же сословного принципа расселения жителей. Отсутствие должного материального достатка весьма своеобразно сказалось на осуществлении новой застройки. Было построено всего три каменных двухэтажных купеческих дома. При этом многие жители стали возводить деревянные дома на каменном фундаменте, которые также относились к городскому типу построек. Пожар 1792 г., предшествовавший началу реализации перепланировки, пощадил большую часть города. Этот факт парадоксальным образом замедлил интенсивность реализации проекта перепланировки. Многие жители прилагали максимум усилий для сохранения старых построек, ограничиваясь самым минимальным ремонтом ветхостей. Наиболее последовательно аналогичные работы происходили в Тихвинском посаде, полностью выгоревшем от пожара. К тому же новгородский губернатор Я. Е. Сиверс сумел организовать материальную поддержку и льготы жителям со стороны властей, что способствовало более полной и быстрой реализации проекта.

Другим важным новшеством, характерным именно для городов, стало устройство общедоступной школы. За очень короткий временной период в Сергиевском посаде поочередно существовали две школы. Первая — это школа старого образца, при церкви, без специально подготовленного учителя, с преподаванием по Часослову и Псалтыри, содержащаяся полностью за счет посадского общества. Вторая — новая школа, с профессионально подготовленным учите-

лем, с более широкой программой образования, имеющая материальную и моральную поддержку со стороны государства. Заметим, что первоначально новые школы устраивались в уездных городах. В данном случае, новая школа переместилась из уездного центра в посад и существовала до ликвидации Богородского уезда. Существование школы в Сергиевском посаде не было исключением. Имеются сведения о существовании школ в Холмском и Дубовском посадах.

Гораздо медленнее изменения происходили в домашнем быту жителей. Постепенно в быт горожан проникали такие знаковые вещи новой культуры как одежда нового европейского образца, часы, книги, хрустальная посуда, произведения светского искусства. Наиболее подверженными изменениям в этой сфере оказались мужчины, как люди более открытого общественного быта. Своеобразием одежды женщин Сергиевского посада было использование большого количества разнообразных жемчужных украшений и бытование особого вида распашного сарафана с красноречивым образным названием — растегай.

В целом же, момент смены статуса поселения означал начало формирования и развития особых городских форм жизни, которые возможны только при наличии юридического городского статуса. Среди них — формирование новых сословий, городских органов самоуправления, изменение прав жителей на земельные владения (дворовладения) в пределах городской черты, работы по перепланировке поселения и изменение принципа застройки, организация государственной школы. Другие изменения, происходившие в хозяйственной сфере и в быту, могли происходить как в городском, так и в сельском поселении, но городской статус предоставлял большую свободу для развития разнообразных форм экономики и проникновения новшеств в ежедневный быт.

Своеобразием же Сергиевского посада является универсальное влияние крупнейшего в стране монастыря буквально на все стороны жизни поселения — структуру населения, состав органов управления, особую ориентацию торговли, и, конечно же, доминирующее положение архитектурного ансамбля Лавры во внешнем облике поселения.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

ПОСАДЫ XVIII века

1. Большие Соли, посад — Костромская губ., Костромской у. — восстановлен посадом в 1761 г.
2. Верховажский посад — Вологодская губ., Вельский у. — упоминается посадом в 1750 г.
3. Гавриловский посад — Владимирская губ., Суздальский у. — с 1789 г.
4. Добрянка, посад — Черниговская губ., Городницкий у. — с 1775 г.
5. Дубовка, посад — Саратовская губ., Царицинский у. — с 1785 г.
6. Крохинской посад — Новгороская губ., Белозерский у. — с 1777 г.
7. Лудский посад — Архангельская губ., Архангельский у. — после 1762 г
8. Ненокский посад — Архангельская губ., Архангельский у. — после 1607 г.
9. Новая Прага, посад — Херсонская губ., Александровский у. — с 1785 г
10. Новоархангельск, посад — Херсонская губ., Елисаветградский у. — с 1764 г.
11. Новоукраинка, посад — Херсонская губ., Елисаветградский у. — с 1773 г.
12. Норская слобода, посад — Ярославская губ., Ярославский у. — втор. пол. XVI в.
13. Погорелое городище, посад — Тверская губ., Зубцовский у. — после 1708 г.
14. Пучежский посад — Костромская губ., Юрьевский у. — с 1793 г.
15. Сергиевский посад — Московская губ., Богородский у. — с 1782 г.
16. Сеитовский посад — Оренбургская обл., Оренбургский у. — с 1784 г.
17. Сольцы посад — Псковская губ., Порховский у. — с 1781 г.
18. Унский посад — Архангельская губ., Архангельский у. — упом. с 1762 г.

ПОСАДЫ, СТАВШИЕ УЕЗДНЫМИ ГОРОДАМИ

Вельский посад — Вологодская губ. — с 1780 г. уездный город
Лальский посад — Вологодская губ. — с 1780 г. уездный город
Тихвинский посад — Новгородская губ. — с 1773 г. уездный город
Крыловский посад — Херсонская губ. — с 1795 г. уездный город
Новомиргород — Херсонская губ. — 1784 г. уездный город
Молога — Ярославская губ. — с 1777 г. уездный город
Холм — Псковское наместничество — с 1777 г. уездный город

По материалам: *Шахор-Троцкая Л.А.* Алфавитный указатель населенных пунктов, описанных в изданиях: «Городские поселения в Российской Империи», «Военно-статистическое обозрение Российской Империи» и «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба» //Источники по истории населенных пунктов дореволюционной России. — СПб., 1996. Вып.1.; Городские поселения в Российской Империи. Т.I–VII. СПб., 1860–1865.

Приложение № 2

Список выборных Сергиевского посада[1]

Абакшин, Иван, мещанин– словесный судья 1790
Аверин, Егор, мещанин– словесный судья 1788
Ананьин, Иван — гласный в Думе 1795–1797. умер в 1796.
Антипин Иван, мещанин — словесный судья 1788
Антонов, Степан, купец — словесный судья 1790

Балашов, Петр, купец — купеческий староста 1783, ратман 1789–1791, ратман 1798–1800
Балашов, Семен — староста мещанский 1791
Баранов, Николай, — словесный судья 1789
Баранов, Иван, купец — словесный судья 1791
Бобарыкин, Сергей, мещанин — мещанский староста 1784
Бобков, Иван — староста мещанский 1795
Бочкин, Григорий — ратман 1782–1785, бургомистр 1795–1797
Бурдуньин, Федор, мещанин, купец — староста мещанский 1789,
гласный в Думе 1795–1797

Вашурин, Алексей — ратман 1792–1794
Володимиров, Алексей, купец — словесный судья 1795

Горбунов, Иван, купец — староста для сочинения обывательской книги 1785, ратман 1795–1797, градской глава 1798–1800
Губин, Гаврила, купец — купеческий староста 1786

Деревщиков, Тимофей — градской глава 1792–1794
Дерюзинский, Иван Михайлов, купец — купеческий староста 1798
Додин, Иван Семенов — бургомистр 1782–1785
Дудин, Василий, купец — словесный судья 1792
Дужихин, Спиридон — мещанский староста 1785
Дрищев, Сергей — ратман 1786–1788 (неграмотный)
Дурнов, Иван, цеховой — ремесленный глава 1788, 1794–1795
Дрогин, Яков, купец– словесный судья 1796
Дрозжин, Григорий, купец, — староста купеческий 1789, ратман 1795–1797 (в 1798 г. — мещанин)

Ерофеев, Андрей — бургомистр 1792–1794
Ерофеев, Егор Павлов, купец — градской глава 1782–1785, 1795–1797

Жуков, Яким — староста мещанский 1796

Заблиновский, Федор, купец — словесный судья 1791
Зяблов, Дмитрий, мещанин — мещанский староста 1787

---

[1] ЦИАМ. Ф. 73. Оп.1, Д. 410, 413, 415, 418, 423, 427, 430, 432, 436, 440, 445, 448, 451, 454, 458, 462, 465, 623.

Иванов, Иван, цеховой — ремесленный глава 1790

Камаев, Афонасий Михайлов, — словесный судья 1789
Каблушников, Иван, мещанин– словесный судья 1796
Кудашев Иван, мещанин — словесный судья 1787
Кузмичев, Емельян Степанов — бургомистр 1782–1785
Кузмичев, Алексей, купец– словесный судья 1784, ратман 1789–1791
Кузмичев, Петр, купец — словесный судья 1797
Коптелин, Афанасий — ратман 1782–1785 (умер 21 октября 1785 г.)
Коптелин, Григорий, купец — купеческий староста 1797
Костин, Иван — ратман 1789–1791
Косточкин, Иван — староста мещанский 1790, гласный в Думе 1795–1797
Коновалов, Дмитрий — староста купеческий 1793, ратман 1798–1800

Лаптев, Михаил — посадский глава 1786–1788
Латкин, Матвей — ратман 1786–1788 (неграмотный)
Лошкарев, Сергей, мещанин — словесный судья 1796

Малютин, Герасим, цеховой — гласный в Думе 1797
Матвеевский, Михаил — ратман 1782–1785
Мамаев, Алексей — ратман 1792–1794 (неграмотный)
Максимов, Тимофей — словесный судья 1785
Молостовкин, Иван — староста мещанский 1794
Мокеев, Алексей– ратман 1792–1794
Москалев, Прохор, купец– словесный судья 1784
Москалев, Сергей — купеческий староста 1799
Михайлов, Афанасий — выбран для бракования товаров 1785
Медведев, Петр, купец — градской глава 1789–1791
Мурыгин, Илья, купец — ратман 1795–1797 (неграмотный)

Никитин, Петр — посадский староста 1782–83 гг.
Никитин, Андрей, мещанин — словесный судья 1794
Низяев, Яков — бургомистр 1792–1794
Носков, Данила — староста купеческий 1791

Овчинников, Алексей, купец — купеческий староста 1787, ратман 1792–1794 (женат на внучке Никиты Солодовникова)
Оголин, Иван– крестьянский голова 1783 г.
Оконнишников, Иван, мещанин — мещанский староста 1788

Павлов, Егор — см. Ерофеев, Егор Павлов
Пролубщиков, Михаил, купец — словесный судья 1786
Пролубщиков, Степан — купеческий староста 1796
Прокофьев, Лукьян, — бургомистр 1786–1788
Прокофьев, Савва Лукин, купец — ратман 1795–1797, бургомистр 1798–1800
Полыньин, Леонтий — ратман 1786–1788
Посошков, Павел, цеховой — ремесленный глава 1796
Портнов, Иван, купец– гласный в Думе 1795–1797

Рындин, Тимофей, цеховой — ремесленный глава 1785–1787
Рычков Алексей — мещанский староста 1797

Свиньин, Сергей — староста мещанский 1793
Селецкой, Иван, купец — купеческий староста 1788
Селецкий, Алексей Иванов, купец — словесный судья 1792, умер в 1792 г.
Сергеев, Василий, купец — купеческий староста 1785
Сергеев, Павел, купец — староста купеческий 1790
Сергеев, Иван, купец — словесный судья 1794
Серебренников, Иван, купец — купеческий староста 1784, ратман 1798–1800
Степанов, Сергей, купец — староста купеческий 1782
Солодовников, Никита — бургомистр 1786–1788
Стромынцов, Сергей, цеховой — ремесленный глава 1789

Тарбинский, Дмитрий, купец — ратман 1782–1785, бургомистр 1795–1797
Трегубов, Иван, купец — бургомистр 1789–1791, 1798–1800
Тимофеев, Иван– ратман 1789–1791
Толсхухин, Петр, купец — словесный судья 1792
Толстухин, Иван, купец — словесный судья 1786, ратман 1798–1800
Токарев, Прохор — мещанский староста 1798

Хвастунов, Степан — депутат для сочинения обывательской книги 1785, бургомистр 1789–1791.

Челпанов, Василий, мещанин — словесный судья 1795

Шапошников, Иван, купец — купеческий староста 1795
Шумихин, Тимофей — ратман 1786–1788, ратман в 1797 вместо выбранного в градские головы Ивана Горбунова (неграмотный)

Щепетилников, Степан Прокофьев — мещанский староста 1782–83 гг.

Яринский, Семен — староста мещанский 1792

Приложение № 3

Документ 1

Донесения от генерал-фельдмаршала и в Москве Главнокомандующего графа Захара Григорьевича Чернышева по Московской губернии. 1782 г.

(РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.537)

Всемилостивейшая Государыня

Во исполнение высочайшего Вашего императорского величества указа в 22 день минувшего марта о дозволении записаться в купечество и мещанство желающим 1–е живущим в слободах, близ Святотроицкой Сергиевской лавры лежащих, непахотным жителям…; всеподданейше подношу при сем ведомость о числе записавшихся в купечество и мещанство в оных селениях.

Вашего императорского величества
всеподданейший раб
граф Чернышев

В Москве
майа 11 дня 1782 г.

(Л.31)

Ведомость

о числе записавшихся в купечество и мещанство живущих 1–е в слободах близ Святотроицкой Сергиевской лавры лежащих непахотных жителей

1–е. В лежащих близ Святотроицкой Сергиевской лавры в слободах из бобылей	**В купечество**	**В мещанство**	**Затем остались В прежнем состоянии**
	187	105	26
Из непахотных захребетников	19	19	14
Успенского прихода из непахотных	10	26	9
Воскресенского	9	90	85
Введенского	5	21	16
Ильинского	4	66	28
Рожественского	–	22	14
Вознесенского	–	45	9
ИТОГО	234	394	201

В том числе во 2–ю гилдию 37, а остальные 197 в 3–ю, объявили капитала 46117.

Граф Захар Чернышев

(Л.32)

Документ 2

Ведомости из городовых магистратов о количестве по городам Клину, Можайска, Дмитрова и др. купечества и мещанства. 1785 г.

(ЦИАМ. Ф.45. Оп.1. Д.311.)

Московского губернского магистрата
в 1 департамент
из ратуши Сергиевского посада
Рапорт о действительном исполнении
по присланному указу

Ея императорского величества указом Московского губернского магистрата из 1 департамента полученным сего февраля 9 числа велено о числе купечества и мещанства по нынешней четвертой ревизии состоящем о промыслах их и торгах о упражнении мещанских о фабриках о рукоделиях ремеслах и о количестве платежа в казну сочиня сведение доставить в означенной департамент как наискорее.

И во исполнение онаго ее императорского величества указа сия ратуша о предписанном сочиня ведомость представляет при сем февраля 17 дня 1785 года.

Ратман Дмитрей Тарбинский
(Л.30)

Ведомость

Ратуши Сергиевского посада коликое число во оном состоит по нынешней четвертой ревизии и вновь прибылых купцов и мещан каковой имеют промысел и торги и упражнения мещанские и какой со оных платеж в казну состоит

	Число душ	От купцов объявлено капиталу	Собирается в казну дохода		
		Рублей	Рублей	Коп	
Купцов					Оной в казну доход состоял в 1783 году, а в 1784 году имелся против того с прибавлением 21 руб. 30 коп. и посему оное того дохода количество на всегдашнее время за перехождением ежегодно из мещан в купцы и из купцов в мещане утвердить ратуша точно не может
По ревизии показанных	400	87002	870	2	
К тому прибылых	20	4080	40	80	
ИТОГО	420	91082	910	82	
Мещан					
По ревизии показанных	392	_	470	40	
К тому прибылых	45	_	54	_	
ИТОГО	437	_	524	40	
ВСЕГО	857	_	1435	22	

(Л.31)

Какими торгами и упражнениями имеют промысел

1. воском
2. деланием и золочением свеч восковых
3. красным и щепетилным товаром
4. виноградными напитками
5. овощным и москателным товаром
6. хрусталною фарфоровою }
7. каменною и деревянною мелочною} посудою
8. деланием золотых, серебряных и медных вещей
9. хлебными мушными и крупяными припасами в том числе солодами с отпуском онаго в Санктпетербург и в другие окрожные посада города
10. овсом и сеном
11. хмелем
12. мясными }
13. рыбными} припасами
14. калачами хлебами пряниками
15. харчевыми мелочными припасами
16. лесными припасами
17. кирпичными заводами
18. кожевенным товаром
19. железного дела вещами
20. сыромятным товаром
21. литьем салных свечь

(Л.31 об.)

мастерствами

22. иконописным и живописным
23. портным
24. сапожным
25. шапошным
26. рукавишным
27. столярным
28. коретным
29. оконичным
30. плотничьным
31. кузнечным
32. слесарным
33. щекотурным
34. изразешным
35. поваренным
36. садовенным
37. скорняжным
38. крашением холстов
39. переплетным книжным
40. скавыванием разбитой фарфоровой посуды
41. тканьем шелковых платков

42. тканьем позументов
43. мотанием на фабриках шелку
44. сиделцами в разных московских торговых рядах

(Л.32)

45. зделанием разной деревянной мелкой посуды и крашением оной
46. маркитентерством и торговлею в отдаленных городах и при полках разными припасами
47. содержанием в домах фабрик для мотания забираемого от московских купцов шелку сырцу
48. содержанием герберга
49. содержанием постоялых дворов с продажею фуража
50. извозничеством в далние места
51. пазбою в разных селениях у жителей скота
52. земляною и протчею разною черною работою

да сверх того в том же посаде имеются посторонних людей фабрики для мотания шелку сырцу 4, для делания из меди купороса 3, да полотняная тканием тику, ревендуку и прочего одна.

(Л.32 об.)

Н.А. ЧЕТЫРИНА

СЕРГИЕВСКИЙ ПОСАД В КОНЦЕ XVIII ВЕКА
(Посад как тип городского поселения)

Компьютерная верстка и техническое редактирование — С.П. Щербина

ISBN 5-91022-040-3

9 785910 220403

Подписано в печать с оригинал-макета 17.10.2005
Формат 60×80 (1)16. Усл. изд. л. 20,0
Тираж 1000 экз. Зак.

Научно-исследовательский центр АИРО–XXI
E–mail: airo@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru